

JK et Clemens

Ugnu myga, zge mbi

Алиса Куликовская, сама того не зная, стала игрой двух мальчишек. И потеряла все, что было ей дорого, расплатившись за чужие ошибки. Но как быть, если теперь уже жизнь играет второй раунд, столкнув ее вновь с тем, кого она считает виновником? И ей только предстоит понять, насколько он виноват.

Можно ли простить предательство и собственную смерть? Можно ли среди боли и воспоминаний найти место для любви и жизни? Наши герои попытаются.

- [JK et Светлая](#)
-
-

JK et Светлая

Идти туда, где ты

Аннотация

Я строю мысленно мосты,

Их измерения просты.

Я строю их из пустоты,

Чтобы туда идти, где ты.

Мостами землю перекрыв,

Я так тебя и не нашел.

Открыл глаза, а там обрыв,

Мой путь закончен, я пришел

© *Валентин Гафт*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Июль 2004 года, Санкт-Петербург

Их четыре встречи

Когда от духоты плаваются мысли, это едва ли можно назвать приятным. Они, будто растаявший шоколад, сладкой и липкой массой заливают микросхемы, отвечающие за мышление. На первый взгляд совершенно невозможно понять, подлежат ли те очистке и восстановлению. И обратимы ли последствия.

В интервалах между дождями жарило адски. Предыдущий только окончился. Следующий еще не начался. Но начнется обязательно – город на Неве, твою мать. И эта духота – систематическая аномалия пусть и посреди лета. Поправка. Северного лета.

Илья уныло взирал на длинные ряды машин впереди себя и мысленно матерился. Иногда ему казалось, что жизнь – это пожрать, поспать и постоять в пробке на Литейном мосту. Радио весело орало что-то условно позитивное голосом одного из братьев Кристовских. И это так не вязалось с предельно размеренным движением на дороге, что начинало раздражать. Но, разумеется, в тишине стало бы еще хуже.

Потому полез в карман за сигаретами. Он курил не очень часто, но всегда – со скуки. И, хотя его ареал обитания возможности скучать почти никогда не предоставлял, моментами все же случалось. Приоткрыл окно, потянулся к бардачку в поисках зажигалки и на мгновение замер.

Его цепкий взгляд выхватил ее моментально. В толпе людей на остановке. Кажется, снова начинало накрапывать, зонты стали раскрываться подобно ярким цветам. Девушка была без зонта. И безрадостно смотрела на поток машин – ждала троллейбуса. А такими темпами тот придет еще нескоро. Имокнуть ей, сердечной, под дождем в босоножках на высоких каблуках, в невесомом платьице, скорее напоминавшем длинную рубашку. И с вечерним макияжем, у которого крайне мало шансов уцелеть. Илья медленно усмехнулся, неторопливо поднимая глаза от стройных ног по тонкому и аппетитному телу к лицу. Впрочем, при таких формах лицо имело уже второстепенное значение.

Хмыкнул. Сойдет.

Пробка снова чуть сдвинулась, и он воспользовался поводом, чтобы резко сманеврировать к остановке и остановиться прямо перед вот-вот отсыреющей барышней.

Его эффектному трюку вторил дикий визг, раздавшийся будто бы из-под самых колес, и еще через мгновение в открытом окне показалась разъяренная мордашка девчонки, отирающей со щеки жидкую грязь.

- Вы совсем очумели? – зло спросила она.

- Простите! – сплеховал от неожиданности Илья. – Грязь!

- Конечно, грязь! На моей футболке и джинсах! И все благодаря вам!

- Ну я ж не нарочно! Вы-то чего к самой дороге подошли? Не видели, что ли, какая тут лужа?

- Тут везде лужи, не летать же мне, - не унималась девчонка, хмуро разглядывая заляпанного грязью медведя у себя на животе.

- На пешеходную зону я не заезжал! – хохотнул Илья.

На них весело косились люди вокруг. Сыреющая барышня при ближайшем рассмотрении казалась еще привлекательнее. Наверное, потому что улыбка на ее лице была адресована ему.

Ему же было адресовано и пыхтение заляпанной девчонки.

- Крайне слабое утешение, - фыркнула она и неожиданно всхлипнула: - И вот что мне теперь делать!

- Подвезти вас, что ли? – теперь уже он тоскливо заглянул ей за спину. Первопричина его неудавшегося маневра с печальными последствиями теперь маячила несбыточной надеждой.

- Мне в другую сторону!

- Откуда вы знаете, в какую сторону мне?

- Да без разницы, - отмахнулась девчонка и отошла от машины.

Но это было уже делом принципа. Илья вывалил на улицу и по лужам прошлепал к ней, вынимая из кармана бумажник.

- Ну химчистку хоть оплатить вам позволите? – отдавая себе отчет, что начинает играть на публику, поинтересовался он.

- Без химчистки справлюсь.

- Я же сказал – я не нарочно!

- Да отстаньте вы от меня, псих какой-то.

- Детский сад! – не остался в долгу Илья, чувствуя некоторое облегчение от того, что «пострадавшая» скомандовала отбой.

Зато девица без зонтика передислоцировалась чуток ближе к поребрику. И делала вид, что высматривает транспорт. И правда, троллейбус неминуемо приближался. Народ благополучно отвлекся от шоу в исполнении Ильи Макарова и безвестной чумазой его стараниями девчонки, нацелившись на работу локтями в обозримом будущем. У него оставался последний шанс сделать так, чтобы все происходящее было не зря. И он пошел напролом.

В момент оказавшись возле перспективной в смысле нынешнего вечера девушки, выдал:

- Принц на белом бумере лучше общественного транспорта, не находите?

- И правда, - хлопнула длинными ресницами барышня.

- И даже похитить себя разрешите? Сами видели, какие преграды пришлось преодолеть на пути к вам!

- Да тут все видели, - она весело рассмеялась.

- Ну так что? – расплылся он в улыбке. – Вознаградите мои усилия?

- Ехать далеко.

- Да хоть на край света... Или в Сосновый Бор!

- Ну давай...

Практически запихнув девушку в машину, Илья только усмехнулся себе под нос. Капитуляция случилась несколько скорее, чем он рассчитывал. Братья Кристовские в

магнитоле сменились Ромой Зверем, добыча любопытно разглядывала салон. А Илья, прежде чем вырुлить обратно на дорогу, зачем-то оглянулся на «пострадавшую». Она стояла, сунув руки в карманы грязных джинсов, и подставила лицо редким каплям дождя, снова посыпавшимся с неба, не обращая внимания на подъезжающий троллейбус и суетящихся людей. Илья запоздало заключил, что все-таки надо было ее подвезти, но радио радостно голосило: «Не надо думать, что все обойдется, не напрягайся, не думай об этом».

На том и порешил, вливаясь в стройный ряд автомобилей, ползущих по Литейному мосту.

Конечно, это был не Сосновый Бор. Вполне себе обозримая окраина. Но и никакой экзотики - сплошная дань пошлым традициям всякого большого города. Обычный спальный район, обычный многоквартирный дом-скворечник с обычной высококультурной скво откуда-то из Нижнего Тагила, кажется, и обычный секс, на качестве которого Тагил определенно сказался. Девушка с Урала очень старалась.

И не оставляла иллюзий на тему того, что ей от него нужно. Конечно, иномарка и бабки у двадцатилетнего сопляка внушали некое благоговение угнетенному классу, даже если тот косил под интеллигенцию.

Вся интеллигентность закончилась в ту минуту, как она сунула ладонь к нему в джинсы, уже изрядно накачавшись в клубе текилой.

Хотя в целом это был среднестатистический вечер в конце недели. Не то чтобы изнуряющей, но весьма энергозатратной.

Илья проснулся поздно. В занавески лился солнечный свет, заставляя его зажмуриться. Девушка возле него мирно посапывала. С плеча ее сползла простыня, обнажая молочно-белую кожу и часть груди. Макаров весело усмехнулся и потянулся к джинсам, валявшимся где-то на полу. Получилось почти бесшумно.

Аня (или Наташа?) только чуть громче вздохнула, но не проснулась.

Между тем, порывшись в карманах, Илья извлек телефон. Опустил джинсы обратно на пол и, покопавшись в меню, включил камеру.

Оставался последний штрих. Вне всяких сомнений, самый важный.

Сфокусировав камеру на спящей красавице, принц, вместо того, чтобы пробудить ее поцелуем, сделал пару снимков. Звуковой сигнал телефона, имитирующий звук затвора фотоаппарата, показался очень громким. Но вышло более чем живописно.

Заодно и красавица проснулась.

- Что это ты делаешь? - живенько поинтересовалась барышня, легко изобразив позу из популярного журнала для мужчин.

- Ты такая красивая, когда спишь! - с улыбкой выдал Илья тоном отличника-зубрилы, сделав еще фото, и добавил: - И, по-моему, мы проспали твою работу.

- Если ты меня подвезешь, то я успею.

- И тогда я опоздаю в универ. А у меня сегодня монстр отчет по практике принимает.

-А если потом... ну, как-нибудь... пересдать?

- Смешно! -хохотнул Илья. -Давай я тебе лучше на такси оставлю?

- Вечером пересечемся? - спросила Наташа (или все-таки Аня?), потянувшись к нему.

Вконец запутавшись, как ее зовут, он широко улыбнулся и нежно ответил:

- Детка, давай ближе к следующим выходным. Эти заняты, а неделя обещает быть адовой.

- Я буду ждать, - проворковала барышня. - Расслабимся вместе.

- Обязательно. Я тебя наберу, как только чуток выдохну! - сообщил Илья, выбираясь из-под одеяла и снова поднимая с пола джинсы. В конечном счете он действительно катастрофически опаздывал на самую важную встречу за последние семь дней.

Выкатившись из объятий и лежбища уральской красавицы и отказавшись от завтрака, которым она его соблазняла, он только глянул на часы и недовольно крякнул. Прикинул, что домой заезжать переодеваться вообще уже смысла не имеет. Потому, едва оказавшись в машине, газанул в сторону центра. В универ ему действительно было надо. Хотя до консультации все еще оставалось время. Да,

да. Консультации, а не защиты.

Но был еще Логинов, который, сцуко, ждет!

И, пожалуй, его физиономия в момент раскрытия карт - это то, ради чего действительно стоило расстараться. Тут даже Тагил прокатит.

Влетев в кафе через дорогу от университета, Илья оглянулся по сторонам. Никитос сидел за их обычным столиком и преспокойно наяривал какой-то фруктовый чай.

Макаров хмыкнул себе под нос и уселся на соседний стул, провозгласив вместо приветствия:

- Восемь!

- Чем докажешь? - ухмыльнулся Никита.

- Как договаривались. Щелкал каждую, - Илья протянул ему телефон и добавил: - В галерею полистай. В инфе можешь даты глянуть. Тебе понравится. Рекомендую четвертую. Запомнилась.

- А восьмая нахрена? - Логинов с интересом рассматривал фотки.

- А потому что не слабо было. Результат закреплял.

- И как закрепил?

- Ей понравилось.

- Вот и скажи старшему брату спасибо, - рассмеялся Никита и бросил телефон обратно Илье. Тот подхватил его и сунул в карман.

- Спасибо, - вежливо ответил он и усмехнулся. - На карусельке покатался.

- Пожалуйста. Ты с детства любил каруселить. Фиг когда остановишься.

- Доживу до твоих лет, стану степенным и солидным, - рассмеялся Илья. - А пока догнать и перегнать наша цель.

Разница между ними была в год с копейками. И если Макаров только окончил четыре курса и теперь балдел на практике, то его старший двоюродный брат Никита Логинов уже год как трудился в какой-то крупной судостроительной компании по протекции отца. Илья никогда не задумывался, где и кем. Они росли практически вместе. После преждевременной смерти сестры, Евгений Степанович Макаров частенько забирал к себе племянника. Родной отец делал для Никиты все, что возможно, но со временем у него появилась своя семья, а у сына - мачеха. Потом он переехал в Москву, а Никита остался в Питере. Отношений между Логиновыми и Макаровыми это не испортило, хотя и несколько изменило. И как-то само собой стало разумеется, что где Илья, там и его старший брат. Мальчишки дружили всю жизнь. Даже учились сначала в одной школе, а потом и в одном ВУЗе. И при этом совсем не походили друг на друга. Ни внешне, ни по характеру. Наверное, потому что оба пошли в

своих отцов. Светло-русый мальчишка с улыбочивым лицом, тянувшимся в рост с невероятной скоростью, начиная с двенадцати лет, Макаров теперь был уже на целую голову выше жгучего Логинова, давным-давно замершего на своих «метрсемиьдесятдва». Но вниманием противоположного пола были избалованы оба - все с той же школьной скамьи. Секретов у них друг от друга не было. От предков - были. Но только общие. Напитки предпочитали разные. Илья мог вливать в себя все, что горит, и долго не пьянеть. Никита - пил только хорошие вина. И после третьего бокала всегда сообщал, что ему достаточно.

Макаров гонял на бумере и любил немецкие машины. Логинов - был всеяден, лишь бы ездил. Девушек никогда не делили. В кормушки их тоже тянуло разные.

И, тем не менее, их дружба длилась уже много лет, и никакие новые интересы не могли ее перечеркнуть. Тем более, что старые все еще увлекали.

- Между прочим, - деловито сообщил Илья, - моя очередь.

- Твоя, твоя, - мирно кивнул Никита. - Придумал?

- Пока думаю. Хрен тебя на слабо возьмешь. Тут что-то грандиозное надо.

- Это ты меня сейчас пугаешь?

- Это я тебя сейчас пытаюсь держать в тонусе. - Да и без тебя справляюсь, - рассмеялся Никита.

- Поглядим, чего скажешь, когда придумаю, - подмигнул Илья, потом поймал пробежавшую мимо официантку, заказал кофе с каким-то салатом, и, наконец, включил родственника: - Я тут с отцом говорил на днях. Он выдал, что взял бы тебя к себе, если ты захочешь, на международные контракты. Стажировка за границей, высокая зарплата, чего-то еще, не помню...

- Спасибо, конечно. Но я сам. Вот закончишь универ - и пойдешь к нему.. на международные контракты.

- Спорим, из нас двоих на него трудиться целесообразнее тебе? Я туда не поеду.

- Да ладно, - включил в свою очередь Никита «старшего брата», - ты наследник его царства. Он тебя возьмет куда угодно и когда угодно.

- Это основная причина, по которой мне бы этого не хотелось. Наследник, блин. Квартиру смотреть со мной поедешь? Они с маман решили мне на двадцать один год surprise преподнести, - Илья вытащил из кармана ключ и положил перед Логиновым. - Или себе, чтобы выдохнуть.

- Поеду. Заценим твой стратегический объект.

- Тогда я сейчас к своему монстру сгоняю. А потом ко мне. Подождешь?

- Типа есть варианты, - Никита пожал плечами и удобнее развалился на стуле. - Подожду.

Ждать пришлось долго. Монстр решил оттянуться на полную катушку, подробно объясняя каждому студенту, почему у него нет шансов нормально и без эксцессов защитить отчет по практике.

В сущности, Илье было пофигу, он мог вообще не приходить, и ничего глобального не произошло бы. Но сердить монстра тоже не особенно хотелось. Доложит отцу - они дружили. Евгений Степанович вообще впечатлял своим умением дружить с самыми внезапными людьми. И Илья Макаров прекрасно понимал, что в СПбГУ у него не было шансов не поступить при таком дружелюбном папе.

Отрабатывал повинность. Отчет был готов только наполовину. И когда появится время его дописывать, не имел представления. Как-то закурилось все с этой игрой, за которую

следовало сказать Нику отдельное спасибо. Они играли так уже лет семь. Просто на слабо. Начинили с дурацких заданий, типа влезть на крышу и покуракаться, или кто кого перепьет. Но чем больше выросли, тем более «взрослыми» становились задания. И удивлять с каждым разом было все труднее. Всякое движение и всякий вызов Илью вдохновляли, будто он искал выхода собственной энергии.

Потому, пожалуй, отчет по практике представлялся куда менее заманчивым предприятием, чем соблазнение семи девушек за семь дней. Вернее, восьми. Но это уже личная инициатива. А демонстрация Нику новой квартиры, где ему предлагалось жить одному, определенно была предпочтительнее абсолютно бесполезной консультации.

Едва та закончилась, Илья вылетел в холл, где толпилась стайка абитуриентов, разыскивая собственные фамилии на стендах со списками поступивших. Илья пронесся мимо них, подлетел к тяжелой входной двери в здание и, что было духу, долбанул по ней, открывая.

- Блиииин, - раздался человеческий стон в унисон скрипу двери.

Стон принадлежал девушке, отчаянно потиравшей локоть, по которому явно пришелся удар дверной ручкой.

- Неужели нельзя аккуратнее? - спросила она и резко развернулась, от чего так же резко подпрыгнул ее перекрученный восьмеркой хвост русого цвета.

И ошалело замолчала. В глазах ее блестели слезы. Не менее ошалело уставился на нее Макаров, пока его не толкнул в спину кто-то, кто следом выходил из корпуса экономического факультета, и он не оказался носом к носу с девчонкой.

- Опять ты! - только и выдохнул Илья.

Она глянула на него исподлобья, поджав губы, и огрызнулась:

- Ничего не опять!

- Ну а нафига под дверь стояла? Могли и сильнее шандарахнуть!

- Конечно, здорово, когда виноват кто-то другой.

- Слушай, успокойся, а! Я и в прошлый раз не нарочно, а сейчас-так вообще... Она кивнула и снова потерла локоть, шмыгнув носом. Илья внимательно осмотрел ее, видимо, на предмет повреждений. Но, похоже, пострадала только рука. Потом задержался на лице. Лет семнадцать-восемнадцать, не больше. Значит, абитуриентка. Если бы она училась, вряд ли он бы ее пропустил. Первокурсниц обычно без внимания не оставляли. Так или иначе, они «состояли на учете». Эта была хорошенькой, несмотря на покрасневшие глаза. Медово-карие их радужки казались очень яркими в контрасте с бледной кожей. Может быть, еще и потому, что глаза под удивленно изогнутыми бровями-домиками были большими, чуть вытянутыми, обрамленными темными длинными ресницами. А еще он обратил внимание на ямочки на щеках. Даже когда она не улыбалась, они были намечены двумя тенями. Нижняя губа, сейчас почти обиженно выпяченная, пухлее верхней. И несмотря на свой надутый вид, она показалась ему очень привлекательной, чего он совсем не разглядел при их первой встрече.

- Больно?-сочувственно поинтересовался Илья.

- Можно подумать, вас это волнует, - еще сильнее насупилась она и отвернулась.

- Если там ушиб, то надо что-то холодное... Что ты невезучая такая, а?

- Сама разберусь, - буркнула девушка, проигнорировав его замечание о невезучести.

Хотя именно это с ней и происходило последнее время. И локоть - это еще не самое обидное за сегодня. Куда хуже, что она не увидела своей фамилии в списке поступивших. Может, и правда, невезучая. Девушка вздохнула и медленно побрела по аллее.

- Давай я тебя домой хоть подвезу, а? Или куда тебе надо? - не отставал Илья, ломанувшись за ней и совсем позабыв и про Никитоса, и про квартиру. Девчонку почему-то стало жалко.

- Вы правда псих? - спросила она, ускоряя шаг.

- Нет. Просто боюсь, вдруг точно кто пришибет.

- Я не буду подходить близко к бордюру и стоять у дверей. Так что шансов нет.

- Что ж ты упертая такая, а?

-А, по-моему, это не я упертая...

-Да?

-Да! Отстаньте, пожалуйста.

- Вот чудо! - раздалось ей вслед, но, кажется, он все-таки внял ее просьбе и действительно отстал.

Локоть больше не болел, или она просто перестала обращать на него внимание. Устроившись у окна в электричке, Алиса Куликовская думала, как сильно мама расстроится, узнав, что дочка не поступила. Это было главной заботой Любови Михайловны - чтобы Алиса получила высшее образование. Да и отец всегда повторял, что сделает для этого все возможное. Успел немного - несколько лет назад однажды вернулся с работы, присел отдохнуть в кресло, пока мама хлопотала с ужином. А через два часа в их небольшой квартире уже деловито распоряжались работники ритуальной службы.

В выпускном классе Алиса занималась на подготовительных курсах, ходила к репетитору по математике и русскому, а в результате... А в результате подвела и отца, и мать, и целый год потерян - платное обучение ей не по карману.

«Нечего было на Большой замахиваться», - ворчала про себя Алиса, безрадостно разглядывая многолетние сосны Бернгардовского леса, пробегающие мимо, и обреченно осознавая новую проблему. Нужно искать работу. Не сидеть же целый год на шее у матери. По выходным продолжит штудировать учебники. И на курсы можно снова ходить, если получится совместить.

Под подъездом встретила баба Зоя, жившая в доме со дня его заселения. Как и положено старожилам, знавшая всё и про всех.

- Ну как, Алиска, поздравлять? - поинтересовалась старушка. Девушка отрицательно мотнула головой.

- Вот жеж! Люба расстроится... Алиса со вздохом кивнула.

- Везде вымогатели, - со знанием дела заявила баба Зоя, -денег хотят! Пожав плечами, Алиса ретировалась в подъезд.

- Мааам... - грустно протянула она, входя в квартиру и чувствуя запах пирога. Любимая шарлотка.

Любовь Михайловна показалась в прихожей в ту же минуту, снимая через шею передник и весело улыбаясь. И, совсем как баба Зоя минутой ранее, практически не сомневаясь, спросила:

- Ну как, Алиска? Поздравлять?

- Неа, - стягивая кроссовки, вздохнула дочка. - Не поступила. Мать тихо охнула и непонимающе уставилась на нее.

- Ну вот не поступила, - буркнула Алиса и потопала на кухню.

Любовь Михайловна засемила следом, то ли не решаясь что-то сказать, то ли не имея представления, о чем вообще можно говорить. Некоторое время они молчали. Но, в конце

концов, мать не выдержала:

- Ты ж говорила, что уверена была в заданиях!

- Я была уверена. Может, ошиблась где, - Алиса сосредоточенно разглядывала стол. -

Может, еще чего...

- Чего еще-то? Вот чего? Ты ж на курсы ходила, занималась! Не могла чего попроще выбрать, надо было туда обязательно? - в голосе матери определенно начали проскальзывать истеричные нотки. - Я же тебе говорила, предупреждала!

- Предупреждала... На следующий год снова пойду. Может, и правда, чего попроще... Ты только не нервничай, мам. Хорошо все будет.

- Да что будет-то, Алис? Куда теперь? Целый год не пойми как болтаться?

- Работать пойду, - заявила дочь.

- Куда работать, Господи! Кому ты сейчас нужна? Полы мыть? Или на рынке стоять?

- Не впадай в крайности. Танька Пархоменко на заправке работает в районе Дороги жизни. Говорила, у них в магазине место есть.

- Ой, Алиска, - мать присела на стул. - Ты сама-то как? Нормально?

- Ну а что делать-то? Или я первая, кто не поступил. Бывает...

- Вот же стальные нервы! Капель мне накапай. Там, в шкафчике... А то прям давит.

Алиса вскочила, метнулась по кухне и протянула матери стакан.

- Не нервничай, пожалуйста. Поступлю. И закончу. И работу хорошую найду. Да и вообще, главное, что все живы и здоровы, правда? - она обняла мать за шею и поцеловала в щеку.

Любовь Михайловна покрепче прижала к себе дочь и тихо сказала:

- Да я знаю, что ты умница. Потому и страшно за тебя. Обидно, если не получится.

- Получится, - уверенно отозвалась Алиса. - Что там у нас? Пирог, да?

- Пирог... Я еще вина взяла, хотела Виталика позвать... Теперь не буду. Виталика Алисе сватали второй год подряд. Пока безуспешно. Он был внуком бабы Зои и курсантом-второкурсником Военно-морского политеха.

- По-моему, ему все равно с кем пирог лопать. Хоть со студенткой, хоть с дворничихой, - рассмеялась Алиса.

- Алиса! В дворничихи не пушу! Спрошу свою кадровичку на работе, может, на какие бумажки тебя посадить. Вдруг что найдется.

- Ладно, ладно... Не пойду в дворничихи. Зови своего Виталика. Будем... будем пирог есть с вином.

- Нет, пирог-с чаем. Ас вином мясо. Сейчас поставлю. Алис, обещай мне, что все будет хорошо, а?

Иногда Любовь Михайловна по своему мировосприятию казалась младше собственной дочери. И когда в жизни происходило что-то, что выбивало ее из колеи, она терялась. Раньше плечо подставлял отец. Теперь - Алиса. И неважно, что это с дочкой случились неприятности - утешения требовала ее мать.

Будильник зазвонил в 6:30. Смена начиналась в 8:00. В хорошую погоду Алиса ходила на работу пешком, что было привычно в таком небольшом городе, как Всеволожск. Только вставать приходилось пораньше. Но накануне Виталик уговорил сгонять в кино, вернулись поздно, после она засиделась над учебниками, решив, что утром поедет на маршрутке. Как в

воду глядела. За окном по начавшей желтеть листве шумел ливень, градусник настраивал на пессимистичный лад, и, руководствуясь здравым смыслом, Алиса зашуршала на антресолях в поисках резиновых сапог.

На почте, где работала Любовь Михайловна, ничего не нашлось, и потому Алиса вернулась к плану А - позвонила Таньке. Составила резюме, сходила на собеседование, прошла обучение. И теперь в трудовой книжке Куликовской значилась первая в ее жизни должность - оператор АЗС. Отдыхать особо не приходилось: топливо отпусти, чистоту наведи, хот-дог сделай. Но платили стабильно - два раза в месяц, как обещали.

В маршрутку набились мокрые и сердитые люди. Лениво переругивались и активно обсуждали последние новости. Алиса, устроившись в дальнем углу салона, безуспешно пыталась читать «Экономическую теорию». И нужную остановку встретила со вздохом облегчения, едва ли не радуясь предстоящему рабочему Дню.

Хотя чему тут было радоваться? С утра принимать бензовоз, потом раскладывать вчерашний товар - наверняка Петруня ничего за ночь не сделал. Лентяй был редкостный, но приходился каким-то дальним родственником кому-то из руководства. И главная его задача заключалась в «присутствии на объекте». Еще придется мыть едва ли не за каждым нагоявшимся по плиткам пола молочного цвета. Где только они умудряются грязь находить, если едут в машине, а перед заправкой огромный навес? Вопрос оставался риторическим. К обеду удалось присесть. Налив себе кофе и прихватив бутерброд, подсунутый мамой в рюкзак, Алиса уткнулась в учебник. Самое большее минуты через три над входной дверью зазвонил колокольчик, и от прилавка раздалось:

- Здравствуйте! Минералку без газа, один эспрессо и один капучино!

- Добрый день! - вскочила Алиса, следом трепыхнулись две косички, отчего она походила на девчонку, только-только перешедшую в старшую школу. Привычно поставила стаканчик в кофемашину и нажала нужную кнопку, глядя на темную струйку. - У нас маффины свежие. И вкусные.

- Давайте ваши маффины, - донеслось до нее, и повисла пауза. А потом растерянный голос добавил: - Еще немного, и я подумаю, что это судьба.

- Тогда она у вас хромая, - усмехнулась Алиса, кинув быстрый взгляд на посетителя. - Маффинов сколько?

Поставила перед ним эспрессо, и теперь машина старательно наливала в новый стаканчик капучино. Псих с Литейного, а это был именно он, внимательно смотрел за ее движениями, будто раздумывал на тему необходимого количества маффинов. И, наконец, спросил:

- Большие?

- Кому как, - ответила Алиса, покосившись на витрину.

Илья проследил за ее взглядом, кивнул и по-дурацки выдал:

- А я тебя здесь раньше не видел. Недавно?

- Недавно.

Перед ним оказался и второй стаканчик с кофе.

- На заочном, что ли? - не отставал он.

- Что? - не поняла она.

- Ну раз здесь днем работаешь, учишься на заочном? - и прочитал с бейджа: - Алиса. Имя у тебя прикольное!

Она удивленно воззрилась на клиента.

- Маффины будете? - поинтересовалась в ответ.

- Ну давай свои маффины. Шесть штук.

Алиса кивнула, упаковала маффины и повернулась к кассовому аппарату.

- Дисконтная карточка? - спросила деловито.

Он потянулся за бумажником. И совсем уже ни к селу, ни к городу сообщил: -А меня Илья зовут.

- Очень приятно, - улыбнулась дежурной улыбкой она и протянула ему сдачу. -Ваш чек. Спасибо, что воспользовались услугами нашей АЗС. Приятного дня!

- Кстати, ты заметила, на этот раз я тебя даже не пришиб!

- Я обязательно обведу этот день на календаре в кружочек, - пообещала Алиса.

- Ну, тогда до встречи! - хохотнул Илья. - По-любому же недели через две где-нибудь пересечемся!

- Трех раз более чем достаточно, - проворчала она себе под нос и снова нырнула под прилавок - читать экономику.

- От нас с тобой это вряд ли зависит! - рассмеялся Илья, сунул подмышку минералку в зубы - пакет с маффинами, а в руки - стаканчики с кофе, и в таком не самом удобном положении направился к выходу весело размышляя о том, какова вообще вероятность в городе на четыре с половиной миллиона человек постоянно наткнуться на одну и ту же вечно рассерженную девчонку Видать, и правда судьба - пусть хромая.

Лена в машине откровенно скучала, и при виде его радостно открыла дверцу, улыбнувшись во все тридцать два. Илья вручил ей кофе, вытащил из зубов пакет и спросил:

- Не замерзла?

- Немного. Ты что так долго?

- Да так... Знакомого встретил, перекинулись парой слов. Чего-то, я смотрю, погода для поездки на озеро - прям зашибись!

- Твоя же идея, - хитро улыбнулась Лена. - Пригласил бы в гости. Я бы не отказалась.

- О как! Ну так еще не поздно развернуться. У нас есть маффины, кофе, минеральная вода... Продержимся обратную дорогу?

- Я точно продержусь.

- А я - не факт, - рассмеялся он, отставил в сторону кофе и решительно потянулся к ее губам.

Она с готовностью ответила на его поцелуй, одной рукой обняла Илью за шею, а другой добралась до теплой кожи на животе и, отстранившись на мгновение, рассмеялась:

- Ну можем и на озеро. Там точно сейчас никого!

То, что там точно никого, стало решающим аргументом в пользу озера в данном конкретном случае. Терпеливостью Макаров никогда не отличался. Как и постоянством привязанностей за крайне редким исключением. В исключения, как правило, девушки не входили. Этого добра было валом вокруг. Вот только откуда-то теперь взялась странная уверенность, что с Алисой с АЗС у него тоже все когда-нибудь будет. Черт его знает, откуда. Интуицией Илья никогда наделен не был. Просто пер, как неуправляемый танк, и сам перся от этого. Ошибался он только в одном. В следующий раз они увиделись не через две недели, а через четыре дня.

Если начать задумываться о совпадениях и случайностях, то додуматься можно до

многого. Потому лучше не начинать. В свои двадцать один Макаров ловил мысли из многообразного пространства вокруг себя, как жаба языком ловит мух. Но долго он с ними не возился. Выпускал обратно, немного пожевав.

Определенного вектора у него не было. Ориентира - тоже. Жил, как жилось, но когда еще позволять себе такую роскошь, если не в этом возрасте? Тем более, с его практически неограниченными возможностями.

При желании Макарова можно было назвать зарвавшимся мажором, но язык как-то не поворачивался. Возможно, ввиду обаяния, под которое неизменно попадали окружающие. Он был отнюдь не глуп. Даже скорее наоборот. И, умея нравиться, пользовался этим на полную катушку.

Может быть, дело было еще и во внешности. Она располагала. Лицо у него было открытое и самое правильное слово, каким его можно охарактеризовать - «доброе». Оно действительно казалось добрым. Черт его знает, какими критериями это определяется. Вероятно, разрезом глаз с чуть опущенными уголками с внешней стороны. Те были довольно близко и глубоко посажены, и, когда он улыбался, неизменно щурились. Улыбка у него тоже была хорошей, открытой – всегда искренней, обнажающей ряд белых зубов. Вытянутый острый подбородок делал его забавным, но едва ли портил.

Люди с такими лицами, кажется, не способны на настоящую жестокость. Прицепи корону - получится принц. В каком-то смысле это даже немного мешало по жизни.

Но еще школьником Илья научился маневрировать, оставаясь где-то вне образов и ярлыков.

Он не был отличником, но и в двоечниках не болтался. Он бывал душой компании, но настоящими друзьями считал не многих. Он рано начал гулять с девчонками, но те странным образом не обижались, когда он их бросал. Он умел удерживать отношения на той грани, когда они перестают быть взаимно приятными и становятся серьезными. Потому что до серьезности ему было как до Парижа пешком.

Но вместе с тем, чего-то ему всегда недоставало. Его энергия была через край. Ему хотелось всего и сразу. И вечный поиск острых ощущений пока еще не обременял.

Восемь девчонок за семь дней? Легко!

Травку покурить с пацанами? Пожалуйста!

Зачет сдать после ночи в клубе? Тоже еще проблема!

С парашютом сигануть? Да уже в пути!

В общем-то, он уже года три как прыгал. Стаж имелся.

Когда-то в туристский клуб «SKY» его привел Никита Логинов. Из всего многообразия предлагаемых услуг Илья перепробовал, кажется, почти все. От сплавов по реке и дурацких походов с «завтраком туриста» в рюкзаке до самостоятельного управления самолетом. Но больше всего любил прыжки с парашютом. И ради этого до сих пор частенько, насколько это было возможно с его занятостью и количеством увлечений, наведывался в клуб.

Сентябрьский выходной день не стал исключением. К одиннадцати нужно было явиться в «SKY», оплатить все плюшки и погрузить себя вместе с группой в автобус. Ник, в кои-то веки, воздержался, но это отнюдь не было поводом, чтобы воздержаться самому.

К назначенному времени Илья, ввиду пробок, естественно опоздал.

Влетел в холл в начале первого, озираясь по сторонам в поисках знакомых - в этих поездках всегда встречался кто-то, кто уже прыгал с ним раньше. Нужно было только присмотреться.

Холл был пуст, если не считать нескольких человек средней вшивости (явно из тех, кто предпочитает впечатления подешевле) и девчонки, сидевшей на диванчике и уставившейся в книгу. У ног ее валялся огромный походный рюкзак – знакомое зрелище для опытного Макарова. О его содержимом («завтраке туриста» и спальном мешке) он имел определенное представление. А вот книга озадачивала.

Правда, ровно до того момента, пока он не разглядел девчонкиного лица. И сам обалдел от привалившего счастья.

Через мгновение диванчик скрипнул под его весом, и Макаров громко произнес:

- Я же говорил! А ты мне не верила!

Сначала она хлопнула книгой, потом ресницами. А когда снова взглянула на него, поморщилась.

- Я все же надеялась, что вы - галлюцинация. - Да прям! Парашютисты уехали, не знаешь?

- Уехали. Минут пятнадцать назад.

- Беда! - совсем без сожаления констатировал Илья. - А ваша группа когда и куда отправляется?

- В Сиверское, - Алиса глянула на часы и добавила: - Скоро уже.

- Жалко... Может, ну его? - подмигнул он ей.

- В смысле?

- Да без смысла. Погуляем где-нибудь. Познакомимся по-нормальному

- Зачем?

- Ну а зачем люди вообще знакомятся? - расплылся в улыбке Макаров. - Я, между прочим, правда тебя увидеть еще хотел.

- А я - нет, - отрезала Алиса.

Илья снова посмотрел на нее. Нахмуренные темные брови, глаза – определенно сердитые. Рот сурово сжат. И вдруг подумал, что очень хотел бы поцеловать этот рот. Просто так - тоже без причины. Разве нужна тому причина?

Наверное, взгляд его действительно изменился. Стал настойчивым и почти обжигающим. И касался он ее губ так, что она не могла этого не почувствовать.

- Вот упертая, - тихо проговорил Илья и неожиданно притянул ее к себе.

- Вы что творите? - оторопело вскрикнула она, с силой ударив его по рукам.

- Знакомлюсь, - хохотнул он.

- Хам! - выдала Алиса и вlepила ему пощечину.

Щека тут же вспыхнула. И теперь оторопелым видом мог похвастаться Макаров, прижавший к ней ладонь и недоуменно взиравший на эту мелкую драчунью.

- Да я даже не начинал хамить, идиотка! - выдавил он. - Я просто хотел пообщаться. Мы все равно видимся постоянно.

- Нам не о чем общаться. Вы правда не понимаете? - удивилась она.

- Походу, нет...

- Сочувствую.

Макаров никогда не мог пожаловаться на заторможенность реакции, но конкретно сейчас информация о том, что это его отшивают, в мозг начала поступать только после пощечины. Видимо, невербальный контакт послужил нехилым таким стимулятором умственной деятельности, которая до того пребывала в неге и блаженстве востребованности у женского племени собственного обладателя как представителя особи в штанах.

Но стимуляция мыслительного процесса в голове -тоже вопрос времени. Потому несколько секунд Илья тупо рассматривал сердитую девушку перед собой, пока, наконец, не выдал:

- Охренеть! Себе сочувствуй!

- Да я и сочувствую, - не осталась она в долгу, - уже в который раз. А с тех пор, как вы уселись на этот диван, особенно.

- Тебе сколько лет, что ты такая дикая?

- Прикольно! - засмеялась Алиса.

- Ага, прикольно! Ты только от меня так шарахаешься или от всех?

- Вот! Наконец-то вы поняли. Теперь все? А то мне пора.

Стоило признать. Отшила она его красиво. Но в данный момент он был недостаточно спокоен, чтобы об этом думать. Потому попросту вскочил с дивана, еще раз глянул на нее и выдал: -Удачного похода!

- Большое спасибо!

- Да не за что! Обращайся! До встречи! - гавкнул он и вылетел из клуба.

Только оказавшись в машине, перевел дух, подумал о том, что чисто гипотетически можно прямо на аэродром махнуть и на месте о прыжке договариваться. Выпустить пар, так сказать. А потом отпустило. Расхохотался, врубил радио и закурил. Наблюдал из авто, как начинает накрапывать дождь, ударяясь каплями воды о лобовое стекло. Дворников не включал. Боковое окошко держал приоткрытым. И смотрел, как из клуба вывалила группа туристов с рюкзаками. Вышла и Алиса. В дурацком необъятном синем дождевике. Как она тащила свою поклажу - хрен его. Но то, что в этих руках достаточно силы, чтобы долбануть по чем зря какого-нибудь бородача с гитарой в необъятном свитере, если тот начнет приставать, он не сомневался. И уже сочувствовал бородачу.

Игра

Самое дурацкое время суток – утро. Когда нужно выползть из постели, идти туда, куда не хочешь идти, и делать то, что не хочешь делать. Правда, при наилучшем раскладе утро может быть пятничным. Заряд бодрости, конечно, не очень высок. Зато высок боевой дух. А к вечеру и бодрость появится как по щучьему велению.

Видимо, функционировать в этот конкретный день недели организму значительно проще, чем в любой другой.

Но если вдуматься, в свои почти двадцать три года Никита Логинов имел не самую худшую жизненную позицию. Разумеется, не в смысле убеждений, а в смысле, что не раком, но вполне себе верхом. Возможно, ввиду собственной самодостаточности. Многие ли и на склоне лет могут похвастаться последним?

Логинов мог.

Он вообще многое мог.

Мог вставать в любой из дней недели вполне себе бодрячком.

Мог испытывать увлеченность тем, чем приходилось заниматься на работе (ныне он числился и.о. начальника отдела анализа и прогнозирования в наибанальнейшей, но не последней судостроительной компании).

Мог не считать себя не на своем месте, или, тем паче, попавшим туда незаслуженно, пусть и по протекции. Мозгами в его семье все были наделены не последними.

Мог жить так, как хотелось ему, не испытывая влияния извне.

И мог позволить себе свободу общаться с теми людьми, что ему приятны, вне зависимости от престижа, моды и кошельков.

У него была такая возможность. Как возможность принимать душ и не ездить на работу в общественном транспорте. В порядке вещей.

Утро пятницы ничем не отличалось от любого другого. Самое обыкновенное утро с чашкой чая (кофе Логинов не любил), трещанием телевизора на кухне и звонком Ильи Макарова, который, кажется, проснулся посреди первой пары и решил: «а не позвонить ли мне братику?» Во всяком случае, именно такое впечатление его звонок и производил. Макарову срочно понадобилось выяснить, явится ли Ник к нему в этот вечер на новоселье («не нуди, я знаю, что слово пошлое, но все наши будут») с перспективой рвануть куда-то на выходные.

Вечера и дни в компании Ильи – это бесконечный и непрекращающийся движ. Об этом знали все окружающие. Начать они могли в клубе с коктейля, а закончить где-нибудь в Задрищенске, кормя собой комаров посреди озера, в котором за каким-то хреном пытались выловить сома, если не в аэропорту Таллинна имени Леннарта Мэри (но туда добирались только счастливые обладатели заграничных паспортов и мультивизы). Фантазия Макарова была неутомима. А его талант быть предводителем – блестящ.

Логинов же никогда не претендовал на лидерство, потому что место лидера было занято Ильей. Это не зависело от возраста – это ни от чего не зависело. Воспринимались они равно, но в каком-то смысле Никита всегда был двоюродным братом Ильи. И абсолютно не тяготился этим. У них была своя партия. И оба играли со всей отдачей. Друзья только наблюдали.

Хотя все чаще Логинов ловил себя на мысли, что начал заигрывать. Во всяком случае, ему самому все это представлялось глупостью. Может быть, повзрослел, наконец?

Отмахавшись от Макарова обещанием обязательно быть, он все-таки отправился на работу. И весь день его мозг был занят чем-то самым прозаичным и полезным, но от этого не менее увлекательным. Он слабо представлял себе, например, Илью-экономиста, хотя окончил тот же факультет, пусть и по другой специальности. Сам же действительно чувствовал себя на своем месте.

После обеда были переговоры с иностранными поставщиками, на которых его обязали присутствовать (и даже не в качестве переводчика, как юзали первые пару месяцев, а вполне по делу, когда разглядели наличие извилин в головном мозге).

А вечером тащился в плотном потоке машин к знакомому уже дому в Кузнечном переулке. Недавно Макаров привозил показывать, на что не поскупились предки. А скупостью ни отец, ни мать у него никогда не отличались.

Впрочем, и Илья был с подвывертом. Вопреки стойкому ожиданию Логинова увидеть двухэтажные апартаменты, напичканные дорогой мебелью и всеми доступными гаджетами, братан его удивил. Небольшая квартирка со старым балконом, с которого можно было запросто подняться на крышу по пожарной лестнице, впечатлила его с первой минуты и была так не похожа на того Илью Макарова, которого он знал всю жизнь, что в первую минуту Логинов счел все шуткой.

«Тут вид шикарный! – будто смущаясь, сообщил ему Макаров, когда вытащил наверх из пыльной и захлавленной после старых жильцов комнаты. – Внутри я все переделаю. Но ты смотри, а!»

Смотреть действительно было на что. Бесконечный рисунок силуэтов крыш, брандмауэров и труб. Четко вырисовывался абрис куполов собора на фоне серо-розового неба. В закатном мареве виделось там что-то эдакое. Ник не знал, каким словом назвать. Илья бы подобрал нужное быстрее. И это тоже не в силу возраста, но определенно в силу характера. Никита не променял бы свою «берлогу» с современной начинкой в Альбе на что-то подобное, но понимал, почему Макаров приволок его сюда.

«Будет, куда девчонок водить!» - хохотнул Логинов.

«А ты что думал!» - рассмеялся Илья.

Потом они до ночи выгребали хлам на пару. Вытаскивали старую мебель. И шутя чуть не подрались за кресло-качалку, обнаруженное на кухне. Кофе варили в миске – джезвы не нашлось, но не очень-то и искали. Уехал к себе Логинов уже за полночь.

И прекрасно понимал, что за эти несколько дней едва ли младший брат продвинулся еще хоть немного. Игра в романтика пока что его увлекала. Наиграется и обратится в какую-то ремонтную фирму. Или еще лучше – притащит мать, а та найдет ему армию дизайнеров по интерьеру.

Дверь открыла Нина, периодически заглядывавшая в их компанию из-за Макарова. Парой они никогда не считались, но околачивалась она всегда поблизости – на всякий случай, вдруг и ей перепадет. И если Макаров оказывался на их посиделках один, Нина всегда подсаживалась, отговариваясь от шуток, которые нет-нет, да и кидали знакомые в отсутствие Ильи, фразой: «Типа дружбы между парнем и девушкой не бывает!».

- Много их там уже? – вместо приветствия поинтересовался Логинов.

- Все уже собрались. Ты – последний!

- Даже не сомневался! – хохотнул Ник. – Как тебе обитель Макарыча?

- Бомжацкая нора какая-то, - пожалала Нина плечами, - уже брал бы себе приличный лофт.

- И в этом я тоже не сомневался, - подмигнул он ей, наблюдая, как она обиженно поджимает губы, но уже через мгновение на пороге показался Илья и весело похлопал его по плечу.

- Желаящие покинуть помещение могут это сделать в любое время, пока дверь открыта! Через пять минут я перестану выпускать из своей норы! – крикнул он в комнату, обернулся к Логинову и добавил: - А кресло я к балкону перетащил. Там теперь можно курить, глушить вискарь и, при желании, играть на скрипке.

- Нахрена?

- Не знаю. Нравится, - обезоруживающе улыбнулся Макаров. И запер дверь. Прошло не пять минут, но он явно был в ударе. – На гитаре тоже можно. Проходи.

Никита зашел в комнату, где собралась многочисленная толпа знакомых лиц, расположившихся в удобных для себя местах: на диване, в креслах, на подоконниках и даже на полу. При ближайшем рассмотрении становилось понятно, что дислокация определялась месторасположением выпивки и закусок.

- Всем привет! Давай сегодня без концертной программы, - обернулся он к Илье, ввалившемуся следом за ним.

- А это как попрет!

- Чтоб Макаров и без концерта? – гоготнул кто-то предположительно из одногруппников, поскольку относился к явным вариативным компонентам в разношерстной компании Ильи. Базовые обычно не менялись, а этого Ник видел впервые.

- Музыкальный центр я пока из дома не перевез, - рассмеялся Илья. – Будем уныло бухать.

- Где ты, а где «уныло», - отозвался Логинов и уселся в пресловутую качалку под балконом.

- Ну, кое-что я все-таки придумал. Жрать чего будешь? Мы тут разрываемся между тайской и японской кухней.

- А стерлядь слабо?

- А не слабо. Но по-прежнему моя очередь, забыл?

- И не надоело же! – хмыкнула Нина, устраиваясь возле шампанского и бутербродов, сооруженных явно кем-то из девчонок.

- А вот тебе азарта не хватает, - буркнул Веник, сидевший поблизости. Веник был почти на десяток лет старше остальных, но его по жизни перло. Из их компании им была не оприходована, пожалуй, что только Нина, но и это считалось вопросом времени. В каком-то смысле Илья со временем имел шансы его переплюнуть.

- И огонька, - добавила Нина, отворачиваясь.

- Если б и забыл – ты бы напомнил, - усмехнулся Никита, но без особенного энтузиазма.

- Ок. Гвоздь программы сейчас выдавать, или когда ты будешь пьяный?

- И где здесь собака порылась? – спросил Логинов, нацепив на лицо невозмутимость.

- Вариант есть. Из разряда «Ник, тебе понравится».

- Ну если понравится – оглашай, хотя жрать и хочется, - захохотал Никита.

- Жрать ты сегодня будешь на заправке. Закажешь хот-дог и колу. И общнешься с девчонкой на кассе. Каково начало? – улыбнулся Илья, чуть сощурившись.

- И где здесь обещанная экзотическая еда? Или она мастер тайского массажа? Нет, она гейша! Если так, то начало мне нравится.

- Нет, - прищелкнул Макаров языком. – Она работница заправки. И экзотическое в ней только имя. Алиса.

- Ахренеть, брат! – скривился Никита. – Прикол в чем?

- Семь за неделю – уже не катит. Одну – но эту. И времени сколько хочешь.

- Она лесбиянка?

- Хуже. Есть подозрение, что целка. Заодно и проверишь.

- Мужики, вы не заигрались? – пискнула со своего стула девчонка из «вариативных» - кто-то привел с собой.

- Нет, - бросил ей в ответ Логинов и снова глянул на брата. – Феодал недоделанный! Ок, мне нравится. Только пожрать дай. Терпеть не могу фаст-фуд.

- Даже если я сейчас закажу в ресторане стерлядь, тебе все равно придется давиться хот-догом. Повод для знакомства.

Веник расхохотался и передал по кругу тарелку с бутерами. Прислушивавшийся к разговору народ реагировал вяло, только посмеивался. Нина, закусив губу, мрачно рассматривала братьев. А Ванька, тоже из «старичков», со знанием дела выдал:

- С целками возни много.

- Угу, - согласился Логинов, - потому сил надо много. Жрать дай, средневековая твоя морда!

- Голодом тебя, что ли, на работе мроят? – заржал Илья и скрылся на кухне.

- Я помогу! – пискнула Нина, увязавшись за ним.

Собственно, ее помощь была не последним, в чем он нуждался в данном случае. Ей

вообще цены не было в том, что касалось приготовления еды.

Суетясь между столом и холодильником, перекладывая из ресторанных контейнеров еду на тарелки, пока Макаров щипал зелень из пучка, она периодически поглядывала на него, пока тот не выдержал:

- Дыру просмотришь!

- Да прям! – огрызнулась Нина. Голос ее звучал напряженно. – Когда вы уже наиграетесь?

- Когда надоест. Пока весело.

- Она кто?

- Кто? – не понял Макаров.

- Которую ты Нику подсовываешь.

- Я ж сказал. Королева бензоколонки.

- И что она тебе сделала? Бензин в кофе подмешала?

Илья на минуту призадумался, потом решительно сунул пучок зелени под кран, вымыл его и, не отвлекаясь, медленно проговорил:

- Веник прав. Ты слишком серьезно ко всему относишься. Ничего она не сделала.

Нина хмыкнула, несколько минут молча продолжала сервировать тарелки, но не выдержала:

- Ничего? Тогда почему именно она? Где эта заправка?

- На Дороге жизни. И потому что мне пальнуло в голову. Сегодня будет предпоказ. Поедешь?

- Поеду. Посмотрю, что у тебя пальнуло.

- Не нуди, Мышь, тебе не идет.

- Типа ты все про всех знаешь? – с вызовом спросила Нина.

Про нее Илья знал достаточно много, чтобы понимать, что она злится.

Они дружили несколько лет. Его отец, помимо прочего, строил торговые центры. Ее – размещал в них свои парфюмерные магазины. И наверняка оба не возражали бы против того, чтобы детишки общались ближе.

Но в данном случае Илья предпочитал стабильные приятельские отношения.

Он легко пожал плечами и выдал:

- Я знаю, что Логинов сейчас кого-нибудь сожрет! Пошли уже!

Ужин прошел весело. Макаров и Логинов не бухали – впереди было дело. И доехать желательно без происшествий. Желających тащиться в сторону Всеволожска почти в десять вечера ради нескольких минут, в которые означенную особу по имени Алиса еще фиг увидишь, чтобы не сорвать Нику знакомство, нашлось немного. Кроме заинтересованных Логинова и Макарова, рванули еще Нина, Веник и вариативное тело, которое на момент приезда на АЗС было уже реально просто телом – перебрал, но в поездку сунулся.

Начинался дождь, и дорога становилась скользкой. Осень как-то очень быстро пришла. И сразу холодная, порывистая, злая. Илью это заботило мало. Он гнал по трассе, ухмыляясь себе под нос. И нарочито медленно прокручивал в голове разговор с Ниной на кухне. Вопрос был только один. Он же главный. Что она тебе сделала? Он до сих пор не понимал. И нахрена все это затевает – не понимал тем более.

Может быть, по привычке. Может быть, потому что интересно стало, что она будет делать. Может быть, хотелось ее проучить. Последнее даже наверняка, хотя звучало так глупо и по-детски, что именно от этой мысли невольно отмахивался.

Заправка ярко светилась огнями впереди на трассе, и он сообщил:

- Ну чё, Логинов? Почти приехали!

- А там кроме хот-догов еще что-нибудь водится?

- Девушка со сказочным именем и маффины. Были свежие.

- Сказочным, говоришь... - заржал Никита.

С заднего сиденья, несмотря на не орущую, но громкую музыку в динамиках, донеслось отчетливое хмыканье Нины.

- Сказочным, - подтвердил во всеуслышание Илья, въезжая на заправку. – Кофе мне захватишь?

Логинов вышел из припаркованной машины и, наклонившись в салон, весело сказал:

- Твой кофе не вписывается в мой план.

- Иди уже! – хохотнул Макаров, и Никита хлопнул дверью.

Окинул взглядом заправку. Почувствовал, как ледяной ветер обдал шею, и приподнял воротник. Хмыкнул почти с той же интонацией, что Нина минутой ранее. Не слабо, блин!

И бодро зашагал к магазинчику.

Колокольчики на двери бодро звякнули. Никита вошел внутрь.

Подперев голову рукой, Алиса смотрела в телевизор с выражением лица «каналов много – смотреть нечего». То, что она была именно Алисой, он понял почему-то сразу. Не видя имени на бейджике и без подтверждения от Ильи. Наверное, потому что сразу сообразил, в чем дело. Макарова она отшила. Сытый желудок способствовал мыслительному процессу. «Не слабо», - повторил он про себя и двинулся к прилавку.

- Вечер добрый! Кофе у вас попросить можно?

- Эспрессо, американо? – тут же отозвалась Алиса.

- Черный, крепкий, без сахара.

Она повернулась к кофемашине, та тихонько забулькала. Никита некоторое время наблюдал за ней, будто бы примеряясь. И невольно гадал, сколько ей лет. Видно же, что малая. Восемнадцать хоть точно есть? Малолеток совращать еще не приходилось, а начинать как-то не тянуло.

Пробежался глазами по фигуре. Затянутые в джинсы ноги были длинными, несмотря на невысокий рост. Блузка ей, кажется, слегка великовата, но не так, чтобы это бросалось в глаза. Тоненькая, но вполне оформившаяся. Вряд ли ей светило сильнее округлиться в ближайшее время, но приятными округлостями в нужных местах она уже обзавелась. Логинов снова вернулся к лицу. И стал рассматривать профиль. Лоб крупный. Нос острый. Губы пухлые. Хорошенькая, но какого хрена Макаров к ней прицепился? Не его полета пичужка. Он по другим торчал.

- Вообще-то я кофе редко пью, - зачем-то проговорил Логинов. – И если пью, то сладкий и с молоком.

Алиса не скрывала удивления, когда ставила перед ним заказанный черный без сахара кофе. Но промолчала. Болтать с клиентами об их предпочтениях в напитках не входило в ее обязанности. Однако ее заинтересованность не осталась незамеченной. Никита мягко улыбнулся, придвинул к себе стаканчик, принялся и заявил:

- Гадость же!

- Зачем заказали?

- Спать за рулем – не лучшая идея. Может, хоть взбодрит.

- Что-то еще?

- Жвачку мятную и... «...хот-дог», - промолвил в его голове голос Ильи. Ник наклонился над прилавком и беспомощно посмотрел на пачки печенья и чипсов. Обреченно вздохнул и послушно добавил: - И хот-дог. Сыра двойную порцию можно?

- Можно, - принялась готовить Алиса.

Рассказывать ей еще и о своей нелюбви к фастфуду он не стал. Достаточно и кофе. Взгляд его скользнул на бейдж на ее блузке. Губы растянулись в улыбку, и он спросил:

- Алиса – Кэрролл или Булычев?

- Толстой.

На мгновение озадачился, перебирая всех Толстых из школьной программы и внеклассного чтения. Потом чуть не хлопнул себя по лбу. Но вслух сказал:

- Вы не рыжая.

- Всегда можно перекраситься, - улыбнулась Алиса.

- Не надо. Вам так хорошо.

- Спасибо, но я и не собиралась.

- И правильно! Забыл попросить. Горчицу не кладите.

- А кетчуп?

- Кетчуп – да, - кивнул он, отпил кофе из стаканчика, поморщился: - А вы завтра работаете?

- Да, - глядя на его скривившееся лицо, Алиса снова улыбнулась. – Зачем себя мучить, а?

- Говорят, помогает... - жалобно сообщил Логинов и рассмеялся: - Черт, налейте мне чаю, а? Чай вы делаете?

- Чай в пакетиках. Гринфилд.

- Сойдет! И сахар!

Спустя несколько минут перед носом Логинова очутились бумажный стаканчик с кипятком, пакетик чая, четыре стика с сахаром и хот-дог. С двойным сыром и без горчицы. Ник с любопытством рассматривал сей скудный натюрморт и вспоминал Макаровские деликатесы. Есть не хотелось совершенно. Тем более это. Он оперся локтем о столешницу и опустил подбородок на кулак. После чего задумчиво сказал:

- Теперь вы знаете, что я люблю чай и не люблю горчицу. Завтра к вам заскочу на обратном пути?

- Это общественное место, - пожала она плечами.

- Это понятно... Но очень хочется узнать, что еще, кроме Толстого.

- В смысле?

- Вы любите – что еще?

- По-вашему, я люблю Толстого?

- Нет?

- У вас нет денег? – рассмеялась Алиса, внимательно разглядывая парня перед собой.

- С чего вы взяли? – еще больше удивился Ник, потянувшись в карман за бумажником и понимая, как глупо, совершенно по-дурацки улыбается. По-настоящему улыбается, потому что вдруг стало весело. Веселее, чем в машине Ильи четвертью часа ранее.

- А зачем вам еще зубы мне заговаривать? Чтобы убежать, не заплатив!

- Я, по-вашему, похож на человека, который может не заплатить? Просто пообщаться с красивой девушкой мне хотеться не может? Сколько там с меня?

- По-моему, вы точно тот человек, который знает много других мест, где пообщаться с девушкой. А я не девушка, я оператор АЗС, - Алиса положила перед ним кассовый чек.

- Ну конечно! – глядя ей в глаза, рассмеялся Ник. – Тогда придется нам с вами встретиться где-нибудь, где вы станете не оператором АЗС, а девушкой. Потому завтра я в любом случае заеду. Вы до которого часа?

- До шести.

- Отлично! Тогда я буду к концу вашей смены. И вечером мы сходим погулять. Если вы, конечно, не имеете ничего против?

- Совершенно ничего, - отозвалась Алиса, захлопывая ящик кассы.

В конце концов, ну съест он еще один хот-дог с чаем. Правда, из рук Таньки – тоже красивой девушки. Потому что смена оператора АЗС Куликовской заканчивается в шесть часов утра.

Если идти с зажмуренными глазами в ванную - это как будто ты еще две минуточки спишь. Собственно, Алиса могла бы спать даже больше, чем два часа - законный выходной! Но инструктор Володя, больше которого, кажется, про Ленобласть не знал никто, правдивыми историями и байками вдохновил посетить форт Ино, куда она еще не добиралась.

Для этого надо было принять душ, сделать завтрак себе и маме, которая обязательно проснется, несмотря на то, что Алиса старалась двигаться по квартире как можно тише, и выйти на балкон в попытке угадать сегодняшнюю погоду. Единственный вывод, который смогла сделать Алиса в сплошной темноте двора с редкими глазницами светящихся электричеством окон - утро выдалось прохладным, что было не удивительно. По сезону. Она некоторое время смотрела в светлый, мутный провал неба, застывший над домом и навевавший невнятные мысли о том, что ей чего-то не хватает. Или она что-то забыла. Или не сделала. Но что можно забыть или не сделать в однообразных буднях, заключавшихся в работе и учебе. Виталика она давно не видела - он которую неделю ходил на учебном судне. Мама призывала ему позвонить. Но утром было некогда, днем забывалось обо всем, а вечером становилось катастрофически поздно. Именно так отговаривалась Алиса от мамы. Собственная совесть благополучно спала. Тогда мама затевала любимый разговор о том, что остаться самой - проще простого. И что в Алисином возрасте самое время встречаться с мальчиками, а не просиживать над учебниками. Причем не просто встречаться, а с перспективой: каждая девушка должна выйти замуж, родить ребенка и, кажется, сделать что-то еще. Почему-то в этот самый момент мама забывала, что еще полгода назад самым главным было - получить высшее образование. «Кому должна?» - интересовалась Алиса у мамы. «Хотя бы мне! Зря я тебя растила?» - получала она ответ.

Дочка с улыбкой вздыхала и понимала, как хорошо, что Любовь Михайловна не знает о Никите, который за прошедшие пару недель околачивался на заправке едва ли не ежедневно. Она даже привыкла. Даже что-то рассказала ему о себе, что было ей несвойственно - разговаривать о себе с посторонним совсем парнем. Алиса с улыбкой представляла, что бы уже придумала себе мама. Попытки вспомнить или понять, что же ее беспокоит, оказались безрезультатными, и Алиса вернулась в кухню, когда почувствовала, как сильно продрогла. - А молоко есть? - услышала она за спиной сонный голос.

- Неа. Бутерброд?

- Только небольшой, - вздохнула Любовь Михайловна. - Мне таблетку чтоб не на пустой желудок.

- Поешь нормально. Все равно уже спать не будешь, - Алиса соорудила бутерброд и

налила большую чашку чая. - Приятного аппетита!

- Спасибо, - улыбнулась мама. - Прямо взрослая.

- А так? - Алиса показала ей язык.

- Вот! Теперь на себя хоть похожа. Ты сегодня до ночи опять?

- Вряд ли. Маршрут короткий.

Любовь Михайловна кивнула, придвинула к себе чай, отпила немного и сообщила:

- Сердце давит - дождевик не забудь. Погода с ума сходит.

- Уже положила. Не волнуйся и отдыхай.

- Да я и так последнее время не перетруждаюсь, - улыбнулась мама.

Она стала быстрее уставать. И сердце действительно шалило. Но от обследования упорно отказывалась. «Просто возраст такой, - отмахивалась она, - и невралгия».

- Тогда я побежала, - Алиса поцеловала мать в щеку.

В транспорте тоже досыпала. Жужжание утренних разговоров не мешало, а скорее способствовало. Но Алиса знала, чувство расслабленности скоро уступит место азарту, неизменно присутствующему ей, когда она отправлялась в новое место, туда, где никогда не бывала, вне зависимости от того, будет там интересно или не очень. Непоседливость была слишком ей свойственна, и возраст лишь усугублял эту черту характера. Отец считал ее упорной, мама упрекала в неугомонности. Ей постоянно надо было куда-то двигаться: учиться, ходить в походы, искать польских родственников.

А перед самым входом в турклуб Алиса заметила теперь уже знакомый белый автомобиль.

«Интересно, сколько раз в день он его моет?» - подумала она, деловито проходя мимо. И знала точно, что взгляд водителя прикован к ней. Чувствовала всей кожей. До того мгновения, пока тот не просигналил - настойчиво и протяжно - ей вслед. Она вздрогнула от неожиданности и обернулась. Поймала его смеющийся взгляд на мгновение. Потом машина заворчала и тронулась с места. На этот раз водитель приложил все усилия для того, чтобы не окатить ее из лужи.

Алиса усмехнулась, зашла в холл и огляделась. Желаящих отправиться в форт Ино в это утро набралось немного. Видимо, ввиду действительно мало располагающей к походам погоды, которая портилась, кажется, каждую минуту. Но Володю это волновало мало. Он бодро объяснял каким-то новичкам правила безопасности, которыми должен руководствоваться всякий уважающий себя турист. Но новичков было немного, а Алиса как-то сразу попала ему на глаза.

- Куликовская! - махнул он рукой. - Я думал, проспала!

И в это самое мгновение из-за его могучей спины выглянул... Никита и подмигнул ей.

- Здрости... - бодренько выдала Алиса всем одновременно. Кто-то ответил ей, кто-то просто кивнул.

- Через пять минут подойдет Лёха и двигаем, - проинформировал Володька. - Пока ураган не унес автобус.

- Под Лёхиным весом не должен! - гоготнул один из «старожилов».

Лёха был водилой и тоже в каком-то смысле путешественником. Алиса помнила его столько, сколько ходила в «SKY». Ни с кем другим Володя не ездил. Были и у него свои приметы и суеверия.

- Короче, пятиминутная готовность, - буркнул инструктор и куда-то ретировался. А тем временем Ник оказался возле Алисы и весело сообщил.

- Я же говорил, что мы увидимся в выходные. А ты: «Поход! Поход!»

- Я как-то не подумала, что ты тоже соберешься.

- Ну, клуб ты назвала, время тоже. Остальное дело техники, - пожал он плечами. -

Правда, я пешком не ходил сто лет. Так что, если чего, знай - это я так хотел тебя увидеть сегодня.

- Маршрут короткий, - улыбнулась она.

- Короткий маршрут лучше, чем ничего.

- Почему ничего?

У нее была привычка уточнять очевидное. За последние полторы недели Логинов это усвоил. Это не раздражало, а веселило и вызывало улыбку. Впрочем, она действительно часто заставляла его улыбаться. Один только ее недоуменный взгляд чего стоил. Искорки в золотистых прожилках глаз, кажется, становились еще ярче, резче, а губы чуть открывались. Желание поцеловать ее в такие минуты было почти непреодолимым. Будь это кто-то из обычных их с Макаровым девок, даже не раздумывал бы, а тут сдерживался. Хотя прошло уже полторы недели – непомерно долго в случае, когда он планировал за неделю управиться.

Если Илюха за неделю может восемь шалав, то чего стоит одна неопытная целка за неделю?

Проблема была в том, что уже к третьей их встрече до Логинова начало доходить, с кем он связался.

Алиса Куликовская как-то в один ряд с другими не ставилась. И не только потому что целка. А потому что зацепила. Черт его знает чем. «Возни много», - периодически вспоминал он Ваньку и мысленно с ним соглашался.

Она была реальной такой девочкой-девушкой. Еще не испорченной. Еще никогда не любившей (девочки же часто влюбляются, им положено). Безошибочно чувствовавшей его интерес, но явно не представляющей, что ей с этим «счастьем» делать.

Планы здесь не работали, а Логинов привык все делать по плану. Вот Илюха был мастером импровизации. В этом смысле Никита ему уступал. Правда, ровно до тех пор, пока у самого Макарова не доходило до необходимости планировать.

Но с Алисой строить планы представлялось все менее возможным.

Потому что уже сейчас Логинов осознавал, что не хочет соблазнить ее - и все. У него получалось так поступать в десятках случаев, не связанных с их с Макаровым игрой. В жизни - получалось. А сейчас вдруг за полторы недели осознал - не хочет.

И катись оно... Проще продуть и оставить Илье придумывать следующее задание.

В конце концов, его гордости это точно не задело бы.

Но смущало лишь то, что Макаров не устанавливал временных рамок.

Кто сказал, что все должно закончиться соблазнением? Кто вообще что сказал? Ему действительно было мало их кратких встреч, когда он заезжал к ней на заправку.

Выпивал чаю, перекидывался парой слов. Удивлялся, что она тоже поступала в их вуз, и не удивлялся тому, что не поступила. Точно знал - если она захочет, то он найдет кому шепнуть, что Алиса Куликовская должна быть зачислена на бюджет в будущем году. И мысленно посмеивался - вот уже и планирует. И не разберешь, что и зачем.

Она ему нравилась. И он жевал дурацкие маффины, которые действительно были вкусными, лишь бы подольше поторчать возле нее. И размышлял над тем, когда можно будет предложить подвезти ее после работы - чтобы она уже настолько привыкла к нему, что отказаться не пришлось бы в голову.

От свидания в выходные-то отказалась.

И тут пришлось сымпровизировать.

Потому что уж он-то от идеи провести с ней уик-энд точно отказываться не собирался. Даже если приходится тащиться в дурацкий поход к черту на рога в ураган.

Никита улыбнулся ей и сказал:

- Если бы я не приперся, пришлось бы ждать следующих выходных, чтобы снова попытаться вытащить тебя на прогулку.

- Для прогулок погода неподходящая, - улыбнулась Алиса.

- Зато для похода - в самый раз. Может, пошли лучше позавтракаем куда-нибудь?

- А я уже завтракала.

- Я тебе говорил, что ты самая упертая из всех, кого я знаю?

- Ты - нет, другие - да. Только я не упертая.

- А какая?

Она пожала плечами.

- Не знаю. Но если я хочу делать то, что хочу я, и это никак не связано ни с кем, кроме меня, а не то, что хотят от меня другие, и это, в свою очередь, совершенно изменит мои планы... Почему за это меня называют упертой, а? - Алиса посмотрела на Никиту, будто и впрямь ждала от него объяснений.

И ему как-то нелепо захотелось ей эти объяснения предоставить, хотя это и не имело смысла. Он смотрел на нее некоторое время, раздумывая над ответом. А потом негромко хохотнул, поднял руки вверх и выдохнул:

- Сдаюсь! Права! Значит, идем в поход.

Объявился Леха, Володя скомандовал общую погрузку, и Алиса оказалась под окном в самом конце салона выдавшего виды автобуса.

- По-моему, ты автобус с кинотеатром перепутал, - сказала она, устраивая рюкзак на сиденье перед ним - свободных мест было достаточно ввиду малочисленности группы.

- Места для поцелуев, - пожал плечами Логинов. И прекрасно понимал - не сегодня. Нужно время.

Он почти никогда не просыпался рано. Не умел. Организм требовал свое после ночных бдений. Выработалась привычка. Первые пары всегда прогуливал. Потому что иначе просто не чувствовал себя живым в течение всего дня, а ну его к черту, такое удовольствие!

Но, как известно, у Романа Францевича Христиановского хрен экзамен сдашь с первого раза, если хоть одну лекцию пропустил. Илья и не стремился с первого раза. Но прогулял уже три. Тоня, староста, с округлившимися от благоговейного ужаса глазами поведала накануне, что Францевич передал ему, Илье Макарову, отдельный привет. А это уже не шутки. Вообще нифига не шутки! Кто им виноват, что матмоделирование в экономике поставили первой парой в понедельник? Кому в голову пришло? Это ж хрен раздуплишься после выходных - вообще что-то из области фантастики.

Потому у Макарова не было вариантов.

Он встал в 6:30.

На улице стояла непроглядная темень и мелкий противный дождь капал по стеклу.

Сварил себе кофе - это он умел даже без кофеварки. Вообще больше всего любил кофе, сваренный на плите. Его когда-то научила старая домработница, которая давно уже у

родителей не обреталась.

Надел куртку и попер с чашкой на балкон - курить, глядя на огоньки в окнах квартир других домов. Все-таки было противно. Дождь и дождем-то сложно назвать. Особенно после урагана в субботу когда он отвозил Логинова в «SKY».

Так, скользко, мерзко, сыро. Обыкновенный стык сентября с октябрём. Пограничье.

Илья медленно курил. Слушал звуки полуспящего переулка. Стряхивал пепел в пепельницу. Отпивал из чашки горячий напиток. Он всегда пил горячим, не любил холодного, никогда не дожидался, пока хоть немного остынет. И пытался понять собственное дурацкое чувство, что что-то не так. Чего-то не хватает. Или что-то забыл. Или что-то не сделал.

Если не считать отсутствия конспектов по матмоделированию - сильно вряд ли.

Негромко хмыкнул, сунулся в комнату, оставил чашку на подоконник в квартире, вернулся на балкон, перемахнул через перила на пожарную лестницу и влез на скользкую крышу, на которой каждую минуту рисковал свернуть шею или свалиться вниз. Лететь было невысоко. Четыре этажа.

И все-таки только там вдохнул полной грудью и улыбнулся. Не видеть солнца и на четвертом этаже чувствовать себя выше всех.

В универ ехал сосредоточенным, но спокойным. И даже злобный Францевич, не обративший на его присутствие никакого внимания, впечатления не произвел.

- Попал ты! - выдал Ванька после пары.

- Знаю, - отмахнулся Макаров. - Ну сдам на пересдаче.

- Та хрен тебе! Готовься весь февраль с бегунками таскаться.

Все знали, что на регалии «заступников» даже самых титулованных студентов Христиановскому насрать. Их влияние на него не распространялось. Потому Макаров и сам понимал - без шансов. Дело почти к отчислению. Но это только зимой. Сейчас - едва ли октябрь.

Куда больше его заботило другое.

В разы больше.

Он вторые сутки отговаривал себя звонить Логинову, чтобы узнать, как выходные.

Дала или не дала. И понимал, что как только выиграет - сообщит сам.

Но его раздирало и колошматило. Его все прошедшие полторы недели раздирало и колошматило от одной только мысли, что Алису с заправки обхаживает Никита, имея вполне определенные цели, которые Илья сам же и поставил.

Он никогда не считал себя способным к анализу. К анализу собственных поступков и чувств не имел склонности. Просто пару раз срывался с места и ездил на Дорогу жизни, чтобы постоять под заправкой и проверить, нет ли поблизости знакомой серебристой KIA. Машины не было. Но не было и Алисы. Он тупо не угадывал со сменами.

В субботу Логинов попросил его забросить в турклуб. Оказалось, что собственную тачку сдал в сервис - в ней что-то тарахтело. О планах своих Ник не распространялся. Но Илья дебиллом не был. Ник с рюкзаком за плечами наводил на определенные мысли, подтвердившиеся в тот момент, когда он увидел Алису, деловито направляющуюся в клуб.

С той минуты думал о ней постоянно. Видел пять раз в жизни - мельком! – а почему-то думал. И не мог понять того, что происходит.

Но все-таки Логинову не звонил. Пытался отвлечься. После пар махнул домой. Не к себе, а к родителям. День рождения мамы - святое. Еще одна галка к тому, что точно ничего

не забыл. Заехал за цветами. Подарок был куплен заранее – золотой браслет с подвеской-ангелом. Мать любила такие штучки. Они не виделись все эти две недели, пока Илья усиленно изображал, что обживается в новой квартире. На самом деле, уже обжился. В первый же вечер. И ничего не хотел менять. Она представляла собой такой разительный контраст со всем тем, к чему он привык, что сомнений не оставалось – ему там нравилось. Хотя, конечно, не нравилось маме, о чем та и заявила ему с порога:

- Знаешь, что станет для меня лучшим подарком? Ты бросил свою нору!

И подставила ему щеку для поцелуя, который немедленно получила. Следом она получила букет белых роз, который он сунул ей в руки. А потом жизнерадостное:

- С днем рождения! Предлагаю хату для празднования дняхи тебе и твоим друзьям.

Отец не узнает – зуб даю!

- Милый мальчик! – рассмеялась мать, потрепала его за волосы и добавила серьезно: – Взрослеть бы уже пора, Илья.

- Зачем?

- А сам не догадываешься? – она прошла в гостиную, по дороге попросив домработницу поставить цветы в вазу.

- Не даю себе такого труда. Подарок! – он достал из кармана темно-синий бархатный футляр и протянул ей.

Валентина Павловна довольно ахнула, мигом надела браслет и принялась разглядывать украшение.

- Прелесть! – заявила она и снова посмотрела на сына. – Но это не значит, что я забуду, о чем хотела с тобой поговорить. Папа считает, и я его в этом полностью поддерживаю, что было бы неплохо, если бы ты уже сейчас стал принимать участие в делах холдинга.

- Зачем? – прозвучало второй раз за последние пять минут. Причем сейчас без усмешки – бесстрастно.

- Тогда просвети меня, чем ты собираешься заниматься?

- Конкретно сейчас я учусь. Потом пойду в железнодорожники. Всю жизнь мечтал стрелки переводить.

Мать недоуменно воззрилась на него.

- Я искренне надеюсь, что ты сейчас шутишь. Потому что в противном случае я запрю тебя дома и не выпущу до тех пор, пока ты не наведешь порядок в собственной голове.

Илья негромко хмыкнул, уселся на диван, вытянул ноги на журнальный столик. Прикрыл глаза, закинул руки за голову и выдал:

- Я абсолютно серьезен! И не запрешь. Я совершеннолетний и имею альпинистский опыт – вылезу в окно.

- Я наблюдаю твою серьезность. И отец, кстати, наблюдает! Живешь в клоповнике, в котором тоже не мешает хотя бы навести порядок, раз уж ты там обретаешься. Работать не желаешь. А что у тебя с Ниной? Хорошая девочка, отличная партия. Женишься, угомонишься. И я успокоюсь, – вздохнула Валентина Павловна.

Он открыл глаза и внимательно посмотрел на мать. Вот теперь взгляд его потяжелел, и он спокойно, но как-то увесисто заговорил:

- Не клоповник, а двухкомнатная квартира в Центральном районе, которая вам с папой конкретно так влетела. Работать у отца я не буду – тема поднималась много раз, мнения я не поменял. Лучше Ника дожимайте. Ему такое нравится. А с Ниной мы дружим. Нахрена мне эти отношения портить?

- А у тебя всегда на всё есть ответ, - мать сердито поджала губы, и ее серые глаза потемнели. - Эгоист! Ни о ком не думаешь, кроме себя.

Точно такой же тяжелый темно-серый взгляд вперился в нее.

- У нас это семейное по мужской линии! - мрачно сказал Илья. - Кстати, Евгений Степаныч где? Или он предпочел бросить тебя на амбразуру? А сам свинтил?

- Прекрати! Ты прекрасно знаешь, сколько времени и сил отец отдает работе.

- Поэтому из меня вы решили воспитать точно такого же. Макарова-младшего. Ма, давай не будем. Я все обдумую. Сам. Сам, понимаешь?

- Не понимаю! - возмутилась Валентина Павловна. - Тебе предлагают помощь. И не чужой дядя - родной отец. Что ужасного, если вы станете работать вместе?

- Да то! - вспыхнул Илья, подорвавшись с дивана. - То! На меня все вокруг только и будут смотреть как на сына Евгения Степаныча. А я не хочу никому и ничего доказывать. И не стану. Никита - и тот ни к отцу, ни к дядьке не пошел. Потому что ну его нахрен - быть сыном при папе!

- Не выражайся!

- Прости! - он поднял руки и тяжело вздохнул. перевел дыхание. И уже гораздо спокойнее выдал: - Прости, я не нарочно... Дайте мне год. Год. На пятом курсе я буду решать. Не бойся, сидеть сложа руки не собираюсь. И про ЖД - это шутка была.

- Отец злится. Считай, что я тебя предупредила, - сказала мать и уже совсем спокойным тоном добавила: - Кстати, утром звонил Никита. Бедный мальчик, он совершенно простужен.

Илья мотнул головой. Ему было плевать, злится ли отец. Они были похожи в главном - никогда не давали другим управлять собой. Любили друг друга, но не могли спокойно уживаться на одной территории. Это не означало ссор. Взаимное уважение - пожалуй. И неправда, что Илья не пользовался благами, данными ему отцом -только квартира и машина чего стоили в двадцать один год.

Камнем преткновения был холдинг.

Илья не мечтал его возглавить однажды.

Евгений Степанович не понимал, как можно не мечтать об этом.

Никита был гибче. Он умел ладить со всеми и делать по-своему.

Никита. Никита заболел.

Илья переключился.

- Меньше надо по походам шастать, - пробурчал он, потирая переносицу - Не валялся бы с соплями.

- Ка... - Валентина Павловна поперхнулась удивлением, - каким еще походам?

- Обыкновенным. С рюкзаками и песнями у костра. У всех свои увлечения, мама, - улыбнулся будущий «железнодорожник».

- Совсем с ума посходили! - мать махнула рукой, снова засмотрелась на браслет, сверкнувший инкрустированным подвесом. - На ужин останешься? Отец обещал что-то грандиозное.

- Неа, не останусь, прости. Уроки делать буду, представляешь?

- Не представляю! - рассмеялась Валентина Павловна, легко, молодо подседа к нему на диван и быстро чмокнула в щеку. - Иди уже, гадкий мальчишка. Знаю я твои уроки!

Справедливости ради, Илья и сам понятия не имел, какие конкретно уроки ему предстоят. Когда заводил машину, не знал, куда ехать. Куда ему сейчас надо ехать.

Проще всего - домой. Завалиться спать - не выспался же. Чуть сложнее, но определенно более весело - закатить в клуб. И нахрен все. Разговор с матерью и перспектива проваленного Христиановского настроения не добавляли. Вроде как и развеяться не помешает.

Возник вариант позвонить кому-нибудь и выслушать предложения для времяпровождения, но его Илья отбросил сразу. Все инициативы всегда исходили от него.

Главное в данном случае было удержаться от инициативы снова ехать на заправку. Будто ему там медом намазано. Учитывая, что Ник точно дома с соплями, вероятность встретить его там практически отсутствовала.

И тут Макарова осенило! Звонить и спрашивать, как все прошло с Алисой - глупо.

Но совсем не глупо заявиться к Логинову - типа проведать хворого. И заодно проверить, не лечит ли его королева бензоколонки на дому.

Позднее, вооружившись бутылкой коньяка (в лечебных целях) и упаковкой витамина С, Илья снимал трубку домофона и набирал код Логиновской квартиры.

- Кого несет? - гнусаво отозвался динамик.

- Банку малины. Макаров.

- Поднимайтесь на пару

Женщин в квартире не наблюдалось. Наблюдался Логинов с красным носом и блестящими глазами. И куча лекарств на прикроватной тумбочке.

- А я предупреждал! - изрек Илья.

- Зато день не прошел впустую, - подмигнул в ответ брат. Илья чуть приподнял бровь и усмехнулся.

- Это насколько не впустую? Дала?

- Агааа! Прямо посреди форта, - заржал Никита, громко высморкался и плюхнулся в кресло.

- Тьфу ты! Дурак! - хохотнул Илья, поставил пакет с «лекарством» на столик и обернулся к Логинову: - До форта хоть дошли? Вас дождем не смыло?

- Ну как видишь. Стаканы притащишь?

- Притащу, - кивнул он, но никуда не пошел. - И как оно вообще? Дело-то движется?

- Движется.

- Черт, Логинов! Издеваешься?

- С чего?

- Как она тебе?

Никита потянулся к тумбочке, долго перебирал таблетки, потом закапал нос и, наконец, выдал:

- А что?

- А то! Ты же с ней возишься. Пару недель уже. Как она тебе? Нравится?

- Ты сроков не назначал. - Я помню.

- Тогда к чему допрос?

- Это не допрос.

- Да ладно! - ухмыльнулся Ник. - Что же тогда?

Макаров некоторое время молчал. Нет, не думал над ответом. Думал о том, как выглядит со стороны. Это было забавно. Он вдруг хохотнул и сел в кресло напротив.

- Ну, я, когда ехал, думал, что уже за заданием еду. От тебя. Все-таки выходные были. А, выходит, нифига.

- Нифига, - подтвердил брат. - Я себе удовольствие растягиваю.

- О как! Удовольствие?

- Оно самое. С поэтапным обучением.

- Зашибись. Она обучаемая хоть? Драться еще не кидалась?

- Не кидалась. А может? - хитро спросил Никита.

Илья усмехнулся и мрачно посмотрел на неоткрытый коньяк. Злость накатывала волнами. И ее природы он не понимал, да и не силился понять.

- Ну вот и посмотрим, - негромко сказал он. - Потом расскажешь, что она может, а что нет. В ходе поэтапного обучения.

- Ну сможет она, как минимум, то, чему я ее обучу, - брякнул Логинов. - Ты стаканы тащишь или нет? Достал херов вирусняк!

- Вот и лечись! - рыкнул Илья и вылетел на кухню.

Там стоял несколько мгновений, глядя прямо перед собой. Раздирало и колошматило. С чего? Из-за кого? Из-за малолетки, которую видел пять раз?

Которую сам и подсунул старшему брату? На обучение, блин!

Достал стаканы. Сполоснул под водой. Зачем-то ополоснул еще и лицо. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким идиотом.

В комнату возвращался с тарой для бухла и с четкой установкой перестать об этом думать.

Не глядя на Логинова, открыл бутылку, разлил коньяк. И мрачно проговорил:

- Все хрень. А вот Христиановского я не сдам.

- Ну попробуй. Папахен тебя колесует, если тебя из универа попрут, - спокойно проговорил Никита и понюхал коньяк. - А потом лишит удовольствия. Будь здоров, боярин!

- Иди ты знаешь куда? - процедил сквозь зубы Макаров и опрокинул в себя стакан.

- Сам иди! - парировал Ник и последовал его примеру.

Алиса уныло топталась на остановке. Каждый из немногих подходивших рано или поздно понимал - в ближайшее время общественного транспорта не будет. Где-то пробка или авария, или еще какой демон нашаманил. Кто-то звонил родным, чтобы забрали, кто-то ловил попутку. Алиса надеялась, что ей повезет.

Глупо! Среда, начавшаяся с севших батареек в будильнике и судорожных сборов в потемках, не может быть удачной.

«Трансформатор сторел», - со знанием дела выдала баба Зоя поутру с балкона, наблюдая пробежку Алисы к закрывающейся двери маршрутке.

По определению - чего же тогда удивляться неумолимо надвигающейся необходимости топтать домой пешком. Привычной к походам Алисе было не трудно.

Но в темноте, по лужам и после не самой легкой смены просто-напросто не хотелось.

-А придется! - решительно велела себе Куликовская и зашагала вдоль обочины.

Шагать ей пришлось недолго. Меньше пяти минут по часам, когда боковым зрением она уловила, что, поравнявшись с ней, медленно-медленно, будто норовя ехать не быстрее, чем она идет, рядом по дороге словно бы скользит абсолютно белый BMW. Ну ок, не абсолютно белый - грязь и его немного замарала.

Сразу догадавшись, кто сидит за рулем ползущего рядом автомобиля, Алиса продолжала свой путь. Между тем, окошко с ее стороны опустилось, и из него высунулась патлатая голова водителя. За каким лешим он оказался здесь поздним вечером, оставалось только гадать. Но вместо того, чтобы ехать себе мимо, как всякий посторонний человек, он решительно ломанулся в бой.

- Я, конечно, не очень рассчитываю на твой положительный ответ, но это... садись - подвезу.

- Правильно делаете, что не рассчитываете, - не оборачиваясь, сказала Алиса.

- Ну, ну! - пожал плечами Илья. Окошко закрылось, и машина рванула вперед. Оставалось только перевести дыхание.

- Не живется людям спокойно, - вздохнула Алиса себе под нос.

Людям, а именно Макарову, и правда, спокойно не жилось. Причем который день подряд. Он скрежетнул зубами, долбанул по рулю, выдохнул. Всю эту гребанную среду после пар провести на этой гребанной заправке, чтобы сейчас позволить себя послать?

Он уехал недалеко. Метров на пятнадцать. Съехал на обочину и перегородил Алисе дорогу. Она попыталась обойти машину. Но тщетно. Илья выкатился из салона и рывкнул: - Да садись уже! Я тебя просто подвезу! Или приятнее по грязи чавкать?

- Я грязи не боюсь. Мне недалеко, я сама.

- Ты где живешь-то?

- Дома, - пожала она плечами.

- Круто! - рассмеялся он. - Прикинь, я тоже дома живу. Поехали уже, а? Не отстану.

- Совсем без шансов? - жалобно спросила Алиса.

- Совсем! Иначе у тебя сапоги промокнут.

Она кивнула, решительно распахнула заднюю дверцу и устроилась на сиденье, примостив рядом рюкзак. Почти не веря собственным глазам, Илья захлопнул ее дверь, уселся сам и выдохнул. Посмотрел в зеркало заднего вида, в которое весьма удачно попало ее лицо. Она. В его. Машине. И он расплылся в глупой улыбке, не понимая, почему улыбается.

- Только учтите, у меня парень есть, - деловито выдала она.

- Да как скажешь, - хохотнул он и тронулся с места: - Дом у нас где?

- На Плоткина, во Всеволожске, - сказала Алиса и отвернулась к окну.

- Ну, до Всеволожска доедем - дальше будешь объяснять.

В ответ раздалось что-то невнятное, негромкое, но определенно утвердительное. Илья удовлетворенно кивнул. Слава яйцам и питерскому климату, который снова начал творить чудеса - крупные капли затарабанили по стеклу, пришлось включить дворники. И заодно радио. Потому что на задушевную беседу Алиса явно не была настроена. Не сейчас. Но прогресс все же наметился.

Нет, все получилось спонтанно, почти случайно. На Дорогу жизни его занесло традиционно уже - без цели и вектора. Просто притянуло и все. Выбесил Никита своим «обучением». Выбесила собственная растерянность, когда это услышал. Будто удар под дых получил. А это глупо, бессмысленно.

Но все-таки в Питере не усидел. Честно выдержал вторник с факультативом по базам данных и подготовкой ко дню кафедры и все четыре пары в среду. После чего плюнул на всякие попытки включить мозг и поехал на АЗС, где трудилась «обучаемая». А она трудилась. Видел через витрину. И надеялся, что она не видит его. Просто отогнал машину

чуть дальше, из поля ее зрения, и сидел, как баран. Ждал, когда закончится рабочий день. Дождался.

Она в его машине.

Ведущая на радио бодро трындела о погоде, которая озверела. А Илья периодически поглядывал в зеркало, надеясь снова поймать Алисин взгляд. Потом прогноз сменился Сплинами. Илья включил погромче. И делал вид, что внимательно слушает, как Васильев поет что-то жизнеутверждающее на тему процесса создания новых людей. И веселился. Впервые за столько времени по-настоящему веселился. Алиса в его машине! Невероятно!

- А вот теперь рассказывай, куда поворачивать! - скомандовал он, перекрикивая песню с ее кульминацией: «Думают люди в Ленинграде и Риме, что смерть - это то, что бывает с другими, Что жизнь так и будет крутить и крутить колесо». - Я дальше не знаю!

Некоторое время Алиса, чувствуя себя штурманом, говорила, куда ехать, пока, наконец, с облегчением не объявила:

- Приехали!

Илья припарковал машину у подъезда. Быстро глянул на дом. Выскочил из салона.

Открыл дверцу и подал своей пассажирке руку.

Она выбралась сама, вытащила следом за собой рюкзак и буркнула:

- Спасибо.

- А номер телефона дашь?

- Нет, - снова буркнула Алиса и спешно ретировалась в подъезд.

Громко хлопнула дверь, спугнув примостившихся на крыльце кошаков. Некоторое время Илья смотрел на самого стойкого, рыжего, который даже ухом не повел, а продолжил дрыхнуть под козырьком, прячась от дождя. Глупо улыбнулся, как улыбался всю дорогу сюда. И почему-то чувствовал себя абсолютно счастливым. А потом, все так же, не отрывая взгляда от подъезда, тихо проговорил:

- Иди в жопу, Логинов. Моё.

Начало

В кои-то веки за последнее время радио весело сообщало, что нынче будет не просто без осадков, а даже с переменной облачностью. Это вселяло надежду на более радостный день, чем вчера. Дурацкий день, несуразно начавшийся, так же и закончившийся.

Алиса вздыхала, предпринимала попытки читать. Но мозг отказывался воспринимать не только учебник, но и художественную литературу, упорно подсовывая безответный вопрос: откуда на ее голову взялся этот банный лист.

Додумать не успела – телефон пиликнул принятой смс-кой.

«температура упала. соскучился»

Никита. Удивительным образом не производивший впечатление «банного листа», в отличие от того, кто им являлся.

«я сегодня работаю днем», - в порыве чувства некоторой вины написала Алиса в ответ и быстро отправила, не давая себе времени передумать. Надо же сделать приятное человеку, который поперся за ней в тот дурацкий поход и в итоге заработал простуду.

«Странные люди!» - весело размышляла она, выходя из подъезда.

Подняв голову вверх, махнула бабе Зое и краем глаза выхватила стоявший под подъездом бумер. Банный лист прилагался. Он прислонился спиной к дверце машины,

широко улыбался и держал в руках ярко-красную гузманию в небольшом древнем, судя по виду, керамическом горшке.

- Теперь-то что? – поинтересовалась Алиса, разглядывая цветок.

- Лужи еще не высохли, потому я везу тебя на работу.

- Я не просила, - она перевела взгляд и посмотрела прямо ему в лицо.

- Я в курсе. Я тебя прошу, - он приблизился, легко улыбнулся, протянул ей горшок и проговорил: - Пожалуйста, можно я тебя подвезу.

- Вам заняться нечем? – спросила она и взяла цветок. – И что мне с ним делать целый день...

- Поставишь у себя на работе. Красиво же... Цветочный еще не работал, а я поливать забываю. Подумал, что тебе понравится больше, чем букет.

Она удивленно вскинула брови и, подумав немного, сказала:

- Ладно, поехали.

Илья издал победный клич. Следом сверху громко стукнуло чье-то окно. Баба Зоя сунулась в форточку. Она была довольно проворной старушкой. И никакие преграды ее не останавливали, когда ей хотелось разузнать, в чем там дело. Там – могло быть где угодно. Сферы интересов бабы Зои ширились с каждым годом.

Но подслушивать больше было нечего. Макаров быстро открыл дверь машины, приглашая Алису садиться. В этот раз она не заставила себя ждать и быстро устроилась в салоне.

- С кем первым вы хотите познакомиться: с моей мамой или моим парнем? – спросила она, когда Илья уселся рядом.

- Да как скажешь, - рассмеялся он. – Иногда – крайне редко – я бываю послушным. С мамой так с мамой. С парнем так с парнем. Хоть с шефом.

Улыбнулся, завел машину, тронулся с места, медленно поплыв по двору.

- Да я никак не скажу. Но баба Зоя обязательно всем скажет.

- Аааа, ну если баба Зоя расскажет, то, конечно! Тут только один выход – рассказать все раньше ее.

- Мне ее не опередить, потому что я должна быть на работе.

- Тогда забей. В конце концов, это моя физиономия в опасности.

- И мой покой. А все благодаря вам. Откуда вы взяли на мою голову? – не сдержавшись, спросила Алиса.

- В первый раз мы встретились на Литейном, - медленно, будто объясняет что-то элементарное, проговорил он. – Я тебе тогда не понравился.

- А если я скажу, что вы мне и сейчас не сильно нравитесь?

- Это неприятно, но объяснимо. Привыкнешь, - продолжал забавляться он. – В конце концов, судьбе виднее. Это она нас пересекла. А мы сопротивляемся. Сколько можно друг от друга бегать?

- А я не верю в судьбу, - рассмеялась Алиса.

- Ну я тоже не особо, но надо же чем-то объяснить тебе неизбежность того, что я хочу подвозить тебя с работы и на работу.

- Звучит как-то уныло.

- Унылым меня еще никто не называл, - он покосился на Алису, ее голова выглядывала из-за цветка и казалась такой же пушистой. Было забавно за ней сейчас наблюдать. И ему нравилось за ней наблюдать. – В идеале, конечно, чтобы дома мы тоже вместе были, но,

боюсь, тебе это из моих уст конкретно сейчас может не понравиться. Потому об этом поговорим позже.

Она хотела было что-то сказать, но передумала. Некоторое время снова рассматривала цветок и вдруг задумчиво проговорила:

- Выходит, вы еще и безответственный.

- Это еще почему?

- Потому что забывали его поливать, - она кивнула на цветок.

- У меня квартира просто... от старых хозяев остался. Мне он нравится, но, боюсь, сдохнет.

- Ммм...

- Ну жалко же... цветок.

- Жалко, - согласилась Алиса. – Только... У вас больше нет? Ну, от старых хозяев.

- Есть... Но я решил, что все скопом тебе переть – перебор, - он улыбнулся и взгляделся в дорогу. – Один клевый такой, не знаю, как называется... Пятнистый, лохматый.

- Не надо. Больше не надо, ладно?

- Не любишь цветы?

- Люблю. Но это не значит, что нужно свозить мне все ваши.

- Перестань мне выкать!

- Приехали! – радостно выпалила Алиса и ткнула пальцем в здание заправки.

- Приехали, - буркнул он, сбавляя скорость, свернул к АЗС и вырулил на парковку возле нее. Потом обернулся к ней, кивнул на гузманию и сказал: - Если он тебе не нравится, там мусорный бак. Пойди и выброси.

- Спасибо, - кивнула Алиса.

Вышла из машины, нацепила на одно плечо рюкзак и в обнимку с цветком направилась принимать смену у драгоценного Петруни. Макаров понятия не имел, кто такой Петруня. И по счастью у них не было общих интересов, кроме, разве что, мечты поскорее свалить. В смысле, Петруня сам мечтал поскорее ретироваться. А Илья – как давно и ничего – ждал, когда тот уйдет, наблюдая сквозь стеклянную витрину его общение с Алисой.

И когда это, в конце концов, случилось, выдохнул с облегчением и решительно вошел.

- Девушка, будьте добры два кофе. Черный покрепче и чего-нибудь с молоком. Маффины свежие?

- Нет, - едва не подпрыгнула Алиса. – Позавчерашние. Тебе точно нечем заняться?

Илья хитро глянул на нее, отметив про себя это «тебе», и подмигнул.

- Ну в универ я сегодня не еду. Так что... А что есть сегодняшнее?

- Пока ничего. Рано.

- Тогда давай просто кофе пить. Если хочешь, я и приготовлю. Все равно пока никого.

- Здесь камеры. Я сейчас сделаю.

- Строго как все у вас, - Илья уселся на высокий стул возле стойки, подпер кулаком щеку и стал наблюдать за ее движениями. – Тебе здесь нравится?

- Существуют правила. Это же не моя личная заправка. А мне нужна эта работа.

- Я искал девушку по имени Алиса среди первокурсниц у нас. На каком предмете завалили?

- Математика.

- На ней всегда валят. Меня верняк зимой из универа из-за матмоделирования попрут.

- Ты так спокойно об этом говоришь.

Илья пожал плечами и улыбнулся:

- Ну, сопли жевать точно не собираюсь. Может, я завтра Францевича, препода, из-под машины выдерну... ну или из застрявшего лифта. И он на трояк расщедрится.

Она кивнула и поставила перед ним черный кофе. Вдаваться в высокопарные рассуждения о социальном неравенстве Алиса точно не собиралась. Ей работать на заправке, поступить, выучиться и получить некоторый шанс сменить, наконец, профессию. Ему, судя по транспортному средству, хоть при наличии диплома, хоть без него, ничего не грозит.

Каждому свое.

Она поставила перед ним второй стаканчик, на этот раз кофе был с молоком. Илья быстро глянул на нее и придвинул его обратно.

- Я же не буду кофе пить один! – весело возмутился он. – Вдвоем вкуснее.

- Спасибо, - она сделала глоток. – Скоро менеджер придет. Мне работать надо.

- Как придет, так и поработаешь. Все равно тут только я. Утро.

Илья отпил, поморщился – горячий, как он любил – и поднял на нее взгляд. Сейчас свет падал на ее волосы, они отливали легкой рыжинкой, а глаза сделались светлыми, как светлый янтарь. И вдруг он вспомнил, как пытался ее поцеловать несколько недель назад. И правда, хам. Сейчас ему хотелось того же, но не так, как тогда. По-настоящему хотелось. Не на день, не на ночь.

Мотнул головой, улыбнулся, но взгляда не отводил.

И делал вид или действительно не понимал, что ей неловко под его пристальным, изучающим взглядом. Алиса точно знала: если он задержится еще на некоторое время, она обязательно скажет какую-то колкость.

- Мне правда есть чем заняться, - предприняла она новую попытку избавиться от него.

- Я допью кофе и уйду. Честно.

- Спасибо, - проговорила Алиса.

Это было самое искреннее спасибо за сегодняшний день.

- А вечером в кино пойдем?

- Это обязательно?

- Мне – да.

- Тогда без меня.

Он на мгновение замер – улыбка с губ стерлась, нахмурился, подобрался. И мрачно спросил:

- Совсем не хочешь?

- Я сегодня не могу.

- Это тонкий намек, чтобы я отвалил? Или правда не можешь?

- У меня занятия. Проверять будешь?

- Ннет... - он быстро сделал еще глоток из чашки и снова посмотрел на нее, будто бы собиравшись с мыслями: - Не буду проверять. А завтра? Вставишь меня в свое расписание?

- Только не ужастик.

- И не мелодрама.

- Что остается?

- Детективы, сказки, фантастика.

- Ты смотришь сказки? – удивилась Алиса.

- Я смотрю все, кроме ужастиков и мелодрам.

- Я поняла.

- И я понял, - усмехнулся Илья, допивая свой кофе. В конце концов, слово надо держать!

Он бесконечно любил осень. Больше любого другого времени года. Осень любить - банально. Но сезонов всего четыре. Что есть на земле не банального?

В этой - было что-то особенное.

Нет, дело не в том, какими красками наполнились улицы почти в одночасье. И не в погоде, которая в первую неделю октября установилась на редкость солнечная и сухая. И не в небе, которое казалось на удивление высоким и пронзительно синим в те часы, когда туч не оставалось. И не в том, что стало совсем тепло - и летом такого тепла не всегда дождешься.

Наверное, появилось что-то в самом воздухе. Он сделался золотистым и мягким и тянулся грушевым вареньем со вкусом детства. Дышишь - и нельзя надыхаться.

Хоть как ни вдыхай.

Ладонь в его руке была крохотной, почти детской. Ему нравилось сжимать ее, чертя пальцем узор на запястье, и тащить за собой, делая вид, что ничего не происходит в это самое мгновение - разве может одно касание что-нибудь значить, когда оно означает все, но и его не довольно?

Иногда он оглядывался и широко улыбался. Потому что самым важным было видеть выражение ее глаз. Краски ее лица. Когда она высоко поднимала голову и смотрела вверх, то ли на аттракционы, то ли на небо. Откуда-то доносилась музыка, которая заставила бы его поморщиться, если бы он вслушался. Мимо него проходил бесконечный ряд звуков, которые совсем не имели значения, когда в руке была ее рука, и можно водить большим пальцем по ее коже.

Он нес какую-то пургу, которая тоже не имела значения. И ловил себя на мысли, что впервые ему хочется слушать кого-то, кроме себя.

Кого-то, кроме себя.

Алису.

Новое чувство. Родилось за неделю. Неделю, что они виделись каждый день. С того самого утра, когда он всучил ей цветок, названия которого даже не знал, со своего подоконника. Но знал точно - ей должно понравиться. Ей не может не понравиться - девушке, которая в ураган претя в форт с рюкзаком и бьет по морде хамов.

Алиса. Вошедшая в его жизнь за несколько случайных встреч. Ему нравилось слушать ее голос, когда она говорила - о чем угодно. Ему нравилось наблюдать, как ее волосы шевелит ветер. Ему бесконечно нравилась гладкость ее кожи на запястье.

Алиса, которая случилась осенью.

- Мороженое не предлагаю! - перекрикивал Илья шум Диво Острова, куда привез ее в это воскресенье вместо турклуба. Парк гудел и вертелся переливами и раскатами сотен людей, среди которых они были двумя точками, держащимися за руки. - Горло будем беречь! Чего тебе хочется?

- Не знаю, - Алиса слегка пожала плечами и в сотый раз оглянулась.

Она была здесь впервые. Хотелось всего и сразу - кататься на аттракционах, выпить чаю со сдобной булкой в кафе, просто бродить по аллеям, держась за руки и слушая рассказы

Илья. О чем угодно. Он умел о самой глупой ерунде рассказать, как о самом важном во всем белом свете. Она не всегда могла отличить выдумки от правды, и ее это смешило. Что вдохновляло его на новые рассказы.

- Колесо обозрения? - он ткнул пальцем в небо. - Или не? Шейкер? Горки? Или установим очередность? Уныло - весело, уныло - весело.

- Давай начнем с колеса, - решила Алиса.

- Тоже верно, а то еще укачает, фиг захочется, - одобрил Илья и, не отпуская ее ладони, потащил за собой.

Билеты были куплены немедленно. Вместе с облаком белой сладкой ваты, врученной Алисе в качестве реквизита и провианта одновременно. Усадив ее в кабинку, Макаров с самым серьезным видом достал фотоаппарат.

- А теперь все. Попала, - совершенно серьезно заявил он.

- Я плохо на фотографиях получаюсь, - улыбнулась она и спряталась за ватой.

- Это потому что не я снимаю! - возмутился Макаров. - Дело почти всегда в фотографе.

- Сам увидишь!

- Ты мне доверяешь? Хоть немножко? Я тебя окатил грязью, чуть не пришиб дверью и подарил тебе самую очаровательную эту... как ты говорила оно называется?

- Гузмания... - она опустила белый шар и посмотрела на Илью. - Между прочим, футболка так и не отстиралась. Любимая.

- Куплю другую, - хохотнул он, сделал несколько кадров, поднял на нее глаза и серьезно спросил: - Сильно тогда расстроилась?

- Приятного мало. Будешь? - спросила Алиса, протягивая ему вату.

- Буду! - он, отщипнув кусок, задумчиво отправил его в рот. Вата была приторно сладкой, неминуемо вызывающей жажду. Но странным образом не перебивающей воздуха этой осени. - А рука хоть цела осталась после двери? А то у меня сейчас приступ самобичевания случится.

- И побежишь покупать новую руку? Успокойся, все со мной нормально, - Алиса завертела головой, разглядывая раскинувшийся под ними парк. Бегали дети, гуляли взрослые, пользуясь хорошей погодой. - Красиво здесь. Весной, наверное, еще красивее.

- Придем весной и проверим. Любишь весну?

- Люблю. И лето люблю, и зиму.

- А осень нет?

- И осень люблю.

- Потрясающе! Улыбнись, а?

Алиса улыбнулась, подождала, пока Илья сделает несколько кадров, а после снова отвернулась. Вокруг было значительно интереснее, чем его попытки запечатлеть ее ничем не примечательную мордашку на фотопленке. Он видел ее нетерпение. Она напоминала ему щенка с горящими глазами, которого впервые выпустили побегать на лужайке. Красивый золотистый щенок. От этого не особенно умного сравнения стало невыразимо весело. Илья чуть сдвинулся и стал фотографировать ее профиль, то как она смотрит на землю, на город, на других людей. Как сжимает в руках палочку от сладкой ваты и держится за поручни. И волосы - сегодня они были распущены по плечам, завивались кольцами и искрились под солнцем - ее волосы, подхваченные ветром, он фотографировал тоже.

- И ничего в этом нет унылого, - сказала Алиса, выбираясь из кабинки, когда они снова оказались внизу, и подняла голову вверх. - Будто в небе побывал.

- Нифига не в небе. Ты с парашютом прыгала когда-нибудь? Вот, где небо.

- Наверное. Но с парашютом я точно прыгать не буду.

- А на самолете летала?

Она отрицательно качнула головой. Илья улыбнулся и снова взял ее за руку:

- Тогда у тебя все будет в первый раз. Это круто!

- Пока не знаю, - Алиса пожала плечами. - Давай еще на чем-нибудь покатаемся, а?

- Горки?

- Горки!

- Тогда предупреждаю, - сделав заговорщицкий вид, прошептал он, глядя ей прямо в глаза, - это тебе не детская каруселька!

- Я примерно представляю.

Горки действительно было трудно сравнить с каруселью с пони и слониками. Провалы были сумасшедшими, углы наклона - вполне себе спорили с законами физики. А первая секция в паровозике и стояла дороже - а ну-ка собственными глазами перед собой видеть все эти виражи. Двойное удовольствие. За которое, и правда, стоит платить. Там они и расположились.

- Если что, за меня держись, - хохотнул Илья, глядя на озирающуюся по сторонам Алису.

Она кивнула, опустила зажим, как показали, но едва вагончик тронулся, крепко вцепилась в поручень перед собой. Первый вираж преодолела, стиснув зубы и глядя куда-то вперед, но при этом ничего не видя. Но уже на следующем спуске весело кричала вместе со всеми, умудряясь оглядываться и от этого визжа еще громче. Подрагивающие коленки почувствовала только когда снова ступила на твердую землю, голова слегка кружилась.

- Я тебя не сильно оглушила? - спросила она Илью.

- Та лишь бы сама не оглохла, - рассмеялся он. - Выше только дельфины.

- Не оглохла. Здорово! Только мало.

- Мало? Еще раз? - он приподнял бровь и усмехнулся одним уголком губ.

- Нет, не сейчас.

- А сейчас что? Есть хочешь? Или пить?

Он удивлялся самому себе. Он не узнавал себя, но узнавал ее. И чувствовал новую для себя радость - радовать кого-то другого. Будто бы существо из другого мира, которое смотрит во все глаза на твой. И невозможно не улыбаться в ответ, глядя на искреннюю улыбку. Мало ли на свете таких девчонок? Нет, немало. Но почему-то именно здесь и сейчас эта - оказалась важнее других.

- Я хочу всего и сразу, - честно призналась Алиса и смутилась. - Я никогда здесь раньше не была. Столько всего! И все интересно.

- Ну, когда я на открытии был, тоже впечатление произвело.

На некоторое время она притихла. Будто бы собираясь с духом. А потом вдруг сама взяла его за руку и сказала:

- Можно тебя попросить не смотреть на меня все время?

Некоторое время Макаров внимательно смотрел на ее макушку. Потом дошло. Посмотрел на ее ладонь в своей. И спросил:

- Стесняешься?

- Мне кажется, будто я на экзамене. И боюсь ошибиться. Сделать что-то не то или не так.

- Ты не на экзамене, - удивился он, живо представив себя с портфелем Францевича и в его очках. От этого стало смешно, но он честно старался не смеяться. Только чуть крепче сжал ее ладонь и повторил: - Не на экзамене... Просто мне нравится на тебя смотреть.

Алиса кивнула, поправила волосы, оглянулась по сторонам и негромко сказала:

- Идем уже куда-нибудь.

- Ну хочешь я целый час на тебя смотреть не буду? Только за последствия не ручаюсь!

- Не пугай меня.

- Сам боюсь!

Потом он фотографировал ее во всех подходящих местах, а она корчила ему рожицы. Они снова катались на аттракционах и валялись на лавочках, голова к голове. Пили не чай, но какао, горячее и вкусное, с пирожными, огромными и сладкими. Безостановочно говорили, иногда одновременно. А вокруг играла музыка, шумел ветер, галдели люди. Все по-прежнему гудело и вертелось, опьяняя безостановочным движением.

Он продолжал смотреть на нее - но только видел теперь в объективе фотоаппарата. Всегда любил снимать. Оказывается, всегда любил - забыл просто. Теперь вспомнил. Если бы можно было запечатлеть на фотографии звуки и запахи. Но даже свет и цвета - уже много.

Вечерело. День отпускать не хотелось. Очень многое можно отпустить, но только не этот день. Сделав очередной щелчок фотоаппаратом, Илья поднял глаза от него к Алисе и, подмигнув, спросил:

- Давай еще по городу пройдемся, если ты не устала?

- Давай, - согласилась она и улыбнулась. - Мне б только не сильно поздно домой вернуться.

- Слушай, я тебя забрал? Забрал. Я тебя и домой верну. На машине быстро.

- Просто мама...

- Что мама?

- Ну то и мама, - вздохнула Алиса. - А у нее сердце.

- Алис, я очень полезен для сердца, правда! И я же не прошу нас знакомить, если ты из-за этого переживаешь. В десять дома будешь. Не поздно?

- Ты обиделся?

Конечно, он не обиделся. Связался с девочкой, не факт, что совершеннолетней, терпи. Мам. пап. бабушек, капризы и неопытность. «Поэтапное обучение», - полыхнуло в голове голосом Логинова. Тогда это выбесило, сейчас казалось глупостью. Алиса смотрела на него и ждала ответа. Как можно обижаться на эти глаза?

- Пока я тебя ужином не накормлю, все равно никуда не поедем, - легко сказал он.

- Так что прогулка, ужин, а потом домой. Договорились?

- Да, - торжественно кивнула она с видом отличницы-активистки.

- Ну вот и нечего, - выдохнул он и быстро «клянул» губами ее нос. И, ничего не говоря, потащил к выходу из парка.

Для Алисы, впервые не только оказавшейся в «Диво Острове», но и попавшей в водоворот совершенно новых для нее чувств и ощущений, день пробегал неумолимо. В то время как хотелось, чтобы он был бесконечным. Ей нравилось все: кататься на каруселях, ужинать в бистро, гулять по городу, чувствуя, как его пальцы гладят ее ладонь. Илья водил ее по улицам и переулкам, теперь уже почти не фотографируя. Стало совсем темно, и город заманивал своим фантастическим видом, отвлекая от привычных забот. Неспешно бредя по

очередной набережной, вдоль темной ограды под желтым светом уличных фонарей, они все больше молчали, прислушиваясь к ночным звукам и плеску воды. Пока перед ними белой громадой не появились два льва, восседавших на пьедесталах у начала моста и сосредоточенно глядящих на своих братьев с другой стороны канала. Илья довел ее до середины и остановился, взявшись одной рукой за перила. Посмотрел на Алису - теперь без объектива, настойчиво, жарко, как никто никогда на нее не смотрел. Улыбки на его лице больше не было. Напротив, он казался задумчивым, что так мало на него походило - во всяком случае, такого, каким его знала она до этого дня.

- Алька, - шепнул он. И наклонился к ней, обжигая ее губы своим дыханием.

В ярком свете фонаря, под которым они остановились, она ясно видела лицо Ильи.

Совсем близко от себя, глаза в глаза, губы в губы. Алиса сделала глубокий вдох, почувствовав его запах, и качнулась к нему. Первое прикосновение было кратким, на одно мгновение, на одно дуновение ветра. А потом его ладони коснулись ее спины, он притянул ее ближе, крепче, обнимая впервые. И впервые целуя. Его рот прижимался к ее нежно и настойчиво одновременно. Илья чуть вздрогнул, губы его раскрылись, и он осторожно, будто боясь спугнуть, скользнул языком по ее нижней губе. Зажмурившись, Алиса обняла его за шею. Почувствовала, что ей стало жарко, несмотря на ветер, холодивший ладони и щеки. Улыбнулась и распахнула губы навстречу его поцелую. Он знал, что она улыбается. Ощущал каждым сантиметром кожи - словно бы эта улыбка исходила от нее волнами, согревая его. Он забыл, где они, что они делают здесь. Он видел только пушистые ее ресницы и длинные тени от них на веках. Узнавал ее вкус, даже не понимая того, что это единственное, что имеет значение в эту самую важную на земле минуту. Сердце билось где-то под горлом, но, может быть, ему только казалось, что сердце. Перестав ощущать время, они ощущали друг друга.

Потом, когда поцелуй оборвался, он прижался лбом к ее лбу, и снова коротко выдохнул:

- Алька...

- Меня никто никогда так не называл, - шепнула она, не отстраняясь. Ей нравилось обнимать его, и нравилось чувствовать себя в его руках. И так отчаянно не хотелось домой.

- Можно я буду?

- Можно... тебе можно...

Илья улыбнулся, прижал ее к себе, зарылся лицом ей в волосы и тихо пробормотал:

-Алька...

А потом целовал ее снова. И ему тоже не хотелось домой.

Неделя миновала. Сумбурная и странная. С недолеченной простудой, с внезапной командировкой в Калининград вместе с шефом. С неожиданным открытием - а он скучает.

Понял это как-то сразу быстро. На третий день переговоров, когда гулял под руку с какой-то девицей, подцепленной в администрации «Янтаря» - то ли секретаршей, то ли стажеркой. Она обняла его за шею, напрашиваясь на поцелуй, он сомкнул пальцы у нее на талии. И вдруг подумал, что ничего здесь и сейчас не хочет. Хочет дома. Хочет Алису. И ему совершенно все равно, есть ли ей восемнадцать, что он запал на нее в игре, и что там еще бог знает сколько времени ходи и бойся дышать, а тут можно получить хороший секс без обязательств и отрыва от производства.

Нет, к секретарше он поехал. Командировка все-таки.

Но в Питер возвращался, определив для себя ближайшие планы.

Логинов четко уяснил для себя одну простую штуку: можно сколько угодно плыть по течению, но рано или поздно придется расставлять приоритеты. И, возможно, однажды он скажет Макарову спасибо за эту игру.

В общем-то, именно «спасибо» и именно Макарову себя долго ждать не заставило.

Прилетело, откуда не ждал.

На следующий же день по приезду, не предупреждая, ломанулся на Дорогу жизни, к Алисе. В этот день она должна была работать - график он успел выучить. На соседнем кресле примостилась маленькая янтарная сова, привезенная как сувенир из Калининграда. Положено везти янтарь. Понравится ли ей - вопрос, которым он пока не рискнул озадачиться. Со временем будет знать, пока остается угадывать. Вчерашние школьницы любят безделушки.

Радио весело трещало что-то до боли знакомое. А он возмущался дождем. Дождь был прохладный, тянул за собой теперь уже настоящую осень. Говорили, что в Питер на прошлой неделе вернулось лето. Никита не застал, зато застал сырость.

Добравшись до АЗС, вышел из машины, накинул на голову капюшон куртки и направился к зданию. Не дошел. Остановился. Витрина запотела изнутри, размазывая картинку действительности. Она теряла ясность, очертания и четкость.

Но одно он видел точно.

На стуле у стойки устроился Макаров, подперев ладонью подбородок. И что-то говорил. Улыбался он или нет, Никита не разглядел. А еще он разглядел Алису.

Она сидела напротив Ильи, точно так же подперев подбородок. И Логинов хорошо видел, что она улыбается. Смотрит и улыбается так, как никогда не смотрела и не улыбалась возле него.

«Жрать ты сегодня будешь на заправке. Закажешь хот-дог и колу. И общнешься с девчонкой на кассе». Эти слова, сказанные в шутку каких-то несколько недель назад, сейчас словно бы снова были произнесены громким и четким голосом Макарова.

Они не замечали его. Где им было его заметить за стеклом, на которое они даже не оглядывались? Они друг на друга смотрели.

Ник сглотнул, медленно развернулся и пошел к своей машине. Соображал медленно. Как-то сразу все стало ясно, но осознание никак не приходило в полной мере. Вертел в голове события вечера, когда было поставлено новое условие в их игре. И сопоставлял с увиденным. Пытался разобраться, зачем. Что это было? Для чего?

И пытался понять, чего добивается Макаров. Его проигрыша? Не макаровский метод. На него не похоже.

Ждать пришлось недолго. Полчаса спустя Илья выскочил на улицу и бегом, приподнимая воротник, ломанулся к своей машине. Недолго думая и, кажется, впервые поддавшись импульсу, Логинов выскочил из своей. И перехватив Илью, зло сказал:

- Отъедем?

Макаров быстро глянул на витрину, оценивая вероятность того, что Алиса видит их сейчас. Перевел взгляд на Ника.

- Отъедем, - согласился он, одернул руку и направился к собственной машине. - Впереди шиномонтажка есть. Там тормозну.

- Шоумен, - ухмыльнулся Логинов.

-Допустим, - пожал плечами Илья и скрылся в бумере.

Сорвался с места. У него было несколько минут, чтобы решить, что теперь делать. Неделю не думалось. Е сущности, следовало ожидать. Зато объясняться придется. И надо было раньше. Но все же не думалось. Ник уехал. Было не до того. Было ни до чего. Забросил универ, забыл фамилию Францевича, у родителей почти не появлялся. Утро начиналось со звонка Алисе. Звонками ей заканчивались и вечера. И виделись каждый день - либо на заправке, либо ездили гулять, либо подвозил домой. Хотел целовать ее до шума в ушах и головокружения. И совсем не хотел думать о том, что делать дальше.

А думать рано или поздно пришлось бы. Потому что сам ввязался в эту чертову игру.

Шиномонтажка показалась впереди, Илья перевел дыхание. Свернул на обочину и затормозил. Выбрался из машины.

Следом за ним припарковался и Никита. Минуту сидел, давая себе возможность успокоиться. Наконец, вышел и подошел к Илье.

- Ну и что сие означает? - скривив губы, задал он вопрос, который крутился в голове раз за разом.

- Ты же сам все видел, - медленно ответил Илья. - Мы встречаемся, Ник.

- Где ты, а где встречаемся, Макаров, - хохотнул Никита. - А меня ты для чего приплел? Для остроты ощущений? Прыжки с парашютом уже не вставляют?

- Да при чем тут?.. - вспыхнул Илья и опустил глаза. Выглядел он виноватым. Да и чувствовал себя виноватым. - Глупо приплел, признаю... Давай закончим на этом. Это не из-за игры, ты не продул, это я залажал.

-Да мне похрену! И игра твоя похрену. Я не отступлюсь.

- От чего не отступишься?

- От кого, идиот! От Алисы.

Илья хотел что-то ответить, но запнулся. Помолчал. Смотрел на брата и лучшего друга, медленно переводя взгляд с его сжимающихся и разжимающихся пальцев на лицо - замкнутое, холодное, злое. Ему редко доводилось видеть его таким. Может, разве что еще подростком. Обычно это Макаров петушился. Логинов успокаивал.

- Я тоже не отступлюсь, - негромко ответил Илья. - Да, это я тебя втянул, но я тогда еще не знал, что это глупость... Она мне нравится.

-Мне тоже.

- Круто. Так, может, подеремся?

- И что это изменит? - усмехнулся Ник.

- Не знаю, - Макаров задрал голову и посмотрел на небо. Дождь даже не думал заканчиваться. Капли били по лицу, но не остужали. Голова будто пылала. Вздрогнул и мрачно посмотрел на Логинова. -Дебильно, да?

- Дебильно, - Никита помолчал некоторое время, не отводя взгляда и обдумывая варианты собственных поступков и слов. Игра, бесконечная игра между ними. Сейчас напоминало шахматную партию. Дебильную шахматную партию. Чей цугцванг на доске? Наконец, так же мрачно, как и брат, сказал: - Пусть Алиса сама выберет.

Илья подобрался и напряженно сцепил руки на груди.

- Хорошо, пусть выберет. Так честно. Но, Ник, ей ни слова про нас.

- Не до конца такая честность, не находишь?

- Нахожу. Ну, допустим, скажешь ей. Дальше что? Хоть у одного шанс останется? Ты ж не лучше - ты повелся.

- Ладно, - согласился Ник. - Тогда я обратно на заправку.

- Ну удачи, - криво усмехнулся Илья. - Я здесь буду. Если ты вернешься, значит, отшила.

И у меня руки развязаны.

- Да пошел ты! - Логинов развернулся и, хлопнув дверцей, резко рванул с места. Илья заставил себя стоять, хотя, несмотря на собственные слова, первым порывом было мчаться следом. Не спеша, почти вынуждая самого себя немного медлить, направился к машине. Заперся в салон, врубил радио, чтобы хоть немного перебивало мысли. Не спасало.

Сдерживаться было непривычно. Ему, который никогда не умел держать себя в узде. Что-то горячее и буйное в нем требовало выхода - хоть шины пинай - но этого он тоже не делал. Потянулся в карман. Достал сигареты и зажигалку. Прикурил. Затянулся. Сигаретный привкус впечатывался в язык, оставляя горечь. Пальцы выбивали дробь по коже руля. Но это было безотчетно, этого не понимал. Ощущал лишь мучительный страх. Ему еще никогда, ни разу за время его недлинной, но веселой и легкой жизни не приходилось так зверски бояться. Он боялся потерять Алису. И не был уверен, есть ли она у него сейчас - есть ли кого терять? Зависимость от нее, которую он начинал испытывать, пугала тоже. Но в разы меньше, чем страх остаться без нее. И именно сейчас.

Недооценивать Логинова - глупость. Он всегда знал, что делал. И если Илье она съездила по морде в свое время, то с Ником ходила в поход и счастливо распивала кофе. Он ей нравился. Когда он того хотел, нравиться умел. Так что может оказаться сильнее? То, что у самого Ильи вызывало шквал эмоций каждый раз, когда он просто касался ее руки. Или то, что происходило у Алисы с Логиновым?

Это от него не зависело. Это зависело только от Альки. И потому тоже было страшно. Вдруг она ошибется. Люди же ошибаются.

Илья снова сглотнул, выбрался из машины. Побрел искать урну возле шиномонтажки. Не нашел, бросил окурок куда-то под ноги. И снова стал с усилием удерживать себя на месте. Холодало. Очень холодало, но и холода Илья не ощущал.

Потому что время шло, а Никита не возвращался.

Потому что он говорил там с ней. Уговаривал. А возможно, целовал - если она позволила. Она могла позволить? Могла?

Илья зажмурился, пытаясь отогнать наваждение. После дня на Диво Острове, который они провели вместе, после первого поцелуя на Львином мосту после того, какое небо вдруг оказалось у них на двоих - разве могла?

Все разбивалось в прах о единственный довод.

Тогда не было Логинова. Теперь Логинов появился.

И винить во всем, кроме себя, некого.

- Идиот, - процедил сквозь зубы Макаров, сплюнул, глянул на часы. Сорок минут. Вроде, сорок. За это время можно было все решить? Наверное, да.

Вопрос: готов ли он принять все, как обещал?

Да черта с два готов!

Это как удар под дых. Даже еще хуже. Илья негромко ругнулся и повернулся к машине. Куда ехать - не знал, не представлял. Хуже всего, что пришла уверенность - сейчас он вернется на гребанную заправку. Потому что не может туда не вернуться.

Его метания прервал шорох шин по мокрому асфальту, показавшийся Макарову самым громким звуком, что он слышал в жизни. Никита остановил машину рядом с братом. Выходить не стал, опустил стекло и медленно проговорил:

- Если ты ее обидишь, клянусь, прибью.

Отвернулся, нажал на газ, и колеса жалобно скрипнули разлетевшимся гравием обочины.

Все вокруг гремело, ревело, кричало, сверкало разноцветными лучами и мелькало изображениями на огромных экранах.

Находиться внутри постоянно движущейся толпы - в такт музыке и просто в перемещении с места на место - было непривычно. Ново. И даже страшно.

Алиса опасливо оглядывалась по сторонам на приплясывающих соседей, тесно прижималась к Илье и совсем не думала, что с такой «ношей» среди людей она не оставляет ему возможности маневра. Она вообще не думала. Происходящего на сцене ей было не видно, поэтому пыталась смотреть на экраны, по-прежнему крепко держась за Илью. Но слышно было хорошо. Более чем! Алисе казалось, что к концу этого действия, она наверняка оглохнет.

Наивная! Уже сейчас, выведи ее на улицу со стадиона, в голове будет та еще какофония.

В какое-то мгновение, Макаров прижал ее к себе крепче и так, вместе с ней, ломанулся вперед, ближе к сцене. Косились на них без особого восторга, кто-то даже шипел в спину. Но глаза горели - было не до того.

До сцены оставалось еще метров десять, когда стало ясно, что ближе не подойдешь никак. И пришлось остановиться.

- Ты как? - прокричал Алисе Илья.

- Нормально, - шевельнула она губами, не представляя, услышал он или нет.

- Здесь хоть немного лучше видно? - Да нормально, правда!

- Тебе хоть нравится?

- Нравится, - быстро закивала она.

- Да? - недоверчиво спросил он, но тут же улыбнулся - чудо, что она вообще согласилась ехать на этот фест. В Москву на три дня. Думал, не поедет.

Что еще ему оставалось делать, если уговаривать пришлось долго и упорно? Сначала Алиса просто отнекивалась, потом принялась отмазываться мамой, работой и дальностью поездки. Илья потратил не один день, чтобы однажды услышать от нее: «Кажется, у меня получится». Этому предшествовали переговоры с Танькой относительно подмены. Подружка сообщила, что за два дня Алиска будет должна ей три.

Сложнее было с мамой. Сказать правду, что на несколько дней собралась в Москву с парнем, которого Любовь Михайловна в глаза не видела, но, безусловно, была наслышана от бабы Зои, оказалось не вариантом. Пришлось воспользоваться запрещенным приемом.

«Мам, я на день рождения в Москву съезжу?» - спросила она с порога однажды вечером, вернувшись с работы.

«Как это - съезжу?» - удивилась мама, отвлекаясь от швейной машинки. Строчить перестала, зато стало слышно сериал, который шел в телевизоре фоном.

«На поезде, как все».

«Алиска!» - возмутилась мать.

«Ну мам!.. - она подошла к Любове Михайловне и обняла за шею, - ну пожалуйста.

Погуляю. День рождения ведь, праздник».

«Праздник, - согласилась мама скорбным голосом. - В том-то и дело!

Восемнадцать лет. Я думала, посидим вместе. Виталика позовем, каких-нибудь твоих подружек... А тебе-Москва. Чего ты там не видала?»

«Новодевичий монастырь», - не моргнув глазом, ответила Алиса.

Мать закашлялась, сердечный кашель в последнее время часто ее одолевал. Но сейчас он быстро перешел в смех. Она подняла глаза на дочь и, продолжая смеяться, выдохнула:

«Совершеннолетие в монастыре-даже как-то символично!»

«Значит, можно, да?»

«С кем?» - вопрос был задан со всей серьезностью, очень неожиданной после смеха.

«С Аленкой Пиотровской. Она ж в Москву поступила».

«Остановишься где? У нее?» - продолжала Любовь Михайловна учинять допрос.

«Конечно. Где же еще? Ехала бы я, если бы ночевать было негде. А так погуляем.

Может, в какую усадьбу съездим. Погоду хорошую обещают»,

«А этот твой... про которого шифруешься... едет?»

«Я не шифруюсь», - вспыхнула Алиса.

«Ладно, ладно! - отмахнулась мать, что на сей раз звучало как разрешение. – Но смотри мне, Алиска!»

«Ага! - весело откликнулась дочка. - Обязательно».

Словом, запрещенный прием подействовал. Мать поездку не одобрила, но и не запретила. Хотя до последнего вздыхала - вдруг дочь передумает. В день отъезда попросила только:

«Ты, когда приедешь, все-таки со знакомством не тяни, а то отпускаю бог знает как».

Алиса пообещала, и теперь, стоя рядом с Ильей почти под самой сценой и не к месту вспомнив о своем обещании, поглядывала на него в предположениях, согласится он встречаться с Любовью Михайловной или нет.

- Мама хочет с тобой познакомиться, - неожиданно крикнула она.

Илья, который до этого воевал с каким-то чуваком за то, куда поставить ногу, замер и перевел взгляд на Алису. Народ колбасился. Его колбасило тоже. До этого мгновения. Включили прожекторы, и Алькино лицо выхватил луч света. Почему-то подумал, что она очень красивая, будто увидел что-то, чего не замечал. И сказал:

- Ну и хорошо.

- Правда?

- Проще будет тебя из дома вытаскивать!

Алиса улыбнулась и вдруг вскрикнула. Отлепилась от Ильи, подпрыгнула, чтобы увидеть сцену. И заверещала:

- Я обожаю эту песню!

Илья ошалевшим взглядом посмотрел на нее, потом туда, где уже отрывалась «Эпидемия», а вместе с ней отрывалась толпа. И, кажется, оторвалась Алиса. Когда Самосват дошел до припева и выскочил на небольшую площадку, уходящую подиумом вперед, в зрителей, она сперва взвизгнула, а затем принялась старательно подпевать:

Пройди свой путь,

Он ведь один и с него не свернуть,

Пусть не знаешь зачем

И не знаешь куда ты идёшь.

Пройди свой путь,

Ты не сумеешь назад всё вернуть,

И не знаешь пока что в конце тупика

Ты найдёшь.

- А я Земфиру люблю, - хохотнул Илья, думая о том, что в следующий раз стоит сводить ее на каких-нибудь металлистов.

Алиса не ответила. Она продолжала петь, прыгать и улюлюкать вместе со всеми. Илья наблюдал за ней, и это веселило больше, чем все остальное вместе взятое. Она, оказывается, и такая бывает. И совсем забыла, что чувствует себя как на экзамене.

«Эпидемия» завершала свое выступление «Всадником из льда», заметно снизив темп и высоту прыжков, равно как и децибелы улюлюканья. И это дало возможность притянуть Алису за плечи к себе и раскачиваться в такт музыке, словно бы это был танец только для них двоих, без толпы. Он вдыхал запах ее волос и чувствовал, какое тепло исходит от ее тела. Терял голову, будто и сам был вчерашним школьником. И иногда прикасался губами к ее ушку- потому что не мог себе в том отказать.

Алиса вдруг обернулась и подняла к нему лицо, почувствовав его дыхание. Глаза ее горели азартом. Она улыбалась и была наполнена музыкой, звучащей вокруг них.

- Спасибо! - сказала она громко, чтобы он услышал.

Не зная, что ответить, Илья прижал ее к себе еще крепче. Подумалось вдруг, что это здорово - дарить кому-то мир, которого тот еще не знает. Будто и сам открываешь его заново - для себя.

Было еще много всего. Много часов подряд, когда они двигались со всеми вместе, что-то кричали, подпевали, хлопали, стояли на ушах. Много часов подряд будто несло волной, в которой ты уже не ты, а часть целого. И много часов подряд они, отдавая энергию, заряжались ею.

Уже потом, поздно ночью, когда выбрались со стадиона, он вызывал такси, не выпуская Алькиной ладони из своих рук. И улыбался ей, зная, что она все еще слышит музыку- потому что ее слышал он. Та пульсировала внутри, отдаваясь по всему телу. И это тоже было в кайф.

Они ехали по ночному городу в гостиницу, где он забронировал номер накануне приезда, и она, устроив голову у него на плече, продолжала что-то мурлыкать себе под нос. И не пили ведь, а были как пьяные. Еще с утра, приехав в Москву, забросили вещи в свою гостишку - расчетный час еще не наступил, номер убирался, и пришлось договариваться с администратором, чтобы оставить дорожные сумки. Весь день гуляли по городу. И он весь день фотографировал ее.

Кажется, Алиса и привыкла уже. А вечером был РокФест.

Наверное, среди всего, что срывает последние барьеры между людьми, можно назвать и музыку. Иногда она тоже учит видеть настоящее. И обнажает то, что может быть скрыто.

В гостинице их ждал сюрприз. Администраторша любезно отдала им сумки, любезно зарегистрировала их и провела расчет, любезно сообщила о том, как работает ресторан, любезно уточнила насчет завтрака и любезно провела их в номер. И уже там, едва войдя, Илья, вскинув брови, выдохнул севшим на концерте голосом:

- Я же просил отдельные кровати!

Кровать была одна. Огромная, двуспальная, посреди комнаты. С большим плюшевым медведем на подушках.

- Но... - администратор на мгновение растерялась. - Вероятно, произошла ошибка. Мы сейчас попробуем все решить...

Илья едва не хлопнул себя по лбу, обернулся к Алисе, виновато улыбнулся и принялся объяснять уже скорее ей, чем работнице гостиницы:

- Я позавчера бронировал. Точно заказывал номер с двумя кроватями. Мне все

подтвердили!

- Уверена, мы подберем другой, - снова заговорила администратор. - Все будет сделано быстро...

- Но ждать придется, - жалобно протянула Алиса, потом перевела с Ильи на кровать и обратно. - Не подеремся же...

- Устала?

Она кивнула. Макаров посмотрел на администратора. Взял из ее рук ключ и сказал:

- Мы остаемся. Алис, ты есть хочешь?

-Нет.

- Тогда все. Спасибо!

Администратор напомнила, как ей позвонить, пожелала спокойной ночи и вышла. Алиса проводила ее взглядом, а когда дверь закрылась, пискнула:

- В душ хочу.

- Ну... пошли в душ... в смысле иди, - растерянно проговорил Илья, вдруг осознав, что они остались наедине - совсем по-настоящему наедине, без людей вокруг, как никогда еще не было, ни разу. И от этого чувствовал смущение - глупо, но, оказывается, Макаров умел смущаться. Кивнул ей и добавил: -А я пока кровать... расстелю...

Упоминание кровати прозвучало еще глупее.

Подхватив свой рюкзак, Алиса быстро скрылась в душевой. Звякнула защелка, потом зашумела вода. Наконец, стало тихо, но ненадолго. Гораздо дольше потом что-то шуршало и погромыхивало. И уже после дверь открылась, и в комнате появилась Алиса, с мокрыми волосами, в шортах и футболке размера на два больше необходимого.

- Я все, - сообщила она сидевшему в кресле Илье и шустро нырнула под внушительное одеяло, оказавшееся совсем невесомым.

- Алька, я правда две кровати просил, - раздалось в ответ. - Верить?

- Угу, - сказала Алиса, высунув подбородок.

- Тогда я сейчас тоже в душ. И будем спать.

- Хорошо, - кивнула она.

Илья кивнул тоже. И смылся в душ. Включил кран, надеясь перебить хоть этим звуком собственные мысли. И не мог. Потому что думал о том, что еще немного, и взорвется. Алька. В футболке под одеялом. На другом конце огромной кровати. И никакая усталость после дороги, дня на ногах и концерта не казалась достаточно сильной, чтобы сейчас просто лечь и отключиться. Как вообще можно спать? Даже ожидая, что кровати будут раздельными, убеждал себя, что нужно представить себе стенку между ними, чтобы не сорваться. Теперь - пиши пропало. Чувствовать ее рядом с собой и бояться лишней раз тронуть...

С ней он превращался в мальчишку. Или и был мальчишкой?

И да, с ней он пытался вести себя иначе, чем обычно. Но это было странно, непохоже на самого себя. И совершенно пофигу все, что случилось с ним раньше, до нее. Обольститель хренов.

А там Алиса в огромной футболке. Уставшая и с севшим голосом. И она хочет спать.

Макаров вымылся. Выключил воду. Обтерся полотенцем.

И, продолжая себя убеждать, что все это блажь, и что еще рано, и что они встречаются всего-то месяц, и что отсутствие секса весь этот период для него ничего не значит, выбрался из ванной. Алиса лежала, укрывшись одеялом до самого носа. Глаза были прикрыты, но не до конца, будто она из-под ресниц наблюдала за ним. Илья выключил свет, быстро забрался

в постель. И сказал тихонько:

- Спокойной ночи.

- Спокойной ночи, - отозвалась Алиса. В темноте показалось - совсем близко.

Гораздо ближе, чем ширина огромной кровати.

Будто чтобы проверить, насколько, перекатился набок, пошарил ладонью по подушкам, разыскивая ее, и наткнулся на волосы. Влажные и холодные.

- У тебя голова мокрая, - зачем-то сказал он.

- К утру высохнет...

- Не заболеешь?

- Неа. Не заболею.

- Алька, - улыбнулся Илья, придвинулся ближе. Решил, что от поцелуя на ночь хуже никому не станет. Поцелуй перед сном - это естественно. Все целуются перед сном. В комнате было темно, хоть глаз выколи. Окна выходили во дворик гостиницы. Потому свет почти не попадал. И он жалел о том, что совсем не видит ее лица. Осторожно подобрался к ней и снова проговорил:

- Спокойной ночи, Аль.

- Спокойной, - шепнула она в ответ.

Он быстро наклонился и так же быстро прикоснулся к ней губами. Алиса улыбнулась. Его поцелуи всегда заставляли ее улыбаться. Губы задрожали, приоткрылись. И в ее рот немедленно вторгся его язык. Прошелся по зубам, коснулся языка и нёба. Исследовал и дразнил, будто ждал реакции. Потом выскользнул. И Илья, нависнув над ней, обхватил ее за плечи. Ладонью коснулся волос, убирая их с лица и шеи. И стал покрывать быстрыми поцелуями кожу - лба, щек, скул, ключиц, торчавших из выреза футболки. Вслед за его губами по телу разливалась теплота, и Алиса как откровение принимала, что хочет этой теплоты. Сердце ее забилось быстрее, а руки сами оплели его шею. Жар кожи опалял, и она запускала пальцы в его волосы и пыталась найти его губы своими. Находила. Снова и снова. Каждый раз, когда он отрывался от нее, то лишь только затем, чтобы вернуться опять.

Он уже не помнил о своих намерениях не трогать ее. Чувствовал лишь, как она трепещет под ним. И ждет его. Если бы Алиса только сказала что-то, хоть один жест сделала, который мог бы заставить его сомневаться, он бы остановился. Но она была такой теплой, мягкой, податливой в его руках, что прекратить все сейчас становилось невозможно. Это было бы лицемерием - все прекратить. Он хотел ее так сильно, что не понимал, как может ее испугать. Его руки шарили у нее под футболкой. Находили грудь - небольшую, мягкую, с острыми сосками. Опускались ниже, к животу. Гладили кожу бедер. Натыкались на ткань шортов и возвращались назад, к груди. В этот момент он даже не понимал, что этой самой груди никто никогда до него не касался.

В конце концов, не выдержал. Одежда мешала. Он потянул футболку за край, поднимая, но Алиса перехватила его руки и сама стащила ее с себя, отбросив в сторону. Блуждала пальцами по его спине и вздрагивала от его дыхания, холодившего кожу там, где только что были его губы. Сама она дышала неровно, сбивчиво, как стучало сердце - замирая в бесконечности и снова начиная колотиться о ребра, будто тоже хотело оказаться в его руках, которые теперь уже наткнулись на ткань шортов. Но на этот раз решительно оттянули в сторону резинку. И Илья коснулся ладонью теплого мягкого тела внизу живота. Стал спускаться ниже, тронул клитор. И поймал ее тихий стон своим ртом. Шепнул едва слышно: -Аль...

И почувствовал ее губы, прижавшиеся к нему. Она вся прижималась к нему - грудью, животом, бедрами, познавая новые ощущения, возникающие внутри нее от его прикосновений. Удивляясь себе, желая чего-то большего, что может быть только с ним, Алиса чуть двинулась навстречу его пальцам. И он сошел с ума, забыв обо всем на свете. Спроси его, что он делал в эти минуты, он бы и не вспомнил. Не вспомнил бы, как руки его жадно и смело касались ее там, где нельзя. Не помнил, как ее ладони металась по его спине и плечам. Не помнил, кто кого целовал. От поцелуев было жарко. Не помнил той минуты, как она оказалась под ним обнаженной, лишенной последнего клочка ткани, еще удерживавшего его. Но в то мгновение, как он это понял, замер, на мгновение придя в себя и понимая, что сейчас едва ли она сама понимает, что делает. На нем все еще оставалось белье, но должна она была чувствовать его возбуждение в том, как он прижимался пахом к ее ноге. И он сам, черт... он чувствовал, насколько возбуждена она, и все ему было мало.

В нетерпении она заерзала под ним и робко коснулась ладонями кожи его ягодиц. Илья негромко выдохнул. Зарылся лицом ей в волосы, быстро спуская трусы - одежда бесила. Бесил каждый сантиметр скрытого ею тела, если он мешал прикосновениям. Потом осторожно, чтобы не испугать Алису, развел ее ноги в стороны. И снова дотронулся ладонями до внутренней стороны бедер. Она была влажная. Она его ждала. Илья издал хриплый звук и подался вперед, направляя ладонью член в нее и не давая ей возможности вырваться - вольно или невольно - только не сейчас.

И вошел одним резким движением.

Алиса негромко жалобно всхлипнула. Двигаться перестала, лишь тесно прижималась к его груди и крепко обнимала руками - теперь уже не вырваться ему.

Илья зажмурился. Перевел дыхание. И стал покрывать частыми жадными поцелуями ее горячее лицо. Поглаживать плечи, грудь, живот - словно бы снова пустился в исследование ее тела. Потом обхватил ее за талию и медленно, неторопливо заскользил внутри. Вверх и вниз. Вверх и вниз. И уже забывал о том, что для нее это в первый раз. Только губы его опять касались ее губ. Его язык проникал глубоко в ее рот, не давая ни минуты на передышку - им обоим. Цветные точки летали перед глазами, потом размывались и превращались в огромные пятна. Будто это размывает весь мир вокруг. Хотя мир был во тьме. Он уже и не слышал ничего, кроме сбивчивого дыхания, и не знал, кому оно принадлежит - ему или ей. И чувствовал, как колотится ее сердце - вот это вдруг и стало самым важным. Чувствовать, как ее сердце рвется навстречу его.

Он глухо рыкнул и, на пике наслаждения, сцепил зубы, отпустив ее рот. Но и глаза раскрыл, угадывая в темноте ее черты.

Дыхание медленно становилось ровным. Илья перекатился набок, уткнувшись ей в плечо. А она радовалась темноте, зная, как глупо сейчас выглядит ее недоуменная улыбка. Как странно. Оказывается, она хотела этого: чтобы он целовал ее, трогал, крепко прижимал к себе, был в ней. Низ живота болезненно саднил, но боль была приятной. Толком не понимая всех своих ощущений, Алиса испытывала удивительную уверенность, что это лишь начало. Однажды она перестанет стесняться, сумеет почувствовать, узнает, что нравится Илье. Спать совсем нехотелось, несмотря на долгий день, полный впечатлений. Лучший день.

Она прислушалась к его дыханию на своем плече и негромко сказала в потолок:

- С днем рождения, Алиска!

- Чё-чё? - ошалело выдохнул Илья.

Алька

Уже несколько минут он с улыбкой наблюдал за Алькой. Ее щеки покраснели, выглядела смущенной. Смущение на ее лице он обожал. Впрочем, странным образом, он обожал все, что было с ней связано. Такое случилось впервые. И он пока не очень разобрался, к чему вело. Просто плыл по течению. Ему было хорошо – по-настоящему хорошо.

На улице сыпал редкий снег. То и дело оглядывался к окну. Цветок, названия которого он так и не запомнил, стоял на подоконнике. Был все таким же ярким, как полтора месяца назад, когда дарил.

Илья продолжал трындеть, рассказывая про свой универ, но делал это, как многое в жизни, просто импровизируя на ходу. Потому что искренно не понимал, как очутился в этот ноябрьский день в Алькиной квартире и, вроде как, знакомится с ее мамой. Та поила их чаем, кормила пирогом и внимательно слушала. Потом ушла. Оставила их с Алькой одних. Сейчас снова вернулась. С улыбкой на губах и вопросом:

- Может, кофе, молодежь?

Илья быстро глянул на Алису и пожал плечами.

- Один не буду, - заявил он.

- Я скоро лопну, - со вздохом сказала она. – Мам!

- Ну, может быть, Илья все-таки будет? Будете? – не отставала Любовь Михайловна.

Илья расплылся в самой вежливой улыбке, на какую был способен, и ответил:

- Нет, спасибо. Мы, правда, наелись уже.

- Ну, если вы захотите, скажете, - буркнула мама и снова вышла. Дверь не закрыла, но из поля зрения исчезла.

Макаров повернулся к Алисе и шепотом проговорил:

- Контролирует?

- Переживает.

- Я ей не нравлюсь?

- Ей Виталик нравится, - рассмеялась Алиса.

Про Виталика Макаров был наслышан. Когда-то пришлось основательно сдержаться, чтобы не заржать в голос, когда узнал, что это его она называла своим парнем, а не Логинова. На самом деле, это действительно было смешно. Он отбил девушку сразу у двоих. А Ник и не в теме.

Впрочем, с Никитой они уже давно не общались. Все было не до того. Универ, Алиса. Алиса, универ. Друзья в это расписание не втискивались. И даже Логинов не втискивался, хотя едва ли после их последнего разговора он вообще мог иметь желание видеть собственного брата. Илья не имел намерения его избегать. И понимал, что с этим придется что-то делать. В любом случае, придется. Дружили с детства.

Но только теперь Алиса оказалась важнее.

Наверное, потому что влюбился.

- Главное, чтобы я тебе нравился больше Виталика, - хмыкнул Илья.

- Нравишься.

- Больше?

- Гораздо. Это допрос?

- Я уточняю. Все-таки форма военно-морского флота...

- Красивая, - закончила за него Алиса. – И Виталька красивый.

Макаров приподнял бровь и нарочито сурово посмотрел на нее. Но уголки губ подергивались, будто он сдерживал улыбку. Потом пересел к ней ближе и выдал:

- Я, конечно, не мавр, но Алька!..

- Что? – со смехом спросила Алиса.

- То! – рассмеялся он и позабыл обо всем на свете. Ее губы оказались так близко и пахли яблочным пирогом, что, позабыв про открытую дверь, Илья наклонился и поцеловал их.

Она торопливо ответила и, отстранившись, уткнулась в шею.

- Потом... - шепнула Алиса.

- Трусишка.

- Угу.

Он быстро чмякнул ее макушку.

И вскоре засобиравшись домой. Время было детское. Восемь часов. Но едва ли Любовь Михайловна могла в полной мере оценить, если бы он остался дольше. Потому, совершенно благопристойно попрощавшись, он покинул квартиру Куликовских, а за ним на лестницу под предлогом «сказать до свидания» выскользнула и Алиса. Целовались они еще минут двадцать, несмотря на то, что она порывалась уйти, краснела, смущалась и что-то бормотала о том, что «там же мама». Он не пускал. Но, в конце концов, шепнул ей на ухо: «Спокойной ночи, Алька». И быстро сбежал по лестнице на первый этаж. Внизу хлопнула подъездная дверь.

Алиса вернулась в квартиру, сунулась на кухню, но мамы там не было. Зашла в комнату. Любовь Михайловна делала вид, что смотрит телевизор. К дочери не поворачивалась.

- Мам... - протянула Алиса, стащила со стола кусок пирога и устроилась рядом на диване.

- У? – услышала она в ответ.

- Илья тебе не понравился?

- Не понравился, - сдержанно сообщила Любовь Михайловна, не отрываясь от экрана.

- Почему?

- А ты сама не видишь почему?

Алиса удивленно посмотрела на мать. Та, наконец, тоже обернулась. Вгляделась в лицо дочери и, поджав губы, как она делала, когда сильно обижалась, проговорила:

- Сама подумай, зачем такому, как он, такая, как ты? Видно же, что крученный.

- Он такой же человек, как ты и я, - попыталась оправдаться дочь.

- Я же не говорю, что он не такой! – заговорила мама. – Такой – сейчас такой. Потому что ты ему нравишься. А потом что будет? Дальше? У него родители кто? Вот он со мной знакомиться пришел. Не побрезговал. А они сильно захотят с тобой знакомиться? Кто мы против них?

Алиса нахмурилась. Следовало признать некоторую правоту маминых слов. В своей влюбленности она почти ничего не знала о семье Макаровых: кроме того, что Илья совсем не хочет походить на отца. «Я другой!» - сказал он ей однажды. И конечно же, она понятия не имела, захотят ли они с ней знакомиться. Потому что все это ничего не значило, когда они были вместе. Когда он звонил спросить, как проходит ее день. Когда торчал на заправке в ее ночные смены. Зато она точно знала, что больше всего на свете он любит высоту и небо. И в этом главная причина его увлечений, а не в моде или адреналине.

Сдаваться Алиса не собиралась – не в ее характере.

- Он хороший, мама. И, наверное, родители у него тоже хорошие.

- А я тебе и не говорю, что он плохой! – вспыхнула Любовь Михайловна. – Когда я тебе такое сказала? Он... молодой просто... И ты ему – что-то другое, непривычное. Нравись, я не спорю. Но как долго, Алис? Наиграется, надоешь, разлюбит – ты с чем останешься? Ошибки вдвоем совершают, а расхлебывает женщина.

- Я все равно буду с ним встречаться, - упрямо проговорила дочь.

- Ну, встречайся! – всплеснула руками мать, встала с дивана и выключила телевизор. – Встречайся, пожалуйста! Только головой думай! Если с тобой что-то случится, я с ума сойду, слышишь?

- Слышу, - пробормотала Алиса. – Все будет хорошо, правда.

- Вот только попробуй, чтобы все было плохо! – всхлипнула Любовь Михайловна. И глаза ее предательски заблестели. Строгой по-настоящему она никогда не умела быть.

- Ну мама! – Алиса вскочила следом и порывисто обняла мать. Та принялась утирать слезы, потом уткнула лицо дочери в плечо и глухо сказала:

- А может, ты и права... Только сейчас и любить, когда еще придется...

Конец ноября скользил по жухлой траве сизым покровом. Бередил воздух морозом, но снегом землю не укрывал. Чумазый мужик, допивавший свой кофе неподалеку, все ворчал, что мороз на голую землю - херня. И спрашивал, есть ли у кого перекантоваться недорого в Питере или окрестностях. Еле отмахались. Уехал он разочарованным в людях в целом и в питерцах в частности.

Примерно тогда же, к концу ноября, Христиановский сделал ход конем и предположил, что некоторые студенты вполне могут быть не допущены к экзамену.

И нагрузил группу рефератами. «На плагиат у меня глаз наметан. Текст должен быть ваш», - сообщил он, буравя взглядом Макарова. О том, что это именно Илье грозит недопуск, и так было всем ясно.

Чем больше щемили, тем больше забивал на все. На другие предметы еще ходил, а на матмоделирование положил большой и толстый болт- все равно без шансов.

Впрочем, ему действительно было не до того. Учеба оказалась где-то в хвосте по сравнению с тем, что появилось в его жизни.

«Появившееся» сидело за прилавком заправки, вносило какие-то записи в расходную книгу и свободной рукой сонно потирало глаза. Илья устроился напротив в наблюдательной позиции. Несмотря на усталость, больше всего он любил ее ночные смены. Она тоже уставала, но втихомолку радовалась - ночи на заправке означали целые часы вдвоем, наедине.

А после поездки в Москву, на фестиваль, свиданий на краткое время ему стало мало. Самому себе он казался незнакомым человеком - никогда в жизни не зависел так сильно от отношений с девушкой. И не мог сказать, что это было неприятно. Нынешнее состояние ему нравилось.

Когда часы над прилавком показали 6:08, наконец, появился Петруня. Махнул им с порога, рявкнул: «Хай!» и протопал по плитке пола, оставляя грязные следы.

- Сцена та же, участвуют те же, - добавил он, пожимая руку Макарову.

- Не завидуй! - отозвался Илья.

- Что это ты сегодня так рано? - усмехнулась Алиса. - Я тебя раньше половины седьмого не ждала.

Она скрылась в служебном помещении. А Петруня недовольно крикнул, взял стаканчик и поставил под кофемашину.

- Мать вытолкала, - сообщил он.

- Передай спасибо маме, - Алиса появилась в куртке и подошла к Илье.

- И от меня персонально тоже, - заявил тот и сказал уже Альке: - Поехали?

Она кивнула и быстро его поцеловала.

С неба сыпалось что-то невнятное. Слишком мелкое и редкое, чтобы считаться снегом. Усадив ее в машину, Илья сел сам. Завел двигатель, вырулил на трассу и... рванул по направлению к Питеру, не глядя на сонную Альку.

- Ну и куда мы едем? - спросила она минут через пятнадцать, чуток очухавшись и посмотрев внимательно на дорогу.

Он крепко вцепился в руль и с запинкой, но заранее уперто, будто спорил, проговорил:

- Ко мне. Звони маме.

Алиса посмотрела на него и вздохнула.

- Потом, вдруг спит.

Макаров замолчал на некоторое время, сосредоточенно вглядываясь вперед. Потом, вытянув в ее сторону руку, притянул ближе к себе.

- Тебе же все равно, где отсыпаться, а мне приятно, что у меня, - пробормотал он, будто извинялся.

Она помолчала - после ночной смены всегда соображалось медленнее. И с улыбкой сказала:

- Мне не все равно.

- Точно?

- Точно. Но если бы я предупредила маму, мне было бы спокойнее.

- А ты и предупредишь - по телефону... Прости, по-дурацки получилось...

- Предупрежу. Еще немного подожду - и позвоню, - сказала Алиса, уткнувшись лбом ему в плечо. - Ехать долго?

- Больше часа. Хочешь - вздремни. Или музыку включить?

- Включи, - она устроилась удобнее в кресле и прикрыла глаза.

Негромко забормотало радио. Что-то ванильное, звучавшее в последний год из каждого утюга. Илья улыбнулся и оставил. Пусть себе. Обернулся к Альке, лежавшей на его плече. Кажется, она и правда задремала. Поцеловал макушку. И снова улыбнулся. Возле нее чувствовал себя каким-то дураком, который постоянно улыбается. И это не озадачивало - это было естественно. Хотя и немного удивлялся себе. Впрочем, способность к анализу по-прежнему была не самой сильной его стороной. Доехали быстро - в такую рань и трасса полупустая, а город еще пробками не запрудило. Смотрел на фонари и испытывал странное волнение. Будто бы эти фонари, заслонявшие небо, забивавшие его цвет, были немymi свидетелями того, что сейчас с ними происходило. Что ж, покуда они молчат, пусть заслоняют. Когда подъезжал ко двору, в котором было тихо и сонно, снова глянул на Алису. Плечо немного затекло, но это сейчас казалось приятным. Припарковался у парадной. И тихонько проговорил, погладив ее по щеке:

- Алька, подъем.

- Приехали, да? - она подняла голову и оглянулась. - А я, кажется, заснула.

- Кажется. Сейчас доспишь, - он вышел из авто, открыл перед ней дверцу, выпуская, кивнул на окна и сообщил: - Нам на самый верх.

Алиса подняла голову и рассмеялась:

- В гости к Карлсону?

- Ты даже не представляешь себе, как права! Она перевела удивленный взгляд на Илью.

- Ну веди!

Квартира его сейчас представляла собой что-то среднее между кроличьей норой и стилем хай-тек. В том смысле, что за последние пару месяцев она так и не была до конца освобождена от хлама, но наполнилась техникой, оплаченной родителями. И еще был новый диван.

В прихожей по-прежнему стоял допотопный шкаф, наполненный всякой всячиной, которую он так и не разобрал после старых жильцов. Его достоинствами были вместительность и, хоть обшарпанный, но в прошлом дорогой вид - дверцы были выполнены из дерева с резьбой по нему. Илья подумывал о том, чтобы сделать из него обувной.

Сейчас многочисленные ботинки и кроссовки были выставлены просто на полу. Свет в прихожей осветил темную гостиную. Полупустую, с фрагментарно ободранными обоями, вмещавшую диван, стоявший посередине, плазму, музыкальный центр, компьютер на компьютерном столе. Кресло по-прежнему находилось у балкона. Возле кресла - маленький старый журнальный столик, нижняя полочка которого была до отказа забита... журналами «Роман-газета». Сейчас на самом столике стояли чашка и джезва. Вчера пил - не убрал. Илья неловко улыбнулся и, словно оправдываясь, проговорил:

- Сейчас, конечно, мрак... Никак все в порядок не приведу.

Поглядывая вокруг Алиса разулась. Деловито пошевелила разноцветными пальцами в носках.

- Тапочки выдаешь?

Тапочки у него были только мужские, больше на несколько размеров. Он поставил их перед ней и развел руками:

- Я только обживаюсь. Будем завтракать... Тебе кофе или чаю?

- Чаю, - она стащила куртку притулила ее на гвоздь, торчащий из стены в прихожей. - А что на завтрак?

- Яичница или бутерброды?

- И то, и другое.

Алиса, наконец, перестала суетиться. Стояла посреди видавшей виды циновки - взъерошенная, в огромных тапочках и с любопытством в глазах.

- Тогда прошу! - засуетился теперь, видимо, вместо нее Илья и отодвинул занавеску, за которой скрывалась кухонька.

Вот на кухне дела обстояли получше. Нет, керамическая плитка а-ля ромашка в центре и замызганные обои с люстрой брежневских времен оставались неизменными. А мебель и техника здесь были новыми. Мама старалась. В остальном она к нему не приставала, но кухней обеспечила в ультимативном порядке.

Он усадил Алису в кресло, а сам принялся снова между холодильником и плитой. И через пятнадцать минут на столе стали возникать по очереди то тарелка с бутербродами, подогретыми в микроволновке, то большая яичница с беконом и сыром в сковороде, то печенье и две чашки - с кофе и чаем.

- Вообще, я готовить люблю, - зачем-то сказал он, расставляя приборы. - Иногда заносит. Но коронное блюдо все равно яичница.

- А я салаты хорошо режу, - сообщила Алиса. - Еще тарелка есть?

- Сейчас.

Завтракали весело. Шумно. Делили яичницу, раскладывали совместными усилиями по тарелкам. Боролась за права женщин, когда она пыталась отдать ему большой кусок - Илья лично боролся. Целовались, вручали друг другу салфетки. Хохотали с подгоревшего бекона. Потом он велел ей обуться. Завернул в свою куртку и потащил на балкон - пить чай. Только-только начинало светать. И дома окрашивались сизым цветом, как все вокруг. Холода и не чувствовали.

- А хочешь на небо? - вдруг спросил он, крепко обнимая ее за плечи.

- Хочу - недолго думая, отозвалась Алиса.

Чашка у нее была отобрана. Впрочем, она почти опустела.

- Потом еще заварим, а то греться захочешь, - болтал он, пока заносил посуду в комнату. Вернулся, перемахнул через перила балкона, став на лестницу и проговорил: - Давай руку.

- Сильно скользко? - спросила Алиса, протягивая ему ладонь.

- Есть немного, я буду держать.

И он держал ее. Когда поднимались и там, наверху - держал в своих руках, будто боялся и на минуту выпустить. Рассеянный свет из-за облаков только начал касаться крыш. И город казался нереальным в эту минуту. Но именно этой реальности он хотел - возле Альки на его крыше. И чтобы она смотрела на него так, как теперь.

- Как тебе жилище Карлсона? - усмехнулся Илья, целуя ее теплый нос.

- По-моему, он неплохо устроился, - весело фыркнула Алиса. - Здесь очень красиво.

- Когда я увидел эту крышу, квартира уже значения не имела.

Она опустила голову ему на плечо и глядела вокруг, понимая, отчего Илье здесь так нравится. Ей и самой нравилось. Быть здесь, смотреть на город, уже оживший звуками и движением, чувствовать тепло его рук, дававших покой среди суеты. Быть далеко от людей. Быть близко к небу. Быть.

Он прижал ее к себе чуть крепче, так, что она почувствовала, как напряглись его руки. И вдруг безошибочно, бог весть каким чутьем, чем-то, что было внутри нее, поняла, что происходит что-то самое важное в их жизни. Затаив дыхание, она вглядывалась вперед, в неведомую ей точку. И едва замечала, как большими хлопьями вдруг посыпался снег, чуть кружа в сизом воздухе. А потом услышала:

- Я люблю тебя, Алька.

Она резко подняла к нему лицо, чтобы видеть его глаза. Ее светились счастьем, словно сбылась самая заветная мечта. Губы приоткрылись и предательски подрагивали. А в горле пересохло, так что она не могла произнести ни слова. Много позже, когда совсем рассвело, и они спустились назад в квартиру, выпили еще чаю и разложили все-таки диван, потому что обоим очень хотелось спать после бессонной ночи, Илья, забравшись под одеяло вместе с Алисой, долго-долго смотрел на нее, не понимая, как можно столько смотреть. Его руки выводили узоры на ее теле под свободной футболкой, которую он ей вручил вместо ночной рубашки. Касались груди, ребер, живота, обрисовывали каждый изгиб, будто пальцы пытались запомнить ее такой, как сейчас. И эта неизбывная нежность между ними согревала обоих.

Когда она уже почти спала, он, не выпуская ее из своих рук и уткнувшись носом ей в волосы, негромко проговорил: - Оставайся у меня.

- Я и так у тебя, - сонно ответила Алиса, нашла ладонь Ильи и сплела свои пальцы с его.

- Не... совсем оставайся... я с твоей мамой поговорю, хорошо?

Мама звонила каждый день. Интересовалась, как дела, учеба, рассказывала о себе, делилась новостями. Однажды с обидой в голосе сообщила, что у Виталика появилась девушка.

- Здорово, мам, - радостно сказала Алиса.

- Да дальше некуда! - грустно и сердито ответила Любовь Михайловна. - Бабе Зое она не нравится, между прочим.

План по сведению детей был задуман именно мамой и бабой Зоей, когда Алиса только пошла в детский сад, а Виталик - в первый класс. Обе крайне тяжело переживали крушение собственных надежд.

- А кто когда бабе Зое нравился, - хихикнула дочка.

- Ты, Алиска, бессовестная! И так все знаешь!

- Ну чего ты опять... - Алиса вздохнула в ожидании обязательной части их разговора.

Обязательная часть их разговора заключалась в причитаниях матери относительно того, какой образ жизни теперь вела ее дочь. Там всегда было что-то об ответственности, понятия о которой ни Илья, ни Алиса не имели. И о том, что все это никак не должно повлиять на ее поступление в институт. Подкреплялось неизменным вопросом:

- Вы хоть предохраняетесь?

- Мамааа... - выдыхала в трубку Алиса.

- Ну вот что мама? Мама что? Должна бегать вам презервативы покупать? Надеюсь, ты хоть таблетки никакие не глотаешь?

Приблизительно в этом месте беседы Алиса всегда вспоминала о каком-то срочном деле или замечала сбежавшее молоко, бросала быстрое: «Целую. Передавай привет бабе Зое». И отключалась.

Справедливости ради, дел у нее было немного, срочных - еще меньше. Но при этом день Алисы был распланирован, порой, поминутно. Работа, подготовительные курсы, уроки польского два раза в неделю. И вялотекущая генеральная уборка квартиры. Совместными усилиями разобрали шкаф в прихожей, в котором нашлась пара полезных вещей - кованная вешалка с вычурными крючками в виде ветвей, которая была немедленно пристроена в районе сердито торчащего гвоздя, и старый вязанный плед, так и просившийся в кресло у балкона. А шкаф заполнился обувью, отчего освобожденная прихожая оказалась значительно просторнее.

Эта ежедневная суэта доставляла Алисе удовольствие и давала чувство свободы. Ей казалось, рядом с Ильей нет ничего невозможного. С еще большим нетерпением, чем раньше, она ждала конца рабочего дня. Приедет Илья, заберет ее домой. У них будет целый вечер. И целая ночь.

Единственное огорчение, не считая маминых обид, заключалось в ночных сменах Алисы. Она уговаривала Илью не торчать на заправке, иногда ей это удавалось. И она скучала, накручивала себя предположениями, чем он может быть занят. Утром, когда он приезжал за ней, внимательно присматривалась.

- Опять всю ночь в стрелялках бродил? - спрашивала она, напуская строгий вид.

- Обижаааете, - протягивал он. - Курсач!

Иногда это бывало правдой, и Алиса об этом знала.

-Ас Францевичем что? - интересовалась традиционно, подставляя ему губы.

- Глухо, - улыбался он и целовал ее.

- Если тебя выгонят - уеду к маме, - смеялась Алиса и тащила его на улицу.

- Не пуцу. -Так не честно!

- И что? Ты со мной - мы счастливы. Какая разница, честно или нет? -Для меня есть разница.

- Все будет хорошо, - успокаивал он ее. - И с Францевичем, и с нами. Алиса кивала и, едва добравшись домой, честно заявляла:

- Я скучала.

- Сама виновата, - смеялся Илья. И, кажется, больше уже ничего не давал сказать ей.

Потому что все, что было потом, происходило на разобранном диване. В его руках, обнимавших ее и касавшихся мягкого податливого тела. В их поцелуях, от которых болели губы, но которыми невозможно было пресытиться. Он хотел ее постоянно. И в этом была ее маленькая странная власть над ним. Но не только в этом. Она знала, что он любит, и понимала каждый его жест так, будто бы он принадлежал ей. Будто могла читать его мысли, но лишь потому, что сама думала так же, о том же... Каждый взгляд, каждое касание Ильи разжигало в ней желание, которого раньше она никогда не знала. Открывать для себя неведомый мир, раз за разом наполняющийся новой частичкой безумия, было бесконечно интересно. Алиса нежилась в его ласках, и прислушивалась к тому, чего хочет он сам, для себя. Это было не менее важным. Вместе проживать вспышки удовольствия, разноцветно

рассыпающиеся в предрассветной темноте, становится частью его и с удивлением понимать, что краткая разлука на целую ночь оставляет их рядом в постели на весь день, не давая оторваться друг от друга, - все это вместе составляло доминантный вектор Алисиного существования.

Наверное, это было самое лучшее время. Такое всегда остается в памяти – потому-что о будущем думается лениво или не думается вовсе. Какая разница, что в том будущем, когда лучшее здесь и сейчас, а все остальное - будет. Потом.

Декабрь бежал чередой счастливых дней, сыпал веселым снегом, заглядывал в окна с наглыми жирными голубями, нахохлившимися от холода, но оттого еще более важными. Они были только вдвоем, срастаясь друг с другом, и никого не впуская в свой крошечный мир. Действительность была где-то бесконечно далеко.

Окружающие совсем не имели значения.

Значение имел только единственный звонок, когда Илья возвращался домой из университета, а Алиса была дома и могла открыть ему дверь. Все это смутно напоминало ей иногда те времена, когда жив был отец, и мама мчалась ему, вернувшемуся с работы, открывать.

Однажды, под Новый год, кажется, в последние дни года уходящего, раздался именно такой звонок. У Макарова была зачетная неделя и, вопреки видимому разгильдяйству, в универе он стал пропадать. Быть отчисленным все-таки не очень хотелось.

Дверь распахнулась не сразу. На пороге возникла Алиса в старой пижаме и косынке на голове.

- Привет, - она быстро чмокнула Илью в холодные с мороза губы, - как дела?

- По-разному. В основном неплохо, - улыбнулся он, проходя в прихожую. - А у тебя?

- Замечательно! Я придумала, что мы сделаем в комнате, - она довольно глянула на него. - Я обрываю обои. Поможешь?

Илья некоторое время внимательно рассматривал ее лицо, и уголки его губ подрагивали. Потом тихо хмыкнул и самым серьезным тоном проговорил:

- Неа.

- Тогда я сама, - вдохновенно сказала Алька и шустро пошлепала обратно в комнату.

Он ошарашен но глянул ей вслед, без помощи рук разулся и кинулся за ней следом, не снимая куртки.

- Но без помощника я тебя не оставлю! - решительно заявил он.

Алиса уже стояла на стремянке, дотягиваясь до верхнего края очередной обоевой полосы. Вокруг нее валялось несколько сорванных. Диван и техника были накрыты простынями. Кресло и столик не наблюдались.

- Да ладно, тут не много уже осталось, - не оборачиваясь, сказала она Илье.

И тут же услышала, как взвизгнул замок его куртки, а потом раздался тихий, но возмущенный писк.

Кусок обоев, который дернула Алиса, не менее возмущенно зашуршал, но она уже смотрела на Илью. Вернее, на заспанную серую кошачью мордочку, появившуюся из-за пазухи. Алька тут же соскочила на пол и взяла котенка в руки.

- Маленький какой! - разглядывала она его, поглаживая по голове. Тот продолжал попискивать, щуря один глаз. - Худенький совсем. И ухо рваное... Ты еды ему купил?

- Неа, - самодовольно проинформировал Илья. - Там в холодильнике сёмга... может, будет? Этот засранец у меня под колесами дрыхнул - мог раздавить. Хорошо хоть заметил,

когда садился.

- Он еще маленький для семги. Ему бы сметаны. И ухо обработать надо.

- Йод точно есть. Сейчас.

Илья скрылся в ванной, чтобы уже через минуту влететь в комнату с ватой и флаконом. И застал премилую картину - котенок засыпал у Алисы на руках, пока она почесывала его шею. Почему-то в горле стал ком. И ведь не пятнадцать лет. А влюбился. Вот в эту девочку.

- Давай назовем его Францевич, - сказал он. - И будем надеяться, что воздастся мне по делам моим.

Жизнь постепенно входила в свою колею. Все возвращалось - медленно, своим чередом. Но все же довольно уверенно. Он успокоился. И перестал считать случившееся своим проигрышем - игровых терминов он вообще теперь избегал.

Случилось как случилось.

Работа помогала в каком-то смысле. Она давала отвлечься от всякой ерунды, которая лезла в голову.

Постоянных долгосрочных привязанностей у него за эти два месяца не появилось.

К концу декабря почти успокоился. И думал о том, что не может и не хочет из-за произошедшего терять друга. Илья был другом - самым близким из его друзей. Не виделись почти два месяца, и Логинов откровенно начинал скучать. То ли по самому Макарову, то ли по тому, что всегда было вокруг него - люди, шум, веселье.

Черт его знает. Толпа распалась. Искать другую он не был склонен, проще быть одиночкой.

За неделю до Нового года позвонил Евгений Степанович и пригласил на обед.

Повода отказываться Никита не видел. Ссора с Ильей отношений с дядей не касалась. Да и не отказывают в совместном обеде президенту «МакГрупп-холдинга», если тот кого-то хочет видеть - особенно собственного племянника, избирательную кампанию отца которого он в свое время спонсировал.

Когда Никита подъехал к ресторану, Макаров-старший уже ожидал его за столиком.

Он никогда никуда не опаздывал, и все в его жизни было расписано по минутам.

Никита Логинов куда больше походил в этом смысле на него, чем его собственный сын. Но тоже не дотягивал, хотя некоторые вещи, как утверждал Евгений Степанович, достигаются с возрастом и опытом.

Илья всегда усмехался, Ник не спорил.

С президентами не спорят.

После приветствия и обмена рукопожатиями, Логинов поинтересовался, как обстоят дела у Валентины Павловны.

- Что ей сделается? - по-доброму хохотнул Макаров-старший. - Энергии твоей тетушки можно только позавидовать.

- Все строит планы?

- И претворяет в жизнь.

- Всегда считал это талантом. А ваши дела как?

- По-разному, - уклончиво ответил Евгений Степанович, - хозяйство большое, сам знаешь.

- Боюсь, даже я до конца не представляю, - рассмеялся Логинов и бросил взгляд на приближающегося официанта. Тот вручил им меню и быстро ретировался. Никита полистал

несколько страниц, не выдержал, поднял глаза и спросил: -Давайте начистоту. Обычно приглашаете на семейные праздники, на личную встречу впервые. Что случилось?

- Опаздываешь, что ль, куда?

- Я освободил сегодняшний день до самого вечера, так что...

- Вот и не торопи события. Ешь, пей, рассказывай, куда пропал.

Никите оставалось только усмехнуться и воспользоваться ЦУ от родственника. Все равно тот ничего не расскажет раньше, чем созреет. Потому пришлось вести беседу по его правилам на условно нейтральной территории - ресторан этот чета Макаровых любила и часто здесь бывала. И их здесь знали и любили - за такие-то чаевые.

Наблюдая, как Евгений Степанович разделяется с кроликом под винным соусом, Логинов лениво рассказывал о работе. Что еще ему было говорить? О семье информацию выдавал уже почти под допросом.

Да, отец с женой в Москве, обосновались прочно.

Да, по-прежнему в министерстве. Там ему комфортнее, чем в депутатском кресле.

Нет, выше пошел. Логиновы тоже не останавливаются на достигнутом.

Да, младшая сестра в школе уже. Время идет быстро.

- И ничего я, Евгений Степанович, не пропал, - заключил Логинов с улыбкой уже под чай. - Просто как-то вечно ни на что времени нет. Вы же тоже ощущаете его дефицит.

- Ощущаю, - с долей снисходительности мудрого старшего поколения к неопытному младшему согласился Макаров. - Но, как видишь, нахожу его для общения с любимым племянником. А что ты скажешь, Никита Александрович, если я предложу тебе место в своем холдинге?

- Международные контракты? - хмыкнул Никита Александрович.

- согласишься?

- Обещаю, что подумаю, но... В каком-то смысле я не готов строить империи.

- Вы с Ильей сговорились? - сердито спросил Евгений Степанович. - Тот хотя бы лоботряс, с ним все ясно. Тебе что не так?

- Вам это может показаться глупостью. Но я не верю и никогда не поверю, что это место, как и любое место у вас, будет по-настоящему моим. Я смогу занимать его лишь потому, что Илья отказывается... только... Только в действительности ему, как и мне, важно занимать свое, именно свое. Коряво объясняю... Короче, ждите, пока он поумнеет.

- Да когда он поумнеет! - махнул рукой Макаров-старший. - И поумнеет ли. Мне Альберт Андреевич звонил, ну ты знаешь, о ком речь... Так говорит, Илья которую неделю сам на себя не похож. А мы его которую неделю не видим. Пришлось людей отправить, чтобы присмотрели. Вот ты знаешь, что с ним, братец... Никитушка?

Ник повел подбородком, будто спрашивая: что?

- Вот и я думаю, что... - Евгений Степанович быстрым жестом влил в себя рюмку коньяку, пожевал лимон и принялся перечислять грехи собственного сына: -Работать собрался стрелочником на железной дороге, мать до сих пор под впечатлением. В университете, как я понял, нарвался на какого-то принципиального преподавателя и ходит под угрозой отчисления. А в дом кого приволок? Нет, тут как раз удивительного немного. Он всегда таскал в дом убогих -котов, собак. Однажды белку притащил, мы тогда в Репино отдыхали. Но это ж не зверушка. Баба вроде... Вот объясни мне, у него детство в заднице никак не закончится? Потому что я не понимаю!

Никита замер, не донеся чашку с чаем до рта. И удивленно взирал на родственника.

Потом мотнул головой, поставил чашку на стол. И спросил:

- Бабу - в смысле одну? Постоянную?

- А я почему знаю? - рыкнул Макаров. - Вот ты б сходил узнал, а? Постоянно это у него или так...

- Он никогда не был склонен к моногамии.

- Да уж знаю. Никит, сходи посмотри на эту... белку. Вы, молодежь, на другой волне живете. А то если мы с матерью туда сунемся - будет скандал и предынфарктное состояние. Я ж понять хочу. Вот чего ему по жизни не хватает? Ни в чем никогда отказа не знал. Так нет, у него все с подвывертом.

- Может, именно потому, что никогда отказа не знал, - хохотнул Никита. - Ладно, Евгений Степаныч, сегодня съезжу... Только вы раньше времени не заводитесь. Это ж Илюха - что с ним может случиться? Ему всегда во всем везет.

- Мне с ним не везет, - буркнул Макаров-старший. - В материнскую породу пошел, засранец. Съезди, Никит, съезди. Только мне позвони, Валентина Павловна пока не в курсе. Не стал я раньше времени... Может, обойдется.

В том, что и как именно может обойтись, Логинов не особенно сомневался. Во всяком случае, начищенную до блеска Илюхину морду он гарантировал. С ним действительно никогда ничего не случалось, всегда и во всем везло - скорее всего, потому что ему просто пох'й было на других людей вокруг. Жил в свое удовольствие. Родители побоку. Двоюродный брат - тем более. Что говорить о какой-то девочке с заправки? Хотя тот факт, что Макаров с кем-то там живет, развязывал Никите руки.

В октябре, получилось по-дурацки. Он на что-то рассчитывал, а на что можно рассчитывать, когда уже вмешался Илья? Впервые в жизни они умудрились запасть на одну и ту же девушку. Может, для младшего брата это тоже было соревнованием? Черт его теперь...

В тот день на АЗС, когда он позволил себе оставить все как есть, Алиса его, конечно, не ждала. Сам идиот. Нельзя было на столько времени исчезать из ее поля зрения. Но, в конце концов, у них была не та стадия отношений, когда следует звонить каждый день.

Он вошел к ней с янтарной соевой в руках, чувствуя безумное волнение, какое ему никогда не было свойственно, и весело как мог выдал:

- Смотри, кто к тебе прилетел! Алиса подняла голову и улыбнулась:

- Привет! Прикольная какая... Как дела?

Никита водрузил фигурку на столешницу, возле нее, и проговорил: -Да неплохо. Только соскучился. И чаю хочу.

- Черный, зеленый? - спросила Алиса, наливая кипяток. -Давай черный. С сахаром и лимоном. Ты как?

- Нормально, - она поставила перед ним стаканчик с чаем.

Отвечала она односложно и сдержанно. Будто находилась где-то совсем в другом месте. Это напрягало, особенно на фоне того, что он видел несколькими минутами ранее в витрине. Илья всегда умел запудрить мозги так, что пока от пудры отряхнешь...

- Алиска, а я правда скучал, - мягко проговорил Никита. Подняла на него глаза.

- Но мы же просто... - начала она с удивлением. - Я же ничего...

- Просто что? - тут же переспросил он, чувствуя ненужную и неуместную сейчас нервозность в голосе. Разговор с Ильей сказывался. Ощущение, что вот сейчас все решится, долбило по башке. - Может быть, это я - чего?

- Ты - хороший, - пробормотала Алиса, чувствуя неловкость, нараставшую между ними с каждым произнесенным словом.

-Хороший-и все?

Она и сама не знала, откуда взялась уверенность - ответ на этот его вопрос решит между ними все и сразу.

- Для меня - да, - сказала Алиса негромко.

Никита надолго замолчал, но выдержки помешать сахар в чашке и сделать глоток хватило. Вкуса не почувствовал, а кипяток обжег горло. Пытался собраться с мыслями -так, чтобы не давить на нее. Но понимал, что не давить не получится. Уже надавил. Да разве могут быть вопросы, когда он уже видел, как она улыбается Илье?

- И совсем без шансов? - негромко спросил он, сохраняя на лице улыбку. Алиса улыбнулась, пожала плечами и по-детски мотнула головой.

- Исчерпывающе, - хохотнул Ник.

- Так получилось.

Логинов даже знал, благодаря кому «так получилось». И теперь этот самый «так получилось» приволок в дом какую-то бабу непонятного происхождения.

Оставалось выяснить, как далеко у него зашло с Алисой, и в каком она теперь состоянии.

Впрочем, все по порядку.

Сначала Макаров.

Сразу после обеда, по выходу из ресторана, Никита рванул в сторону Кузнечного.

Его раширало. Хотя по сути было даже весело. В конечном счете, он не гордый.

Возможность сохранить лицо, подобрав Алису, и дружбу, простив Макарова, у него теперь появилась. И откладывать он намерен не был.

На улице уже стемнело, когда он добрался. Взбежал вверх по лестнице. Выдохнул, надел на лицо улыбку и позвонил в дверь знакомой квартиры. Открыли не сразу. И вместо приветствия раздалось удивленное: «ой!»

Улыбка с лица Логинова стерлась. И, глядя сверху вниз на русую головку с пушистым хвостиком на макушке и округлившимися глазами, он только и смог проговорить: - Алиса?

- Алис, кто там? - раздался из комнаты Макаровский голос, и через минуту на пороге показался он сам и тоже замер.

- Он, - многозначительно сообщила она, переводя взгляд с одного на другого. Этого мгновения хватило, чтобы Илья пришел в себя. Кажется, сориентировался он первым из всей троицы. Широко улыбнулся, ломанулся вперед, протягивая Логинову руку, и шумно быстро зататорил:

- Ник! Сто лет у меня не был. Знакомься, это Алиса. Алис, мой двоюродный брат Никита.

У Логинова вариантов не было, кроме как ответить на рукопожатие и проговорить:

- Приятно... очень...

-Да мы вроде как знакомы... - протянула недоуменно Алиса.

- Да? - сделал удивленное лицо Илья.

-Да, - подтвердил Логинов. -Хот-доги у них на заправке... вкусные.

Илья

Дни бежали тихо, но спешно. Останавливать их не хотелось, но хотелось проживать один за другим.

Новый год они с Алькой встречали вдвоем в его квартире. Наряжали елку, ели еду из ресторана, потом что-то готовили сами. Обалдевший Францевич, оказавшийся, как ни странно, весьма резвым парнем, в отличие от своего тезки, носился по квартире, счастливо пожирая стыренные со стола деликатесы. И Илья ржал, что кому-то грозит несварение.

Курил на балконе, Алиса стояла рядом, кутаясь в его куртку и плед с кресла. Потом полезли на крышу – смотрели салюты, всю ночь отражавшиеся в небе по всему городу. Целовались на морозе. Никогда ему еще не было так хорошо, как тогда. И он еще не знал, что никогда уже и не будет.

Они занимались любовью. Кажется, почти не вылезая из постели несколько дней. Он учился любить. И учил ее тоже. Или она его – кто теперь разберет?

Первого числа из внешнего появился Логинов – поздравлять с Новым годом. Его присутствие в их квартире пришлось стойко выдерживать. Вариантов не было. Просидел несколько часов, а Илья все гадал, когда он свалит. Прежде в голову не приходило, что присутствие двоюродного брата может так напрягать. Но оно напрягало. Потому что братец упорно болтал с Алькой. И так охренел, что, кажется, никого, кроме Альки, не замечал. Это выводило бы из себя, если бы один ее взгляд, направленный в сторону Макарова будто бы говоривший: «Потерпи, он уйдет, я тоже соскучилась», - не возвращал ему спокойствие.

В начале января началась сессия. Сдавалась легко, если не считать постоянного беспокойства за матмоделирование. Впрочем, и оно отступало на задний план – допуск был получен. Надежды питал. Алька была важнее всего этого.

А потом ожидаемо не сдал. При том, что на все вопросы билета ответил. Христиановский завалил дополнительными, и с тех пор начались его мучения.

Все ушли на каникулы. Илья засел за книжки, удивляясь самому себе. И посмеивался, что это Алькины угрозы подействовали. Успокаивало то, что приличного студента с почти закрытой сессией и папашей-олигархом вряд ли выгонят из-за одного Христиановского. Но и проблема никак не решалась.

В конце концов, это начинало напрягать, но он держался. Да и в железнодорожники никогда не поздно податься. Не до шуток стало, когда Францевич впервые прямо и открыто сказал ему, что шансов сдать предмет у него нет, хоть как ни пыжься, хоть сколько ни зубри.

Это было спустя месяц пустых хождений Макарова вокруг кафедры. Они столкнулись носом к носу и наедине.

«Не надоело вам?» - спросил тогда Христиановский.

«Вам же не надоело!» - легко отозвался Илья, крутя в руках зачетку.

«Давайте сделаем вид, что я принял во внимание все ваши усилия, но не счел их достаточными. Смиритесь, я вам тройку рисовать не буду».

«Не рисуйте, вы же не художник. Я на четыре рассчитываю».

«Наглец!» - хохотнул профессор и скрестил руки на груди.

«Есть немного».

«Ну не сдадите вы матмоделирование. Хоть весь учебник вы зубрите – не знаете вы предмета!».

«Вы не находите, что тут есть некое противоречие?» - отозвался Макаров.

«Нет, не нахожу. Через пару недель выветрится. То, чего не понимаешь, чему не научился, надолго не задерживается. Так что займитесь лучше чем-нибудь более полезным, чем протирание штанов за партой. Можете в армию сходить, например, если папа пустит».

И с этими словами Христиановский скрылся за дверью кафедры. А Илья некоторое время еще соображал, при чем здесь папа, прекрасно понимая, что тот вполне мог влезть и попытаться решить его проблемы – это было в папином репертуаре. И едва ли он, знавший все на свете обо всем на свете, догадывался, что вреда приносит больше, чем пользы.

Звонок отцу был кратким и злым. Но совершенно бестолковым. Получив свою долю нравоучений, Илья принял приглашение в отчий дом на ужин, потому что совершенно забросил родителей. И внимательно выслушал отцово:

«Ну... и девушку свою приводи... знакомь, что ли!»

«Следишь?»

«Отец не уследит – никто не уследит».

Спорить или злиться смысла уже не было. Но впервые в голову ему пришло то, что по сути давно должно было прийти. Алису, и правда, пора выводить и знакомить. Если ей жить с ним и в его окружении, будет проще уже сейчас показывать ее предкам и друзьям. Проще – в первую очередь ей.

Но главной проблемы это по-прежнему не решало. Как и зубрежка учебников. Впервые Макаров столкнулся с чем-то, что не зависело ни от него, ни от бабла его папы. И он не представлял себе, что со всем этим делать.

В отличие от него Алиса ясно представляла, что делать со своей заботой, занимавшей ее не меньше Ильи и учебы. Мама давно назвала это «навязчивой идеей» и махнула рукой на безрезультатные поиски, увлекавшие Алису который год и не позволявшие сдаваться. На данном этапе она пятый месяц упорно, без усталости переписывалась с различными инстанциями, ведомствами и архивами, пока однажды не получила ответ, которого ждала все это время.

Радость маленькой победы рапирала ее, и она летела домой, спеша поделиться новостями с Ильей. Когда она пришла, он торчал на кухне и варил кофе, сунув в уши наушники.

Алиса подлетела к нему, в куртке, шапке, замотанная в шарф, и затараторила:

- Я нашла ее, представляешь? Илюшка, я нашла ее! Чайник включишь?

Макаров быстро поцеловал ее в холодный нос, вытащил из одного уха наушник, послушно включил чайник и проговорил:

- По порядку давай.

- Я попробую, - Алиса сделала глубокий вдох. – Мне папа рассказывал, что прадед его был младшим сыном шляхтича. Род был древний, но обедневший. А может, так просто говорили, чтобы внимания не привлекать. Он как-то сказал, что в Сибири могли остаться какие-то родственники. Прадед то ли сосланный туда был, то ли сам бежал, то ли за белыми подался. В общем, история темная, - улыбнулась она. – Отец мало этим интересовался, а мне всегда хотелось узнать больше. Интересно ведь, правда?

- Наверное, интересно, - пожал плечами Илья. – И ты узнала... что?

- Я нашла племянницу этого самого прадеда. Получается, она какая-то наша родственница... Моя...

- Это все как-то неопределенно звучит.

- Неопределенно это было раньше, - обиженно сказала Алиса. – А теперь я точно знаю,

что есть человек, который сможет больше мне рассказать.

- И ты собираешься броситься к черту на рога, чтобы узнать про то, что было сто лет назад?

- Почему к черту на рога? – удивленно переспросила она.

- Ну а куда?

- В деревню Яковскую...

- И где это, если не у черта на рогах?

- В Иркутской области! – буркнула Алиса и выскочила в коридор.

В коридоре обои были ободраны так же, как и в гостиной. Алька приволокла откуда-то цветные краски и расставила их по полу. И сейчас едва не навернулась о них. Илья успел придержать, развернуть к себе и удивленно поинтересоваться:

- Ты всерьез собираешься туда ехать?

- Сначала напишу, - упрямилась Алиса, наконец, раздеваясь, - а потом поеду!

- А я? Меня ты тут одного оставишь, да? – в его голосе звучала обида, которая немедленно озадачила бы ее, если бы не смех в его светло-серых глазах. Алиса успела запомнить и привыкнуть: когда он не в духе – темнеют, когда все хорошо – кажутся удивительно светлыми.

- А ты поедешь? – спросила она, выпрямившись и являя собой комическую фигуру – на голове все еще красовалась шапка, из-под которой торчали взлохмаченные косы.

Макаров вздохнул, криво усмехнулся и устало проговорил:

- Давай с Христиановским что-то решится, и подумаем, Аль? Правда, беда.

- Так я и не говорила, что прям завтра еду!

- И тянет же тебя на экзотику.

- Да неважно, - отмахнулась Алиса и, быстро поцеловав его, ушла в комнату.

Он снова поплелся за ней. Вошел следом. Оценил масштабы катастрофы. Та была налицо. Алиса рассматривала голую стену. Под стеной здесь тоже стояла краска. Что она собиралась со всем этим делать, он не представлял, но забавлялся, глядя, как она примеряется. Не лез. У нее в смысле стен был полнейший карт-бланш.

Недолго думая, подошел к ней со спины, обхватил руками плечи и прошептал на ухо:

- Обиделась, да?

- Нет. Может быть, ты прав, и все это ерунда.

И, кажется, больше уже не думала об этом. Сосредоточенно смотрела на пустую стену, неожиданно увидев, наконец, то, что она хочет сделать. До этого идея была нечеткой, даже в период, когда она решила срывать обои, в голове витали осколки образов, не желавших складываться в единую картинку, а на обложке тетрадки по математике нарисовался Францевич с треугольной мордой, тельцем-цилиндром и овальным хвостом.

Высвободившись из рук Ильи, Алиса подхватила одну из банок с темной краской. Ровные линии разной толщины и длины стали появляться на стене. Их оставляла за собой кисть, которую Алиса раз за разом опускала в краску, и продолжала вычерчивать геометрические фигуры, вытянутые к потолку и растворяющиеся в перспективе.

Несколько мгновений Макаров внимательно наблюдал за ее действиями, будто пытался понять, что происходит и с чего вдруг. Потом не выдержал, спросил:

- Что это будет?

- Город, - ответила она, останавливаясь, и оглянулась.

- Город?

- Не видишь? – улыбнулась Алиса. – Потом... потом понятнее станет...

- Да нет... Я просто... Не знаю, - медленно пробормотал он, рассматривая, как стена заполняется чем-то масштабным и пока еще неясным. – Ты рисуешь? Думал, хочешь через трафарет цветочки какие-нибудь, котиков...

- Котиков не умею, - хохотнула она, возвращаясь к своему городу. – Сейчас я урбанист!

- А меня нарисовать можешь, урбанист? – рассмеялся Илья.

- Нет, портреты тоже не умею, - честно призналась она.

- Самоучка?

- Немножко.

- В любом случае, у нас будут самые крутые стены, - широко улыбнулся он. – Эксклюзивные. Голодная?

- Потом. Попозже...

- Так не годится. Шапку сними, художница, - он сдернул с ее макушки дурацкую вязаную шапку и с наслаждением взъерошил выбившиеся из кос волосы. – Я сварю тебе кофе. А потом все остальное. Наверняка же перемерзла!

Алиса была до ужаса мерзлявой. Это забавляло и умиляло его.

- Чаю хочу, а чайник, наверное, уже остыл. Я сейчас, еще немного, - бормотала она, и с помощью ее кисти прямоугольники домов заморгали разноцветными окнами.

- Подогрею, - пожал плечами Макаров. Поцеловал ее в щеку и тихонько вышел из комнаты. На кухне, под столом, сидел Францевич и умывал свою начинавшую становиться наглой морду. Илья включил чайник. Извлек кота из убежища и внимательно посмотрел на него.

- А нас с тобой она не умеет, - сообщил он и почесал его между ушек. За что получил решительный отпор – котенок немедленно долбанул Макарова по руке.

- Мне она нравится. Я люблю ее. И я хочу с ней жить, - медленно, будто разговаривал с душевнобольным, произнес Илья, глядя на отца в упор.

- Да ты меня не гипнотизируй, - Евгений Степанович несколько изменил вальяжную позу в любимом кресле в кабинете почти фамильного особняка, куда пригласил своего единственного отпрыска для важного разговора. – Упорство – похвальная черта. Лишь бы не становилась упрямством.

- При чем здесь упрямство? Ты меня не слышишь? Я ее люблю, мы живем вместе, я счастлив. Что именно тебя не устраивает?

- Абсолютно все устраивает, - развел руками отец, - но содержать ее я не намерен.

- Она работает, и ты ее не содержишь. Остальное тебя не касается, по-моему.

- Касается! – рявкнул Макаров-старший. – Потому что я содержу тебя, лоботряса! Со всеми потрохами, машинами, чертовой квартирой и девочками. Но теперь у тебя появится уникальная возможность тоже поработать и узнать, как это увлекательно – жить на зарплату.

Илья вскинулся и глянул на Макарова-старшего. Взгляд этот был совсем таким же упрямым, как у отца. И не сулил ничего хорошего.

- И что это значит? – хмуро спросил он.

- Что все твои счета заблокированы. Хочешь жить своим умом – живи!

- О как! – нервно хохотнул Илья и скрестил на груди руки, откинувшись на спинку стула едва ли не так же, как его отец.

Это все начинало напоминать ему ту еще войнушку. Причем, как казалось, на ровном

месте.

Первое сражение пришлось на конец января, характеризовавшегося двумя основными нюансами. Во-первых, разгромленностью квартиры, на стенах которой продолжали появляться дома и мосты. Но едва ли это в данный момент способствовало наведению порядка. И, во-вторых, Ником, который с несвойственным ему энтузиазмом взялся навещать их во внеурочное время, приглашать в кино или просто собраться всей толпой. Причины такого его поведения Илья понимал прекрасно. Как понимал и то, что сам позволил. Но выхода не было, приходилось терпеть. Они дружили – всю жизнь дружили. Но и намерения побесить казались очевидными.

А еще было несколько звонков отца, грозившего явиться самостоятельно, если они с Алисой не идут знакомиться. В конце концов, пришлось уступить – принимать семейство в их самом лучшем на свете разукрашенном краской жилье не представлялось возможным. Во всяком случае, пока все не будет готово. Алиса испугалась. И всю дорогу до дома отца Илья всерьез раздумывал над тем, что ему с ней делать, если она решит сбежать. Хотя последнее представлялось маловероятным, поскольку она всерьез готовилась к этой их первой встрече. Купила новое платье – из тонкой шерсти темно-зеленого цвета с принтом из небольших желто-оранжевых полураскрывшихся бутонов с резными лепестками по подолу широкой юбки. Волосы собрала в низкий хвост с вплетенной французской косой. И едва ли не впервые за время их общения сделала неброский макияж.

Пока ехали за город, Алиса почти ничего не говорила, глядя в окно и не прислушиваясь к редким замечаниям о погоде, состоянии дорог и прошлом выпуске «Документального детектива», которыми обменивались таксист с Ильей.

И только когда они стояли на крыльце огромного двухэтажного особняка с подъездной аллеей и японским парком, услышав протяжный звук звонка, глухо отражавшийся внутри дома, Алиса крепко сжала ладонь Ильи и сделала глубокий вдох.

- Не дрейфь, - успел шепнуть он ей, прежде чем дверь открылась, и домработница весело поприветствовала обоих, с любопытством рассматривая хозяйского сына и его девушку. Они зашли в дом. И Макаров поинтересовался: - Бруновна, нам на экзекуцию куда проходить?

- В большую гостиную, - ответила прислуга и растворилась в направлении кухни.

Илья быстро глянул на Алису. Почему-то стало жалко ее, но он отдавал себе отчет в том, что рано или поздно пришлось бы.

- Ты только не дрожи, - проговорил он. – Они обыкновенные.

- Я понимаю, - шепнула она, раздеваясь. – Я в порядке, правда.

И старалась сама поверить в это. Получалось, наверное, плохо. Потому что Илья тоже не особо на что-то рассчитывал. Зная собственных родителей, трудно надеяться.

Стол был накрыт. Отец в вязаной крупными косами бежевой кофте и в очках сидел у камина, бросив на колени газету, но явно ее не читая. Мать стояла у окна, сцепив ладони. По всей видимости, их приход прервал разговор между ними. Илья мягко пожал Алькины пальцы и весело сообщил:

- А вот и мы. Ма, па, это Алиса.

- Добрый вечер, молодые люди, - бодро поздоровался Макаров-старший и поднялся им навстречу. – Добро пожаловать.

- Валентина Павловна, - не самым оживленным тоном представилась мама. Вид у нее и правда был кислый.

- Здравствуйте, приятно познакомиться, - умудрилась проговорить без запинки Алиса.

Лицо Валентины Павловны озарила условная улыбка, вероятно, означавшая: «а нам-то как приятно». Папа выглядел чуть более радушно. Даже можно сказать, добродушно. Но всякую видимость напрочь убила его следующая реплика:

- Так вот, кто у нас сына похитил. У вас хоть паспорт есть, похитительница?

- В тюрьму меня за нее не посадят, - рассмеялся Илья, - можешь не переживать.

- Молчи, растлитель! – в тон ему выдал Евгений Степанович. – Так что вы, Алиса?

Учитесь? Работаете?

Она переводила растерянный взгляд с отца на сына.

- Работаю. И хожу на подготовительные курсы.

- Алиса ко мне поступать собирается, - поспешил вставить Илья. – На эконо.

- А этот год что? Решили погулять на воле? – продолжал допрос отец.

- Или надеялись устроиться без лишних усилий? – поинтересовалась, в свою очередь,

Валентина Павловна.

- Я поступала, но не прошла, - сохраняя спокойствие, объяснила Алиса.

- Прискорбно! – расплылся в улыбке Евгений Степанович.

- Вы нас будете голодом морить? – поинтересовался Макаров-младший, по всей видимости, пытавшийся хотя бы временно приостановить разворачивающееся избиение и перевести дыхание. И все еще надевавшийся, что обойдется.

- Вы знаете, Алиса, Илья всегда особенно разборчив. В еде, - сообщила мама, приглашая всех к столу. – Хотя и отличается отменным аппетитом.

Не представляя, что можно сказать в ответ, Алиса промолчала. Теперь она смотрела на мать и сына, отмечая их схожесть. Светловолосые, сероглазые, статные. Валентина Павловна неожиданно оказалась высокой женщиной, что отнюдь ее не портило – женственность присутствовала в каждом ее жесте, движении, продуманном до мелочей «домашнем» облике. Ее мохеровый свитер сочетался по тону с кофтой мужа, а единственным украшением было широкое обручальное кольцо.

- Алиса в курсе, какой у меня аппетит, - улыбнулся Илья.

- Кормите нашего оболтуса? – приподняв бровь, влез отец.

- Он же не котенок... - удивленно пробормотала Алиса.

Валентина Павловна негромко хмыкнула.

- Если попросите, Маргарита Бруновна выдаст вам рецепт его любимого салата, - продолжал Макаров-старший как ни в чем не бывало.

- Если это возможно, - попыталась исправиться Алиса.

- Разумеется, возможно. Вы-то сами что стесняетесь? Илья, ухаживай за дамами.

Справедливости ради, когда отец хотел казаться душкой, ему это даже удавалось. Он точно знал, как надо посмотреть, что сказать и как улыбнуться, чтобы заставить человека, с которым играет, как кошка с мышкой, расслабиться. А потом, уже расслабившегося, разморенного, потерявшего бдительность сцапать в один присест.

Сейчас он благодушно наблюдал за тем, как Илья наполняет Алисину тарелку. И то же самое делал, колдуя вокруг собственной жены, настороженно рассматривающей девочку напротив. Хотя, надо признать, Илья был достаточно напряжен, будто боялся, что сейчас его любимую игрушку попытаются отнять. И казался похожим на насупившегося ребенка, который вцепился в нее обеими ладошками и оценивает необходимость перейти на ор.

Евгений Степанович продолжал что-то неторопливо болтать, почти не глядя на детей,

но больше в свою тарелку. Пока не созрел. До того, чтобы слегка долбануть.

- На самом деле, меня не может не радовать тот факт, что рядом с моим сыном появился человек, который, так сказать, своим примером может его вдохновить на что-то большее, чем его обычные занятия – болтаться в подвешенном состоянии и ничего не делать. Вы работаете – для него это должно быть стимулом... Кстати, Алис, вы так и не сказали где...

Она дожевала кусочек курицы, медленно глотнула и посмотрела на Евгения Степановича.

- На АЗС.

- Потрясающе! – выдохнул он и перевел взгляд на сына – издевка читалась и в голосе, и в глазах. – И нравится вам?

- А тебе твоя работа нравится? – резко спросил Илья, вцепившись в вилку, будто та могла его удержать.

- Нравится, сын. И ты это знаешь. Дело жизни не может не нравиться.

- А как быть с теми, кто еще не нашел дела всей жизни? Кто в процессе?

- Если поставлена эта цель, то невозможного ничего нет, - смилостивился Евгений Степанович. – Вот у вас, Алиса, цель есть?

- Да. Окончить университет.

На лице Валентины Павловны нарисовалась искренняя заинтересованность.

- Для чего? – спросила она.

- Но... - Алиса растерялась.

Под взглядами Макаровых-старших она с самого начала обеда ощущала себя даже не кроликом, брошенным в аквариум к удавам. Препарируемая лягушка больше соответствовала ее теперешнему состоянию. Она посмотрела на Валентину Павловну.

«Кто мы против них?» - вспомнилось ей.

- Ну вот окончите, - продолжил Евгений Степанович за свою супругу. – А дальше что? Куда вы пойдете со своим дипломом? Чем будете заниматься? Если говорить о перспективе, разумеется. Вот Илья, к примеру, в будущем возглавит холдинг, как бы ни отнекивался. А вы?

- А мы еще поглядим, возглавит ли холдинг Илья, - процедил сквозь зубы Макаров-младший.

- Или создаст что-то свое, - не слушал его отец. – Гонору и упрямства хватит. Противостоять мне – тоже своего рода цель. Из чувства противоречия уходить из дому, бросать учебу, жить с девушкой с заправки... Как думаете, я прав?

- Так, хватит, - закипел Илья, вскакивая с места. – Мы наелись. Алис!

- Я вам не нравлюсь только потому, что работаю на заправке? – вдруг спросила Алиса, поднимаясь следом за Ильей.

- А я не говорил, что вы мне не нравитесь, - проговорил отец. – Нравитесь. Даже очень. Как самостоятельный элемент. Но вот рядом с ним, - он кивнул на сына, - дисгармония полнейшая. Вы, выросшая в двушке где-то у черта на куличиках при родителях-работягах и без больших перспектив и запросов в этой жизни. И он, не знавший ни в чем отказа ни одного дня в своей жизни, живущий с вами из собственной прихоти и...

Отец не успел договорить. Раздался грохот, заставивший всех присутствующих вздрогнуть. Илья со всей дури долбанул кулаком по столу – так, что посуда подпрыгнула. Он был смертельно бледен, и подбородок его подрагивал от ярости. Глаза потемнели, а ноздри

широко и часто раздувались.

- Еще одно слово, и ты очень сильно об этом пожалеешь, - процедил Макаров-младший сквозь зубы. – Потому что я не позволю оскорблять свою будущую жену.

- Что? Уже и предложение было? – с мрачным смехом выдохнул отец.

- А это тебя не касается. Это только нас двоих касается.

- Видите, Алиса, - Евгений Степанович обернулся к замершей девушке. – Это то, о чем я говорил. Все в пику, все по прихоти. Я бы на вашем месте остерегался.

Она не сводила взгляда с Ильи, приоткрыв рот и отчаянно желая проснуться.

- Что же ты, Илюша, шумишь, - включившись, укоризненно протянула мама. – Напугал девочку.

Макаров-младший вздрогнул и глянул на Алису. Она выглядела вправду напуганной. И темно-зеленая шерсть ее платья больше не оттеняла белоснежную будто фарфоровую кожу, а выпячивала почти болезненную бледность лица и лихорадочный блеск глаз.

- Мы уходим, - медленно проговорил он, не глядя уже ни на кого, кроме нее. – Думаю, в дальнейшем наши визиты крайне нежелательны. Хорошего вечера.

С этими словами он протянул ей руку. Она тут же вложила в нее свои холодные пальцы.

- До свидания, - попрощалась Алиса со всем спокойствием, на которое оказалась способна.

У Ильи выдержки не хватило. Буквально потащил ее за собой из гостиной в коридор. Спешно одевался, помогал ей.

Внутри все клокотало, давило, искало выхода, не находило.

И только на воздухе смог дышать. Было холодно. И с неба сыпались мелкие крупинки снега. Алька никак не приходила в себя. Стояла и помалкивала рядом. Он вызывал такси. Потом прижимал ее к себе. И пытался осознать, что произошло. При всем понимании того, что родители едва ли одобряют его выбор, к такому оказался не готов.

Но готова ли была Алиса?

Едва ли. Ей должно быть хуже, чем кому бы то ни было. Это ее полили грязью ни за что. Стоило прислушаться к ней... не ехать... или ехать одному – принимать удар на себя.

- Альк, прости, - прошептал он, не зная, что еще сказать.

- Тебя-то за что? – так же шепотом спросила Алиса.

- Я не знал, что так будет... А мог догадаться...

Она вздохнула и попыталась его успокоить.

- Не съели же они меня.

- Ну да... единственный плюс...

Пожалуй, на этом плюсы заканчивались. Все остальное превращалось в один сплошной и жирный минус. Сначала целую неделю мать звонила, охала и ахала, пыталась настаивать на том, что он не в праве так поступать с собственной жизнью. Потом отзвонился отец. Лишь раз. Со своим безапелляционным «Приезжай один, без Алисы, разговор есть».

Мог бы и не ехать. И тогда все случившееся оказалось бы сюрпризом. А так-то ничего. Счета заблокированы всего лишь. Супер.

- Мне машину в твоём гараже поставить? – громко спросил Илья, глядя в упор на отца. – Ее забираешь тоже? Раскулачиваешь?

Отец сделал вид, что задумался. Повертел в руках телефон, разглядывая морской пейзаж в золоченой раме напротив. Рядом, в пару, висел пейзаж лесной.

- Нет, - медленно заговорил Евгений Степанович. – Тебя нельзя раскулачить. Потому

что у тебя ничего нет. Все, чем ты пользуешься, до последних трусов, куплено на мои деньги. Я зарабатывал, а ты тратил! Потребленец! Я хотел, чтобы ты занялся делами холдинга – ты нахамил матери. Тебя попросили найти себе подходящую подружку – ты закатил истерику. Благодарности ни на грош! Да я уж и не жду... Мать все еще надеется, - отец помолчал и перевел взгляд на сына. – Машину можешь оставить. Материн подарок.

- Великодушно! Но только учти... это все чушь собачья... Мне не семнадцать лет, чтобы эти меры действовали. Рубишь – руби. Но только я все равно буду с Алисой. Подходящие подружки – это по твоей части, а не по моей.

- Ей не место в нашей семье. И однажды ты сам это поймешь.

- В семье? Ты правда считаешь, что семья все еще есть?

- Есть, что бы ты сейчас ни думал.

- А раз есть, - Илья вскочил с кресла, наклонился над столом и уперся кулаками в столешницу, - то вам придется принять Алису. Потому что сейчас семья у меня с ней. Ясно?

- Когда тебе станет совсем хреново, рядом с тобой будет не твоя б... белка, а мы с матерью, - Евгений Степанович поднялся из-за стола и мрачно сказал: - Пошел вон!

Илья только и смог что усмехнуться в ответ. Потом резко оторвался от стола, развернулся на пятках и быстро вышел прочь из отцовского кабинета. С мыслью, что больше никогда уже не вернется.

Тогда он еще не осознавал, чем обернется для него эта ссора с отцом. Впрочем, и не ссора даже. Просто один принял решение, а у второго не было вариантов, как упереться рогом. Всегда настаивая на своем, Илья избрал это методом борьбы против отцовского влияния. А может быть, то была борьба с ветряными мельницами. Но сейчас идти на уступки он не собирался. И единственное, что он мог в данной ситуации – дойти до конца в своем упрямстве.

Потому что бросать Альку из-за прихоти родителей – ни сегодня, никогда – он бы не смог.

У него был дурацкий характер. Там, где можно было чуть отступить, чтобы выиграть целую партию, он пер напролом. О том, что можно ломануться, к примеру, в холдинг за работой, он даже не думал. Тогда, возможно, и оставили бы в покое Альку.

Но даже так – это все равно на поклон.

А он не привык.

Карточки действительно были заблокированы. Дома оставалось немного наличности – на какое-то время хватит. Но дальше... Илья отбрасывал прочь всякие мысли о том времени, когда заначки иссякнут. Придется искать работу. Обязательно придется. Но это не гарантирует возможности вести прежний образ жизни. Может быть, Макаров и был несколько зажавшимся, но не совсем оторванным от реальности.

Позволил себе хохотнуть лишь раз – при Алисе: «У тебя на заправке мойщики какие-нибудь не нужны?» И поймал ее недоуменный взгляд из-под хлопающих ресниц.

Перспектив радужных не наблюдалось. Христиановский продолжал выдрючиваться, и дело медленно, но верно шло к отчислению. Прыжки с парашютом ему не светили в ближайшем будущем. Францевич пристрастился ссать по углам. Алиса пропадала на работе и курсах. И дважды, пока Илья торчал в универе, ее подвозил Логинов. Сама сказала. Как ни в чем не бывало.

Присутствие в их жизни Никиты становилось навязчивым, и Макаров отдавал себе отчет, что у него все чаще чешутся кулаки. Сдерживался только потому, что жутко, до замирания сердца боялся, что тот все-таки сболтнет Альке правду про то, с чего все для них начиналось. Приходилось терпеть, а Илья терпеть не умел. Клокотавшая внутри него ревность искала выхода. И однажды все-таки нашла.

Это было в феврале, накануне Дня святого Валентина. В выходной день Алиса поехала к матери – одна. К Любове Михайловне она чаще всего ездила одна. А Илья рылся в интернете в поисках вакансий, понятия не имея, чем он хочет теперь заниматься, когда все равно придется определяться. Из колонок уныло мурлыкал Гребенщиков, когда его голос перекричал звонок.

Макаров поплелся открывать.

На пороге стоял Логинов. В одной руке бутылка коньяка, в другой – игрушечный медведь.

- Привет! – ввалился Никита в квартиру.

Илья, приподняв брови, пронаблюдал за победным шествием старшего братца по собственной прихожей. Потом перевел взгляд на медведя и весьма ядовито проговорил:

- Даже в раннем детстве я предпочитал машинки и конструктор. Так что с медведем ты перестарался.

- Это для Алисы, - пояснил Логинов. – С тебя коньяка хватит.

- Могу я поинтересоваться, на каком основании ты делаешь подарки моей девушке?

- Поинтересоваться, конечно, можешь, - рассмеялся Никита и, не спрашивая, прошел в комнату и крикнул оттуда: - И я даже тебе отвечу. Мне хочется!

Илья захлопнул дверь. Потом передумал и повернул замок, открывая. Выдохнул и через мгновение влетел следом за Логиновым.

- А мне хочется тебе по морде въехать, - процедил он сквозь зубы. – Потому забирай своего медведя, свой вонючий коньяк и вали нахер!

Никита же тем временем спокойно покачивался в кресле и медленно курил, наблюдая Макаровскую вспышку. Потом повертел в руках игрушку и сказал:

- Я же могу и сдачи дать.

- Ну так дай! Давай, родной! Подеремся все-таки, а? Думаешь, я не понимаю, зачем ты таскаешься сюда постоянно?

- И зачем? – Ник удивленно приподнял брови.

- У тебя сезон охоты. На Алису.

Логинов усмехнулся. В этом была правда, но лишь отчасти. Никита вел охоту не только на Алису, но и на Илью. Рассчитаться с братом за его дурацкую выходку, откровенную подставу, отбив девушку, которую он привел в свой дом, - в этом тоже состояла цель. Не менее важная, чем заполучить эту самую девушку.

- Допустим, - согласился он.

- Обломишься.

- А если нет?

Илья откинулся спиной на стену у входа, скрестил руки на груди и негромко проговорил:

- Позволь тебе напомнить. Мы договорились, Ник. Она выбрала. Не тебя.

- Потому что она меня не знает. И тебя, думаю, тоже, - Логинов потушил сигарету. – Я решил дать ей шанс – и выбрать снова.

- Ты решил дать ей шанс? – выдохнул Макаров и отлепился от стены в момент оказавшись возле брата. – Я с ней живу третий месяц, а ты ей шанс дать решил? Обкурился?

- А я подожду, пока тебе надоест играть в ваше сожительство.

Одного Илья никак не мог понять. Откуда у окружающих его людей такая уверенность в том, что она ему, в конце концов, надоест. Ее мать, его родители, теперь Ник. Кажется, на Нике предел его терпению настал. Не понимая, откуда в нем столько дикой злости, сжал руки в кулаки и навис над креслом с сидевшим в нем Логиновым.

- Да хрен тебе! – прорычал Макаров. - Я тебе Алису не отдам! Хватит ее преследовать! Вали из моей квартиры и из моей жизни, понял?!

- Понял, понял, - Ник примирительно поднял руки. Мгновение он весело улыбался, но уже в следующую минуту совершенно серьезно сказал: - Она не вещь, чтобы ее можно было взять, забрать, отдать...

- Еще раз рядом увижу – прибью. Это ясно?

Логинов поднялся и направился к выходу.

- Медведя передашь, или мне на заправку заскочить? – спросил он, проходя мимо Ильи.

И сделал это определенно зря. Макаровские кулаки чесались. Вспышка ярости полыхнула в Илье так, что перед глазами потемнело. А в следующее мгновение Ник уже летел на другой конец комнаты от удара в скулу.

- Я сказал вали! – заорал Макаров.

Никита поднялся, потирая лицо. Стремительно подошел к брату, с размаху двинул кулаком под дых и ушел, пока Илья хватал ртом воздух.

Дверь громко хлопнула. Макаров остался один. Пытался отдышаться. Когда стало полегче, поплелся на балкон – курить. И никак не мог прийти в себя. Что-то, кроме злости, кроме ревности, упрямо ныло в нем, почти не давая отвлечься.

Вот сейчас он потерял друга. В кучу ко всему остальному. От осознания тошнило. Хоть волком вой. Но и здесь тоже, как с отцом, – никаких уступок он допустить не мог. И дело уже даже не только в Альке, которую он ревновал теперь до одури. Дело в нем самом. Были вещи сильнее его – нежелание проигрывать, к примеру.

Как странно. Их извечная с Ником игра стала игрой в жизнь.

Ему не слабó. Ему никогда не бывает слабó, даже если для этого приходится все разрушить.

Но вот это разрушенное почти лишало его возможности дышать.

Алиса пришла часом позднее. Открыла дверь своим ключом и вошла, чтобы уже в прихожей наткнуться на тяжелый взгляд Макарова.

- Привет, - остановилась она у двери. – Что-то случилось?

- Случилось. Ухажера твоего отваживать пришлось – вот, что случилось, - ответил Илья.

- Какого ухажера? – не понимая, переспросила Алиса и начала раздеваться. – Мама привет тебе передавала.

- Как же так? – не слушая ее, хмуро проговорил он. – Он чего? Под парадной не сидел, что ли?

- Кто сидел, Илюш? О чем ты?

- Логинов, кто! Там медведь его гребанный валяется в кресле... Ты почему его не послала давно? Не видела, что ли, чего он ходит?

- Он брат твой, - пробормотала Алиса, - как же его послать? Всеми разбрасываться – родственников не хватит.

- Да похрен, брат или нет! – вспыхнул Илья. – Когда на тебя смотрят так, будто раздевают, я как-то о родственных связях забываю, уж прости!

- Ты говоришь ерунду. Что ты придумал?

- Я придумал? Святую невинность корчить из себя прекрати, а! Он и раньше за тобой ухлестывал!

- Может быть, - в ее глазах появилась обида, она вздохнула и близко подошла к Илье. – Я не замечала.

- Зато я замечал! – рявкнул Илья и вдруг понял, что уже не может злиться – запаха ее волос достаточно. Нервно сглотнул и продолжил: - И если тебе... тебе с ним нравится, то лучше так и скажи, чем... Черт, Алька! Нравится он тебе или нет?

- Что случилось? – спросила она, коснувшись ладонью его лица, волос, обняла за шею. – Ты из-за Никиты такой взъерошенный? Не нравится он мне. Вернее, нравится, но совсем не так, как ты думаешь...

- Я нравлюсь больше? – его голос охрип и звучал по-дурацки.

- Очень нравишься, - прошептала Алиса.

- Ладно, тогда пусть живет, - пробормотал он, склонившись к ней и почти касаясь губами ее губ. – Я ревнивая скотина.

Она улыбнулась и поцеловала его.

- Я с тобой. И никуда не денусь.

В тот день он ей поверил. Потому что не мог не верить ей, принадлежавшей ему каждым сантиметром кожи. Подхватил на руки и унес в комнату. Покрывал поцелуями ее лицо, освобождал от одежды, склонялся снова и снова к ее груди, животу, бедрам. Выводил языком и пальцами узоры на ее теле. Любил ее. Не существовал без нее. И ни на минуту не мог себе представить, что это несуществование станет однажды его извечным спутником.

К огромному изумлению Алисы Петруня оказался щедр в честь Валентинова дня и милостиво явился на работу на два с половиной часа раньше, чтобы она смогла убежать домой. Улыбаясь удивлению Ильи, с которым он ее встретит, она торопливо взбегала по лестнице. Стараясь не щелкнуть замком, прокралась в квартиру.

Сюрприза не вышло. Единственным живым существом оказался Францевич, вышедший из кухни с обиженным видом брошенного ребенка. Подхватив его на руки, Алиса набрала телефон Ильи и долго слушала длинные гудки.

- Он сказал, когда вернется? – спросила она у котенка.

И получила в ответ многозначительное мурлыканье.

Следующие часа два пробежали незаметно. Салат был нарезан, Францевич накормлен, а сама Алиса, периодически набирая Илью и не получая ответа, продолжила возиться со стеной.

Мурал на высотке – темный, загадочный готический костел, размытый в вечерней дымке – поддавался плохо. В конце концов, усевшись посреди комнаты на пол, она задумчиво рассматривала стену. От этого увлекательного и важного занятия ее отвлек звонок в дверь.

Звонили дважды. Первый звонок был едва слышным, будто промахнулись по кнопке. Но второй – долгий, протяжный, настойчивый – говорил о том, что не ошиблись. Пришли к ним. Илья бы не звонил.

На пороге стояла Валентина Павловна – в короткой белой шубке, шляпке с широкими

неровными полями. И мяла в руках свои перчатки, хотя лицо казалось безмятежным.

- Добрый вечер, Алиса, - проговорила она. – Илья дома?

- Здравствуйте, - сказала Алиса, отходя в сторону. – Ильи еще нет. Вы проходите.

Перспектива остаться с Валентиной Павловной наедине совсем не радовала, а примчавшийся на голоса Францевич так же едва ли мог спасти положение – первым делом он принялся охотиться за кисточкой шнуровки на сапогах гостыи.

- Вы завели кота? – осведомилась она, не разуваясь и озадаченно разглядывая разодранную почти в клочья стену – местами обои пристали намертво, а пройтись по ошметкам шпателем ни Илья, ни Алиса еще не удосужились.

- Его Францевич зовут, - улыбнулась Алиса и, спасая сапоги, взяла котенка на руки.

- Потрясающе. Вы делаете ремонт?

Услышав в тоне Валентины Павловны укор, Алиса осмотрелась. И неуютно подумала, как может себя чувствовать мама Ильи в этой разгромленной квартире после идеального порядка Макаровского особняка. В лучшем случае – неловко, в худшем...

- Делаем, - кивнула Алиса. – Идемте в комнату. Кофе хотите? Или чаю.

- Если можно, воды. И не суетитесь. Не надо, - ответила Валентина Павловна и сдержанно улыбнулась. Пройшла по прихожей и замерла перед исписанной краской стеной, которая представляла собой весьма занятное зрелище, будучи по сути полуфабрикатом. Так и нашла ее Алиса, когда показалась в гостиной со стаканом воды. Валентина Павловна, не поворачивая к ней головы, медленно проговорила:

- Ваши художества, или у Ильи новое хобби?

- Мои, - отозвалась она, не сводя взгляда с неброского маникюра Валентины Павловны – длинные пальцы крепко сдавили стекло стакана.

- В следующий раз, когда вздумаю менять интерьер в клубе, позову вас в дизайнеры, - пробормотала Макарова, внимательно приглядываясь к муралу. О том, что матери принадлежит неслабый такой ночной клуб в центре города, Илья однажды Алисе рассказывал. Грозился сводить. Но сейчас поджатые губы Валентины Павловны говорили исключительно о том, что ей лучше туда не соваться. – Творчество – это прекрасно.

- Это скорее временное увлечение.

- Ну в жизни вообще очень многое можно отнести к временным увлечениям, Алиса. Особенно в вашем возрасте, - теперь голос Макаровой прозвучал как-то по-доброму, что совсем не вязалось с тем, как она пришла и как выглядела.

- Дело не в возрасте, мне кажется. Рисование для экономиста не важное.

- При условии, что вы хотите быть именно экономистом и никем другим. Желания тоже имеют свойство меняться.

- Не все, - уверенно сказала Алиса.

Валентина Павловна чуть сжала губы, отчего вокруг них едва заметной сеточкой пролегли поперечные морщинки. Взгляд ее казался темно-серым, близким к болотному. И был внимательным и немного укоризненным. Вместе с тем, стоило отдать ей должное – она явно пыталась подобрать правильные слова. И, в конце концов, выдохнула:

- Это хорошо, что Ильи нет. Я хотела поговорить с вами, Алиса. А он не позволил бы.

Алиса заинтересованно взглянула на Макарову. Та молчала.

- О чем? – спросила Алиса, почувствовав, что увязает в паузе.

- О ваших отношениях с моим сыном, Алис. Я не склонна преувеличивать или преуменьшать эту проблему, но зная его... могу себе позволить некоторую оценку. Дело не в

том, любит он вас или нет. Дело в том, что вы – просто удобная карта, которую он может разыграть в своем противостоянии с отцом относительно его собственной жизни. Вы видите, чего он достиг рядом с вами? Проблемы в университете, ссора с нами и жизнь в разрухе. Впечатляюще.

Алиса вскинулась в ответ, но промолчала. Уложила Францевича на его подушку в кресле. По времени, прошедшем между словами Валентины Павловны и ее, досчитала до двадцати.

- Вы уверены, что всей этой разрухи Ильи бы избежал, если бы не я?

- Нет, не уверена. Но вы – апофеоз. Вы сами не видите, насколько вы... разные, несовместимы? Представьте себе, что будет дальше. Вы его, конечно, любите – я это допускаю. Не хочу и не буду больше оскорблять вас подозрениями в корысти, Алиса. Но вы привыкли жить... как-то так... - она неопределенно махнула рукой на разукрашенную стену, жест получился изящным и немного снисходительным. – Вы всю жизнь жили куда проще нас... проще Ильи. А сегодня он неминуемо столкнется с тем, что ему придется окунуться в вашу жизнь. По вашей, кстати, милости. Ему это будет в новинку... и я не гарантирую, что он спокойно это воспримет. Будет держаться, возможно, из упрямства... Но, поверьте, Илье это все очень не понравится. Ему будет тяжело. Еще и учеба... Сможете ли вы не винить себя в том, что ему предстоит? Сможете ли поддержать во всем этом? Тогда как ваше исчезновение из его жизни – возможное решение если не всех проблем, то хоть их части.

Алиса внимательно выслушала Валентину Павловну. И честно понимала все, что та стремилась ей сказать. Когда Макарова замолчала, в квартире было слышно лишь ровное гудение холодильника в кухне. И странным образом его отключение послужило сигналом для включения Алисы.

- Я буду с Ильей столько, сколько захочет он, но не вы, - негромко сказала она и повернулась к незавершенному городу на стене. – Это не навсегда, но сейчас нам это нравится.

- И что вы станете делать, когда ему все это надоест? Ему же все равно надоест. И очень скоро. Ему двадцать один год. До вас он не пропускал ни одной юбки. Мужчины по сути своей полигамны, а Ильи – еще и избалован. Когда придет пресыщение, а оно неизбежно, окажется, что и у него, и у вас жизнь разбита. Просто потому, что он решил попробовать помериться силами с отцом. И втянул в это вас.

- Он ведь ваш собственный сын, - удивленно сказала Алиса. – Зачем вы так?

- Именно затем, что он мой сын. Я его знаю. Лучше, чем вы, поверьте. Да, он и сам верит, что любит вас, но его любовь – это блажь юноши, который заигрался в мужчину. Он думает, что это что-то важное, ради чего стóит все на свете разрушить. Но вы сами, именно вы, верите, что стóите того, чтобы ради вас что-то рушить? Конечно, этот вопрос я имею право задать вам лишь в том случае, если вы его любите.

- Вы имеете право в любом случае, - беззвучно прошепестела Алиса, глядя в пол.

- Значит, вы меня понимаете. И все понимаете.

- Нет, не понимаю, - она подняла голову и теперь смотрела прямо на гостью. – Чего вы хотите?

Валентина Павловна сузила глаза и подошла к ней поближе. Ее голос сейчас стал таким тихим, будто она боялась, что кто-то услышит. И вместе с тем останавливаться не собиралась.

- Я хочу, чтобы вы ушли отсюда. И больше не появлялись, - проговорила она, четко

выговаривая каждый звук.

Алиса отпрянула от нее, испытывая навалившуюся тяжесть внешнего. На нее давило многое: требовательность Валентины Павловны, ее умудренность, статус, стильность облика. Даже запах. Дорогой, изысканный. В доме Алисы таких ароматов не бывало. Из последних сил она сдерживала дрожь в голосе.

- Это дом Ильи. Ему решать, быть ли мне здесь.

- Ошибаетесь, Алиса. Это и вам решать тоже. Иначе я не говорила бы с вами.

- Вы говорите со мной, потому что Илья вас не слушает, - выдохнула Алиса.

- Вы два упрямых ребенка. Я одного не пойму, как ваши собственные родители допустили, что вы ушли из дома.

Алиса промолчала. Рассказывать Валентине Павловне о том, как каждый разговор с мамой сводится к неуверенному «у вас точно все хорошо?», определенно не стоило.

- Подумайте, Алиса, - снова заговорила Макарова. – Вам нужно очень хорошо подумать, как жить. Обещайте мне хотя бы это. Я не требую, а прошу.

Ответом ей стал резкий кивок головы. Больше Валентина Павловна уже ничего не сказала. Молча посмотрела на стену. Сейчас во всем ее облике сквозила открытая, хоть и не высказанная, неприязнь. Но в целом она держалась. Потом ушла. Также не произнесла ни слова, даже не попрощалась – будто батарейка в ней сдохла. Когда Алиса осталась одна, вокруг нее по-прежнему витал дорогой аромат, даже названия которого она не знала и вряд ли могла бы узнать.

Безымянный запах преследовал ее и побуждал к несвойственным поступкам. Как только закрылась дверь за Валентиной Павловной, Алиса с отчаянным усердием начала смывать со стены собор. Все больше цепляя абрисы домов, размазывая мостовые, равнодушно наблюдая стекающие на паркет грязно-серые потоки.

Эти потоки полутора часами позднее обнаружил Илья.

Входил в квартиру, когда в окнах домов давно горел свет. В его – не горел. Было темно. Хотя Алиса могла уже приехать.

А войдя, увидел Алькины сапоги. Они сиротливо стояли посреди прихожей. Видимо, собиралась их мыть, потому в шкаф не убрала. Но никаких признаков того, что она дома, не было.

- Алька! – озадаченно крикнул Илья в глубину квартиры, никто не отозвался и он повторил: – Алька, ты где?

Как был, в куртке и обуви, вошел в гостиную. Включил свет и замер. Перед стеной. Ее жалкий вид, совсем не такой, как еще этим утром, заставил его почувствовать нарастающий ком беспокойства. Тот стал поперек горла и не давал вздохнуть. И еще было чувство, будто бы сердце – большое бьющееся сердце – везде, повсюду, по всему телу. Очень ясное и четкое пришло осознание, что что-то произошло. Что-то плохое. С ними обоими.

- Алька! – снова крикнул Макаров, сбрасывая с себя оцепенение, и оглянулся. Балконная дверь была открыта.

Он живо ломанулся туда, но и там Алисы не обнаружилось. И ноги сами понесли его на крышу. Почему-то стало очевидно – если она где-то и может быть, то только там.

Она сидела на ступеньке пожарной лестницы, нахохлившись, как замерзшая птица, и отворачивала лицо, когда Илья подошел к ней. Он уселся рядом. Внимательно посмотрел на нее и тихо сказал:

- Ну и?

- Где ты был? – спросила в ответ Алиса.

- По делам ездил, по важным.

- Я звонила.

- Не слышал... Наверное, телефон в машине забыл... прости. Что случилось?

- Ничего, - она поднялась. – Идем домой. Холодно.

Илья встал следом. Сейчас ему почему-то казалось, что крыши домов подпирают небо.

То ли оно хочет упасть, то ли уже упало – на них.

- Аль, а я приказ на отчисление видел. Так что скоро поедem в твою Яковскую. Искать польских предков. Свобода, блин.

Она обернулась к нему. Лица почти не видела в слабых отсветах из окон.

- А твоя мама права, - вздохнула Алиса.

- Мама?

Алиса кивнула и поежилась.

- Со стеной ты тоже так... потому что мама?

- Нет, просто. Глупость это... Поклеим обои.

- Оставь мне мои эксклюзивные стены! – мягко улыбнулся он, зная, что она не различает его улыбки. Но точно слышит ее в голосе. – Они мне нравятся.

И следом услышал ее всхлип. Это на несколько секунд заставило его растеряться. Плачущие девушки встречались ему нечасто, и он никогда не знал, что с ними делать. Плачущая Алька – была той же родной Алькой. Просто плачущей. Он шагнул к ней и привлек к себе. Теплую и холодную одновременно. Дыхание ее было теплым. Но руки замерзли. Быстро поцеловал висок – хотел бы найти губы, но она уткнулась лицом ему в грудь. Погладил худенькие плечи и прошептал:

- Все будет хорошо, слышишь?

- Будет, - закивала Алиса, глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться, и хихикнула: – Вот поужинаем – и будет хорошо.

- «Хорошо» я тебе гарантирую, - легко сказал он и тут же спохватился. Отстранился от нее на мгновение, полез во внутренний карман куртки. И через пару секунд вкладывал в Алькину руку бархатную округлую коробочку и тихо шептал: - Черт, здесь ничего не видно... Надень, а... Это... с Днем влюбленных... Я подумал, что... тебе понравится.

- Нравится! – сказала Алиса, разглядывая небольшой сапфир в тонком кольце из белого золота, когда стояла посреди комнаты под самой люстрой. – Очень-очень нравится, - она подлетела к Илье и, обхватив за шею, сказала: - А стену я перекрашу.

- Крась что хочешь. Даже меня можешь выкрасить, - смеялся он, обнимая ее. И молчал о том, как утром носился по городу, пристраивая свои часы хоть за половину их цены. Было в этом что-то унижительное и стыдное, о чем Алисе знать совсем не обязательно. И о чем она так никогда и не узнала.

Конец

К концу февраля Макаров стал раздражительным и хмурым. Может быть, это последний месяц зимы тащился сонной черепахой, заставляя его злиться на всякое утро, когда оно заставляло его за компьютерными бродилками. Вялые попытки найти работу успехом не увенчивались. Деньги кончались. Перспектив по-прежнему не наблюдалось. В свете этого

боевой дух медленно, но верно катился к состоянию «ниже плинтуса».

Алька в его глазах казалась почти состоявшимся человеком. Ей, во всяком случае, было куда ходить утром и вечером. И чем больше он сам находился дома, тем сильнее его напрягало ее постоянное (оказывается!!!) отсутствие. То работа, то курсы, то польский. И спрашивается, нафига ей польский? Лучше бы английский подтянула – полезнее. Но Алиса упорно гнула свое. И это странным образом его восхищало. Иногда ему казалось, что она взялась всему миру доказать, что что-то может. В то время как Макарову никогда никому и ничего доказывать не приходилось – все, что с ним происходило, было капризом. Его борьба по сути своей была капризом. В чем-то главном он начинал это сознавать. Пусть и не в том смысле, в каком хотел бы от него отец.

В последнюю неделю февраля позвонил Ванька. Поинтересоваться, жив ли он еще. Макаров и сам, думая иногда о том, насколько изменилась его жизнь в эти месяцы, сомневался, жив ли он. Хотя бы для окружающих.

Алиса заменила ему мир. Все, к чему он привык. Получил ее, но как много потерял за это время? Универ, грубо говоря, «закончился». В турклуб больше не ходил, и что такое прыжки – позабыл. С родителями разосрался. Ника вышвырнул. Денег не было. С друзьями не виделся несколько месяцев. И не знал, как вернуть себе собственную жизнь. Наполненную событиями, движением, бесконечными встрясками.

Звонок Ваньки будто выдернул его из болота, в которое он угодил. Глотнул воздуха и почувствовал отчаянное желание барахтаться.

Бросил клич – собрать народ в его апартаментах. «Только учтите, я без довольствия, в опале, все со своим!» - весело сообщил он Ваньке. И отзвонился еще паре человек с той же информацией.

А вечером выдержал трудный бой с Алькой, которая, едва услышав, что он намерен устроить вечеринку, тут же засобиралась проведывать мать.

«В конце концов, живешь ты со мной, - проворчал Илья. – Тебе совсем не интересны те, кто меня окружают?»

Откровенно признаться, что побаивается его друзей, духу не хватило. Но однажды мама уже оказалась права со своим «кто мы против них». Встреча с родителями Ильи это подтвердила. Не хватало, чтобы и предстоящая вечеринка прошла под тем же девизом. Снова почувствовать себя опытным образцом было бы слишком болезненно.

«Ты уверен, что я им интересна?» - предприняла Алиса попытку объяснить свои переживания.

«Они тебя не знают, - отмахнулся Макаров. – И не узнают, если прятаться будешь».

«Я их тоже не знаю».

«Это повод, чтобы свалить?»

Если это и был повод, то во многом надуманный. В конце концов, уйти можно в любой момент, если уж станет совсем не вмоготу.

«Ты многих позвал?» - обреченно спросила она.

«Понятия не имею. Они сами разнесут... До кого дойдет – явятся... - ответил он мрачно, потом молчал какое-то время, будто что-то обдумывал. И, в конце концов, заявил: - Слушай, ну это ж не смотрины! А если и... ну, давай это ты еще на них посмотришь, нравятся они тебе или нет, а?»

На том и порешили. Алиса не поехала к маме и даже пропустила занятие в лингва-клубе.

Пятничным вечером в квартиру натолкалось не много, не мало – почти два десятка человек, неизменно задающих один главный вопрос: «Куда пропал, Макаров?» Поначалу веселило, потом начало напрягать. И, когда, в конце концов, этот вопрос прозвучал в очередной раз, Илья не выдержал и решительно гаркнул:

- Объявление для всех, второй раз повторять не буду. Кто в теме – могут продолжать глушить конину. Макаров не пропал. Макаров живет по прежнему адресу и номер телефона не менял!

- А еще Макарова из универа отчислили, - хохотнул Ванька.

- И Макаров по уши втрескался, - добавил еще кто-то, кого Алиса запомнить не успела, да и не смогла бы при всем желании – слишком велик оказался поток лиц для одного вечера. В этот момент все эти лица дружно обратились к ней.

Она улыбнулась (старалась весело, а получилось так, как получилось) и под видом неотложного дела шмыгнула на кухню, чтобы наткнуться там на Нину. Та почти по-хозяйски колдовала у стола, раскладывая закуски на поднос, и периодически подбрасывала что-то под стол, куда из гостиной передислоцировался прибалдевший от количества народу Францевич. Не поднимая головы, но явно понимая, кто вошел, Нина негромко проговорила:

- Было бы лето – было бы проще. Махнули бы на шашлыки...

- Помочь? – спросила Алиса.

- Нет.

И вместо того, чтобы продолжить заниматься, чем занималась до этого, Нина подняла глаза и так посмотрела на нее, что хоть под землю провалились. Алиса не провалилась. Но из-под самой земли, куда, возможно, и стоило провалиться, если знать все заранее, восстал демон противоречия.

- Я тарелки в буфет переставила, - заявила она, забрала со стола поднос и деловито потопала обратно в комнату, где в этот момент, сунув руки в брюки, какое-то новое лицо, которого она раньше не видела, несколько старше остальных, стояло перед полуразмытой стеной и говорило:

- А есть в этом что-то такое... нетривиальное... Если доделает...

- Ценитель прекрасного, Вениамин Громов, - хохотнул Ванька. – Явился!

- Ну, ценитель – не ценитель... а я у себя в кабинете что-то в этом роде сделал бы. Илюха, одолжишь?

- Хрен тебе, - отозвался Макаров, подлетел к Альке и перехватил у нее поднос. Следом вошла и Нина с самой благодушной улыбкой на лице. Но взгляд ее продолжал сверлить Алькин затылок, чего та не могла не чувствовать.

- Пока оно не закончено, трудно что-то сказать, - прошелестела она. – А смыли зачем? Передумали?

- Мышь! – рявкнул Илья.

- Передумала собор на мурале делать, - пояснила Алиса как ни в чем не бывало и обернулась к Нине. – Может, ваш портрет сделаю.

- Нет уж! – улыбнулась Нина и прошла в комнату, устраиваясь в любимом Макаровском кресле. За этим ее дефиле не без улыбки следил Вениамин, потом обернулся к Алисе и окинул ее внимательным взглядом. Подошел ближе и мягко проговорил:

- Что бы тебе ни болтали, а у тебя получается. Здорово!

- Правда? – переспросила Алиса. – А подскажете, что на мурале сделать?

- Твой же мурал, сама и думай. Можешь город в городе нарисовать.

- Угу, - пробормотала Алиса, - подумая.

Она отошла к дивану, стараясь выпасть из общего поля зрения. Внимания на ближайший час ей было более чем достаточно. И старалась не смотреть на Нину, которая безошибочно определяла любое место, где в данную минуту находился Илья. Это странным образом раздражало. Раздражение несло за собой необдуманные поступки – выпитая рюмка коньяка обожгла горло.

Илья, между тем, странным образом умудрялся оказываться везде и сразу, при этом нигде не задерживаясь. И почти не приближался к Альке. Врубил музыку, и отдельные личности поперлись танцевать. Кто-то болтал об учебе и работе. Ванька шумно агитировал ехать то ли в Крым, то ли в Сочи на какой-то фестиваль весной. «Мы с ребятами тоже будем играть!» - аргументировал он. Ванька, как выяснилось, был музыкантом. Каким-никаким. Больше, конечно, никаким, как он сам утверждал.

- Когда только успеваешь все? – хмыкнул Илья, но ответ, кажется, не дослушал. Уже отвлекся на триндеж Веника, предлагавшего более близкие перспективы – завалиться то ли в клуб, то ли на чью-то вечеринку.

Потом Алиса расслышала на чью. Нина, с улыбкой глядя на Илью, тихо спросила:

- И что за чушь – поругались? С собственным братом? У него днюха, Макаров! Вы никогда не пропускали праздников друг у друга.

- Ну, поругались. Но разберемся сами, Мышь. Не лезь, - проворчал в ответ Илья.

- Главное, вовремя, - хмыкнул кто-то из остальных, кого Алиса еще не запомнила. – Ты пропал, его нет. Со скуки подохнешь.

- Тебе бы все веселье...

- А то нет? Та я без игрушки вашей загнусь скоро. Чья там сейчас очередь? Что за задание?

- У нас пауза.

- Пауза? – Веник приподнял бровь и криво усмехнулся. – Нин, слыхала? Пауза! Они временно прекратили дурака валять.

Совершенно неожиданно Алисе открылась истина: зная, что Илья и Никита – близкие родственники, она ничего не знала об их отношениях. После вспышки Ильи относительно излишних ухаживаний Никита больше не бывал у них. Но Алисе, в попытках выжить среди родительских мнений, было не до того. А оказывается... «поругались». «Игруха», «задание», «очередь» ...

Все прочие звуки исчезли. Она ждала ответа Нины.

- Карты в руки, давно пора, - пробормотала та, резко опуская глаза. В отличие от Ильи, чей взгляд будто бы заметался по комнате в поисках Альки. А потом, найдя, замер.

- Хватит уже, а? – проговорил он громко и отчетливо.

Но среди присутствующих не все были понятливые. «Скучающий» товарищ расхохотался и заявил:

- Чего хватит-то? На самом интересном месте! Логинов-то целку порвал в последнем раунде или нет?

Илья побледнел и дернулся к нему, но тут же усилием заставил себя остановиться.

- А отсутствующие при раунде могут узнать условия? – подала голос Алиса, глядя на смеющегося «скучающего». – Интересно!

- Ну, они друг другу задания давали на слабó. По очереди. Не выполнил – заново начинай. Прикольная штука была. Мы всей толпой ставки делали.

- Да уж, весело, - отрезал Илья. – Прошло уже, хватит.

Скучающий заткнулся. Илья усмехнулся и направился к Алисе. Стал возле нее, будто бы предупреждал окружающих о последствиях любого необдуманно произнесенного слова. Во всяком случае, так это и было расценено большинством. Но беда пришла, откуда не ждали. Вариативное тело, мило проспавшее в ту памятную поездку на АЗС на заднем сидении, накачавшееся, впрочем, и сейчас, проснулось и пробасило:

- Так я не понял! Трахнул Никитос ту дуру с заправки или нет?

И тут до Алисы дошло. Резко и сразу. Как в первый раз. Она бросила быстрый взгляд на Илью.

Потом посмотрела на всех, кто был в комнате.

Все они, все! знали.

Знали про игру, знали про нее... Веник, рассуждающий о рисунке на стене, Нина с ее ресторанной едой, все эти скучающие, пресыщенные люди, живущие другой жизнью. Отличной от ее.

- А по времени ограничения были, не знаете? – поинтересовалась она у обладателя баса.

- А хрен его... - пробормотал он и заткнулся, в конце концов, чувствуя напряженность, которая повисла в комнате.

- Алька... - сдавленно проговорил Илья, и она почувствовала, как на ее затылок легла его тяжелая ладонь

Она дернулась от его руки.

- Это была дурацкая шутка, - медленно произнес он, а от звука его голоса воздух будто бы накалился. Все стало видеться как-то медленно и отрывочно. Вот взгляд Нины, прикованный к ним. Вот Веника – к Нине. Вот Ванька – чуть привстает, и шутливого выражения на его лице как не бывало. Вот «скучающий» недоуменно озирается по сторонам, будто пытается въехать. Вот басящий тянется за стаканом. И все в молчании. Только музыка продолжает играть. Колонки выплевывают звуки «Скользких улиц», отчего все кажется каким-то фарсом.

- Алька, это закончилось, - хрипло повторяет Илья и пытается заглянуть ей в лицо.

- Да все нормально! – усмехнулась она и подхватила в сторону коридора.

- Аль, прекрати! – раздалось ей вслед, и через мгновение он навис над ней, намереваясь ее обнять и вернуть в комнату. – Я же сказал, что все, больше нет никакой игры. Нету! Мы бросили. Я же не знал тогда... Я по-настоящему, Аль!

Она снова увернулась от него и метнулась в кухню, чувствуя себя петляющим зайцем. Он ломанулся за ней.

- Илюш, я понимаю все. Поиграли, перестали... Бывает, да?

Ее глаза бегали по навороченной технике, которой изобиловала кухня, избегая обращаться туда, куда хотелось больше всего – на Илью.

- Ни черта не бывает! – крикнул он. – Я не играл! Я, по-твоему, почему его вышвырнул? Если бы игра, то...

Взгляд ее остановился на бутылке коньяка. Стратегический запас.

Алиса рассмеялась. Дернулась к бутылке, сорвала крышку, сделала большой глоток... И ничего не почувствовала.

- Если бы не игра...

- Алька, прости.

Она кивнула.

И реальность изменилась. Она увидела себя в прихожей, в куртке, шапке, сосредоточенно шнурующей ботинок. Он снова стоял, нависнув над ней, и что-то орал. Что-то о том, что никуда ее не отпустит, что-то о том, чтобы она прекратила истерику. Смешно. Ей казалось, что истерика сейчас у него. Но он никак не успокаивался. Хватал ее за плечи и не пускал. Она скидывала с себя его ладони и продолжала одеваться.

В гостиной выключили музыку. Это она осознавала сейчас ясно – прислушивались. Потом в коридор вышла Нина. И ее взволнованный голос прозвучал очень громко, громче крика:

- Макаров, ты debil? Дай ей остыть!

- Действительно! – усмехнулась Алиса, почувствовав, что в этот самый момент он ее больше не держит.

И выскочила за дверь.

«Та я без игрушки вашей загнусь скоро».

«У нас пауза».

В ее висках тарабанило чужими голосами, пока Алиса неслась сломя голову по лестнице. Куда? Зачем? Она не знала. Понимала одно – там, среди них, больше не может дышать. Чужие люди. Готовы и свечку подержать, лишь бы не скучно.

«Дай ей остыть!»

«Трахнул Никитос ту дуру с заправки или нет?»

- Действительно!

Ее вскрик отозвался подъездным эхом. А во дворе она уже со смешком спрашивала в трубку:

- Ты где?

В трубке что-то зашипело, загрохотало, она слышала музыку, вопящую так, что хоть уши закрой и кричи. А потом только до нее донесся голос Логинова:

- Алиса?

- А есть варианты?

- Черт... ничего не слышу... Алис!

- Ты где? – громко крикнула она, словно пыталась докричаться до него без помощи телефонии.

- В клубе! Что-то случилось?

- Ничего не случилось! А нет, случилось, - Алиса рассмеялась. – Я узнала, что у тебя днюха. Ехать куда?

- «SpiderWeb» знаешь? Возле Смольного проспекта? Слушай, если это способ Макарова помириться, то вовремя. Я сегодня добрый.

- Ну жди, - выдала Алиса, прежде чем отключиться.

Гудков Логинов уже не слышал. Несколько минут молча смотрел на экран телефона, расцвеченный дискошарами. Днюха, твою мать.

Пропади она пропадом – эта днюха. Желание было одно – надраться.

Отец завис в Москве, а его сдержанное поздравление и внушительная сумма, капнувшая на счет сына, как-то пилюлю не скрасили. С утра отзвонились Макаровы – как всегда шумные и неправдоподобно жизнерадостные. Их веселое щебетание действовало на нервы. Илья молчал. И это напрягало сильнее всего. За всю жизнь младший брат, он же лучший друг, не пропустил ни одного его дня рождения. Разругаться из-за девки – это, конечно,

мощно. Пусть девка и нравилась.

Он не нуждался в шумных компаниях, бабах, выпрыгивающих из тортов, и прочей мишуре. Но лучший друг рядом – это обязательно.

На работе тоже вышло феерично. Выслушав цветастые поздравления от шефа и подчиненных из собственного отдела, получил в подарок ручку Parker, накормил всех суши и свалил в обед. Потому что «у нас, Никитушка, принято пораньше отпускать в день рождения». И похрену, что имениннику никуда не охота. Но он, мать твою, должен радоваться жизни и излучать оптимизм.

Не, он пытался. Честно пытался!

Вечером спонтанно завалился в клуб госпожи Макаровой, который она держала уже несколько лет – у нее тоже были свои увлечения. Вполне себе неожиданные. Думал подцепить кого-нибудь, но пока просто мрачно глушил коктейль – даже искать девочку на ночь оказалось лень. До звонка Алисы.

Звонка Алисы, заставившего его воспрянуть духом.

Сунул телефон обратно в карман, перебрался за столик поближе, где он был как на ладони для всякого входившего в зал. Заказал еще какой-то коктейль – для нее – и коньяка для Илюхи. И стал ждать. Положенное количество времени при условии использования наземного транспорта в пятничный вечер. С тем чтобы получить сюрприз, вероятно, в честь праздника – направляющуюся к его столику Алису. Без Макарова, без подарка, но с веселыми ямочками на щеках.

- Привет! – прощепетала она, низко наклонившись к Никите, чтобы перекричать грохот музыки.

- Привет! – поздоровался он, чувствуя легкое замешательство. – А Илюха где?

- Дома. А ты чего сам?

Ник мотнул головой, отодвинул стул, чтобы она могла сесть, и за эти пару секунд заминки успел сообразить, что нихренашечки не соображает.

- У меня безудержное веселье, - сообщил он. – Что случилось?

- Да ничего не случилось! – хохотнула она и потянулась к бокалу с коктейлем. – Что это здесь у тебя?

- Ааа... это я тебе заказал...

Алиса понюхала, сделала глоток.

- Вкусно! – одним махом выпила половину и запоздало провозгласила тост: - С днем рождения!

- Спасибо, принято, - буркнул Никита, открыл коньяк и плеснул в стакан. – Может, тебе домой надо?

- Не надо, - отмахнулась она, допивая коктейль. – Твое безудержное веселье...

Алиса отвлеклась на пробегающего мимо официанта.

- А принесите, пожалуйста, такое... голубое...

Озадачиваться не входило в обязанности вышколенной obsługi.

- «Голубая лагуна»?

- А она голубая?

Официант кивнул.

- Тогда ее, - довольно подтвердила Алиса заказ и повернулась к Никите. – Можно же, да?

- Можно, - в замешательстве разрешил Логинов. Понятливый официант быстренько упорхнул, и Ник хмуро взглянул на Алису. – Могу еще коньяком поделиться.

- Нет, - заявила она. – Тебе сегодня не положено делиться. Тебе сегодня положено подарки загребать.

- С подарками сегодня скудно. Как и с настроением.

- Надо с этим что-то делать!

Ее несло. Несло как никогда раньше. Но и мишенью в игре никогда раньше она не была. Появился официант, поставил перед ней высокий стакан с голубым напитком, в клубных огнях казавшийся фантастически нереальным.

Не давая себе возможности подумать, Алиса сжевала дольку лимона, украшавшую коктейль, и неожиданно прижалась губами к губам Ника. Те дрогнули и раскрылись, а его руки автоматически легли ей на талию. Условный рефлекс, выработанный многолетней практикой. И разумеется, все его чувства, в том числе и чувство предосторожности, были в данный момент слишком заняты Алисой, чтобы заметить хоть краем глаза, как в зал клуба вошла его владелица. Госпожа Макарова Валентина Павловна. И имела удовольствие лицезреть этот их милый тет-а-тет буквально с порога. Помещение было полукруглое, а Логинов устроился как раз по центру и чуть на возвышении.

Макарова сглотнула и, так и не замеченной, чуть приподняв подбородок, прошествовала в сторону бара, где и устроилась – по всей видимости, в засаде.

Между тем, Ник уже сам раздвигал языком губы Алисы, чувствуя все нарастающее возбуждение, и ждал, как она отзовется на его поцелуй. Она прикрыла глаза, но лишь на мгновение. Почувствовав, как начинает кружиться голова, тут же открыла их снова. И теперь видела перед собой темные провалы глаз Никиты, никогда прежде не видя их так близко. Испугавшись, подумала, что самое время остановиться. И понимала, что не остановится.

Назло! Им всем, оставшимся в старой захлавленной квартире в Кузнечном переулке.

Через мгновение Никита уже потянул ее на себя, намереваясь пересадить к себе на колени, как вдруг вздрогнул и замер, не понимая, что происходит, что он делает, и главное – что делает она. А потом медленно отстранился, облизнул горящие губы и севшим голосом произнес:

- Как-то не по приколу быть лекарством. Что он сделал?

- Он? – переспросила Алиса. – А ты сам?

- Ну ты ж ко мне сюда от него прискакала. И он не мог тебя так просто отпустить. Поругались?

- Поиграть захотелось, - сказала Алиса и смотрела на него, не отводя взгляда.

Никита будто тонул в нем. Грохотал клубняк, вокруг тени дергались. Свет мигал. Но все это не имело значения. Вообще ничего не имело значения, кроме Алисиного взгляда, от которого начинала складываться картинка. Логинов снова облизнул губы и проговорил:

- Ты пьяная.

- А вы трезвые были? Что ты там должен был сделать? А Илья наблюдающий, да? А жюри у вас есть? Что им в подтверждение? Справку? Или как?

- Черрт! – почти прорычал Ник. Некоторое время смотрел на нее в упор и, в конце концов, вскочил со стула и схватил Алису за локоть. – Пошли отсюда.

- Пошли, - с неизвестно откуда взявшейся игривостью в голосе сказала она и буквально повисла на нем, пока он вел ее к выходу, а потом на парковку.

Оба молчали. Но, как только оказались в машине, она снова потянулась к Никите. От выпитого по-прежнему кружилась голова, но зато хватало безрассудства. На этот раз, правда, он был готов к подобным посягательствам, потому нежданчика не вышло. Живо схватил ее за плечи, с силой усадил обратно в ее кресло и, продолжая удерживать, мрачно проговорил:

- Алис, ты что творишь, а? Ты ж не хочешь!

- Хочу. Очень хочу! Хочу, чтобы ты выиграл.

- Прекрати! – бросил он спокойнее – совсем не так, как часом ранее отчаянно кричал Макаров. – Хватит. Я все понял. Узнала. Молодец. Дальше что?

- Да ничего особенного, - хмуро ответила Алиса. – Просто народ интересуется – трахнул ты меня или не трахнул.

- Ну не трахнул – и что?

Она пожала плечами.

- Если они твои фанаты, то, возможно, переживают.

- Это их проблемы. Не мои и не твои. Тебя как Макаров из дома выпустил?

- Обыкновенно. Зачем надо было меня с ними знакомить? Чтобы меня просветили?

- Аааа... так этот идиот их к себе приволок? – Никита невесело усмехнулся, откинулся на спинку сиденья и твердо проговорил: - Трахаться не будем. Потом сама пожалеешь, а станет поздно. И пар на парне своем выпускай, не на мне, ясно?

- Это не пар! – выкрикнула Алиса и дернула дверцу.

Та с первого раза не поддалась. А ко второму Логинов схватил ее за локоть, снова развернул к себе. И задохнулся от того, насколько несчастным в эту секунду выглядело ее лицо – одно мгновение. Потом она снова скрылась за своей злостью.

- Ну всё, всё, Алис! – зашептал он. – Успокойся, давай разговаривать! Ты можешь на минуту допустить, что мы с Макаровым уже сами двадцать раз пожалели о той дурацкой шутке, а?

- Могу, наверное, - негромко отозвалась она, высвобождаясь из его рук. – Но я принимала все всерьез.

- Да и так все всерьез. Давно стало всерьез. Почти сразу. Макаров сволочь, конечно, но через две недели все прекратил. Я еще только примерялся, а он уже все решил.

- За всех.

- Это Илюха, он только так и умеет. Чертов эгоист. Но он тебя любит.

Она с сомнением посмотрела на Никиту. Он кивнул, будто подкрепляя жестом свои слова, и отчеканил:

- Он в жизни ни с кем не жил. А с тобой захотел. Вцепился в тебя мертвой хваткой, как пацан семнадцатилетний, будто бабу ни разу не видел... - замолчал на мгновение, мимолетно подумал, что от Макарова ушел недалече – разве сам в нее не вцепился? Не поделили... Мотнул головой и продолжил: - Мы росли вместе, у него девок было... А потом вдруг ты появилась.

- А... а Нина... одна из них?

- Мышь? Не, ты чего? – рассмеялся Логинов. – Друг – существо бесполое.

- Зато авторитетное, - вздохнула она.

- Илья авторитетов не приемлет. У него с отцом на этой почве разногласия.

- Она – не отец... Неважно, - Алиса посмотрела в окно.

Поздний вечер накануне выходного. Люди суетились: кто торопился домой, кто уходил из дома гулять. В клуб, в кино... мало ли мест, где можно провести пятничный вечер.

Алиса проводила его с Никитой. Из-за глупой выходки Ильи, из-за собственного порыва. Ей было обидно и непонятно, словно она не сдала очередной экзамен.

Пока они говорили, обо всем, как когда-то, сейчас казалось – бесконечно давно, отвратительное чувство проваленного испытания постепенно отпускало. На смену ему приходило другое: ей нужно вернуться домой, к Илье. Если он и правда жалеет и просто не думал, что его друзья станут говорить об этом, и Нина... мало ли чего может хотеть Нина, лишь бы он не хотел!

А все, чего хотелось Алисе, – чтобы они были вместе, потому что она любит его, потому что без него все станет иным. Не будет крыш, расписанных стен, Францевича, захватившего кресло-качалку. Вообще ничего не будет, а такой реальности ей уж точно не надо.

- Отвези меня, пожалуйста, домой, - попросила она Никиту.

Тот улыбнулся и спросил:

- Во Всеволожск?

- Нет, - мотнула Алиса головой, - в Кузнечный. Ты прости меня, Никит, что я тут...

- Да ладно... Нормально все... Только ему ляпнуть не вздумай, ослу.

- Хорошо, не буду. Спасибо тебе.

- Не за что.

Ник улыбнулся и в непонятном ему самому порыве быстро поцеловал ее щеку и завел машину. Пока ехали по ночному городу молчали. Молчали и когда она выходила из авто. Сказать ему было нечего – по сути все сказали. Но мучительное чувство чего-то незавершенного словно бы витало в воздухе.

Во дворе Алиса подняла голову, и сердце ухнуло громко и встревожено – на кухне горел свет. Едва ли не единственное освещенное окно во всем доме. Не оборачиваясь, помчалась в парадный. Взлетела по лестнице, дверь оказалась незапертой, промчалась на кухню, не разуваясь. И остановилась на пороге.

Илья сидел за столом, уронив лицо на руки и, кажется, ничего не слышал. Перед ним стояла пепельница, заполненная выкуренными сигаретами, но от нее все еще поднимался сигаретный дым и витал по всей комнате, раздирая до зуда горло и легкие. Чуть дальше по столешнице валялся сотовый.

- Илюш! – позвала она и подошла к нему. Коснулась его волос, невесомо запустив в них пальцы.

Макаров резко вздрогнул, подхватился со стола, будто и не спал, и широко распахнутыми глазами уставился на нее.

- Ты вернулась, - пробормотал он как-то испуганно и растерянно. Она никогда не слышала от него такого тона.

- Конечно, вернулась, - виновато улыбнулась Алиса.

- Алька, - выдохнул Макаров и вскочил со стула, сгребая ее в охапку и уткнувшись лицом ей в шею. – Я тебе звонил... И маме твоей звонил, пришлось врать, что ты только

вошла... хотел на заправку утром ехать...

- Я злилась... Не надо было, - кивала она, прижимаясь к Илье.

- И тебе не надо было... сбегать... я знаю, что виноват, так получилось глупо... ночь на дворе, мало ли... где тебя вообще носило?

- Гуляла. Я не буду больше сбегать, правда.

- Ты меня простила?

- Простила, - шепнула Алиса и потерлась щекой о его плечо.

- Я не знаю, как додумался, правда. Чушь какая-то... Ты меня тогда отшила. Помнишь, когда мы в «SKY» встретились. Еще и по морде дала. Я психанул, придумывал, как тебя подколоть. Тут Никитос... Стало интересно, ты со всеми так или только со мной... А потом по стенам ходил, когда он стал к тебе ездить. Ну и... мы тогда с ним поссорились...

- Вот балда! А по-человечески попробовать?

- Ну я и попробовал... потом...

- Пойдем спать, на работу завтра, - с улыбкой сказала Алиса.

- А смысл уже ложиться? Через два часа вставать... Может, отпросишься?

- Нет, не отпустят. Учетом угрожают.

Илья тяжело вздохнул, на мгновение оторвался от нее, чтобы заглянуть в лицо. Тихо произнес:

- Ну и ладно, - а потом нашел ее губы, подхватил на руки и, не разрывая поцелуя, понес в комнату.

- Разуться бы хоть дал! – смеялась Алиса, отстраняясь и крепко обнимая за шею.

- Пофигу.

Ему действительно было пофигу. Стоило им оказаться на диване, как обувь полетела прочь. Вместе с одеждой. Его пальцы нетерпеливо освобождали ее тело от всего, что мешало ему чувствовать ее теплую мягкую кожу. Его ладони скользили по ее шее, груди, животу, спускаясь все ниже, к бедрам, ныряли меж ног. И к рукам присоединялись губы. А в висках отчаянно пульсировало желание. И новое чувство, которое в эту минуту казалось ему сильнее любви.

Она простила его. Алька его простила. И значит, ничего на свете уже не страшно.

- Да. Да. И не думай, я не собираюсь в этом деле идти в обход отца. Оно мне надо? К черту! Уже тысячу раз говорил. Холдинг – его игрушка, не моя. Мое отношение он знает, потому не за спиной. За спиной – это если в тихую. И листовки раздавать я пока тоже не собираюсь. Не знаю... Не думал... Просто сделай то, что прошу, и все. Это же не много. Да, в универе в следующем году на заочное восстановлюсь, у меня вариантов нет. Хватит.... Ну класс, Громов. Ага! Бывай!

Илья сбросил и посмотрел на ту сторону переулка. Тьма уходила. Солнце. Может быть, во всем. Вчерашняя встреча в определенном смысле зря не прошла. Вспомнился Веник. И то, что Веник уже сто лет честно трудится замом директора на каком-то консервном заводе. Звонок с утра был спонтанным, но все лучшее в жизни Макарова происходило, как правило, спонтанно. Громов поныл по поводу Макаровского неблагоразумия, но это ему было до лампочки. Ну не съест его отец. Скорее, того и гляди, относиться станет чуть серьезнее. Договорились до того, что завтра он отправляет Громову свое резюме, которое еще следовало сочинить. На будущей неделе явится в финансовый отдел. А дальше как карта ляжет.

Удовлетворенно прищелкнув языком, Макаров заперся с балкона в квартиру и отправился на кухню – варить кофе. Альку на работу отвез после бессонной ночи, а теперь засыпал на ходу. Встряска, случившаяся по причине собственной узколобости, заставила его прийти в себя. Это не он в болоте. Это он придумал себе болото как отговорку. И с этим необходимо что-то делать.

Для начала сварить чертов кофе и написать чертово резюме.

Но ни того, ни другого он не смог сделать без приключений. Сначала напиток из джезвы сбежал, пока он сосредоточенно изучал окно. Потом раздался звонок в дверь. Поплелся открывать. Чтобы с удивлением обнаружить на пороге собственную мать.

- Здравствуй, дорогой! – получил он дежурный поцелуй в щеку и сумку в руки.

Сумка была отставлена на ящик, в котором Алька держала краску. А Макаров криво улыбнулся и поинтересовался:

- Ты в гости или опять Алису до слез доводить? Так ее нет, она на работе.

- Уверен? – спросила Валентина Павловна и прошла в комнату. – У тебя кофе пахнет. Мне сделаешь?

- Сделаю, - мрачно ответил Илья.

И ушел на кухню. Затем, чтобы вернуться через десять минут с чашками и вазочкой печенья на подносе. Вазочка была смешная, в виде уточки со стеклянной головой. Где Алиса ее откопала, он не имел представления. Но в доме много было смешных и несурзных мелочей, которые появлялись здесь из ее рюкзака, когда она возвращалась с работы.

- Чем богаты, - буркнул он, - а с богатством у нас сейчас так себе.

- Но ведь это от тебя зависит, Илья! – проговорила мать, с удивленно приподнятыми бровями разглядывая вазочку. – Как только ты возьмешься за ум, все сразу вернется на свои места.

- Ма, у меня и так все на месте. И ум, и прочие части тела. Пришла жизни учить?

- Жизнь сама научит, как поступать с различными частями тела.

- Ну и прекрасно. Значит, можем приступить к чинной светской беседе, - Илья согнал кота, выслушал его возмущенный визг и уселся в любимое кресло. Францевич покрутился под ногами, но вскочил к нему на колени.

- Вот ты мне так и не ответил, - согласно подхватила мать предложение о беседе. – Ты уверен, что знаешь, где твоя... Алиса?

- На работе. Она работает на заправке. На Дороге жизни. Это знаешь... как во Всеволожск ехать? Классный городок, кстати. И у ее мамы отличная двушка. Вот думаем, может, нам туда уехать. Как перспектива?

- Заманчивая. Но не торопись пока с переездом. Вдруг ты все же не так хорошо ее знаешь, как думаешь. А в своей квартире ты всегда в более выгодном положении, в отличие от той, кто здесь живет сейчас.

- Ее зовут Алиса. И мы с ней в одинаковом положении, ясно? – вспылил Илья.

- Ясно, - деланно пошла мать на попятную и откусила кусочек печенья. – Ну тогда расскажи мне, как провел вчерашний вечер.

Хреново провел. И виноват сам. Но матери это абсолютно не касалось. Потому он заставил себя хладнокровно отпить горячего кофе из чашки, обжечь язык и только после этого посмотреть ей в глаза и сказать:

- Как нормальную пятницу – с друзьями.

- И с Алисой? Впрочем, о чем это я... конечно же, с Алисой.

- Естественно.

- Нехорошо обманывать, дорогой. Особенно маму, - протянула Валентина Павловна, сосредоточенно глядя на Илью.

От этого взгляда ему стало не по себе. Она будто гипнотизировала его, а он никак не мог понять, чем берет.

- Что? – негромко спросил Макаров.

- Я говорю, люди не могут быть в двух местах одновременно.

- Разумеется, не могут.

- Значит, ты говоришь мне неправду, - холодно сказала мать. – И я сейчас совсем не хочу знать, почему. Меня волнует, знаешь ли ты, как провела вчерашний вечер она?

Валентина Павловна кивнула на злосчастную стену. Илья следом за ней посмотрел в том же направлении. Сглотнул. Заставил затрепыхавшееся внутри сомнение заткнуться и как мог спокойно сказал:

- Мы поссорились. Она решила пройтись. Потом остыла и вернулась домой. Довольна?

- Нет! Ты зря думаешь, что твое огорчение может доставить мне удовольствие. Возможно, вы поссорились. Только прошлась она в объятия Никиты – не самый действенный способ остыть, ты не находишь?

- Не нахожу, - отрезал он и перевел дыхание. – Потому что это чушь. Думаешь, я не понимаю, для чего ты мне все это говоришь?

- Она совершенно задурила тебе голову! – повысила голос мать. – Ни черта ты не понимаешь! Что вчера был за день? Правильно! День рождения твоего брата. Он был в моем клубе. С ней, слышишь? Про камеры помнишь? У тебя есть шанс убедиться, что мне незачем придумывать. Эта глупая дрянь... - она замолчала, но тут же выпалила: - Они ушли в начале двенадцатого. Когда она вернулась сюда?

- После трех, - хрипло выдохнул Илья.

Она приехала после трех. Он задремал после того, как полночи обзванивал тех, к кому она могла явиться. Сама Алиса на его звонки не отвечала, потом оператор стал сообщать, что телефон абонента отключен. Она приехала после трех. И они занимались любовью так, что он потерял ход времени. В начале пятого вылезли из постели и пошли завтракать, ни на минуту не уснув после того, что случилось. Она приехала после трех и легла под него после... после?

- Чушь, я не верю, - сказал сквозь зубы Макаров.

- Твое право. А записи в клубе долго хранятся.

- Я не верю. Алиса не могла.

- Такие, как она, многое могут. Хочешь жить – умей вертеться.

- Ну ты же ничего не знаешь о нас, - сдавленно проговорил Илья, недоумевающе глядя на мать. – Ты понятия не имеешь... Зачем ей это нужно было?

И тут же понял зачем. Понял. Все было просто, как дважды два. Отомстить. Ему отомстить. С Ником.

Если это действительно правда. Но правдой это быть не могло.

- Зачем ей это нужно? – повторил Макаров.

- Да на самом деле причин может быть много. Она обиделась, что вы поссорились, стремление к разнообразию или... запасной аэродром.

- Мама!

Она посмотрела на сына в ожидании.

От этого взгляда у него взмок затылок. Он медленно опустил глаза. Потом посмотрел на стену. «Сейчас я урбанист!» - раздалось в его голове. Как щелчок, который заставил его шумно выдохнуть. И вскочить с места.

Через мгновение он метался по комнате, собираясь. Схватил ключ от машины, сунул в карман. Глянул на мать. Выдохнул:

- Мне записи дадут?

Валентина Павловна утвердительно кивнула.

- Только не гони, пожалуйста!

- Дверь закроешь?

Она снова кивнула, проводила его взглядом, потом смотрела в окно, как белый БМВ вырвался со двора. И достав телефон, набрала Нину.

По счастью обошлось без пробок. Он очень быстро доехал до Смольного проспекта. Минут за десять. Может быть, гнал. Не помнил. Только подгонял время. И ни о чем не думал, совсем. Разве только о том, что сердце вот-вот выпрыгнет из грудной клетки, покатится по асфальту, и его раздавит Волга, ревущая позади. Дурацкие мысли, нелепые, не имеющие никакого отношения к тому, что значимо.

Припарковавшись у клуба, вылетел из бумера и напоролся на охранника у входа. Охранник был знакомый. Гоша. Лет на пять старше. После школьного выпускного Гоша транспортировал почти бессознательное Макаровское тело домой. Да и впоследствии, когда он с компанией заваливался в «SpiderWeb», выручал неоднократно. Так что отношения были весьма доброжелательные. Илью охранник величал Ильей Евгеньичем, а тот его попросту – Гошей. И если попадал на его смену, то родители могли быть спокойны. С Макаровым-младшим ничего не случится.

- Доброе утро! – буркнул Илья. – Харе стоять на стрёме, пошли кофе пить.

- Вы же знаете, Илья Евгеньич, я кофе не пью, - ухмыльнулся Гоша, но развернул свое накаченное тело в сторону бара.

- Ну не пей. Мать звонила по поводу меня?

- Звонила. Я отобрал записи по времени, о котором она сказала. Братец там ваш... праздновал. А вот вас давненько видно не было, - разглагольствовал Гоша, остановившись у служебного стола и шурша дисками.

- Некогда было, - ответил Макаров, махнул рукой бармену и крикнул: - Лещ, с коньяком, как обычно!

- Тут смотреть будете? – отработывал зарплату Гоша.

- Тут.

Объяснять охраннику, что у него тупо не достанет сил ехать с этими гребанными дисками домой, что он просто взорвется от напряжения по дороге, смысла не было. Грудная клетка не выдержит и разлетится в куски. Он едва дышал, наблюдая, как Гоша поперся с дисками в какую-то подсобку. И вскоре один из экранов под потолком резко зажегся светом. Илья тяжело задышал и на мгновение прикрыл глаза. Подлетел Леща с кофе. И Макаров устремил взгляд на меняющиеся кадры, на беззвучные меняющиеся кадры. Но глядя прямо туда, ничего толком не видел. Несколько минут ничего не замечал и почти ничего не понимал. Когда Гоша остановил запись, сделал глоток. Кофе с коньяком слегка обжег горло. И у него откуда-то появились силы крикнуть:

- Еще раз!

Люди на записи в убыстренной перематке забавно побежали в обратном направлении.

Потом замерли. И снова все задвигалось. Видно было хреново, но столик в центре оказался хорошо подсвечен. Еще и по центру. Ник. Сибарит. Ждать ему пришлось недолго. Рядом быстро нарисовалась девушка. Пила рядом. О чем-то болтала. Потом перехватила официанта. Что-то ему сказала. Ник кивнул. А девушка полезла к нему целоваться. Все бы ничего... Все бы ничего, если бы девушкой не была Алька.

Осознание этого заставило его глухо рыкнуть, но остановить запись не решился. Нужно досматривать. Иначе какой смысл было начинать?

- Леш, еще коньяка! – крикнул Макаров и снова прилепился к экрану.

Вовремя. Алька повисла на руке Логинова, и они вместе пошли прямо на камеру – к выходу. Часы в углу экрана показывали 23:07.

Алька приехала после трех.

- Гош, давай заново! – хрипло рыкнул Макаров.

На слух Гоша не жаловался. И через минуту все началось сначала. Ник. Какая-то неопознанная спиртыга и замысловатый бокал с коктейлем. Нарисовавшаяся девушка.

Поцелуй.

Шествие к выходу.

Перед Макаровым оказалась бутылка коньяка, стакан и пара тарелок – дольки лимона и бутерброды с икрой. Тарелки были отодвинуты. Напиток налит. Илья поморщился и, не слыша собственного голоса, выкрикнул:

- Еще, Гош!

Будто бы реальность всякий раз, каждую промотку, могла измениться. Не менялась реальность. Он пил и вколачивал в себя то, что видел. Снова и снова.

Алька его предала.

Предавала раз за разом.

А он и не знал. С ума сходил, думая о том, где она. А она с Ником – так просто, что проще некуда.

- Гош! На поцелуй отмотай еще!

- Может, хватит, Илья Евгеньич? – пробасил Гоша прямо над ним.

- Не хватит. Мотай, сказал.

Охранник послушно ретировался и снова включил запись. Одно из ценных качеств хорошего подчиненного – исполнительность.

Время шло. Но он снова потерялся во времени. Горло сжигал алкоголь, но это ничего. Так было даже лучше. Отупляло. Забыться не давало, но хоть отодвигало боль на задний план и распалаяло злость, от которой он даже не пытался спрятаться.

Алька ушла из клуба в 23:07. Домой пришла после трех. И как ему жить дальше, он тупо не знал. Потому что понимал, что никогда и ничего уже не будет, как прежде. Эта запись раз за разом выкорчевывала из него надежду. Любовь не могла. Пока не могла.

- А я ее домой заберу, ок, ребят? Можно?

- Да легко! – отозвался Гоша. – Только кого?

- Ее, - Илья кивнул на экран и хохотнул. Удивился собственному смеху и взялся за голову.

Та, кажется, пылала.

Сколько еще прошло минут или часов, он не понимал. Знал, что Гоша давно уже не перекручивает по новой видюшку в плеере. Потому что плазма теперь была погаснувшей. А еще понимал, что в зале появляются люди. Наверное, потому и перестали крутить.

Уборщики или официанты. Готовить клуб к вечеру. Или вечер уже наступил? Черт его знает. Илья достал телефон из кармана. Включил дисплей. 17:20. У Альки смена заканчивается – обещал забрать.

И от этой мысли развеселился еще больше.

Вчера ночью она легла под него после Логинова. Не сопротивлялась же, дрянь. Разомлевшая была. Принимала его объятия, его поцелуи после Никиты. Или с Ником была прелюдия, а дома – основная программа? У кого она отрабатывала?

И нахера было строить из себя невинность?

Тащить еще бухло Леша отказался. На это было плевать. Найдет где, найдет что... Он вообще все в этой жизни может найти. Кроме ответа на вопрос, что дальше. Потому что не представлял, что делать. Знал только, что просто так не уйдет. Что самому себе доказать должен, что случившееся значения не имеет. Что это жжение в груди и в висках пройдет.

Говорят, клин клином вышибают?

Можно и проверить – когда еще случай представится? Ему еще ни разу не изменяли. Его еще никогда не предавали. Он еще никогда не подыхал от ревности.

Мутным взглядом Макаров обвел зал, в поисках... хоть кого-нибудь. И, сам того не ожидая, наткнулся на Нину, глядевшую на него в упор с порога.

- Ты давно здесь? – спросила она, когда подошла к нему.

Он пожал плечами и криво усмехнулся.

- Мать пригнала?

- Она переживает, - Нина присела рядом, совсем близко, положила руку ему на рукав, чуть сжав пальцы. – Это нормально – переживать за того, кого любишь. По-настоящему.

- А я не хочу, чтобы за меня переживали. У меня все нормально.

- По тебе видно, - печально улыбнулась она.

- Спеть тебе? Или сплясать? Чтобы совсем видно стало!

- Стихи продекламируй!

- На стул становиться?

Нина кивнула, почувствовав азарт игры Ильи и Никиты. Илье не слабó. Ему никогда не было слабó. Кроме единственного, чего она хотела от него уже который год.

Макаров рассмеялся. И через мгновение, чуть пошатываясь, стоял на стуле. А его голос, твердый, совсем не такой, как весь его вид, звучал, отдаваясь в Нининых ушах.

- А я нихера не помню... Школьную программу сейчас отработаю, ты ж не возражаешь? Зима!.. Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь. Его лошадка, снег почуя, плетется рысью как-нибудь; бразды пушистые взрывая, летит кибитка удалая. Ямщик сидит на облучке... бл*ять, - снова хохотнул он, - забыл... напомнишь?

Леша за барной стойкой определенно уссыкался. Немногочисленные люди вокруг них с любопытством наблюдали.

- Я только письмо Татьяны помню, - выдохнула Нина, оказавшись рядом с ним. Он и не заметил, как она взобралась на соседний стул. И быстро поцеловала его в губы.

Это он позволил. Позволил целовать, позволил закончить поцелуй. Потом смотрел ей в глаза, и ему казалось, что ее зрачки так же расширены, будто она наглotalась колес. Но это Нина. С ней такое никогда не может случиться.

- И зачем портить дружбу сексом, Мышь? – тихо спросил он.

- Не испортим... Поехали ко мне.

- Хочешь трахаться – езжай к Венику. Он тебя два года пасет.

- Я с тобой хочу, идиот! – закричала она.

- Я с тобой не хочу. Я. Потому что потом я тебя потеряю. Тебе же нужно больше, чем секс. А у меня больше нету.

Нина зло рассмеялась:

- Слабó. Ну так и скажи. Без твоего паршивого рассудифилиса!

- Ну пусть слабó. Сдаюсь! – он поднял руки вверх и прыгнул со стула на пол. Тот, разумеется, с грохотом перевернулся. Потом подхватил Нину за талию и поставил ее рядом. – Тебе продул с первого раунда.

- Я люблю тебя! – прошептала она.

Макаров вздрогнул и опустил глаза. На него словно бы наваливалось какое-то зверское отупение. Слишком много всего. И слишком больно. Снова посмотрел ей в лицо. Теперь уже резко, пронзительно, зло. Сбрасывая с себя наваждение.

- Мне тебя пожалеть? – выдохнул он.

- Себя пожалей!

- Последние несколько часов этим и занимался. Надоело. Мышь, вали уже, а... Ты и так меня ненавидеть будешь, зачем хуже делать?

- Дебил! – буркнула Нина. – Я как лучше хотела!

Она развернулась и быстро пошла между столиками к выходу из клуба.

На улице глубоко вдохнула морозный воздух и набрала Веника.

- Я приеду, примешь? – хохотнула она в трубку.

- Тебя – в любое время! – отозвались в ответ.

В ней просыпалось что-то животное, чему Мышь не знала названия. Это вынуждало ее совершать чужие поступки. Но она готова была на все, она сделала бы что угодно, лишь бы не знать и не видеть, с кем в эту ночь уедет Илья. Потому что понимала прекрасно, что один он сегодня не останется.

Натюрморт на столе раздражал все сильнее. Недопитый чай, остывшая пицца. Лампочка под абажуром отвратительно слепила глаза. Алиса сердито шурилась, размышляя, что она может сделать.

Началось с того, что Илья не приехал забрать ее с работы. Она звонила – он не брал трубку. Дома его тоже не оказалось. Ни записки, ни намек на происходящее. Идеи сменяли одна другую, как в калейдоскопе.

Поехать к маме. Это отвлечет от поисков истины, но придется объяснять, почему вечером, вместо того, чтобы быть дома, она явилась во Всеволожск.

Позвонить Нику. Еще хуже! Для всех троих будет лучше, если от него она будет держаться как можно дальше. Не провоцируя ни Илью, ни Никиту. Самой безумной мыслью было поехать к Макаровым-старшим. Но Алиса была готова сунуться в логово драконов, только бы знать, что с Ильей ничего не случилось.

Она бродила по квартире, таская на руках накормленного сметаной Францевича, и медленно бормотала ему о том, что все будет хорошо. Тот в ответ дремотно урчал, легонько всаживая коготки в ладонь. В конце концов, устроилась в кресле.

- А давай твою наглую морду на мурале запечатлеем? Получится так себе, но все-таки будут на стене котики, - хихикнула она, когда услышала щелчок дверного замка. – Это Илья! – со вздохом облегчения сообщила Алиса, сунула котенка под плед и помчалась в прихожую. – Все нормально?

Нормально не было. Дверь открылась, на пороге показался Макаров. Взъерошенный, помятый, в распахнутой куртке, и смотрел не на нее, смотрел мимо. Следом за ним в комнату вплыла девушка, не многим старше Алисы. Кареглазая, с пышной каштановой гривой и в норковом полушубке. Она хлопнула длинными ресницами, замерла за Макаровской спиной и тихо проговорила:

- Илюш, это чего...

- Ничего, заходи, - буркнул он.

Алиса проводила взглядом обоих и негромко сказала:

- Я звонила тебе.

- Я тебе тоже. Той ночью, - хохотнул он. – Поняла, какой, да?

- Поняла, - кивнула она. – Я... Мне казалось, мы... мы помирились.

- Мне тоже казалось, ага...- Илья резко поднял глаза и взглянул на Алису. Взгляд его был мутный и злой. – Собирай вещи и вали. Только быстро, видишь, я не один.

Девушка за его спиной тихо охнула и попробовала ломануться к двери, но Макаров удержал ее за руку.

Алиса растерянно посмотрела на Илью, потом на гостью.

- Ты о чем? – непонимающе спросила она.

- Я собираюсь ее трахнуть, а твое присутствие это осложняет.

«...у него девок было», - проговорил в ее голове Логинов.

- Ты с ума сошел? – выдохнула Алиса, отчаянно глядя ему в лицо, но злость, исходившая от него, заставила ее отпрянуть и почувствовать боль, как от удара.

- Сошел! Когда с тобой связался! – заорал он. – Думаешь, тебе можно, а мне нет? Моя очередь, ясно?

- Какая очередь?

- Такая! – от его крика барышня в норке снова кинулась к двери, но вырваться так и не изловчилась. Илья продолжал буравить взглядом Алису и тяжело дышать. – Харе делать вид, что не понимаешь! Ты имеешь полное право спать, с кем хочешь, но жить тут больше не будешь. Мне тебя видеть противно! В болото свое возвращайся, поняла?!

- Поняла, - мрачно сказала Алиса. – Если тебе надоело спать только со мной – так бы и сказал. Я бы давно ушла.

- Ну и вали нахер! Я из-за тебя с отцом на ножах, работу как последний лох ищу! Шмотки собрала и вперед. Прости, подвозить не буду – занят.

Алиса хватала ртом воздух. Должно бы болеть сердце, а скрутило узлом внутренности – не продохнуть.

- Зачем ты так? – прошептала она в никуда.

Ботинки, куртка, рюкзак. Вещи не имели значения. Ничего не имело значения, кроме его злого лица и злых слов. Кроме того, что в его квартире она была случайной. И все остальное – профессиональным блефом.

Илья Макаров сорвал банк.

Илья Макаров наигрался.

Илья Макаров смотрел, как она убегает, до побелевших костяшек вцепившись в руку шалавы, которую приволок домой. И изо всех сил сдерживал в себе желание заорать во всю глотку и расколошматить то, что под руку подвернется.

- Мне больно, - всхлипнула девушка, но он продолжал сжимать пальцы. Потом ломанулся на кухню, к окну, продолжая тащить ее за собой. Алиса бежала по переулку в

свете фонарей, будто за ней неслись черти. Шапку не надела, и волосы развевались за плечами. От вида этих ее волос, подпрыгивающих над рюкзаком, к горлу подкатил болезненный ком. Илья едва слышно застонал и, наконец, выпустил локоть перепуганной девчонки. Она метнулась к стене, дико глядя на него. Он же, медленно обернувшись, хмуро сказал:

- Свободна.

Она мотнула головой и дрожащим голосом проговорила:

- Ну ты и псих!

Макаров не ответил. Снова отвернулся к окну. Альки и след простыл. А в его затуманенное алкоголем и яростью сознание проникла жуткая, сковывающая холодом и страхом мысль: больше он никогда ее не увидит.

Дверь снова хлопнула. А он вцепился в подоконник, как до этого в чужую руку. И шумно дышал, продолжая всматриваться в переулок.

Новое начало

Воскресное утро Алиса встречала с хлюпающим носом и красными глазами, вжавшись в угол дивана в комнате Аленки Пиотровской. В руках держала огромную чашку с горячим чаем. С чашки на нее весело глядел внушительных размеров мужчина с удивительно подходящим ему отчеством – Потапыч. Аленкин папа, пребывающий ныне в Монголии вместе с супругой и младшей сестрой Аленки. От его смеющихся глаз Алиса принималась рыдать с новой силой.

- Ну вот чего ты опять? – хмуро спросила Алена. – Сколько можно?

- Я не понимаю, что случилось. Утром было все хорошо. На работу меня отвез, обещал вечером приехать. И не приехал. Его как подменили! – всхлипывала Алиса. – И девица эта...

- Бухой был?

Алиса кивнула.

- Ну, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке, - уверенно, со знанием дела заявила Аленка. – Кобелина, че ты хочешь-то? Вляпалась, бывает. Пройдет!

- Пройдет... - вздохнула Алиса и посмотрела на телефон. Тот, естественно, молчал. Сама она звонить не решалась. Не зная, чего боится больше – что Илья не ответит, или что ответит и снова наговорит грубостей.

Все его слова кружились в голове, пока она ночью судорожно размышляла, что ей теперь делать. Домой, к маме, вернуться не могла. Во всяком случае, не сейчас. После всего сказанного Ильей выслушивать мамино «я же тебе говорила!» было выше ее сил. Почти удачей, если в ее сложившемся положении хоть что-то могло называться удачей, оказалось то, что вечером звонила Аленка, приехавшая на выходные.

- Пройдет! – продолжала вещать подружка. – Что ты от мажора хочешь, а? Любви большой и чистой? Так он не умеет. Сама говорила, как познакомились, как он приставал тогда. Получил свое, наигрался и бросил. Гад!

Алиса снова кивнула, глядя в счастливые глаза Геннадия Потаповича. Он всегда излучал оптимизм и точно знал, что надо делать. При любом раскладе. Интересно, что бы он посоветовал, если бы не строил свой корабль за тысячу километров от Петербурга.

- Ален, а ты обратно когда? – спросила задумчиво Алиса.

- Та вечером, когда ж еще... мне на пары завтра. Первую прогуляю, а потом... Слушай, а вместе поехали?

- А можно?

- Ну а чего нельзя? – приподняла бровь Аленка. – Что ты тут теряешь? Потрясающе перспективную работу на заправке?

- Зарплату платят вовремя, - криво усмехнулась Алиса.

- Ну позвони, предупреди, в отпуск попросись, в конце концов! У меня поживешь. А то скиснешь здесь.

Алиса понимала, что скиснет в любом месте, но надо было хотя бы попытаться что-то делать. Или что-то изменить. Пусть это будет смена питерских улиц на московские.

- Новодевичий монастырь посмотрю, - истерично хихикнула она.

На работе, к ее огромному изумлению, отпустили без лишних разговоров на две недели. Разве что Петруня что-то крикнул невразумительное про попавшую под хвост вожжу. Что, впрочем, было недалеко от истины в понимании Алисы.

И уже на следующее утро она варила кофе для Аленки, мечущейся по московской квартире в поисках любимых джинсов.

- А в других никак?

- А в других у меня задница, как у бегемота! – рассмеялась Пиотровская и весело подмигнула.

Подруга старалась. Очень старалась делать все для того, чтобы Алисе было хоть немножечко легче. Болтала о том, куда попрет ее после пар, обещала занять по полной программе. Ныла, что ей нужно срочно придумать себе какое-то занятие. «А когда мы с Игорем разошлись, я себе бровь проколола! - заявила она, будто бы намекая. – Помогло!»

- Признайся честно, что на пары не хочешь, - улыбнулась вслед за ней Алиса.

- Та кто туда хочет? Кроме чокнутых, вроде тебя! Чего поесть – найдешь в холодильнике, короче.

Аппетит отсутствовал. Потому Алиска выбралась из дома почти следом за подружкой. Сначала, не задумываясь, механически шагала в потоке людей, который всегда приводит к остановке или, в ее случае, к метро. Соображать начала только на «Спортивной» - монастырь, будь он неладен! Хохотнула и, спросив первого попавшегося прохожего, в какую сторону идти, потопала в указанном направлении.

Она медленно брела вдоль светлой стены, не глядя на купола и башни. Для этого надо поднимать голову вверх. А наверху было небо. Небо, которым однажды с ней поделился Илья. С тем, чтобы потом отобрать. Пригвоздить к земле так, что не подняться.

Она останавливалась посмотреть на уток, топтавшихся у кромки покрытой льдом реки, тоскливо радовалась, что прохожих в такую погоду совсем немного, торчала у лавок – рисовала пальцем по снегу бабочек...

А вечером торжественно объявила Аленке:

- Я завтра в Пермь уезжаю.

- В какую нафиг Пермь? – взвизгнула подружка и даже подпрыгнула на месте вместе с кастрюлькой, в которой грела суп – на себя и на Алису.

- В уральскую, - улыбнулась она и пояснила: - Вообще-то мне в Иркутск надо.

- Ты чего это? Из-за своего козла, да? Не звонил?

- Не звонил. Я набрала один раз – он не ответил. Не буду больше. Но дело не в этом...

И Алиса, лишь бы не заглядывать в страшное, не вспоминать, лишь бы чем-то занять собственный язык, принялась рассказывать историю своего прадеда, о котором знала мало, но почему-то очень хотелось узнать больше. О бабке в Иркутской деревне. О том, что это

далеко и займет время. И что никуда бы не собралась, если бы в рюкзаке не оказался учебник польского.

Она шла в тот момент по улице, названия которой не знала. Но знала точно, что ей просто невыносимо по ней идти. Слишком больно думать и слишком больно дышать. В горле пересохло и очень хотелось пить. На морозе ледяную воду. Она залезла в рюкзак, который таскала за спиной. А там... Василевская Д., Кароляк С. Учебник польского языка.

«Так что скоро поедem в твою деревню Яковскую. Искать польских предков. Свобода, блин», - ясно и четко раздалось в ее голове, и она едва подавила подступившее рыдание. Но решение приняла.

Пиотровская выслушивала. Под суп с соленым огурцом. И ворчала, что ее не интересует Алискин аппетит – а потому пусть ест! Словом, продолжала оказывать моральную и не только моральную поддержку. Лишь под конец выдала:

- С дубу ты рухнула, Куликовская! Хотя в Иркутск лучше, чем ерундой маяться. Может, отвлечешься. Польский прадед!

Но отвлеклись они раньше. Аленка категорически отказалась идти на следующий день в свою академию, потому как есть более важный повод: собрать Куликовскую в дорогу. Были куплены брюки. Пару свитеров Пиотровская выделила из собственных запасов и еще полдня вдохновенно готовила.

«Чтобы не померла с голоду по дороге в свою Сибирь», - глубокомысленно заявила подруга.

Пока она колдовала на кухне, Алиса позвонила маме. Выслушав отчет о здоровье, заботах бабы Зои и намерениях Виталика жениться, она быстро сказала:

- Мам, я если вдруг не позвоню в какой день – не волнуйся. У меня отпуск, поеду Марту Куликовскую искать.

- Опять двадцать пять! – Алиса так и видела, как мать всплеснула руками. – Заняться тебе нечем! А работа? А курсы?

- Это всего две недели.

- Только не говори мне, что ты едешь сама, пожалуйста!

- И не говорю, - быстро ответила Алиса.

- С Ильей своим?

- Ну а с кем же еще!

И поразила себя, с какой легкостью она врет матери который уж раз в том, что касается Ильи. Алиса понимала, что это не его вина, но причиной, так или иначе, оказывался он. И собственное желание не думать, а потакать чувствам, верить всему, что он говорил.

- Вы с ним оба детский сад! – принялась выговаривать Любовь Михайловна, оседлав своего любимого конька. – Ладно ты, но он уже университет заканчивает! Живут они вместе, как же!

- Вот потому, что университет заканчивает, и не отпускает меня одну, - улыбнулась в трубку Алиса, почти поверив собственным выдумкам.

- Ну ладно, ладно... - пошла на попятный мама. – Я к нему уже почти привыкла... Едете когда?

- Сегодня вечером уезжаем. Ты не волнуйся, ладно?

- Я буду волноваться. Я мать.

- Я скоро вернусь.

Уже сидя в автобусе, Алиса вспоминала их разговор. Ей придется все рассказать маме, когда вернется домой, и для этого придумать более легкую версию их с Ильей расставания. А еще ей по-прежнему не хотелось верить, что это навсегда, и она никогда больше его не увидит. Несмотря на данное Аленке обещание, достала телефон и набрала его номер. Ждала до последнего, пока оператор не закончил вызов.

Все заканчивается.

Рано или поздно все заканчивается.

Потом она дремала. Ей снилось, что белая машина перегородила дорогу, вынуждая автобус остановиться, и кто-то аккуратно будит ее за плечо.

- Илья! – распахнула она глаза.

Они действительно стояли. Некоторые пассажиры вышли выпить кофе, водитель курил, прохаживаясь перед автобусом.

Алису, как оказалось, разбудила девушка, у которой было место в глубине салона. И попросила поменяться местами хотя бы на время – ее укачивало. Алиса полусонно кивнула и очень скоро снова заснула на новом месте.

Спала теперь без снов, пока в предрассветном тумане автобус не дернулся.

Алису кинуло головой в стекло, отбросило в сторону. С полки на нее упала чья-то увесистая коробка.

Раздался металлический скрежет, и автобус снова содрогнулся от ударной волны полыхнувшего в выбитое лобовое стекло взрыва.

Он проснулся резко. В одно мгновение. Просто едва дышал – от нехватки кислорода спирало грудь. Выдохнул и перекатился набок. Легче не становилось. Вытянул руку на другую сторону дивана, никого там не нашел. Даже подушки не было.

И только потом вспомнил: а не может быть никакой подушки. Он ее выбросил на балкон, проветриваться, чтобы больше не пахла Алькой. Это имя тошнотой подкатило к глотке, но Макаров подавил спазм.

В голове гудело похмелье, и он едва понимал, какое теперь время суток. В комнате было темно и тихо. Францевич переселился на кухню, потому что здесь стало невозможно жить. И его урчания с любимого кресла в комнате не звучало. Илья остался один.

Медленно встал, неровной походкой прошел к балконной двери и дернул ее на себя, впуская воздух. Жадно глотал его ртом и не мог надышаться. Что-то держало, стягивало горло. Мешало. И дыхание его было сбивчивым, шумным, похожим на собачий скулеж. Становилось холодно, а он так и стоял, вцепившись в дверь, и не чувствовал в себе сил двинуться с места. Пытался определить, какой теперь день. Не помнил. Все они слились для него в сплошной поток времени. Он никогда в жизни столько не пил. И знал, что не остановится, потому что останавливаться не хотел. Не мог. Загонял себя в пропасть, как дикого зверя в сеть. И пил, пил, пил.

Тошнота снова прокатилась по пищеводу. Мотнул головой и все-таки отлепился от двери. Вернулся в постель. Лег. Наверное, надеялся уснуть. Без особой веры в то, что это получится, потому что на сон тоже нужны силы, а у него их не было. Была только боль, которая постоянно возвращалась мучительными жестокими толчками – в голове, в груди, во всем теле.

Время. Чертово время, которого прошло столько, что он запутался.

Потянулся к телефону на тумбочке. Ярким огоньком зажегся дисплей. И высветил

пропущенный вызов. Алиса. Илья зло хохотнул. Второй раз уже. Никак не отстанет. Звонит. Теревит. Дергает. Будто не понимает, что ему больно. Будто нарочно ковыряет даже не начавшую затягиваться рану, ожидая, когда кровь хлынет. Будто бы хочет знать, сколько в нем помещается крови.

Швырнул телефон в сторону. Тот ударился о стену и развалился – тушка, крышка, батарея.

Дурак. А который час так и не посмотрел.

Илья поднялся с постели. Поплелся было в душ, но и туда не дошел. Облегчился, сполоснул лицо. Явился на кухню. Кот жалобно мяукнул из-под стола, а Макаров задумался, когда в последний раз давал ему пожрать. Не вспомнил. Полез за кошачьими консервами, а под руку попался стакан с недопитым накануне коньяком. Чем не повод дожать? Может, хоть голова меньше болеть станет?

Коньяк обжег горло и покатился вниз по пищеводу в желудок. Кстати, сколько не ел сам, не помнил тоже. Видимо, решил составить Францевичу компанию и сдохнуть рядом.

В кухне тоже было душно. Но зато он точно понял, что все-таки уже совсем утро. Шторы здесь никто так и не задернул. За окном серело. Еще один день, которым он счета не знал. Какая разница сколько прошло? Нет, время отмерялось не часами, не сутками. Время отмерялось ударами сердца, мучительным стуком в висках, тошнотой, то и дело заставлявшей его корчиться в спазмах. И болью, которая не желала отступать.

Альки больше не будет.

Она его предала, и ее больше не будет.

Макаров резко вздрогнул и схватил со стола начатую бутылку коньяка. Знал, что той надолго не хватит. Знал, что придется спускаться и покупать еще. Но то пофиг. То потом. Сейчас нужно все заглушить, чтобы снова провалиться в черную яму без дна, надеясь, что хоть там станет немного легче. Когда ничего не чувствуешь – должно же быть легче?

В следующий раз он пришел в себя от звонка в дверь.

Тот звучал отчетливо, уверенно и явно не первый раз.

«Алька?» - полыхнуло в голове. И тут же погасло. Если она могла звонить, то почему бы не заявиться? Чтобы продолжать мучить.

Макаров поднялся со стула, едва не придавил кота и, шатаясь, направился открывать.

На пороге оказался Веник.

Бесстрастно осмотрев Илью с головы до ног, ввалился в квартиру и закрыл за собой дверь.

- Проходи, - пробормотал Макаров, глядя мимо нежданного гостя.

- Да уж прошел, - скривился Веник. – Ты бы форточки, что ли открывал.

- Сегодня пробовал. Холодно.

- То-то развел тут русский дух. Самобытный такой.

Он прошел сначала на кухню, распахнув створку окна, то же сделал в комнатах. По дороге везде собрал бутылки, в которых еще что-то оставалось. Некоторое время Илья наблюдал за его перемещениями по квартире из коридора. Потом нервно хмыкнул и поинтересовался:

- За этим приперся?

- Вообще-то за резюме, - бросил Веник, проходя мимо него к мойке в кухне. – Помнится, кто-то собирался работать не у папы.

Илья поплелся за ним. Подхватил со стола свой стакан, в котором все еще плескалась

благородного янтарного цвета жидкость. И жадными глотками осушил его, будто пил воду. Потом посмотрел на Громова и пробормотал:

- Было дело.

- Ну я вижу, дела изменились, - в мойке зажурчало все недопитое Ильей. – Мордой под бодрящий душ сам встанешь или помочь?

- Громов, не лезь, куда не просят.

- Значит, по доброй воле не желаешь, - ухватив его за шею, он сунул Макарова под струю ледяной воды.

Та залила его носоглотку, отчего он дернулся, зафыркал, закашлялся, стал вырываться, но Вениамин Громов был тем еще боровом – хрен выскользнешь. Илья вцепился в его руку, пытаясь заставить разжать пальцы. Вот только злость, которая в это мгновение полыхала в нем, будто бы начала остужаться. И постепенно гасла. Всхлипнул и, почти как тряпичная кукла, повис под краном.

Веник закрыл воду и отпустил Макарова. Вытер руки о полотенце, нашедшееся на табуретке.

- Кончай бухать! – со знанием дела сказал он, роясь в холодильнике.

- Тебе какая разница? – выдохнул Илья, продолжая стоять над мойкой и опираясь на нее. Взгляд его стал более ясным и спокойным, но не обещавшим ничего хорошего.

- Да в сущности никакой, - сообщил Громов, открывая кошачью еду. В ногах его с дикими воплями недолго метался Францевич, после чего пулей взобрался через табуретку на стол, суясь мордой в банку. – Только кота вот жалко. Потому что ты – идиот, а кот – тварь бессловесная.

Несколько минут Илья наблюдал за тем, как несчастное животное поглощает корм. И вдруг вспомнил, как Алька послала его за сметаной в тот первый день, когда он приволок котенка в квартиру. Однажды почти так же он приволок к себе и Алису. Чтобы потом вышвырнуть.

Только вот кот его не предавал.

- Хочешь, себе забери, - выдавил Илья.

- Заберу... Он прикольный!

- Черт!

Макаров провел ладонью по волосам, стряхивая воду, отвернулся к плите, зажег конфорку – не с первого раза, но получилось. Набрал воды в джезvu и поставил ее на огонь. Не оборачиваясь, спросил:

- Кофе будешь?

- Нет, - Веник взял в руки Францевича, довольно начищавшего мордочку, пристроил под пиджак. – Бывай, Макаров. Очухаешься – зови в гости.

Илья обернулся, в мгновение оказался возле него и выдрал кота из рук. Как это вышло, и сам толком не понимал. Для чего – тем более.

Отдать кота.

Смыть краску со стены.

Поклеить обои.

Завезти оставшиеся вещи ее матери.

Набраться мужества.

План прост до зубной боли, но поделаться с собой он ничего не мог. Держал в руках теплого, трепыхающегося кота, возмущенно фыркающего и пытающегося вырваться, как он

сам несколькими минутами ранее – из-под крана. И думал только о том, что Алька этого зверюгу любила. И о том, что Алька любила его. Должна была любить. Не могла не любить.

Макаров мотнул головой, смахивая рой мыслей, которые зажужжали в черепушке, заставляя его снова испытывать болезненные ощущения. И проговорил:

- Резюме я тебе потом сам завезу. Все нормально.

Громов ухмыльнулся и свалил так же самостоятельно, как заявился в его квартиру.

А Макаров остался стоять посреди кухни, пытаясь справиться с диким желанием прекратить все это – просто позвонить Алисе и спросить, какого хрена в ту ночь от Ника она вернулась к нему.

Почему-то именно это засело в нем занозой, причиняющей боль. И вытащить не получалось, и грозило воспалением. Впрочем, воспаление определенно уже случилось.

Следующие два дня он провел как в тумане, но больше уже не пил. Хотя и есть не мог. Вид еды вызывал отвращение – его все еще мучило. Впрочем, еда – это громко сказано. Из не испортившегося в холодильнике остались только яйца на дверце. А мысль о яичнице снова поднимала в нем волну, заставляющую внутренности сжиматься в спазме.

Так и сидел на месте. То спал, то не спал, то изучал проклятую стену с потеками и смытым муралом. И дышал воздухом, льющимся из открытых окон, удивляясь тому, что совсем не холодно. В сравнении со всем остальным это имело наименьшее значение. И он до сих пор путал время суток, не задумываясь, который может быть час.

Утро пятницы встречал на крыше. Смотрел на окна домов, слышал, как переругиваются дворники, смачно матерясь, но при этом не теряя веселого тона. Из чьей-то квартиры уже звучала музыка. И редкие машины проезжали переулком, оглашая мир вокруг недовольным ревом. Илья снова начал слышать звуки. И снова начал различать мир вокруг – пусть и бескровный, бледный, едва шепчущий о том, что он существует, что есть не только четыре стены. Он успел об этом забыть за последние дни. Может быть, потому что остался один. Ничего и никого не хотел.

Одно знал точно – никогда в жизни он не был счастливее, чем в те месяцы, когда у него была Алиса. Несмотря ни на что. Все отступало на второй план.

А теперь все рухнуло. И он впервые осмелился произнести это – пусть только мысленно.

Рухнуло. Оставалось лишь признать.

Макаров медленно спустился в свою квартиру. Подошел к тому месту, где все еще валялся разлетевшийся в куски телефон. Поднял детали с пола и собрал. Включил. Стал ждать информации о пропущенных. И дождался нескольких смсок. Дважды звонила Мышь. Восемь раз – мать. Один – отец.

Алька больше не звонила.

С чего бы ей теперь звонить, если он до этого трубку не брал? Все предельно ясно.

К горлу снова подкатила тошнота, Макаров судорожно плотнул. И, не понимая, что и для чего делает, набрал ее номер. Оператор сообщал, что абонент недоступен, а он никак не мог понять, почему. И не отдавал себе отчета в том, что умоляет Альку включить телефон. Будто нет ничего более важного на свете, чем ее ответ сейчас.

Нужно быть полным идиотом, чтобы надеяться. А он набирал ее и надеялся. Постоянно, безостановочно, будто сошел с ума. И даже не задавал себе вопроса, для чего ему это нужно.

Помнил только ее взгляд, когда она собиралась и убегала от него.

Разве можно таким взглядом смотреть, когда не любишь? Его тогда пробрало. Пусть и

не дал себе расплыться по полу. Но задело – до самого нутра задело. Она ведь ждала до глубокой ночи. Он это как-то сразу понял, когда увидел пиццу, стоящую на столе. Потом просто собрал все в пакеты и выбросил – видеть это свидетельство ее ожидания было невыносимо. А сейчас вдруг всплыло – и уже не отделаться.

Любила же она его? Говорила, что да... Можно ли отдаваться с такой страстью, как было в их последнюю ночь, не испытывая никаких чувств? Он ведь помнил, помнил это ярче всего остального.

И снова все обрывалось об единственное, что неустанно подбрасывал разум. Такой она была с ним после Ника. Не состыковывалось. Не увязывалось одно с другим.

Какого черта ее вообще понесло из дома в этот проклятый клуб! Понесло. За мезью понесло. Потому что он сделал ей больно. Но разве можно болью отвечать на боль, когда любишь? Илья скрежетнул зубами. Утром он сделал ровно то же. «Моя очередь». Чтобы все, что испытал сам, обрушить теперь на нее. И, видимо, у него получилось.

Он снова звонил ей. И наткнулся на прежнюю стену – голос оператора. Алька телефон не включала.

На следующий день не выдержал. Сорвался. За ночь пришло четкое осознание – не может он без нее. И не имеет значения ее измена. Пусть было. Сам наворотил – надо было не слушать Нину, догнать, в ногах валяться, объяснять. В конце концов, вернулась она к нему. Была с ним. Ждала его. Если бы не мать, все было бы хорошо. И в это утро он собирал бы ее на работу – как давно вошло в привычку. Подвез бы до заправки. И ехал бы разбираться с собственной жизнью.

Самое главное оставалось бы неизменным. Остальное как-то решилось бы.

Едва проснулся, отправился в душ. В конце концов, побрился, потому что меньше всего хотел ее напугать. Это не избавило его от темных кругов под глазами, но хоть позволило принять человеческий облик. Потом влил в себя чашку горячего кофе, покормил кота.

И поехал на АЗС.

Он слишком долго не видел Альку, чтобы не видеть и дальше. Иногда то, как сильно он любил ее, пугало. Но и об этом он предпочитал не думать.

В 6:05 Макаров уже влетал в магазин на заправке, надеясь увидеть за прилавком Алису. Но остановился у порога, едва заметив сонную физиономию Петруни, уныло возившегося с телефоном.

Тот поднял голову.

- А тебя чего принесло в такую рань? – в качестве приветствия буркнул он Макарову.

- Алиса где? – вопросом на вопрос ответил Илья.

- В отпуске.

- В каком еще отпуске?

- В двухнедельном, - проворчал Петруня. – Торчи тут теперь.

- Черт! – выругался Макаров и растерянно посмотрел на машину сквозь стекло витрины.

- И давно?

- С понедельника. Хорошо ей, небось.

- То есть ты ее с субботы не видел?

Петруня задумчиво почесал репу и протянул:

- Неее... В субботу ее Танька сменила. Наверное, с пятницы. Че ты докопался?

- Ничего, - кивнул Макаров и задумался. Это многое усложняло. Проще было здесь поговорить. На нейтральной территории. Он бы убедил ее, нашел бы нужные слова,

объяснил бы все, что жило в нем сейчас. Может быть, был бы шанс... простить друг друга?

А теперь придется ехать к ней домой, во Всеволожск, а там наверняка ее мама – суббота, законный выходной. И даст ли еще поговорить...

«Да уж, наворотил ты, Макаров», - хмыкнул про себя Илья, попрощался с Петруней и побрел обратно на стоянку, к машине, понимая, что делать нечего – поедет. Как миленький поедет. Потому что там Алька. И неделя без нее – тот еще ад. А он больше не хочет этого ада.

До города домчался быстро. До ее дома – еще быстрее. Гнал, выжимая из машины все, что можно.

Когда взлетал по лестнице, в голове была пустота. Только на мгновение задержался между двумя пролетами. И мимолетно подумал, что не имеет представления, что говорить. Но и эту мысль запихнул поглубже.

А потом оказался перед дверью квартиры Куликовских. И, не давая себе времени засомневаться, нажал на звонок.

Дверь открылась не сразу. Медленно, скрипуче отдаваясь в колодце подъезда. На пороге возникла Любовь Михайловна, в темном платье, от чего лицо ее казалось совсем бледным пятном, на котором выделялись лишь болезненно опухшие, не видящие ничего вокруг глаза. Илья почувствовал странное желание отшатнуться от женщины и уйти, ничего не спрашивая. Оно было тем более несуразно, что голова срабатывала так ясно и четко, как не срабатывала давно. Макаров подался вперед и сказал:

- Доброе утро, Любовь Михайловна. А Алису можно?

С заметным усилием она попыталась сосредоточиться на его лице. И когда поняла, кто перед ней, громко вскрикнула. Прижав ко рту платок, оперлась на дверной косяк и не сводила с него пристального взгляда.

- Ты? – выдохнула она испуганно.

- Я, Любовь Михайловна, - побелевшими губами проговорил Макаров, продолжая бороться с желанием немедленно уйти. Потому что уже сейчас чувствовал – остались секунды до чего-то страшного, что неминуемо обрушится на него. Но вместо этого он продолжил настойчиво и спокойно говорить: - Я знаю, я виноват, но мне очень нужно видеть Алису. Пожалуйста, я вас прошу... Мы должны поговорить.

- Ты виноват? Ты виноват! – мрачно протянула она в ответ. – Потому что ты здесь! А ее нет! Никогда больше не будет! Почему ты здесь, когда должен быть там? – истерично вскрикнула она и разрыдалась. – Девочка моя!

Илью шугануло в сторону, но теперь уже уйти не мог. Его словно бы пригвоздило к этой площадке перед квартирой, где жили Алька и ее мама.

- Где Алиса? – хрипло спросил он.

- Там, куда поехала с тобой, - вдруг перестала всхлипывать Любовь Михайловна. Голос ее стал глухим и потусторонним, как и взгляд. – Только не вернется больше. Никогда не вернется.

Она развернулась и побрела в квартиру, громко шаркая тапочками по линолеуму.

Илья ломанулся за ней. Влетел в коридор. Потом в комнату, в другую, на кухню. Замер перед ванной. И вдруг понял. Это он Алису по комнатам сейчас искал. А не видел ничего, кроме окон, света и идеальной чистоты по углам. Квартира была пустой. Мертвой. Илья сглотнул и медленно обернулся к Любви Михайловне. Она тоже была пустой. Мертвой.

- Где Алиса? – тяжелым голосом повторил он.

- Нет Алиски, - сказала Куликовская. Она сидела в кресле и медленно раскачивалась вперед-назад. Такими же раскачивающимися получались ее слова. – Они сказали, бензовоз врезался. Большой... в автобус... Сказали, взрыв был... пожар потом. Алискин рюкзак под сиденьем валялся. А она... она... сказали, обгорела сильно. Привезут, ее потом привезут. Девочку мою привезут. Сказали, смотреть надо. А как смотреть? На что?! А они говорят – надо.

- Кто они? – пролепетал Илья, почти ничего не понимая, но странным образом понимая главное. Только цеплялся за детали, будто те могли что-то изменить. – Какой автобус? Куда она ехала? Любовь Михайловна!

- А это ты мне скажи, куда она ехала! – закричала женщина, уставившись на Илью. – Она говорила, ты ее одну не отпускаешь. Говорила, вы вместе едете. Потому что ты взрослый, ты ответственный! Я виновата, я, - она отвернулась и снова стала раскачиваться. – Не надо было ее к тебе отпускать. Знала же, видела... А она все твердила свое. Он хороший, мама... Он хороший...

- Хороший? – Илья медленно поднял руку ко лбу, чувствуя, что внутри, в самой черепушке, все горит. И как выбить это пламя, не представлял. Несколько раз стукнул по голове, но не помогало. Медленно подошел к старому серванту у стены. Оттуда на него смотрела Алька – со множества фотографий. С самого детства. На руках у родителей, с букетом цветов и портфелем, в форме стюардессы с огромными бантами – так раньше фотографировали в первом классе, где-то на море – на катамаране, постарше – за городом в смешной панамке и шортах. И везде она смеялась. Везде – смеялась ему. Потом он замер в ужасе. Одна из фотографий была свежей, новой, из последних. Из тех, что он делал на Диво Острове. С большим облаком сладкой ваты. И в эту секунду будто почувствовал эту вату у себя во рту.

Снова посмотрел на Куликовскую и тихо спросил:

- Когда это случилось?

- В среду. Утром.

Его накрыла слабость. Сначала в ногах, потом – во всем теле, и он едва не осел на пол – бог знает каким чудом остался стоять. Повторил про себя: «В среду утром». И посчиталось само собой – ее не было уже три дня. Он перемалывал все в себе. Ненавидел ее. Обвинял. Прощал. Надеялся. Строил планы. А ее не было уже три дня. И все это оказалось никому не нужным. Даже его любовь – никому не нужна.

Он все-таки нашел в себе силы поднять глаза и снова заговорить:

- Можно я помогу вам... хоть чем-то?

- Ты сможешь ее вернуть?

- Нет, - прохрипел Илья.

И медленно, шатающейся походкой, не помня себя, пошел к выходу.

У двери снова остановился. Посмотрел на женщину, сидевшую в кресле. И никак не мог понять, как так вышло, что он, и правда, не может вернуть Альку. Ведь последние часы жил мыслью, что она снова будет с ним.

Выскочил на лестницу. И, ничего вокруг не видя, бросился вниз. Будто бы бежал от собственного ужаса.

Логинов медленно курил, выпуская дым в потолок, и выслушивал историю ссоры Макаровых-старших с непутевым наследником. Прекрасное начало субботнего дня! Суровый

голос Евгения Степановича вместо сладкого утреннего сна под теплым одеялом.

- Ты можешь себе представить, в каком мы с твоей теткой состоянии? – пыхтел дядька. – Он который день носа не кажет! На звонки не отвечает. Просто послал нас подальше – забыл, что родители у него имеются, со своей шалавой малолетней!

Никита беззвучно вздохнул, потушил окурок и переместился к столу – включить кофеварку.

- Да что с ним станется, дядь Жень, - примирительно буркнул он в трубку. – В первый раз, что ли? Объявится.

- Так – в первый! На Валентине лица нет. Порывалась ехать к нему сегодня – я не пустил. Он вообще признаков жизни не подает! Сгонял бы ты к нему, а? Хоть удостовериться, что он там еще живой.

Никита вскинул бровь, удивляясь как Макаров-старший умудряется попадать в жизненную струю. Он и сам подумывал о том, что в выходные надо съездить к Илье. Им есть о чем поговорить и что обсудить. Не дураки оба, чтобы не найти выхода из ситуации, в которую себя загнали. Хотя... сама по себе эта ситуация подрывала уверенность в обоюдном наличии ума.

- Что живой – это я вам и так скажу, - Логинов вернулся к разговору. – Что ему сделается?

- Да черт его... Я всерьез думаю отправить его к наркологу. Мало ли – может, эта дрянь его на что посадила, кроме секса.

- Ну эт вы загнули! – не сдержался Никита и быстро добавил: - Ладно, съезжу сегодня. Посмотрю.

- Спасибо, родной. И к нам загляни. Ей-богу, на тебя вся надежда. Может, все-таки на международные контракты, а?

- Я думаю, Евгений Степаныч, думаю, - дипломатично отозвался Ник.

И со вздохом облегчения и чашкой кофе в руках вернулся в спальню – доспать было необходимо. Из кровати он выбрался спустя несколько часов, когда Мураками, в конце концов, был отложен в сторону. Долго торчал в душе, с наслаждением подставляя лицо под прохладную струю воды. Процесс приготовления завтрака продолжился его неспешным поглощением. С тем, чтобы часов около трех решительно сесть в машину и отправиться к Макарову. «И Алисе», - долбило в ребра.

Пока поднимался на четвертый этаж, сосредоточенно думал о том, кто откроет дверь. И только когда услышал звук звонка, неожиданно понял – неважно, кто. Потому что здесь живут они. Вместе.

Дверь распахнулась.

И в него уперся до черноты страшный взгляд, какого он никогда в жизни не видел. Ни у Макарова. Ни у кого. Только потом понял, что это Илья так глядит. Глядит и молчит. Несколько длинных, тянущихся секунд. Как смычком по струне – протяжно.

Потом Илья развернулся и прошел в квартиру, оставив дверь открытой. Скрылся в комнате, из которой орал телевизор. Выпуск новостей, кажется.

Никита прошел за ним, уменьшил громкость.

- Привет, - развернулся он к брату. – С каких пор увлекся новостями?

Илья головы не поворачивал. Но теперь глаза были пустыми. Будто бы он не слышал вопроса, да и не видел того, что показывали в экране. Но все-таки ответил:

- Сегодня. Надо.

- Ааа... Алиса где? На работе?

Теперь Макаров дернулся, будто получил удар. И загнанным зверем уставился на Логинова.

- Нет. Алиса погибла, - произнес он ровно.

- Это шутка? – выдохнул Ник. Хрен! Таким не шутят. – Как? Когда?!

- В среду утром, бензовоз какой-то въехал, - пробормотал Макаров и вдруг хохотнул, откинувшись на спинку кресла: - Дебил! Жду новости, а они устарели, наверное, да?

- Какой еще бензовоз? Куда въехал? Где? – Логинов тяжело дышал, не желая осознавать того, что слышал. – Илья!

- Да обыкновенный бензовоз! – резко заорал Макаров, вскакивая с места и нависая над братом. – Она в автобусе куда-то ехала! Я не знаю куда! Не знаю! Ее мать мне не сказала!

Никита вздрогнул. Не от крика Ильи – от того, что именно орал Макаров. Он подался к нему и медленно спросил:

- Куда-то? Ты не знаешь, куда ехала твоя девушка и где она погибла?

- Да, мать твою! Не знаю! Мы с ней поругались, и она уехала!

- Я знаю, что вы поругались, она говорила. Но я привез ее домой!

- Ты? – дико хохотнул Макаров. – Ты привез ее домой? Да, ты, тварь, привез ее домой! После того, как трахнул! А потом, конечно, привез! Только я не пойму, чего так быстро-то! Домой запросилась? Не понравилось?

Подумал Логинов только после того, как врезал Илье в челюсть. Но недолго. Потому что следом ударил тяжелым кулаком в живот.

- Скотина тупая! Ты что наделал?! – выплюнул он ему в лицо.

Макаров согнулся пополам, от боли потемнело в глазах. И в конце концов, осел на пол. Дышал через раз, мучился. И сильнее всего мучился тем, что недостаточно больно, чтобы перекрыть то, что секунда за секундой убивало его. Посмотрел снизу вверх на брата. Взгляд прояснился. И он заговорил:

- Я видел, Никит. Видел. Там камеры натканы, дурак. Диски где-то тут валялись, показать могу. Вы лизались с ней на глазах всего клуба, а потом ты ее уволок. Так что нехрен... Это смысла не имеет...

- Придушить бы тебя, гаденьша, да тетку жалко, - Логинов отвернулся. – Она пьяная была. Ну лезла целоваться, дурочка малолетняя. А талдычила только о тебе, кретине. Ты как ее в таком состоянии вообще из дома выпустил? Это я несколько часов ее рассказы об удивительном мальчике Илюше Макарове слушал. Другой бы не стал! Я. Привез. Ее. Домой.

- Ты меня за идиота держишь?! – крикнул Илья, поднимаясь с пола и не желая ничего слышать. – Не, ты реально считаешь меня идиотом?! Она только после трех прикатилась! Я думал сдохну из-за вас. Из-за тебя! Каково это, а? Каково быть с девушкой, которую я люблю, и которая любит меня! Тебя от себя не воротит?

- Нет, - пожал плечами Никита. – Потому что я не знаю, каково это. Одно дело увести ее у тебя, заставить ее полюбить меня – это было бы интересно. Но для Алисы никого не существует, кроме тебя. А тебе, как всегда, показалось мало. Пошел ты, Макаров! Никогда не прощу тебе того, что ты ей сделал.

Он обвел глазами комнату, на короткое мгновение задержавшись взглядом на размытой стене, криво усмехнулся и ринулся из квартиры, чувствуя ком, вставший в горле.

Дверь хлопнула на всю парадную. Макаров вздрогнул от этого удара. Но остался стоять посреди комнаты. Только смотрел теперь на стену. Блуждающим взглядом, в котором совсем

не было жизни. Потом медленно подошел к картине, так и не ставшей картиной. И провел по ней рукой. Краска не приставала к ладоням. Здесь она навсегда, что бы ни было.

Нелепо. Дико. Он касается стены, к которой прикасались ее пальцы, а ее самой нет. И все так в этой комнате. Даже плед в кресле у балкона – она всегда оставляла. Ее плед, хоть и негласно. И столько еще всего... Вся квартира ею наполнена. Каждая мелочь.

Всего-то три месяца.

А заменила все на свете.

Макаров приложился щекой к стене, там, где было размыто. Закрыв глаза и стоял какое-то время, потеряв этому времени счет. В сущности, счет ушел в минус. Оборвался утром среды.

Бедная... звонила ему... до последнего звонила, даже во вторник.

Не думать!

Ни о чем не думать.

Когда в комнате стемнело, Илья расстелил диван и лег. Под боком пристроился кот и едва слышно мурчал. Потом он заснул. И Макаров проваливался несколько раз, но тут же выныривал. Снов не помнил. Снов, наверное, и не было. Были образы вокруг. Как фотографии в серванте Любове Михайловны. Стоп-кадры. Они сыпались на него, не давая вздохнуть и заполняя все пространство. Порхали бабочками по комнате. И тихо шептали ему что-то важное. А он, как ни вслушивался, разобрать не мог. Все заглушал скрип кресла. В нем кто-то всю ночь просидел, раскачиваясь туда-сюда.

Но стоило открыть глаза, как видел, что по-прежнему один. Что ничего не изменилось и ничего не изменится.

Под утро вылез из постели. Всыпал в кошачью миску корма, сколько влезло. И оставил открытыми еще несколько банок. Полюбовался своей работой. И направился на балкон.

Оказывается, он любил рассветы. Они казались ему всегда символом надежды. В символизм он немного верил, хотя и отрицал это. Выходит, что зря.

Было теплее, чем накануне. Воздух становился весенним, пусть февраль еще не закончился. Но это ничего не меняет – он обещал весной сводить ее на Диво остров. А теперь и не сводит. Получается, обманул.

Макаров вцепился пальцами в перила и вдохнул поглубже. Ему нравилось, как воздух полз по носоглотке. Он казался ему свежим и вкусным. Его не хотелось выдыхать. Но вместе с выдохом из горла вырвалось громкое и отчетливое:

- Доброе утро, Алька!

Сказал и сам испугался звука своего голоса.

Потом все делал быстро. Будто часовая стрелка ускорила, не желая давать ему и мгновения на передышку. К чему это? Он и так знал, что время вышло, что все кончено. Что не передумает.

Потому просто механически делал то, что должен был. То, что было правильным.

Веревка нашлась бельевая толщиной в палец. Смешно. Из шкафа старых жильцов, который они когда-то увлеченно разбирали. Алька по-хозяйски выбросить не дала. Пришлось повозиться, пока получилось с ней хоть как-то сладить. Опыта вязания подобных узлов у него не было – он и галстук-то завязывать так и не научился.

Потом пошел в ванную. Полотенцесушитель закреплен низко, но это пофигу. Главное, что надежно сидел в стене. Внушал доверие. В мире вообще мало что внушает доверие, кроме полотенцесушителя в старой квартире. Эта мысль показалась забавной. В его

сознании она и отпечаталась.

Сел на колени, примеряясь. Пытаясь понять, что делать дальше. А потом стал крепить веревку.

Когда и с этим было покончено, выдохнул и закрыл глаза.

Вдохнула и открыла глаза, чтобы заново началось. Еще не зная, что случилось. Еще не помня удара и огня. Еще ни о чем не ведая. И эти первые мгновения девственной белизны казались похожими на белый снег, когда он только летит из неба.

Зиму она пережила. Зима закончилась. Но этого она не знала тоже. И было то незнание благословением – потому что ей только предстояло снова вернуться в жизнь.

Месяц спустя

Март тянулся бесконечно. Изю дня в день. Изю дня в день. Без малейшего просвета и без малейшей передышки. Он оттягивал на себя время, а потом отпускал, и оно взлетало хищной птицей в небо, чтобы снова упасть. И начать ползти. Медленно-медленно набирая силы. Не давая вырваться из своих лап.

Работой завалили. Но это было даже хорошо. Работа позволяла ни о чем не думать. Были дни, наполненные цифрами. И были другие дни – редкие, но бывали. Когда он вспоминал себя, прежнего. До всего. И тогда начинал искать приключения – больше не вставляло. Ничего. Ни алкоголь, ни бабы. Почему-то, глядя на себя в зеркало, радовался тому, что совсем не похож на Илью. Будто бы это могло от всего уберечь, но в то же время понимал – уже не уберегло.

Несколько раз встречал Нину с Веником. Мышь выглядела успокоившейся и даже, пожалуй, счастливой. Громов тоже выиграл игру. Только непонятно, с кем он играл. Но, во всяком случае, Никите казалось, что игры из его собственной жизни ушли окончательно.

Больше ничего этого не будет.

Не будет и Макарова. Но об этом он предпочитал не думать.

Однажды в начале апреля звонил Евгений Степанович. Справиться, как дела. Будто бы про погоду спрашивал. Ник задавать вопросы так и не решился. К чему? Уехали и уехали. Макаров-старший никогда бы не бросил все на свете, это было не в его правилах. По официальной версии – в отпуск. Но отпускá не длятся месяцами.

Апрель пришел неожиданный. Никита будто бы и забыл, что бывает апрель. Весь мир ограничивался февралем и мартом – а тут вдруг апрель.

Какое было число, он впоследствии так никогда и не помнил. Но тот день, проведенный будто в тумане, детали которого смылись из сознания, оказался решающим в его жизни.

Удивительный день, когда Логинов поверил в чудеса, но еще не успел понять, что случившееся – не чудо, а второй шанс. По справедливости должен же быть этот второй шанс.

Последнее, что отложилось в его голове отчетливо, это секретарша. Она вошла в кабинет и негромко, сдержанно, как делала это всегда, когда ничто не предвещало чего-то неприятного, проговорила:

- Никита Александрович, к вам пришли. Какая-то девушка, говорит, что по личному делу.

Логинов оторвался от бумаг и посмотрел на Таю. Улыбнулся и сказал:

- Я занят сейчас. Это очень срочно?

- Она уверяет, что да.

- Кто хоть? Кто-то из наших?

- Нет. Представилась как Алиса Куликовская.

И вот тут Логинов забыл, как дышать. Так и замер, глядя на Таю и не представляя, что сказать. Потому что вечность в нем оборвалась.

- Как представилась? – медленно произнес он, еле шевеля губами.

- Алиса Куликовская. Пригласить?

- Да...

Тая выскользнула из кабинета, а Логинов не выдержал – встал. И напряженно вглядывался в проклятую прикрытую дверь.

- Здравствуй, - вошла Алиса в кабинет. Выглядела как обычно. Разве что челка появилась, прикрывавшая лоб из-под толстого кружевного берета. – Прости, что отвлекаю. Ты занят. Но мне нужно очень.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Наши дни, Вроцлав, Польша

Не с чистого листа

Солнце весело заглядывало в огромное, распахнутое настежь окно и грело шею. Довольно шурясь от тепла и свежего воздуха, Алиса расслабленно читала контракт, который ей прислали из «ArchSpace» для ознакомления и возможных правок. Российская фирма заказывала проектирование торгово-развлекательного центра. Что их принесло в Польшу – оставалось загадкой. Еще большей загадкой для Куликовской было – почему пан Скорупа, всегда самостоятельно решающий кого поставить во главе того или иного проекта, обратился именно к ней. В компании и своих специалистов более чем достаточно, а этот заказ, судя по предварительному разговору, будет значительным, включающим полное сопровождение и авторский надзор. Если только заботливый поляк не решил доставить ей радость общения с соотечественниками. Снова.

Сомнительность такой радости с лихвой окупалась суммой контракта, потому, просмотрев основные пункты стандартного документа, который видела уже не в первый раз за несколько лет сотрудничества с «ArchSpace», Алиса отложила его в сторону и явилась на кухню, где сосредоточенно жевали свой завтрак Никита и Сонька.

Соня, помимо сосредоточенности в поглощении пищи, была еще погружена в свой киндл – подарок Никиты на прошлый день рождения. Игрушка еще не успела стать ненужной, и девочка увлеченно ее использовала, закачивая на устройство все подряд.

Логинов, в отличие от ребенка, был занят только едой. Подняв глаза на Алису, он улыбнулся и сдержанно спросил:

- Чаю будешь? Еще не остыл.

- Буду. Что есть кроме чая? – спросила Алиса, подходя к столу.

- На завтрак овсянка и оладьи. До ужина Лена отпросилась. Я отпустил – все равно дома никто не обедает.

Алиса кивнула, погремела кастрюлей и присела за стол.

- А мне новый контракт прислали. Возьмусь, наверное. Ничего другого в ближайшее время не придвидится.

- Разумеется, возьмешься, - проговорил Никита, не отвлекаясь от еды. – Даже если бы тебе прислали предложение строить сарай – ты бы взялась. Потому что мама у нас очень

трудолюбивая, да, Сонь?

Светлый кудрявый хвост подпрыгнул, а любознательный серый взгляд метнулся от отца к матери. Потом по Сонькиному лицу расплзлась улыбка. И девочка со знанием дела и легким акцентом ответила:

- А у нас на редкость работоспособная семья.

- О как! – хохотнул Логинов, подняв палец кверху. – Слыхала, Алис?

- Ну вот чего вы? – надув губы, деланно обиделась Алиса. – Что мне дома-то делать?

- Действительно нечего, - теперь ей показалось, что вместе со словами из него брызжет яд. Это он временами практиковал. Не так чтобы часто, но случалось. Воспитывал, пусть и таким странным методом.

Их молчаливая война длилась уже давно. Логинов хотел еще одного ребенка. Причем Алисе иногда приходило в голову, что именно для того, чтобы запереть ее дома. Вместе с тем теперь уже об этом почти никогда не упоминалось вслух. Он отстал, причем практически по всем статьям, хотя это и не умаляло степени его ядовитости.

Некоторое время Никита смотрел на свою чашку, а потом, видимо, решившись на запрещенный прием, сменил тему на еще более болезненную:

- Кстати, с Испанией я все решил окончательно. Софью ждут пятнадцатого июля. Можно начинать думать, что брать с собой.

Сонька хлопнула в ладоши и едва не уронила и ложку, и киндл. Полтора месяца в языковом лагере тоже было ее мечтой. Уж что-что, а откупаться с шиком Логинов умел. Главное не упоминалось – Алиса полтора месяца летом будет лишена общения с дочерью.

- Придумается, еще время есть, - подмигнула она Соне, пропустив очередной намек мужа на ее легкомысленность. – Что мне только с твоими Ахатинскими делать?

Так Алиса в шутку звала двух улиток, которыми увлеченно занималась дочь. Несколько месяцев назад третья погибла при невыясненных обстоятельствах, после чего Соня категорически запретила кому-либо не только кормить их, но даже менять воду или мыть аквариум.

- Не вздумай их трогать! – воскликнула дочь. – Если их не кормить – впадут себе в спячку и продрыхнут до моего возвращения!

- Господи, откуда только такие познания? – поморщился Логинов.

- Из интернета, - сообщила Сонька.

- Можем попросить Лену включать им колыбельные, - развеселилась Алиса и посмотрела на Никиту. – А может, и сами в Испанию. В отпуск, а?

- И новый контракт побоку? – деланно изумился тот.

- Аллилуйя интернету!

- Ну да, конечно. Там ты тоже будешь сутками торчать за ноутбуком. Спасибо, на это я и здесь полюбоваться могу, - мрачно сообщил он, встал из-за стола, бросил салфетку и отправил тарелку в мойку. – Буду сегодня поздно. К ужину ждать не стоит.

- А когда ты был не поздно? – сдавшись, вздохнула Алиса.

- Ну меня же здесь все равно не особенно ждут, - пожал он плечами, развернулся и покинул помещение.

Десятью минутами позднее хлопнула входная дверь. Логинов вышел на улицу и перевел дыхание.

Так было не всегда. Когда-то она в нем нуждалась. И когда-то старалась создать хоть видимость того, что он что-то для нее значит. Что есть между ними нечто большее, чем

благодарность. Кажется, это было в прошлой жизни. И в итоге вытеснилось учебой, работой, ребенком. Смешно. Если бы не Сонька, никакого брака вообще не случилось бы. Но именно Сонька каждый день отнимала у него Алису.

В горе у них получилось. В радости – совсем никак.

Но двенадцать лет жизни не выбросишь, даже если почти ничего уже не осталось.

Нет, он любил ее. Они могли быть очень счастливы вместе, если бы только его любовь могла хоть что-нибудь изменить. Стоило отдать Алисе должное. Из нее вышла хорошая жена, которая и в постели оставалась именно женой, не любовницей. В каждом ее жесте, каждом движении, каждом поцелуе он неизменно чувствовал готовность, благодарность и... неизбежность совершаемого. Дурацкое слово, не передающее в полной мере того, что он ощущал. Она не любила. Была страстной, нежной, любопытной, увлеченной. Но ни минуты его не любила. Лишь поддерживала в том, чего он хотел и к чему стремился. В конце концов, ей тоже нужен секс. И едва ли она склонна идти за ним куда-то из дома.

Если бы он мог забыть, с чего все началось, забыл бы с большой охотой. Чтобы все было с чистого листа. Чтобы без прошлого. Чтобы хотя бы не знать, как выглядит его жена, когда она по-настоящему счастлива.

Но и это тоже невозможно.

Память услужливо стирала тот день, когда Алиса пришла к нему – он не помнил ее лица, не помнил, что чувствовал, что она говорила. Только отрывками.

Ее у двери в большом берете.

Как двигались ее губы, когда она произносила какие-то слова.

Себя, когда разбил стакан, не удержав его в дрожащей руке.

И собственный вскрик: «Живая!»

Он был отчаянно влюблен тогда. Сильнее, чем когда бы то ни было в жизни. И все, что было потом – росло снежным комом на тот далекий день.

Иногда Логинов спрашивал себя: пришла бы она к нему, если бы не необходимость. И думал, что, скорее всего, Алиса и не вспомнила бы о нем. Но ей действительно нужна была помощь.

Когда первые объяснения стихли, а его изодранные нервы постепенно стали настраиваться на нормальное функционирование, он, наконец, понял, что она от него хочет. И это вызвало дурацкую умильную улыбку на лице:

«Польша? Почему Польша? У тебя же мать здесь, Алис».

«Мамы больше нет, - совсем бесцветно ответила она. – Здесь никого больше нет».

«Как нет?! – встrepенулся Логинов, пытаясь поймать ее взгляд – не должно быть в этот день горя. – Когда это... когда?»

«У нее давно сердце было... - она посмотрела на Никиту, пытаясь объяснить то, что не могла сказать словами. – А пока я в больнице... Она так и не узнала, что я рюкзак под своим сиденьем забыла спросонок. Ей и сообщили».

«Черт... прости...»

Он замолчал. Молчал долго. Смотрел на Алису и никак не мог понять, что делать дальше. Вместо всего важного, о чем она просила, в голове навязчиво вертелась странная, пугающая и такая манящая мысль, что теперь она у него, что только он знает, что это может быть началом уже их – общего, на двоих. Нет, еще не строил планов. Боялся. Но для чего-то же она выжила. Для чего-то пришла к нему.

Тая принесла чаю и бутерброды. Потом он уговорил Алису перекусить, будто оттягивал время. И глядя, как она ест, раз за разом прокручивал все рассказанное ею. Почему он так просто поверил, когда узнал о ее гибели? Почему не начал проверять? Почему не удостоверился?

Логинов привык все держать под контролем. Но тогда был... убит.

А теперь она пришла сюда, живая, здоровая и пила чай в его кабинете.

Он невольно протянул руку и прикоснулся к ее лбу, приподнимая челку. Алиса отстранилась и вымученно посмотрела на него.

«Я просто... просто... удостовериться хотел, что ты настоящая... Дотронуться... - проговорил он, мучительно подбирая слова. – Так вообще бывает?»

«Бывает... - она отвела глаза. – Я головой сильно ударилась, в себя не приходила долго, потом... Напутали».

«Твари... - пробормотал Логинов. – Ладно. С этим ясно... Еще раз объясни для непонятливых... Зачем тебе в Польшу? Что ты там делать собралась? Чем Питер устраивать перестал?»

«Не знаю... - пожала она плечами и надолго замолчала. Никита тоже молчал, глядя на нее. – Не знаю, как объяснить. Хочется начать сначала. Здесь... здесь не за что зацепиться. Хожу по квартире – вокруг мамины вещи, а моего будто и нет ничего. Не могу там долго быть, прихожу только ночевать. Баба Зоя, это соседка, как видит меня – сразу в слезы. Так и хоронит меня каждый день. Это дурацкий, но шанс всё изменить, совсем всё. А в Польшу я всегда хотела. Как думаешь, мечты должны сбываться? – горько усмехнулась Алиса. – Может, найду кого из родственников. У меня несколько бумаг от отца осталось. Попробовать хотя бы...»

Пока она говорила, в его голове начала расти надстройка. Которая со звуком Алисиного

голоса крепла и развивалась – пускала новые ответвления и росла дальше. Можно вывезти ее за границу. Можно позволить ей там жить. Можно дать ей то, что она просит. И тогда никто никогда ничего не узнает про них. Какова вероятность, что отец не сболтнет никому из ближнего круга? Если оговорить, то не сболтнет. Среди прочих достоинств Логинова-старшего была еще и понятливость. И даже если у него ничего не получится, у Алисы появится шанс на нормальную жизнь. Разве не виноват перед ней так же, а может, и в бóльшей степени? Ведь сам позволил всему случиться, не уберег.

Никита внимательно посмотрел на Алису и медленно проговорил:

«Мечты должны сбываться – хоть для разнообразия. Ладно, убедила... Я свяжусь с отцом. Сильно быстро не обещаю – сама понимаешь. Да и поляки – народ скрупулёзный. Но карту оформим. ВУЗ выберешь, какой захочешь. Все будет хорошо».

Она слабо улыбнулась, вспомнив, как всегда говорила об этом маме.

«Ну да... хорошо...»

В сущности, он не мог сказать, что было плохо. Все вышло действительно хорошо. Сначала Алиса уехала сама, едва получив документы. Вопреки всем ожиданиям, в том числе, видимо, и собственным, выбрала не экономический, а Вроцлавскую политехнику. Продолжала учить польский. Жила в квартире, которую он для нее нашел. И искала свою семью. Если в Питере ей не за что было зацепиться, то здесь цеплялась за все подряд.

Первое время Логинов мотался к ней часто. Едва ли не по два раза в месяц. К рождению Соньки остался насовсем. Понимал, что эти мотания туда-сюда ничего не решат. И понимал, что у нее просто нет выбора – она была слишком многим ему обязана. И благодарна. Он просто остался, сообщив, что будет жить с ней. И она приняла это.

Вопрос с работой решился к ноябрю. И снова спасибо Логинову-старшему, не задававшему вопросы, а делавшему то, что нужно сыну с выражением лица «от**бись». Правда, давая ему наводку на «Metprom Polska», представительство крупного российского металлургического завода во Вроцлаве, не поленился, высказался:

«В Поляндии твоей я тебе помогать и захочу – не особо смогу. Дальше сам. Сам».

«Главное сделал, - усмехнулся тогда Никита. – Спасибо».

«Да не за что. Мне еще сеструху твою на ноги ставить. Так, может, хоть она при мне на старости останется».

«Тут уж как воспитаешь», - хмыкнул сын.

«Привет художнице твоей. На свадьбу-то позови!»

Но на свадьбу звать никого не пришлось. Они расписались в польском консульстве в Познани. Буднично и обыкновенно.

Алиса была спокойной и казалась счастливой. И еще она была красивой. Безумно красивой. Даже в последний триместр беременности.

Честно все это по отношению к ней? Едва ли. Никита отдавал себе отчет в том, что воспользовался ситуацией. Алисе Куликовской нечего было предложить ему, кроме себя самой. И она знала, что он ее любит.

Он признался почти сразу. Еще когда она только собиралась улетать из Питера. Просто сказал ей: «Подумай. Я ведь не тороплю». И понимал, что этими словами отрезал ей все пути к отступлению. Но успокаивал себя тем, что, возможно, однажды она сможет ответить ему взаимностью.

Они оба ошиблись. Он – в том, что можно кого-то влюбить в себя, если этого хочется. Она – в том, что на благодарности можно строить жизнь.

Каждый расплачивался по-своему. Хотя их брак едва ли можно было назвать невыносимым. Потому что бесконечно старались оба.

Но, в конце концов, люди устают стараться, когда не получают ожидаемого.

У нее за плечами оказался политех, найденные родственники – седьмая вода на киселе – и несколько успешных проектов.

У него – жизнь в чужой стране, скучная, но хорошо оплачиваемая работа и бесконечные попытки что-то изменить.

День с самого утра впечатлял. Алисин контракт тон задал сомнительный. Контракт – это почти наверняка командировка. И даже не одна. Это ее бесконечное отсутствие. Это горящие глаза тогда, когда ему нужно, чтобы она смотрела на него, а не в монитор ноутбука. Это ее самореализация, которая затмевает все остальное. Наверное, кроме Сони.

Но вместе с тем Логинов понимал, что она подпишет, а он отпустит. Как это было уже много раз. Так значит так. Смирился давно.

Продолжение случилось в офисе – какой-то путаницей в отделе сбыта, которую пришлось срочно распутывать. Сбыт его не интересовал. Никита любил сложные задачи. Но отгребали все – в основном от него. За двенадцать лет он представительство и возглавил. Логиновы всегда добивались большего – даже тогда, когда оно того не стоило.

А завершился этот гребанный день, в конце концов, у Диты. С работы они уезжали вместе. Разными машинами, но к ней. Она была моложе его на десять лет и появилась в финансовом отделе только несколько месяцев назад. Много времени не понадобилось, чтобы щелкнуть этот орешек. Орешек оказался податливым, на все согласным и очень горячим в постели.

Она изгибалась от его поцелуев, как кошка. И едва не мурлыкала от удовольствия. Ему нужны были эти эмоции. Теперь – особенно. Это их он искал, любя только собственную жену.

До постели они не дошли. Если уж день обломов, то обломов по полной программе.

В пиджаке зазвонил телефон. Логинов с фырканьем отстранился и стал рыться в карманах. Дита продолжала обнимать его за шею и с придыханием шептать на ухо:

- Даже здесь не полностью мой.

- Я нигде не полностью твой, - ответил он по-русски и уставился на неизвестный номер, отображавшийся на экране. Принял вызов, чувствуя, как Дита нахально прикусывает мочку его свободного уха, и громко рыкнув: - Алло!

А услышал в ответ нежданное и знакомое:

- Никит, привет. Это Макаров.

Наши дни, Санкт-Петербург, Россия - Вроцлав, Польша

- В Северной столице восемь часов. Градусник показывает 16 градусов выше нуля. А сейчас в эфире Бах. Просто Бах. Токатта и fuga в рок-обработке. Всем доброго и бодрого утра! – жизнерадостно вещал женский голос из радио, которое неизменно включалось на кухне, когда Василиса Сергеевна готовила завтрак.

Домработница была вынужденным слушателем, хотя и включала по своему почину – чтобы работодатель не проспал подъем. Так они условились однажды, потому что тот был большим любителем сидеть допоздна и вскакивать в последний момент. Громко болтавшее радио немного дисциплинировало.

На плите весело шипел бекон, когда она услышала, как хозяин выполз из своей комнаты

и протопал в ванную, откуда вскоре донесся шум воды. К завтраку он вышел секунда в секунду к тому моменту, как Василиса Сергеевна ставила на стол тарелки с салатом и яичницей. Уже был одет в дорогу. И далеко не юной домработнице оставалось только вздыхать: есть хоть что-нибудь, что ему бы не шло? Сейчас это был горчичный тонкий свитер и темные джинсы из категории «и в хвост, и в гриву». В смысле любимые. Влажные после душа волосы, подсыхая, уже начинали падать на лоб, наплевав на то, что только что их обладатель зачесывал назад. А вот растительность на лице по-прежнему далека от надлежащего вида – он брился только тогда, когда борода начинала мешать. И это случалось не очень часто.

Очки в темной оправе находились там, где им положено быть – на носу. Но даже несмотря на свой вполне собранный вид, выглядел работодатель несколько более сонным, чем мог бы, если бы лег спать вовремя вместо того, чтобы до ночи работать.

- Доброе утро, Васенька, - мученически проговорил он, усаживаясь за стол и устраивая рядом свой лэптоп, сдвинув тарелки в сторону.

- А оно доброе? – прекрасно зная, что может позволить себе такой тон, поинтересовалась домработница.

- Подумайте сами! У вас впереди десять дней отдыха от меня! Чемодан-то собран?

- То есть то, что я буду скучать по вам, Илья Евгеньевич, – в расчет не принимается, - фыркнула Василиса Сергеевна, водружая перед ним стакан морковного фрэша, и демонстративно вздохнула: чемодан, естественно, был собран. При всей кажущейся фамильярности она всегда безукоризненно выполняла свою работу и его поручения.

Макаров широко улыбнулся, мужественно выпил фрэш и, наконец, взялся за яичницу.

- А где Францевич? – спросил он, отковырнув кусок бекона. – Сытый, что ли?

- Вероятно, продолжает свои наблюдения за бабочками.

Любимым местом кота в летний период были огромные плетеные качели, кажется, для него и поставленные у небольшой террасы, с апгрейдом в виде мехового пледа. Откуда он мог часами наблюдать за всем летающим и движущимся мимо него.

- Старее, - констатировал Илья Евгеньевич. – Может быть, мне его родителям все же завезти? Чего вы будете только ради кота приезжать?

- Не уверена, что Валентина Павловна будет в восторге.

- Переживет. Это всего десять дней.

- А Францевич?

- Ну да... Старая взаимная любовь, - пробормотал Макаров, уставившись в монитор. Но видно было, что мысли его где-то далеко. Он иногда глядел на предметы, но будто бы сквозь них. И зависал на какое-то время. Потом вернулся в свое физическое тело, и взгляд стал обыкновенным, как всегда. – Значит, оставляем кота в родных пенатах?

Домработница удовлетворенно кивнула – не объяснять же хозяину, что без ежедневных приездов в его небольшой коттедж на окраине города она просто не будет знать, чем заняться. Илья и Францевич слишком давно и слишком прочно вошли в ее жизнь и стали ее частью. Убрав со стола пустую посуду, Василиса Сергеевна сунула все в посудомойку и ретировалась из кухни.

Кофе Макаров дома себе всегда сам варил – был у него такой пунктик. Процесс нравился. Потом долго и обстоятельно его пил, дочитывая присланные вчера вечером бумаги с разрешением городских властей на застройку с условием укрепления грунта на выбранном участке земли – близлежащие дома были в аварийном состоянии. Решалась обоюдоострая

проблема. У Макарова – возможность возведения ТРЦ. У города – необходимость что-то с этой херотенью делать.

Потом Илья отзвонился Юре Тё с феерическим: «Можешь меня урыть, но я подписал».

На что услышал в ответ: «Поздравляю! А нам опять бабло ищи! Это их головняк, не наш!»

«Жадность фраера сгубила! Все, вернусь – поговорим!» - хохотнул Макаров и отключился.

Одним вопросом меньше.

Второй находился в процессе решения. Собственно, затем и ехал в эту командировку.

История была длинная и запутанная. Два месяца назад ездил в Москву. Там попало причудливое здание, напоминавшее своей формой корабль. Оказалось гостиницей. Впечатлило, понравилось. Да что там... Сутками потом вспоминал. Когда в «МакГрупп» одобрили его проект для «Sky Tower», потребовал связаться с администрацией гостиницы и узнать, кто застройщик.

Выяснилось, что поляки. Неведомое предприятие «ArchSpace» с паном Лешек Скорупой во главе. Связавшись с ними, Илья Евгеньевич начал с главного: подайте мне того, кто делал этот корабль на блюдечке с голубой каёмочкой, и проект ваш! Полностью, под ключ, до последней плитки на полу. Макаров не мелочился.

Естественно, они согласились. У них других вариантов не было. Конечно, следовало еще утрясти ряд деталей – расценки, неустойки и прочую ерунду. А потом подписать контракт. И вместо того, чтобы отправить туда юриста для начала, Илья Евгеньевич решил ехать сам. Спонтанное решение, однако он всегда был склонен к импульсивным поступкам.

Допив свой кофе и чуток пошуршав по дому, скидывая в сумку последние мелочи, вызвал такси.

А уже потом, отправившись в увлекательное путешествие в Пулково, позвонил отцу.

- Привет! – выдал Евгений Степанович совсем недобро.

- Ну короче, я уехал, - невозмутимо сообщил Илья. – После двух самолет.

- И почему нужно было обязательно самому...

- Потому что нужно. Десять дней балду погоняю. Жалко, что ли?

- Знаю я, как ты балду гонять будешь, - с нотками одобрения в голосе сказал отец. – Вот если б ты в отпуск собрался – я б слова тебе не сказал. После всего, что ты сделал для холдинга. Но нахрена тебе эта Польша! Замов куча. А мне ты нужен – немцы насаждают.

- Ну вот пусть замы с немцами твоими и разбираются, - отмахнулся Илья. – Все давно решено, кто чем занимается. Что ты опять начинаешь? Меня интересует только «Sky Tower» и ничего больше.

«Sky Tower» было его детищем. Когда десять лет назад Макаров-младший переступил порог офиса «МакГрупп», то сделал это с единственным условием: он будет сам решать, за что братья. Примерно за месяц сориентировался. Проект строительства сети торговых-развлекательных центров загнулся почти в зачатке. В него Илья и вцепился. Макаров-старший только вздохнул, но разрешил – с некоторых пор сыну стало многое позволяться.

И за эти десять лет дочернее предприятие холдинга мало того, что раздулось до невероятных масштабов, понаставив вполне себе успешных ТРЦ по стране, так еще и вошло в приоритеты компании Макарова-старшего, заняв внушительный сегмент среди других важных направлений его деятельности. Если бы Илья не ушел туда с головой, выжимая все возможное из себя и окружающих – давно бы ничего не было. Закрыли бы.

- Да не начинаю я! – возникла сердитая пауза. – Точно на десять дней?

- Это с запасом на прогулки по музеям.

- Ты в курсе, что Никита где-то там обитает?

И снова зависли. Илья молчал. Смотрел, как за окошком машины мелькают дома и прохожие. Потом быстро проговорил:

- В курсе. Я связывался с дядь Сашей. Он мне его номер нынешний дал.

- Ну вот и правильно! Может, обратно его притащишь? Вот что он в той Польше забыл?

- Вам с мамой лишь бы кого-то куда-то тащить. Если получится, встречусь.

- Детей заведешь – поймешь, - проворчал Макаров-старший. – Ладно, матери позвони, как доберешься.

- Обязательно. Бывай, - буркнул Илья и отключился.

Разговоры о семье звучали все чаще. Временами это напрягало, но он сдерживал себя, чтобы не ответить.

Другое дело Логинов. Двенадцать лет – срок немалый. Двенадцать лет, за которые они ни дня не общались. И казалось, что это навсегда. Жизнь развела, так бывает. После их «разрыва» Макаров два года прожил в Германии. А когда вернулся, Никиты и след давно простыл где-то в Польше. Уж от кого, от кого, а от брата такого фортеля никто не ожидал – разом изменить все и свалить за границу. Логинов-старший периодически выдавал информацию о том, что сын давно и счастливо женат. Макаров подробностей не узнавал. Берeditь было страшно.

А сейчас, выходит, разбередил. Где-то в глубине души понимал, что едет сам не только и не столько из-за проекта, сколько чтобы попытаться повидать Никиту. Если тот захочет. Черт его знает почему, но ему казалось, что за столько лет хоть раз попробовать можно. Наверное, начинал входить в возраст, когда родственные связи начинают казаться важными. А может быть, просто в узел скрутило знакомое чувство, что он ищет утраченное. И, возможно, это и было наиболее правильным.

Сейчас он, конечно, в какой-то степени рисковал. Но только собственными надеждами. Черт его знает, кому все это нужно.

Во время перелета надеялся доспать то, что не доспал ночью. Что-то тревожило. Бессонница была его частым спутником, но чтобы так, как в эти сутки... В нем беспрестанно что-то ворочалось. И только когда сел в самолет, понял, что именно.

Воспоминание.

И нежное, и разъедающее душу воспоминание.

Девочка по имени Алиса когда-то бредила Польшей. Мальчик по имени Илья когда-то обещал ее туда свозить. Смешно. Страшно.

Он до мельчайших деталей помнил тот день, хотя никогда не позволял себе вспоминать. Наверное, нетронутые и неоскверненные, воспоминания оттого и сохранились так ярко, что не были тронуты и осквернены.

Алька учила польский. Сидела на кровати с ногами в наушниках, повторяя с самым серьезным видом какие-то простые короткие фразы. И бесконечно мешала ему – он тогда в очередной раз пытался зубрить свой любимый предмет – Христиановсковедение. Понимая при этом, что никакого проку от этой зубрежки не будет. Он бросил свои конспекты. Пересел к ней. Обнял ее всю – кольцом рук и ног – сдвинул в сторону наушник на ее голове и прошептал на ухо:

«Совесть-то имей! Ты слишком сексуально пшекаешь!»

«Я тебе мешаю?» - запоздало вскинулась Алиса.

«Неа, - решительно солгал Илья. – У тебя как дело движется?»

«Учитель говорит – успехи есть».

«Кофе где-нибудь в Варшаве мне заказать сможешь?» - хохотнул Илья, пощекотав ей шею.

Алиса кивнула, довольно потянувшись к нему. Макаров медленно, глубоко, мучительно нежно целовал ее, постепенно опуская ладонь от худенького плеча к груди и находя сосок сквозь ткань футболки. Потом на мгновение оторвался и тихо сказал:

«Значит, когда-нибудь поедем».

«Сначала в Иркутскую область, - хохотнула она и, высвободившись из его объятий, потопала в сторону кухни, - а пока... у меня польский, а у тебя Францевич».

С кресла раздалось радостное мяуканье.

Почему сейчас вспоминалось столь отчетливо? Почему теперь пришло?

В свои восемнадцать лет она мечтала. Когда мечтать, как не в восемнадцать лет? Не сбылось и уже никогда не сбудется.

И он сам – сам – исколесив половину Европы, в Польшу едет впервые. Тоже еще заграница... Хотя во Вроцлаве, говорят, красиво.

А еще во Вроцлаве была хорошая погода. Тепло, но не жарко. Солнечно и ярко. Потрясающий день, который он должен был увидеть спустя двенадцать лет после того, как обещал показать этот день Алисе.

Летел с пересадкой в Варшаве. По дороге успел выслушать немереное количество кофе и воображал, как ворчит Васенька относительно его сомнительной пользы и несоизмеримости вреда сердцу. В наушниках преспокойно мурлыкал Гребенщиков. Все это казалось передышкой перед погружением. И оттого еще сильнее сковывала напряженность.

У здания Вроцлавского аэропорта Илью Евгеньевича встречал человек от пана Скорупы. То ли шофер, то ли переводчик. Потому что по-русски говорил бегло, а водил как лихач. Он-то и довез его до гостиницы. И со словами «Завтра к десяти за вами приедут, пан Макаров» ретировался.

Только оказавшись в своем номере, Илья наконец выдохнул. Достал телефон и позвонил Логинову. Ощущая, как гудки тянутся сквозь целую жизнь. И ощущая собственное сердце, стучавшее где-то в ушах. Наверное, Васька права.

Уже через сорок минут Илья Евгеньевич Макаров сидел в ресторане Hotel Monopol, с недоумением уставившись на входную дверь, ожидая, когда там покажется его двоюродный брат, и глушил... кофе.

Логинов явился точно в назначенное время. И раньше всегда был пунктуальным, теперь это становилось пунктиком всей жизни. Строго следовать собственному ежедневнику. И даже если появление Макарова через двенадцать лет не вписывалось ни в один заранее намеченный план, это не допускало возможности опаздывать.

- Привет, - поздоровался Никита, подойдя к столику, и протянул руку. – Какими судьбами?

Илья вскочил, крепко пожал протянутую ладонь и улыбнулся. Улыбался он по-прежнему обаятельно и заразительно. Указал на стул напротив и ответил:

- Я по делам, так вышло... Знал, что ты где-то в этой стороне. Александр Иванович твой номер дал... И я... вот.

Никита в ответ улыбнулся более сдержанно, расположился за столом и задал вопрос,

который беспокоил его все время, прошедшее с момента, когда он услышал в трубке голос Макарова:

- Надолго?

- Дней на десять. А потом как получится. Я только сегодня прилетел, - Илья резко замолчал. И, сменяемый мыслью, что пауза именно сейчас смерти подобна, махнул официанту, а пока тот шел к ним, спросил: - Ты же будешь ужинать?

- Буду. Сам как?

- Нормально.

Официант оставил им меню и ретировался. Макаров быстро его раскрыл, но не заглянул даже. Вместо этого посмотрел на Никиту. Узнавая его и не узнавая одновременно. То, что было в нем юношеского двенадцать лет назад, давно ушло. Даже взгляд другой сделался. И он вдруг засомневался, знает ли хоть немного человека, который перед ним сейчас.

- Нормально, - повторил Илья. – Работаю. На папу.

- Да-да, слышал, - Логинов поднял голову от меню. – Отец говорил. Да и интернет, сейчас мало что остается тайным. Но ты меня удивил – всегда был категорически против.

- Втянулся. Чему удивляться – ты лучше меня знал, что так будет. Но это совсем не интересно, правда... Тебя-то как сюда занесло, а?

- Евгений Степанович слишком настаивал на международных контрактах, - хохотнул Ник. – Так что тоже интересного мало.

- Да ладно! У меня как раз все ожидаемо, по накатанной. А вот от твоего закидона отец до сих пор фигейт.

- А я попробовал симпровизировать.

Логинов позвал официанта и начал делать заказ, глянув на Илью. Макарову же есть совершенно не хотелось. Он все пытался сопоставить то, что видел, с тем, что помнил. И понять, как пробить эту странную стену, что выросла между ними за годы тишины. Понимал, что эти шаги придется делать ему самому. Потому что когда-то сам заложил в той стене первый кирпич.

Выдав официанту сдержанное: «Мне то же самое», - он снова легко, как это не было на самом деле, заговорил:

- Но знаешь, даже несмотря на то, что ты так обманул его ожидания, он продолжает ставить мне тебя в пример. Видать, по привычке.

- И что сейчас его не устраивает? – удивленно спросил Никита.

- Отсутствие жены и наследников нашей монаршей фамилии.

- Вряд ли это зависит от желания родителей, - невозмутимо отозвался Логинов.

- Вряд ли... У тебя давно семья?

- Смотря относительно чего. По календарю – немало. А по жизни – мне еще не надоело.

- Здорово! Она полячка?

- Наполовину, - ответил Никита и с усмешкой поинтересовался: – Ты что мне допрос устраиваешь?

- Нет, просто... Мы же сто лет не виделись...

- Не виделись...

Разговор замер. Появился официант, расставил тарелки, пожелал приятного аппетита. Логинов принялся за еду. Он готов был делать что угодно, даже съесть второй ужин, только чтобы Илья не спрашивал о семье и не удумал напроситься в гости. Можно было отказаться от встречи, но Никита до необъяснимого ужаса опасался, что этим и подтолкнет Макарова к

тому, что тот может появиться на пороге их с Алисой дома. А этого допустить было нельзя. Десять дней. Надо продержаться десять дней.

«Осадное положение какое-то!» - чертыхнувшись, подумал Никита. Понимая, что сам же себя в него и загнал.

- Ник, послушай, - вдруг, будто услышав его мысли, медленно, странно серьезным голосом заговорил Илья. И взгляд его сейчас уперся в Логинова и казался взволнованным и... неуверенным. – Я понимаю, что я как снег на голову... И, если бы не эта командировка, наверное, не решился бы никогда, но я давно уже думал. Столько времени прошло... Было бы враньем сказать, что меня отпустило, но, может быть, сейчас, когда жизнь в колею вошла и... разбросало так... В конце концов, дружили же мы всю жизнь... Я хочу просить тебя попробовать снова общаться.

- Ты думаешь, мы сможем общаться, как прежде... после всего? – так же серьезно спросил Никита.

- Как прежде уже и не получится, - мрачно усмехнулся Илья. Убедился. Стена действительно была – не только перед его мысленным взором. – Ты здесь, я в Питере. Да и времени немного... Но пару раз в год созваниваться, чтобы поздравить друг друга с днем рождения и отправить племяннику подарок – много времени и труда не надо. У тебя же один ребенок? Или инфа устаревшая?

- Пока один. Дочь. Кстати, угодить с подарками ей непросто, - сказал Никита и подумал, что уже несколько лет просто спрашивал Соньку, что она хочет, и тихо удивлялся ее просьбам – не спросил бы, снова б не угадал.

- Познакомишь?

- У нее еще школа, времени свободного немного. Посмотрим... - уклончиво ответил Логинов.

- Ясно, - кивнул Илья, прекрасно понимая, что ничего не будет. В дом его не пустят. Не простили. И не простят никогда. Потому что если для него самого это не перестало иметь значение, почему для Логинова должно перестать? Наивно полагать, что вина стирается с течением времени. Даже если все давно изменилось. Даже если Никита сумел полюбить кого-то другого и построить семью – ему, Макарову, в этой семье делать нечего даже в виде далекого русского дяди. Не то что близкого друга.

Наверное, это было справедливо.

Конец ужина вышел смазанным – что называется, ни о чем.

Возвращаться в номер не хотелось, и после ухода Логинова Илья еще долго сидел – теперь уже у бара. Спать отправился только под утро, не зная, получится ли уснуть. Впервые за последние двенадцать лет он осознанно постарался вернуться к прошлому, хотя вслух ничего так и не было произнесено. Главного никто никогда вслух не говорит.

Может быть, оттого все так и случилось, что Илья много болтал когда-то. С тех пор молчит.

Заснуть все же удалось, но сны были тревожными. Ему все казалось, как когда-то давно, что стоит протянуть по подушке руку, коснешься пушистой влажной головки. Но именно потому и не протягивал. Даже во сне.

Устало массируя затекшую шею, Алиса наблюдала, как веселый утренний дождик, радугой переливаясь в лучах утреннего солнца, громко бьет по сочным листьям-лопухам огромной катальпы, растущей под самым окном комнаты, которая была чем-то средним

между гостиной и кабинетом.

Накануне Никита вернулся поздно, сердитый и озабоченный. Шумно ввалился в спальню, бросив открытой дверь.

- Случилось что-то? – сонно спросила Алиса.

- Обязательно должно что-то случится? – рявкнул он, сдергивая с себя пиджак.

- По тебе видно...

- Да по тебе тоже очень многое видно! – теперь он зло рассмеялся и сел на кровать, та прогнулась по его весом, а он стал стаскивать брюки.

- Нашел время, - вздохнула она.

- Что? Не нравится?

- Не очень.

- А что нравится? – Ник обернулся и рванулся к ней, нависнув над ее телом. Склонился так низко, что его горячее дыхание опалило ее кожу. – Вот просто возьми и скажи, что тебе нравится?

Она не ответила, снова вздохнула. Смотрела ему в лицо, слабо освещаемое светом из коридора. Глаз не видела, но видела плотно сжатые губы. В голове слабо заворочалась мысль, что ей его жалко, и Алиса отвернулась.

Логинов быстро поцеловал ее шею, спустился ниже, к груди, прикрытой шелком сорочки, прикусил сосок. Хрипло выдохнул и перекатился на спину. Больше ничего не говорил, и дыхание его постепенно становилось тише, пока совсем не успокоилось.

А Алиса, проворочавшись около часа, в конце концов, поднялась и ушла в ту самую полугостиную-полукабинет, где и просидела до самого утра в обнимку с ноутбуком под аляповатым абажуром, расписанным ею еще в бытность учебы в Политехнике. Результатом предутренних бдений стала беседа, о которой давно разглагольствовал хозяин дома, где Логиновы снимали одну из четырех квартир, на втором этаже, а сам владелец дома располагался на первом, по диагонали от них, и был неопасно помешан на своем саде, разбитом еще его прадедом вокруг дома и усердно хранимым каждым поколением.

Когда она добрела до кухни, оказалось, что Ника уже нет. Включив кофеварку, равнодушно подумала, что он к ней даже не заглянул с утра. В последнее время, чем реже они пересекались, тем спокойнее она себя чувствовала. И все чаще Алису посещали мысли о разводе, который должен бы стать облегчением для них обоих. С каждым днем, месяцем, годом они лишь сильнее загоняли себя в угол безысходности. Никита отвлекался на стороне, Алиса делала вид, что ни о чем не догадывается, избегая сцен и истерик. Не в ее праве требовать от него верности. И все же она бы слукавила, если б сказала, что ее это не волновало. Ранило – с самого первого дня и до вчерашнего вечера. Самая последняя дурочка поняла бы, что означает «много работы» и «буду поздно». Но, стоило признать, ночевал Никита всегда дома. Наличие жены обязывало. Алиса прекрасно понимала это, и понимала, что мешает ему построить другую жизнь, где он сможет найти счастье, которого она никогда ему не даст.

Аромат кофе, распространившийся по кухне, вернул ее к действительности. Еще через несколько минут в помещение прошлепала босая и растрепанная Соня.

- Проспала, - звонко сообщила она со своим легким акцентом и нырнула в холодильник, чтобы вынырнуть с бутылкой молока.

- Ну молодец! – отозвалась Алиса. – А кто убеждал, что взрослая, ответственная и все сама?

- Ну так ведь взрослая, ответственная и все сама! – расплылась в широкой улыбке девочка, открутила с бутылки крышку и хлебнула молоко прямо из нее. – Уже почти выхожу.

- Пончик съешь! Лучше два, - сказала мать, прекрасно понимая, что Сонька все равно сделает по-своему. С унаследованным упрямством Алисе удавалось бороться с огромным трудом, и сегодня определенно не тот случай, когда у нее есть на это силы.

- В школе съем! – отмахнулась Софья Куликовская и умчалась одеваться.

Перед самым выходом еще раз залетела на кухню, поцеловала мать в щеку, схватила со стола приготовленные пончики. И так же стремительно вылетела. Училась она в паре кварталов и почти с самого первого дня в школу ходила самостоятельно. Независимость ее характера поистине впечатляла. Особенно если вспомнить, сколько ей лет. Но к этому времени она говорила уже на трех языках. Дома – по-русски. Вне дома – по-польски. Английским владела свободно. А теперь бредила еще и испанским. Собственно, для того в языковой лагерь и отправлялась к удовольствию отца и сожалению Алисы. Но запрещать ей что-либо было действительно крайне затруднительно.

Оставшись в одиночестве, Алиса некоторое время уныло смотрела в чашку. Снова мимолетно мелькнула мысль о разводе – как отнесется к этому Сонька? Что важнее – удобство дочери или чувство безнадежности, живущее где-то глубоко внутри, там, откуда всегда приходила боль.

Задерживаться на безответных вопросах Алиса не стала. Выплеснув остатки остывшего кофе в раковину, принялась собираться на встречу. Бессонная ночь накануне важных переговоров с возможным в будущем клиентом заставила пристальнее отнестись к собственному виду. Впрочем, недолго. В результате некоторых размышлений и сборов она натянула любимые узкие джинсы, сделав исключение и надев к ним строгую офисного покроя блузку бледно-зеленого цвета. Привычно уложив лохматость на голове, схватила необъятных объемов сумку, сунув в нее ноутбук, и вынеслась из квартиры.

Со словами извинений, Куликовская влетела в малый конференц-зал, где пан Скорупа всегда проводил предварительные встречи всех заинтересованных лиц.

- Да не спешите, пани Куликовска, - рассмеялся пан Скорупа. – Присаживайтесь, нашего гостя еще нет. Кшиштоф звонил, будут через пять минут. Пан Макаров немного задерживается.

Удивившись, Алиса вскинула брови. И только свежая мысль, что клиент – из России, а Макаровых в России немногим меньше Ивановых, заставила ее улыбнуться. Она плюхнулась на диван, выудила из сумки сначала ноутбук, а затем длинный узкий красный шарф и дважды обмотала его вокруг шеи.

- Это человек, который будет вести проект с российской стороны? – спросила Алиса, поправляя хвосты шарфа на груди.

- Берите выше! – отозвался юрист, Филип Гловач. – Президент компании «Sky Tower». У них сеть торговых центров в России. Масштаб, при котором есть, где разгуляться.

Алисины брови снова взлетели вверх. У любого президента тьма тьмущая тех, кому по статусу положено заниматься подобным.

- А с кадрами, видимо, сложно, - улыбнулась Куликовская. – Или трудоголик. Что тоже не внушает оптимизма.

- Ну отчего же? – рассмеялся пан Скорупа. – Нам как раз внушает. Поглядим, сколько этот энтузиаст продержится в ритме, который вы задаете.

- В том-то и дело! Пойди разбери этих президентов...

- Сработаетесь, пани Куликовска. За те деньги, что мы намерены отхватить – сработаетесь.

- Может, все-таки кого из своих назначите? – Алисе, привыкшей к полной свободе действий, действительно не улыбалось подстраиваться под какого-то неведомого президента, решившего то ли отвлечься, то ли развлечься. Еще и русского. – Почему я?

Пан Скорупа переглянулся с паном Гловачем. В конференц-зале присутствовал еще и главный экономист «ArchSpace». Вот он-то и расхохотался.

- Ваша слава идет впереди вас, - заявил он, потянувшись за минералкой. – Помните гостиницу в Москве? Корабль? «Подайте мне того, кто делал этот корабль» - это я цитирую.

- Черт! Вот знала я, что не надо было браться за тот московский проект, - сердито фыркнула Алиса.

- Ну вы же нас не бросите? – жалобно протянул Филип и деланно приподнял брови. Последние пару лет он ухаживал за Куликовской, но не так настойчиво, чтобы это стало неприличным или навязчивым.

- А у меня есть варианты? – вздохнула Алиса. – Все знают о даре убеждения пана Скорупы.

Лешек Скорупа, внешне походивший скорее на боксера-тяжеловеса, чем на архитектора, и отлично знающий себе цену во всех отношениях, довольно хмыкнул. И вовремя. Потому что дверь в это мгновение открылась. Раздался голос Кшиштофа:

- Панове, а вот и мы. Пан Макаров, проходите, пожалуйста.

И реальность, наконец, сместилась.

В конференц-зал вошел мужчина в темно-синем костюме в мелкую полоску и в галстук в тон, контрастировавшем со светло-голубой рубашкой. Высокий. Выше присутствующих. С откинутой со лба светло-русой челкой и непроницаемой улыбкой на лице. Поправил очки на переносице. И негромко проговорил голосом, который Алиса так и не смогла забыть:

- Доброе утро, панове, прошу прощения за опоздание.

Первым желанием Алисы, едва она услышала Макарова, было бежать, сломя голову, и из офиса, и из компании в целом. Вторым, когда она смогла его хотя бы немного разглядеть, стало затаиться на диване, предоставив переговоры Скорупе и Гловачу. И никак не могла взять в толк – как так получилось, что из миллионов возможных вариантов, здесь сейчас рядом с ней находится Илья. Более того, требующий ее в качестве архитектора. Что причина и где следствие ее уставший мозг определить не смог. И потому она лишь смотрела на него, пыталась отвести взгляд и снова возвращалась к его лицу, отчаянно сохраняя спокойствие на своем.

Они все что-то говорили, кажется, представляясь. Кшиштоф переводил. И его монотонный голос начинал казаться странным звуком из другой вселенной. До единственного мига, когда Макаров бросил взгляд на диван, где притихла она. Ее представить еще не успели. Потом глаза его заскользили дальше по комнате. Но это длилось секунды. Он вздрогнул. Резко, крупно, всем телом – и уставился прямо на нее. Подался вперед и так и замер.

- А вот та, из-за которой мы все здесь и собрались, - бодро говорил пан Скорупа. – Пани Алиса Куликовска. Талантливый архитектор и один из лучших специалистов не только во Вроцлаве, но и в Польше.

Макаров обернулся к нему и голосом, совсем другим, чем тот, которым он разговаривал минуту назад, проговорил:

- Как?

- Пани Куликовска, - повторил Лешек.

Илья снова затравленно, из последних сил пытаюсь держать себя в руках, посмотрел на диван. Женщина, сидевшая на нем, не могла... не могла быть... Она присвоила себе ее лицо, ее имя, ее глаза... но не могла быть, потому что той нет... И взгляд его снова заметался по всей ее фигуре. Маленькая, тонкая, бледная... едва ли менее бледная, чем он сам сейчас. Темно-русые с рыжинкой прядки прикрывают лицо... Будто она отгораживается этими прядями. От него?

Макаров сглотнул, поднес руку ко лбу, но одернул ее. Молчал. Ему казалось, что если скажет хоть слово, то взорвется.

- Пан Скорупа преувеличивает, - донеслось до него. – До лучших специалистов мне еще расти и расти. Но кое-что у меня получается.

Кое-что у нее действительно получалось. Например, выжить там, где обычно не выживают.

Среди горы трупов оказаться в числе четверых счастливых, которые с разной степенью повреждений были доставлены в ближайшую больницу. Среди обгоревших тел не получить ни ожога, кроме нескольких мелких осколков, вонзившихся в руки да одного небольшого шрама. Удариться головой, но не увидеть собственного мозга, растекающимся по полу.

Алиса выжила. Пришла в себя.

Спустя трое суток после аварии она пришла в себя.

Открыла глаза, с удивлением разглядывая людей в белых одеждах, появляющихся в поле ее зрения, комнату – чистую и светлую, в которую заглядывало яркое солнце. Такое яркое, что Алиса зажмурилась, теперь слушая неспешную суету вокруг себя.

«Павел Петрович! Павел Петрович! – донесся до нее тихий вскрик. – Скорее идите!»

И еще через мгновение солнце ей заслонила тень.

Алиса снова открыла глаза, увидела перед собой мужчину средних лет с умным и строгим лицом. И подумала, что, если его спросить, он обязательно все объяснит.

«Где я?» – прошептала она.

«В больнице, но все уже хорошо. Вы ударились. Помните?»

«Нет».

«Вы ехали в Пермь... Автобус столкнулся с бензовозом. Сейчас вы в больнице – были без сознания, но ничего серьезного».

«В Пермь? Зачем? Я там живу?»

Доктор нахмурился. Потом лицо его разгладилось, и он мягко произнес:

«Автобус был из Москвы... Нужно сообщить вашим близким... Вы помните, кому?»

Алиса нахмурилась точно так же, как и Павел Петрович. Долго молчала и шевелила губами.

«Не помню, - шепнула она, посмотрев на доктора. – А я кто?»

Он кивнул. Озадаченно глянул на стоявшую рядом медсестру. Потом снова заговорил:

«Это мы в ближайшее время узнаем. Родственники все равно обращаться будут... Вы не волнуйтесь».

Она часто заморгала, ощущая волну беспокойства. Силилась вспомнить имя, свое имя – не получалось.

«Кто я?» – повторила она свой вопрос, всхлипнув.

«Тише, тише, тише! – заговорил доктор, чуть наклонившись к ней. – Все хорошо. Вы живы, с вами все в порядке... А остальное все – оно вернется. Вы отдыхайте, спите...»

Павел Петрович говорил так мирно, что она как-то сразу успокоилась, поверив ему. И в скором времени действительно многое вернулось. Не все, как ей бы того хотелось, а может, о чем-то не стоило вспоминать. Она точно знала, что никогда в ее жизни не будет, как прежде. Но есть шанс устроить все по-новому. Потому что так, как раньше, уже не бывает.

Только вот теперь она смотрела в лицо своему прошлому, и губы ее произносили слова, которые правильно было произносить. И едва ли сама понимала, что говорит.

Илья Макаров медленно шагнул к ней и, поведя головой чуть назад, выдавил из себя, тоже едва ли понимая, о чем:

- Гостиница «Палас» ваших рук дело?

- В одиночку такие проекты не делаются, пан Макаров, - ответила Алиса.

Сглотнул. Спыхватился. Дикий взгляд постепенно начинал становиться осмысленным. Протянул ей руку и глупо проговорил:

- Здравствуйте.

- Добрый день, - проговорила она, глядя на его протянутую к ней руку. Протянула в ответ свою и, едва коснувшись пальцами его ладони, быстро отняла ее.

Теперь Макаров молчал. Буравил ее взглядом и молчал. И бог знает, на сколько времени затянулось бы это молчание, если бы не включился заметно хмурившийся пан Скорупа и не сказал:

- Может быть, приступим, панове? У нас работы много – не на один час. Присаживайтесь, пан Макаров.

Илья вздрогнул, придя в себя, выслушал переводчика и посмотрел на поляков. Молча сел. И стал смотреть прямо перед собой. Потом, словно сквозь толщу воды, до него донеслось:

- Pani Kulikowska też może dołączyć[1].

Слабо улыбнувшись Скорупе, Алиса прошла к столу и повернулась к Макарову. Сохраняя внешнее спокойствие на лице и заставляя себя дышать ровно, она сказала:

- В общих чертах меня ознакомили с вашими пожеланиями в отношении будущего центра. Но, возможно, есть что-то еще, что вы хотели бы обговорить заранее? От чего будет зависеть мое участие в проекте.

- В проекте? – переспросил Макаров, с трудом соображая, о чем речь. О каком проекте вообще может быть речь? Опустил глаза, скрывая замешательство, потом потянулся через стол за минералкой, запоздало глянул на Скорупу, когда уже наполнил стакан: - Можно же? – и, получив утвердительный кивок, снова посмотрел на Алису. На Алису. На его лице появилось слабое подобие улыбки, которая по-прежнему выглядела затравленной, но он все же заговорил: – Ваше участие... для меня решено. Если вы можете приступить в ближайшее время, будет идеально для нас...

Алиса кивнула, и Скорупа удовлетворенно крякнул.

- Тогда дальнейшее – дело юристов, - довольно сказал он.

- Прошу прощения! – вдруг перебил его Макаров и резко встал со своего стула. – Кажется, я несколько переоценил свои силы после вчерашнего перелета. Вынужден просить перенести все обсуждения на завтра. Юридические тонкости хороши, когда они на свежую голову...

- Безусловно, пан Макаров, - согласно закивал Скорупа, дождавшись перевода. – Если в

целом все согласны, думаю, любые формальности и нюансы будут улажены.

- Будут, - кивнул Илья.

Невнятно попрощался и вылетел прочь, не оглядываясь и не медля ни мгновения. Кшиштоф кинулся следом. Странного клиента еще до дома следовало довести без последствий.

- И что это было? – протянул Филип Гловач. – Кажется, он списан с соревнований уже на старте, пани Куликовска. Делайте с ним, что хотите.

- А если я не хочу... – пожал плечами Алиса, собирая сумку. – Я тоже пойду, пан Скорупа? Если возможно, завтра обсудите все без меня. Ваши условия меня всегда устраивали.

- Едва ли он захочет обсуждать без вас ваш проект, не находите? – отозвался Лешек. – Ваше присутствие обязательно. Вдруг у него какие-нибудь особые предложения будут?

Алиса вздохнула.

- Все-таки у вас дар убеждения, - с усмешкой сказала она.

- Годы практики, только и всего, - с совершенным удовлетворением ответил он.

[1] Пани Куликовска тоже может присоединиться.

Улицы вокруг шумели ревом автомобилей, разговорами людей, бесконечными шагами, превращающими пространства в километры, но едва ли он был способен воспринимать звуки как-то иначе, чем словно из-под стеклянного колпака, надетого на него, как на паука, который ползает по его стенкам. И как тот паук, он никак не мог найти выхода. Без шансов.

Психодел какой-то.

Кшиштоф помалкивал и смотрел на дорогу.

Макаров силился проснуться, но с удивлением обнаруживал, что не спит. Впрочем, было бы странно, если бы это был сон. Так она никогда ему не снилась. Только фрагментами. То локон над ухом, то скольжение пальцев по его ладони, то маленькая складка у ее губ, когда она улыбалась. Ранняя складочка, от которой ему иногда выть хотелось даже во сне. Странно, но он помнил наощупь ее кожу... Эти фрагменты мучили его недосказанностью. И рад был бы увидеть ее всю, да невозможно. За двенадцать лет поистерлось. Узнавал только с фотографий.

Фотографий осталось много, их он берег – рука не поднималась избавиться. Доказательство того, что она была.

И вот теперь женщина, которая звалась, как она, говорила, как она, выглядела, как она, и даже пальцы... Пальцы были ее. Тактильная память, твою мать... Он об этой памяти просил? Чтобы самому себе казаться сумасшедшим?

Они подъехали к гостинице, и Макаров, пока Кшиштоф парковался, негромко проговорил:

- Завтра за мной заезжать не нужно. Чувствую себя как при личном шофере, а это неудобно.

- Это нормально, пан Макаров, - удивился Кшиштоф. – Мне поручено, я и езжу.

- Вот и заканчивайте. Сам доберусь, не маленький. Такси для чего-то же существует.

- Как скажете.

Потом он поднялся в свой номер, закрылся, распахнул окно и втянул носом теплый июньский воздух. Лето. Совсем другое, чем в Питере. И небо тоже другое.

Небо...

Чувствуя, как по мозгам начинает бить неконтролируемый ужас пополам с яростью, спохватился. Полез в карман. Достал сигареты и зажигалку. Закурил, не надеясь на облегчение, но в отчаянной попытке удержаться на этом краю. В той же попытке вынул и телефон – лишь бы что-нибудь делать. Уставился в экран – на собственное отражение. И мрачно хохотнул. Было отчего хохотать – хоть до слез, хоть до болей в груди.

Через мгновение он уже слышал в телефоне чрезмерно громкий голос своего зама:

- Между прочим, ты мне мешаешь устраивать разнос в финотделе.

- Между прочим, у нормального руководителя отделы и без разносов благополучно функционируют.

- Макарыч, ну не жри, а!

- Ладно, ладно... Все хоть в порядке?

- Да вроде...

- У меня к тебе просьба, Юр.

- У?

- Нужно пробить информацию по одному человеку. Сможешь?

- Смотри о ком речь. Что за тело?

Макаров перевел дыхание, выпуская сигаретный дым изо рта. Вцепился пальцами в створку окна, продолжая сжимать сигарету. Глотнул воздух, будто собирался надолго остаться без него. И выдрал откуда-то изнутри:

- Алиса Куликовская, архитектор. Откуда, где училась, где работала... В общем, что найдешь.

И сам не понял, как так вышло, что произнес без запинки, что голос был ровным и спокойным, даже немного вялым, будто наглотался антидепрессантов.

- Как срочно?

- Поскорее бы... Но по свободе, Юр.

- Будет сделано. А это кто вообще?

- Корабельных дел мастерица.

- Ааааа... А самому пообщаться – не?

- Можешь смело записать меня в перестраховщики.

- Ладно, понял.

Юра отключился. Илья еще некоторое время смотрел прямо перед собой, зачем-то продолжая прижимать телефон к уху. Потом развернулся и подошел к кровати. Обнаружил пепельницу на небольшом столике. Затушил сигарету.

Ему казалось, что задыхается. Он слишком хорошо понимал, что это такое – задыхаться. Нет, не в безвоздушном пространстве, когда молишься на глоток кислорода. А от удавки.

Потянулся к шее, расслабил галстук. Ненавидел галстуки, носил их крайне редко и только на официальные встречи, когда иначе нельзя. Но будь его воля – запретил бы их законом.

В конце концов, стащил с себя удавку через голову. И закрыл глаза, тут же вновь наблюдая фрагменты. Завиток на виске. Изгиб ресниц. Радужка глаза, внутри которой океан. Уголок губ. И все это никак не складывалось вместе. Не желало. И от этого становилось страшно, как когда-то однажды уже было.

Макаров помнил еще. Слишком хорошо помнил, что такое страшно.

Когда свет превращался в мелкие фрагменты, закрашиваемые чернотой, когда все

сужалось до узкой щели, в которую воздух уже не поступал, но языки пламени отчаянно мелькали среди тьмы, окружавшей его. Свист в ушах помнил. Помнил собственную тяжесть, когда казалось, что тело – это камень. И ненавидел его, тянущее вниз.

А еще он точно помнил мгновение, когда сознание начало ускользать. Он и не цеплялся за сознание. Он вообще ни за что не цеплялся. Если бы только чьи-то руки не вцепились в него, вырывая из черноты. Эти руки растягивали узел на его шее, больно, отчаянно хлестали по щекам. Потом ненадолго отпустили, чтобы начать громко сметать на пол пузырьки из шкафчика, такого же древнего, как и его содержимое.

Надежды Валентины Павловны оправдались. Еще через секунду воздух ванной до рези в глазах наполнился запахом нашатыря. Илья дернулся всем телом, открыл глаза, открыл рот и стал, как рыба, хватать воздух, почти ничего не видя перед собой, кроме яркого света. По лицу потекли слезы – боль раздирала. Горло раздирала боль. Кашель вырывался – собачий, жалкий. От него и согнулся пополам здесь же, на полу.

Мать опустила рядом с ним, положила его голову к себе на колени и гладила по волосам. Как когда-то давно, в детстве, когда укладывала спать. Гладила, пока говорила по телефону. Пока ждала тех, кому звонила. Пока замирала, прислушиваясь к его хриплому дыханию. А рука продолжала гладить.

Вскоре он перестал чувствовать что-то еще, кроме этих прикосновений. То ли снова потерял сознание, то ли просто уснул. Но материнские ладони на своей голове ощущал. И запомнил – навсегда.

В следующий раз он пришел в себя уже в родительском доме, в комнате, в которой вырос. Под тихие всхлипы Бруновны, сидевшей в его изножье. Потом ее выгнали. Отец выгнал. Не желал, чтобы его оплакивали. Разве оплакивают живых?

Несколько раз приходил семейный доктор, Артем Федорович. И тогда в комнате звучал его тихий успокаивающий голос, к которому Илья не прислушивался, просто думал о том, как он течет и переливается в тишине.

«... борозда, конечно, долго заживать будет... но это ерунда, лишь бы перелома позвоночника в шейном отделе не было... он и в петле-то пробыл минут пять, не больше, в себя пришел быстро... сейчас пусть спит... после рентген сделаем... все хорошо, страшное позади... говорят, и хуже бывает... за сутки должен совсем очнуться».

О том, что совсем очнулся, Илья не говорил. Как и о том, что худшее позади не остаётся. Впереди самое страшное – учиться жить заново. Но вот борозда заживала действительно долго – темнела, покрывалась коркой, становилась жесткой, болела. Он тогда долго носил водолазки под горло.

Через неделю они с матерью уехали в Германию. Еще через несколько дней к ним присоединился отец. Там Илья Макаров провел два года, будто бы заново учась ходить, говорить, видеть и слышать. Как если бы в его теле появился другой человек.

Только и этот человек никогда не забывал того, что, начавшись, никогда не закончится – бесконечная любовь и бесконечная вина. С этим он прожил двенадцать лет.

Макаров негромко хохотнул. Посмотрел на часы – время детское. Не поздно еще надраться до состояния оупения. Но очень давно он научился решать проблемы иначе, чем с помощью алкоголя.

Алиса Куликовская жива.

Алиса Куликовская была жива все эти годы.

И с этим ему тоже предстоит научиться жить.

Странные дни

Несмотря на предыдущую бессонную ночь, в эту Алиса тоже не спала. Ворочалась с боку на бок, смотрела на спину мужа, вечером неожиданно заявившегося раньше обычного и устроившего почти семейный ужин, которых у них давно не было. В любое другое время Алиса отнеслась бы к этому благодушно, но вчера, после дневной встречи в офисе с Ильей, она еле сдерживалась, чтобы не закричать. Односложно отвечала на многочисленные вопросы Ника и поймала его удивленный взгляд, когда сказала, что окончательного решения по контракту пока нет.

Отказавшись от чая, она буквально сбежала из кухни. Устроилась в кабинете и смотрела в ноутбук, в котором ничего не видела. Терзалась вопросом – должна ли сказать Нику, что Илья в Польше, во Вроцлаве. Что именно он заказывает этот чертов центр. И опасалась его реакции. Они никогда не говорили об Илье. За все двенадцать лет – ни разу. Словно Макаров стал запретной темой для обоих. И за это Алиса была благодарна Никите – он умел не бередить. А ей казалось, что забыто и похоронено, как когда-то она сама. Но сегодняшняя встреча все перечеркнула одним махом – не отболело, было живым все это время, чтобы теперь появиться в ее настоящем. И весь ее замок, который она строила по кирпичику, оказался из песка, рассыпавшись в то самое мгновение, когда Илья вошел в конференц-зал.

Спустя столько времени видеть его снова, слышать голос, чувствовать тепло руки. Он был совсем другим, не таким как она его помнила, если только память не разыгрывала перед ней странной шутки. Первые несколько лет она радовалась, что не умеет рисовать людей – иначе завалила бы себя его портретами. Но он оставался лишь в памяти, всегда веселым и довольным. Не считая их последней встречи, которая не забывалась, несмотря на все усилия Алисы убедить себя, что с каждым днем, месяцем, годом все становится неважным.

Из воспоминаний ее выдернул Никита. Он вошел в комнату, когда было уже поздно. Выглядел не слишком весело – иначе, чем за ужином. Подошел ближе, присел на стол перед ней и коротко спросил:

- Спать-то идешь?

Алиса подняла глаза. Почему она так и не полюбила его? Столько лет прошло, посвоему спокойных и счастливых. Но испытывала лишь жалость, и чувствовала болезненное желание, чтобы пожалели ее. Да к черту тех, кто считает это унижительным! До сорванных голосовых связок она хочет просить, чтобы ее пожалели. Утешили.

- Иду, - устало кивнула она.

- День был трудный? – вопрос прозвучал почти заискивающе. Когда-то давно Логинов интересовался ее делами, ее днями, тем, что беспокоит ее каждую минуту жизни. Потом то ли приелось, то ли осознал бесполезность этих вопросов. И иногда, если вспоминал, спрашивал будто на автомате. Как когда фраза «я тебя люблю» становится просто заменой «доброе утра». И давно ничего не значит.

- Очень. Кажется, самый трудный день.

Он наклонился к ней, коснулся носом ее лба, легко провел губами по лицу и тихо шепнул:

- А хочешь массаж?

Алиса кивнула. Сложила руки у него на коленях и склонила голову. Если бы только выбросить из нее все мысли! О Никите, который двенадцать лет делал для нее возможное и

невозможное. Об Илье, который за три месяца перевернул ее мир и потерял интерес к этому перевертышу.

Что значат три месяца против двенадцати лет?

Что значат двенадцать лет против трех месяцев?

Логинов встал со стола. Обошел ее со спины и опустил ладони на плечи. Чуть сжал. Начал понемногу массировать. Легко касался большими пальцами затылка и проводил ими по спине. Нажимал, хорошо зная, на какие касания отзывается ее тело. И постепенно опускал руки ниже, задевая ребра и пробираясь ладонями к ней под футболку. Потом снова наклонился и припал горячим ртом к шее, быстро целуя и проводя по коже языком.

- Пойдем, - прошептал он, и этот его тон знала уже она.

- Пойдем, - отозвалась Алиса, подставляя под его губы лицо.

Логинов легко подхватил ее со стула на руки, впился поцелуем в мягкий теплый рот и понес в их спальню. И там, в постели, каждым своим движением будто бы утверждал свое право владеть ею. Как давно уже не было, как она давно уже отвыкла. Впивался в нее почти яростно и будто бы снова, в который раз, пытался сломить ту стену, что не была сломана двенадцать лет назад.

Потом Никита мирно спал, пока Алиса ждала утра, варила кофе, придумывала, чем бы отговориться от присутствия на переговорах. А разглядывая спокойное лицо мужа и слушая о новом аквариуме для Ахатинских, про который говорила Соня, смирилась с необходимостью поездки в «ArchSpace».

И, наверное, это утро можно было бы назвать самым обычным, если бы чуть позже Алиса не поймала себя на занятии, которое никогда не входило в ее привычки – она придирчиво выбирала сегодняшний наряд.

Поэтому назло себе она заявила в офис на двадцать минут раньше положенного времени в широкой юбке до пят, цветастой индийской блузе, но с неизменной старательно созданной лохматостью на голове. По этой самой лохматости и потрепал ее фамильярно Гловач, едва она вошла. Немного старше Алисы, невероятно долговязый, но при этом все-таки складный, он излучал неумную энергию в каждом своем жесте, и с ним никогда не бывало скучно. Он умел насмешить, но при этом не казался шутком. И всегда балансировал на той грани, после которой человека хочется послать далеко и надолго.

- Как настроение у пани Алисы? – весело поинтересовался Филип, откровенно любуясь ею.

- Замечательное настроение у пани Алисы! – улыбнулась она ему.

- Заметно! Выглядите живописно.

- Правда? Ну это все вдохновение.

- И откуда оно у вас берется в таком количестве? Лешек вам завидует, только я вам этого не говорил.

- У меня? – удивленно переспросила она. – Конечно из дома, Филип! Тихий вечер в семейном кругу – что может быть лучше?

- Например, бурная ночь с любовником, - расхохотался Гловач, подходя к столу и отодвигая для нее стул.

- Ну вам виднее, - рассмеялась вслед за ним Алиса.

- Пока никто не жаловался. Присаживайтесь. Пока никого нет, может быть, кофе?

- Можно и кофе, - она расположила на соседнем от себя стуле мешок, именуемый сумкой, и извлекла из него плитку шоколада. Ее любимый, его всегда подсовывала Сонька. –

Хотите?

- Нет, спасибо. Подождете немного? Я найду секретаршу для кофе, Лешека для тумачов, что задерживается, и Кшиштофа, который до сих пор не отзвонился, приедет ли. Подстрахуете нас в качестве переводчика в случае чего?

- Только если внесете это в контракт в качестве премиальных.

- Мы когда-нибудь вас обижали? – театрально удивился Гловач и вышел.

Оставшись одна, Алиса посмотрела на закрывшуюся дверь. Насколько было бы лучше, если бы никого и не было. Ни Лешека, ни Кшиштофа, и уж тем более Ильи. Как ей с ним общаться? Как ей вообще себя с ним вести? И где взять сил и терпения... И как долго они ей понадобятся...

В коридоре раздались шаги. Сейчас явится Лешек и начнет давать поучения, как и что сделать в свете выгоды для его компании. Дверь снова дернулась. Распахнулась. На пороге нарисовалась секретарша, приветливо бормотавшая по-польски и умоляющими глазами глядящая на Алису.

- Вы приехали немного раньше, пан Макаров. Сейчас все соберутся.

Он кивал, хотя, естественно, мало что мог разобрать в ее быстрой речи. Но глядел из-под очков прямо перед собой – на Алису. Глядел остро, пронзительно, лихорадочно скользя взглядом по ее лицу, по блузе, видной из-за стола, по рукам в широких ярких рукавах. И точно так же, как накануне, не мог оторваться от нее.

- Пани Куликовска, где Кшиштоф? – беспомощно спросила секретарша.

- Он не меня должен сопровождать, а пана Макарова, - пожала плечами Алиса. – Наверное, скоро будет.

- А вы можете спросить, будет он кофе или чай?

- Агнешка спрашивает, хотите ли вы кофе или чаю, - сказала по-русски Алиса. – И, кстати, здравствуйте, Илья Евгеньевич.

Макаров выдохнул, медленно растянул губы в улыбку, а из его глаз ушел странный блеск, который был еще мгновение назад. Прошел к столу и сдержанно, будто ничего не было, проговорил:

- И вам доброе утро, Алиса Владимировна. Я по-прежнему пью кофе. Мы сегодня первые?

- Филип ушел на поиски всех остальных, - сказала она Илье и объяснила Агнешке про кофе. Пронаблюдала, как та выскользнула за дверь. А потом взгляд ее упал на шоколад. – Хотите?

Он посмотрел на плитку. Так, словно бы не верил в то, что видит перед собой. Потом быстро улыбнулся, облизнул губы и сел за стол напротив нее.

- Нет, спасибо. Я сильно рано, да?

- Это важно?

- Неважно. Но она суетится. Это бросается в глаза.

- Просто Агнешка прекрасно знает, что ей устроит Лешек, если вы хоть чем-то останетесь недовольны.

Илья усмехнулся и потер лоб. Он все еще не понимал, что происходит. И нереальность этого разговора ставила его в тупик. Нужно было спросить что-то нормальное, из обычной жизни. Но что? Как можно спрашивать, если в голове вертелось одно единственное: «Это ты? Это правда ты?»

Макаров снова сел ровно и резковато поинтересовался:

- Мой вчерашний уход был подвергнут анализу?

Алиса внимательно посмотрела на Илью. Когда-то он утверждал, что не хочет быть похожим на своего отца. Но ей вдруг показалось, что перед ней сидит Евгений Степанович. Великий и могучий.

- Если и да, то мне об этом ничего не известно, - ответила она. – Я ушла. Мне нужно было домой.

- Домой? Вы давно здесь? – живо спросил он, но было поздно. Алиса ответить не успела.

Дверь в который уже раз распахнулась, и в конференц-зале показались, словно трое из ларца, основные действующие лица переговоров. Пан Скорупа, пан Гловач и пан Заремский, вооружившийся блокнотом и калькулятором. Следом семенила Агнешка с подносом.

Потом было приветствие. Повторное. Макарову казалось, что это отрепетированное повторение вчерашнего спектакля за тем исключением, что сегодня обошлось без сюрпризов. Хотя и было странно. Он самого себя не понимал. Ему все еще казалось, что происходящее – какой-то сон.

Вслед за энергичными приветствиями пан Скорупа удрученно проговорил:

- Кшиштоф схватил простуду. Лежит с температурой и едва разговаривает. Пани Куликовска, вынужден вас просить...

Алиса кивнула и с усмешкой глянула на Филипа. Гловач только развел руками и пробасил:

- Прописать в договоре отдельным пунктом? Или лучше кровью на стене?

- Чернилами, Филип, чернилами, - ответила она и выжидающе посмотрела на Скорупу, мечтая лишь о том, чтобы все это поскорее закончилось.

Скорупа скривился и негромко буркнул:

- Вам, пани Куликовска, впору и с ним торговаться. У вас лучше нас вместе взятых получится. Будут вам премиальные. Те, что не получит Кшиштоф.

Макаров выразительно кашлянул и, глядя в упор на Алису, нетерпеливо спросил:

- О чем речь?

- О моих премиальных, пан Макаров, - пояснила она.

- Сверх гонорара от «Sky Tower»?

- Помимо... Кшиштоф простудился, и сегодня я буду переводить.

- Аааа... - неопределенно протянул Макаров.

Пан Гловач, как накануне, разложил на столе, перед каждым, папки с договором для ознакомления.

- Если пожелаете, - проговорил он, - то можете взять для более подробного прочтения...

Это договор, с основными условиями которого вы ознакомлены. Мы консультировались с юристами «Sky Tower» и их замечания отработали. Все, что касается финансовой стороны вопроса, будет курировать пан Заремский. Он, кстати, подготовил ориентировочный расчет, хотя, конечно, все будет очень неточным до тех пор, пока мы не увидим проект на бумаге. На сегодняшний день основной задачей...

Он продолжал что-то говорить с интервалами, во время которых Алиса переводила, и Макаров делал вид, что внимательно слушает, хотя в действительности слушал он только ее голос. Слова разбирал через раз и даже уже не пытался собраться. Что толку? Он был в том состоянии, когда его можно убедить подписать любой документ – подписал бы беспрекословно, не вчитываясь, даже если бы собственноручно передавал все свое

имуущество в фонд защиты тропических лесов.

Но лицо приходилось держать, раз уж удар держать не вышло. Поляки сладко пели, придраться было не к чему. Но, прекрасно понимая, что сейчас что бы то ни было разбирать бесполезно, он только складывал подсовываемые ему графики и допсоглашения в отдельную стопку – на потом. И продолжал слушать. Голос Алисы.

И продолжал рассматривать ее. Внимательно, сосредоточенно, боясь упустить хоть что-то в ее облике. Смотрел и узнавал. И понять не мог, как это так – накануне не верил, что она. Будто бы спал и проснулся. Она. Осознание этого раздирало изнутри, причиняло боль. Но больше не повергало в ступор. Она...

Куда только делся пучок пушистых волос на голове? Подстриглась. Не совсем коротко. Лохмато, весело... Ей шло, она и теперь была девчонкой с этой стрижкой. Разлет бровей – знакомый, прежний. А вот с внешней стороны век появились едва заметные черточки. Интересно, как часто она теперь смеется? Черты лица стали четче, острее, пропали полудетские пухлость и мягкость линий. Даже губы, часто приоткрытые раньше, сейчас были плотно сомкнуты, если она замолкала.

Она.

Живая, здоровая. Будто не было этих двенадцати лет. Будто бы он не видел глаз ее матери, когда та говорила ему... Солгала? Это показалось бредом, но все вокруг давно уже напоминало бред.

Тонкая белая шея в вырезе блузки. Он с удивлением понимал, что не помнил, что шея у нее такая высокая, такая изящная... Оказывается, забылось. Вот одежда на ней сейчас была смешная. Забавная, но подходила ей странным образом. Из рукавов, широких, цветастых, выступали тонкие запястья с многочисленными браслетами, маленькие узкие ладони с длинными пальцами. Она вертела в них карандаш и иногда что-то рисовала в блокноте.

Фрагменты постепенно сливались. Становились ею. Наслаивались на воспоминания и складывались в картину. Без пробелов, без недостающих паззлов.

Только вот он никак не мог вспомнить – была ли она хоть когда-нибудь раньше так спокойна и так уверена в себе.

И точно знал, что давно, бесконечно давно сам не был столь растерян, как в эту минуту.

Когда перешли к обсуждению пожеланий, он чудесным образом умудрился ответить более или менее сдержанно, без эмоций и лишних пауз:

- У меня была старая идея, но я долгое время не знал, насколько возможно ее воплотить. Условно говоря... Есть две башни. Высокие, вроде замковых, со смотровыми площадками наверху, где будет много стекла, света, простора... И между этими площадками сделать что-то вроде... моста. Но это так, всего лишь картинка из моей головы. А рисовать я совсем не умею.

Алиса задумалась на пару минут, провела в блокноте несколько линий. Потом подняла голову и сказала:

- Я могу попробовать сделать эскиз. Вы посмотрите. Если он вас устроит – его и запустим в проект.

- Как много времени понадобится для эскиза?

- Все зависит от того, хотите вы увидеть полный эскизный проект или для начала вам будет достаточно только концепции фасада.

- Давайте начнем с концепции, а потом разберемся.

Она снова недолго помолчала.

- Думаю, к концу недели я смогу вам показать то, что у меня получится.

- Отлично! – кивнул Макаров. И легкое подобие улыбки было первым выражением благожелательности на его лице за эти два дня с той минуты, как он впервые ее увидел. Нет, отпускать еще не начало. Самому себе он напоминал зажатую до предела пружину. Одно движение – вылетит в космос.

Остаток встречи прошел для окружающих так же бодро, как и ее начало. В ходе переговоров подтянулся конструктор, который на определенном этапе должен был присоединиться к команде. Но вот его уже Макаров не заметил. Теперь он открыто и беззастенчиво смотрел в упор на Алису. Наверное, запоминал. Впечатывал в себя то, что видел. И в сотый раз спрашивал про себя: «Это ты? Да неужели это ты?»

Уже в конце к нему обернулся пан Скорупа и спросил:

- Давайте мы вам устроим экскурсию по городу, пан Макаров?

Алиса перевела.

- Нет, благодарю вас, - отозвался Илья, глядя не на Лешека, а на нее. – Я турист со стажем – люблю гулять один, не заблужусь.

- Это как вам будет угодно, - пожал плечами Скорупа. – Давайте хотя бы подвезем? Я вызову шофера.

- И этого тоже не надо. Не беспокойтесь. Когда мы встречаемся в следующий раз?

- Когда будет удобно вам. Самое глобальное мы обсудили, вы ознакомитесь с контрактом.

- Тогда дайте мне два-три дня. Я еще раз покажу его юристам.

- Разумеется! К тому времени пани Куликовска будет готова, верно?

- Я постараюсь, - отозвалась Алиса, взглянув на Скорупу.

- Хорошо. Тогда предлагаю пятницу?

- В пятницу, так в пятницу, - согласился Илья.

Очередной обмен рукопожатиями закончился выходом Макарова из конференц-зала – на сей раз в куда более спокойной атмосфере, чем накануне.

- Ладно, возвращаем его на дистанцию, - лениво резюмировал Гловач, как только шаги в коридоре смолкли.

Сегодня Алиса выходила из конференц-зала последней. Долго допивала остывший кофе, жевала шоколад, собиралась. Собирала не только вещи, но и себя. Словно из нее вслед за Ильей вышли все силы, которых должно было хватить на целый день. В блокноте стали появляться штрихи: одно длинное двухэтажное здание со скошенным торцом, напоминавшее поверженную башню, из воздуха в нее вонзался мост с покореженной арматурной оградой и погнувшимися столбами фонарей, стекла которых осыпались дождем. Чувство противоречия продолжало ею владеть, наполняя обидой и злостью.

Она с шумом захлопнула блокнот, сунула его в сумку и выскочила в коридор. Почти бежала, за ней развевалась широкая юбка, сумка больно била по бедру. И ускоряла шаг, чтобы быстрее выйти из здания и никого не встретить.

Оказавшись на улице, зажмурилась от яркого солнца и достала темные очки. Вместе с ними нацепила на лицо улыбку и, сделав шаг вперед, остановилась. Прямо перед ней стоял Илья. Сунув руки в карманы брюк, он напряженно смотрел прямо на нее. И никакой улыбки, что он еще пытался демонстрировать в конференц-зале, на его губах и в помине не было.

- Ты долго, - глухо произнес он.

- Работа, - коротко бросила она в ответ.

- Нас такси ждет. Поехали куда-нибудь.

- Нас? – нахмурилась Алиса.

- Пожалуйста.

- Зачем? Зачем тебе это?

- Хотя бы затем, что я похоронил тебя двенадцать лет назад.

- Я достаточно быстро вернулась в мир живых, - проворчала она, понимая, что отделаться от него у нее не получится. Никогда не получалось.

- Я прошу тебя, нам нужно поговорить, - упрямо гнул свое Илья, и глаза его опасно заблестели.

- Хорошо, - согласилась Алиса. – Давай поговорим.

Он напряженно кивнул, подошел к такси и открыл заднюю дверцу.

Алиса забралась в машину, чувствуя ком, нарастающий в горле. Двенадцати лет как не бывало. В голове свербело воспоминание – она, шагающая по ночной мокрой дороге, и белый BMW с наглым водителем. Макаров сел рядом. На нее не смотрел. Хмуро уставился перед собой. Сказал только:

- Я не знаю, куда ехать... В парк какой-то или... не знаю...

Алиса, ничего не ответив Илье, попросила водителя отвезти их в один из городских парков и хмуро отвернулась к окну. Дорогой ничего не говорили. Молчали. И тишина между ними с каждой секундой казалась все тяжелее. Макаров все так же глядел прямо перед собой, словно бы не решаясь оглянуться на нее, но при этом физически ощущая ее близость. Что-то в нем беспрекословно узнало ее – и это было сильнее того, что видели его глаза, и сильнее любого прикосновения.

Он размеренно дышал, ощущая ее запах, пытался вспомнить, как это было раньше.

И все еще не верил. Видел, чувствовал, знал – и не верил. Может быть, это все от бессонницы.

Когда такси остановилось, расплатился, вышел из машины и подал Алисе руку.

- Заодно и экскурсия, - пробурчал он.

- Я – не путеводитель, - равнодушно отозвалась Алиса, воспользовавшись его помощью ровно настолько, насколько это было необходимым, чтобы выйти из автомобиля.

Потом отняла руку и медленно пошла ко входу в парк. Макаров двинулся за ней, не догоняя, но и не отставая. Почти след в след. Мучительно думал, что говорить, и понимал, что не имеет представления о том, что хочет ей сказать. И что сам хочет услышать. Нечто неясное, но отчаянное рвалось из него, но выразить это словесной конструкцией казалось ему невозможным.

В конце концов, он остановился и, чувствуя себя совершенным психом, медленно, с запинкой произнес то, что уже несколько часов казалось ему самым важным:

- Алис, это правда ты?

- Твой вопрос звучит двусмысленно, - остановилась Алиса и посмотрела на него, - ты не находишь?

- Не нахожу, черт подери! – выдохнул он и в два шага поравнялся с нею. И теперь уже его ничем не прикрытый, больной взгляд впился в ее лицо. – Мне твоя мать сказала, что ты... погибла! Что бензовоз въехал в автобус, в котором ты была... Что ты... сгорела... В чем здесь двусмысленность?

Она отступила от него на шаг. Взгляд ее метался по его лицу, а мысли отражались от

прошлого, зависая в настоящем. Она разлепила губы, чтобы ответить, когда стало ясно очевидное: не задумываясь, никогда никого не спрашивая, она была уверена – если Ник знает о путанице, произошедшей с ее документами, то и Макаров должен был знать. Знать очень давно, что она жива...

А ведь она ждала, в первые месяцы она все еще продолжала его ждать. Вздрагивала на каждый звонок и новое письмо в электронном ящике.

Алиса отвернулась и, наконец, негромко сказала:

- Мама... когда я вернулась домой, мамы уже не было. Она так и не узнала, что я жива.

- В смысле? – не понял он, но дошло быстро. Лицо его исказилось на мгновение, но тут же приняло прежнее выражение, словно бы он силой заставил себя надеть маску сдержанности. – Я не знал... прости... Я видел ее в последний раз тогда еще... сразу... Потом меня... я уехал.

- Я тоже уехала, - пожала Алиса плечами. – Столько лет прошло...

- Прошло...

Макаров замолчал и медленно пошел по аллее, снова остановился и обернулся к ней. На лице его была странная улыбка. Такой улыбки она у него не помнила – с пустыми глазами и холодком. Будто из того мальчишки, которым он был, вырос совсем другой человек. Эта двойственность ставила в тупик и не отпускала.

- Прошло, - повторил он громко. – Так что случилось с бензовозом?

- Взорвался... Разве теперь это важно? – Алиса долго смотрела на него и медленно добавила: - Я все забыла.

Все забыла... Макаров внутренне содрогнулся. Он никогда ничего не забывал. Когда-то даже радовался, что может помнить. Сейчас он почти ненавидел память. И почти ненавидел ее.

- Значит, тогда ты выжила, - сосредоточенно хмуря брови, проговорил Илья. – Бывает же...

- Как видишь, бывает. О чем еще ты хотел поговорить? – резко спросила Алиса, шагая по аллее совсем не прогулочным шагом и пристально глядя прямо перед собой.

Он снова растерял все слова. Только смотрел на нее, напряженную, злую... И чувствовал, как на самого накатывает злость – странная, беспричинная. Которую только в себе удерживать, наружу нельзя.

- О тебе... я хотел знать... как ты? – голос звучал так, будто бы он обличал.

Алиса все же обернулась. Удивленно посмотрела на него.

- А как ты думаешь?

- Я не знаю, что думать. Иначе бы не спрашивал.

Она сложила на груди руки, разглядывая Илью. Чуть качнула головой и хохотнула:

- В моем болоте оказалось вполне неплохо!

Макаров снова замер. По лицу его разлилась бледность. Лишь глаза лихорадочно блестели. Не отдавая себе отчета в том, что делает, отнял ее руку от груди и дернул на себя.

- Кесарю кесарево, - процедил он сквозь зубы.

- Не смей меня трогать! – Алиса попыталась вырваться.

Илья резко отпустил ее и отступил на шаг.

- Прости... Прости... У меня чувство, что я в бреду каком-то...

- Я не врач, Илья, - выдохнула она, потирая запястье.

- Я помню... архитектор, прости Господи... Как тебя вообще занесло? Ты же

экономический хотела!

- Да я много чего хотела...

Она хотела на экономе, расписать его стену и быть с ним. Осознание этого дернулось в нем и тут же застыло. Макаров отвел глаза и посмотрел под ноги, собираясь с мыслями. Потом проговорил:

- Тебе это все идет... Наверное, твое.

- Мое! – уверенно сказала Алиса.

- Что еще у тебя есть своего? Семья, дети?

Если бы взглядом можно было испепелить, то Макаров должен был загореться от ее возмущенного взгляда. И наверняка ему даже в голову не приходит, что его вопросы возвращают ее туда, откуда она так отчаянно выбиралась много лет, пока научилась со всем этим жить. Чтобы однажды стоять с ним посреди веселого летнего парка и пропускать через себя снова глубоко спрятанные чувства и воспоминания.

- У меня есть муж и ребенок, - как смогла спокойно проговорила она. – Хотя я и не понимаю, какое это имеет для тебя значение. Работе это не мешает.

- Да при чем здесь работа, Господи! – пробормотал Макаров и отвернулся. По земле в нескольких шагах от него мчалась белка, добежала до дерева и взлетела наверх по стволу, скрывшись в кроне. Алиса тоже проследила за белкой. Секундная пауза, которая позволила ему хоть немного очухаться. И он не имел ни малейшего понятия, как вылезать оттуда, куда загнал себя – все, что бы он ни спросил сейчас, прозвучало бы глупо. По одной-единственной причине – она не простила. У нее нет оснований для прощения. А у него по-прежнему нет права о чем-то просить. Как если бы она не воскресала.

Макаров посмотрел на нее и, больше уже не приближаясь и не позволяя себе никаких эмоций, сказал:

- Я просто хотел знать, все ли у тебя хорошо... Может быть, мне нельзя о таком спрашивать. Если тебе неприятно, больше не стану.

- У меня все хорошо, - кивнула Алиса в подтверждение своих слов. – И мне пора домой.

- Да, конечно... Извини, что выдернул...

- Ты всегда умел настаивать на своем, - грустно улыбнулась Алиса и повернулась, чтобы уходить. – Я постараюсь не задерживать с эскизом.

Она попрощалась и пошла вдоль аллеи, иногда поднимая голову и глядя в небо, и облака ей сегодня казались мостами. Их разрывал ветер и разбрасывал клочьями по голубой глади, так что они больше не могли соединиться.

Следующие два дня он провел в странно подвешенном состоянии. Ему нужно было куда-то бежать и что-то делать, но не выходило – просто вдруг оказалось, что некуда и не для чего. Жажда деятельности почти сводила с ума. Он готов был браться за все что угодно, лишь бы не думать.

Контракт в очередной раз сброшен на проверку юристам, хотя «рыбу», состоящую из основных пунктов, они изучили еще до его отъезда. Оставались детали.

Сам Макаров засел за работу, которую ему с большим удовольствием подбрасывал Юра, стеновавший, что эта его командировка – как ножом по сердцу. Но даже накопившегося за время отсутствия хватило всего на сутки.

Потом была очередная бессонная ночь – с сигаретами и кофе. С ноутбуком на коленях, который горел ярче ночника, и с наушниками в ушах. Он пытался уйти от себя, но понимал,

что уже никуда не денется. И крутил в голове раз за разом их с Алисой разговор в парке, отчаянно собирая воедино все, что разбросал за эти годы.

Сколько их всего было... Двенадцать лет зря...

А рано утром отправился бродить по городу. Пытаясь привести мысли и чувства в порядок, и сознавая, что они давно уже не в порядке и едва ли когда-то будут. Если бы можно было не чувствовать, он, пожалуй, согласился бы. Черт, он даже на лоботомию согласился бы, лишь бы не чувствовать!

Алиса не умерла.

Алиса выжила.

Это действительно она.

И он не сошел с ума.

Повторяя это раз за разом, Макаров все больше убеждался в том, что когда-то в его жизни произошла ошибка. В его жизни и в ее жизни. И как это исправить – одному Богу известно. Должно быть известно. Иначе он не попал бы сюда сейчас, с этим чертовым кораблем!

Почему он не искал ее могилу? Почему так никогда и не пытался узнать, где она похоронена? Почему он жил с этим всю жизнь, но так боялся действительности?

Нет, справедливости ради, порывался. Дважды порывался.

Сначала – по возвращении из Германии. Он тогда ни о чем думать не мог, кроме этого. Увидеть своими глазами, пусть и спустя столько времени. Вроде как удостовериться, что последние дни в Питере не были сном. Тогда снова цвела весна. Третья без Альки. Он почти решил, отправился во Всеволожск, к ее дому. Остановил машину у торца. И просидел, наверное, несколько часов, думая о том, как увидит глаза ее матери. И как услышит от нее точное место. Он смотрел на струи дождя, бегущие по лобовому стеклу, слушал, как из магнитолы орет Led Zeppelin, и выгрызал из себя остатки прошлого, зная наперед, что никогда не сможет этого сделать. Потому что помнил ее только живой – не мертвой. Глаза Любви Михайловны – вот доказательство Алькиной смерти. И ему было страшно видеть эти глаза. Наверное, не хватало мужества и смелости. Не умел идти до конца. И за это ненавидел себя тоже, потому что иначе Алиса была бы жива. Может быть, дело в том, что и любил недостаточно? Не так, как следовало. Не так, как она любила его.

В тот день Макаров развернул машину и уехал. Чтобы никогда больше не возвращаться в тот двор. И так и не узнать, что на его совести еще и смерть Алькиной мамы. Судьба его берегла.

Второй раз его пробрало еще лет через семь. Когда появилась Вика. Задержалась рядом чуть дольше, чем другие женщины. И ее ненавязчивое присутствие не сразу обнаружило любовь, что она питала к нему. В целом им было хорошо вместе. Он был старше ее, и она умела заглядывать ему в рот и внимательно слушать весь бред, который он выдавал. И глаза у нее горели, а это не самое мерзкое чувство – когда сознаешь, что заставляешь гореть чьи-то глаза. Мать втихомолку радовалась и надеялась на скорый брак. Даже отец проникся. Это было тем более смешно, что Вика пришла к нему в «Sky Tower» секретаршей, учившейся на четвертом курсе университета. И без родителей-олигархов. Но, видимо, секретарша была чуть лучше заправщицы. Хотя тогда он об этом не думал. В его жизни появилась постоянная партнерша, друг и девушка, которая сумела вернуть ему ощущение давно позабытого тепла.

А потом все оборвалось. Через полгода Вика начала мечтать вслух. О семье, о детях. О том, чтобы жить с ним. И Макаров вдруг очнулся. Он никогда ни с кем не жил, кроме

Алисы. И отдавал себе отчет в том, что с Викой он так долго лишь потому, что она напоминает ему о прошлом, о том, какими они были когда-то.

Секретарша была отправлена на повышение, переведена к отцу и вычеркнута. Мать оказалась раздавлена. А сам Макаров в очередной раз почувствовал себя мудаком. Но знал и то, что если бы все дошло до логического завершения в ЗАГСе, то мудаком был бы еще бóльшим. Потому что не любил – пользовался. Кажется, тогда же он смирился и с тем, что живущая в нем любовь к давно умершей девушке никуда и никогда уже не денется. И почти радовался этому открытию. Алька с ним навсегда.

Нет, он не очень часто ее вспоминал – просто она оставалась рядом каждую минуту. Иногда это напоминало ожидание. Ожидание встречи, которую они обещали друг другу. Может быть, потому что человек, заглянувший в бездну, всегда стоит возле нее, пусть и не отдавая себе в том отчета.

Второй раз он уже не ездил к ней домой. Он просто влез в интернет и половину ночи провел за прочтением статей об авариях в феврале 2005 года. Подходящий к нужной дате взорванный бензовоз нашелся только один. Автобус следовал в Пермь из Москвы. А он до этого даже не знал, что она ездила в Москву. Хотя как раз это было на нее похоже.

Искать какие-то другие следы снова не смог. Убеждал себя, что это ничего не изменит. А в действительности был все тем же двадцатилетним мальчишкой, который сунул голову в петлю, не справившись с тем, что натворил.

Наверное, он и сейчас не изменился. Бродил улицами чужого города, слушая чужую речь и удивляясь тому, насколько все здесь чужое для него, но ей близкое и знакомое. И еще больше удивлялся, что вообще может рассуждать о ней, как о живой. В настоящем времени – не о том, что ей нравилось, а о том, что ей нравится. Не о том, чего она хотела, а о том, чего она хочет. Не о том, что она любила, а о том, что она любит. И понимал, что ничего не знает. Совсем ничего.

Радости тоже не ощущал. Он вообще не знал, что ощущает вот уже несколько дней.

Очередной Юркин звонок застал его, когда он стоял где-то у Одры и понятия не имел, где находится. Тот начал сходу, толком не здороваясь.

- Слушай, а среди твоих родственников Логиновых нет случайно? – резко спросил он, будто свалился с верхней полки в плацкарте. – Чего-то знакомое...

- И тебе здравствуй, - отозвался Илья. – Ну есть. Чего случилось?

- Да короче, тут прикольно. Ты про архитекторшу узнать просил, да?

- Ну?

- Так вот мне тут уже нашептали немного... Она замужем за директором вроцлавского представительства нашего Метпрома. Он русский, из Питера. И зовут его Никита Александрович Логинов, тридцать пять лет. Переехал в Польшу больше десяти лет назад.

Макаров крепче сжал трубку и пропустил вдох.

- Тридцать пять? – зачем-то спросил он.

- Ну да... тридцать пять, вроде. У них ребенок, девочка. Могу узнать точнее, если надо. Ну больше ничего такого интересного, по мелочам. Закончила Вроцлавский политех. За плечами несколько крупных проектов. Мелькала на каких-то престижных презентациях. С «ArchSpace» сотрудничает три года без малого, но работает не в штате. Есть еще пара фирм, если интересно... И, кстати, тоже из Питера, представляешь. У тебя чутье, Илюха!.. Ты чего? Уснул там, а?

- Нет, - тупо ответил Макаров, продолжая сжимать в руках трубку и не зная, что

говорить.

- Ну, короче, у нас строила только корабль твой... Предпочитает за границу. На фотках прикольная. Но это ты и в интернете глянуть можешь. Остальное мне Анисимова пробила по ней. А питерских Логиновых знать можешь, или это я зря в ту сторону удочку закидываю?

- Это мой двоюродный брат.

- Хренасе! – обрадовался Юрка. – Вот это тесен мир!

- Ну да... тесен...

Как он добрался до гостиницы, не помнил. Едва ли это было важно. Сначала шел, потом ехал. На свой этаж поднимался лифтом. До номера почти бежал. Потом звонил отцу. Просил пробить у Логинова-старшего адрес Никиты. На вопрос: «Решил, да?», - ответил коротко: «Давно».

К началу седьмого вечера адрес уже был записан на клочке бумаги, вырванном из блокнота.

Еще через час он выходил из такси напротив их дома. И не знал, куда несут его ноги. И главное – зачем. Но в глаза им посмотреть хотелось. Им обоим. Потому что шутка удалась. Игра удалась. Его растоптали.

Когда нажимал на кнопку звонка, сам вздрогнул – такой он был громкий. Вздрогнул и пришел в себя.

Дверь ему открыла опрятного вида женщина лет сорока пяти. Высокая, с собранными в пучок темными волосами и пронизательными глазами, свойственными домработницам.

- Witam panu! – сдержанно поздоровалась она. – W czym mogę pomóc?

- Помочь? – пробормотал Макаров. Приветствуют на всех языках одинаково. Он кивнул и спросил: – Пан Логинов здесь?

Женщина невозмутимо кивнула, сделал приглашающий жест и скрылась в коридоре. Через минуту вместо нее в прихожей появился Никита. Замер на мгновение и хмуро сказал:

- Привет! Неожиданно ты...

- Неожиданно я, - широко улыбнулся Илья. – Сюрприз сделать хотел.

- Неудачный сюрприз, - Никита старался говорить негромко и подошел ближе к брату. – Ты не вовремя, потому не приглашаю.

- А почему? – приподняв бровь, выдохнул Макаров. – С женой бы познакомил, с ребенком. Я бы, например, так и сделал, если бы у меня была семья.

- Со своей семьей будешь разбираться сам, - глухо рыкнул Логинов.

- Да я ж на твою не претендую, родной! Что ты так напрягся?

- Какого хрена тебя принесло? Я тебя не приглашал! Если скучно – ищи себе развлечение в другом месте.

- Да мы с тобой как-то двенадцать лет не виделись, Логинов! Двенадцать! – заорал Макаров, вмиг растеряв все самообладание. – И развлекаться я буду за твой счет. Ты же за мой развлекся три дня назад!

- За двенадцать лет можно было бы и повзрослеть, - устало произнесла Алиса, появляясь в прихожей, и сказала Илье: - А ты все развлекаешься.

Все его внимание, вся концентрация на Нике слетели, как не было. Макаров обернулся к Алисе, сверкнул темными глазами и резко севшим голосом проговорил:

- Почему ты Куликовская, а не Логинова?

- Тебя это не касается, - резко отозвалась она. Вопросы сыпались из него без остановки.

Вопросы, которых она избегала столько времени в надежде, что ей никогда не придется на них отвечать. – И отчитываться перед тобой я не стану.

- Я не просил отчета! Я просто не понимаю, какого хера... Вы оба молчали! Оба! Так сильно меня ненавидите?

Логинов бросил быстрый удивленный взгляд на Алису, но она не смотрела на него.

- Твои импровизации всегда приносят лишь хаос, - сказал он Илье. – Ты заявился через столько лет и думаешь, что все радостно кинется тебе на шею? Ну еще бы! Сам Илья Евгеньевич Макаров предстал во всей своей красе! А ты не думал, что к тебе вообще никто не испытывает никаких чувств?

Макаров сжал зубы. Лицо его побелело от гнева, который разгорался с каждой секундой сильнее. Нет, не столько от вранья, сколько от этого их видимого благополучия – именно сейчас, в эту минуту. «Сможет она, как минимум, то, чему я ее обучу», - резко прозвучало в его голове откуда-то из темноты, где, он думал, давно ничего не осталось, и Илья вздрогнул от этого воспоминания. Такой, какая она сейчас, сделал ее Логинов.

- План поэтапного обучения, - нервно хохотнул он, чувствуя себя сокрушенным.

Никита дернулся к нему, но Алиса, глядя, как двое взрослых мужчин на ее глазах снова становятся мальчишками, быстро спросила:

- Зачем ты пришел?

- Поздравить со свадьбой.

- Поздновато... - вздохнула Алиса.

- Как узнал, так и...

Он резко замолчал. Из двери за ее спиной выглядывала пара серебристых глаз под светлыми кудряшками – настороженно, но не без любопытства. Поймала его взгляд на мгновение и тут же обратилась к матери. Макаров почувствовал, как по спине пробежал холодок. Да, они правы. Ворвался в чужую жизнь. Всегда врывался. Быстро взглянул на Никиту, потом на Алису. И, будто из него разом вышли все силы, проговорил:

- Все... больше не побеспокою.

Алиса тоже оглянулась – заметила Соньку. Улыбнулась ей и, вернувшись к Илье, сказала:

- Тебе лучше уйти.

- Лучше! – подтвердил Логинов.

- Действительно лучше! – мрачно проговорил Макаров, снова посмотрел на девочку, потом на ее мать. На брата не смотрел. Развернулся и быстро вышел из их дома. Дверь скрипнула и захлопнулась.

- А это кто? – спросила Сонька.

- Я тебе потом расскажу, - ответила Алиса. – Ты задания все сделала?

- Работала над этим, когда вы шум подняли.

- Вот иди и заканчивай! – рявкнул Логинов, буравя взглядом жену.

- Соня здесь ни при чем, - негромко сказала та. – Хочешь орать – ори на меня.

- Я не хочу орать, - почти разделяя слова по слогам, ответил он, заметно делая над собой усилие. – Тем более – на тебя. Но ему бы морду набил с удовольствием.

- Ууууу, - прогудела Сонька. – Ладно, ругайтесь.

И тут же скрылась в своей комнате, оставив их наедине.

- Не все можно решить кулаками, - выдохнула Алиса.

- Во всяком случае, он быстрее бы ушел.

- Давно ты знаешь, что он в Польше? – спросила она, возвращаясь в комнату. Логинов прошел за ней. Сел на диван, придвинул лэптоп, за которым работал до этого. И уставившись в экран, проговорил:

- С понедельника. Но, для тебя это тоже не новость, как я понял.

- Не новость, - Алиса устроилась в кресле.

Молчала долго, Никита тоже ничего не говорил. Было слышно, как на кухне шуршит Лена. И среди почти отсутствия звуков голос Алисы прозвучал особенно громко.

- Контракт, на который я согласилась у Скорупы... Илья заказывает торговый центр в Петербурге.

Логинов нахмурился, но от лэптопа не оторвался. Кажется, даже еще более сосредоточенно взгляделся в него. Щелкнул по тачпаду и ровно ответил:

- И ты согласилась.

- Я согласилась до того, как узнала, кто заказчик. Отказываться сейчас – извини, но это будет выглядеть глупо.

- А если я попрошу тебя отказаться?

- Почему? – посмотрела Алиса на мужа.

Он тоже взглянул на нее и тихо сказал:

- Я готов был делить тебя с работой, но, если это связано с ним, – не хочу.

- Не городи ерунды! – возмутилась она. – Скорупа подпишет контракт, и он уедет. И потом... Если тебя беспокоит, почему я не сказала тебе, что виделась с ним... Я не хотела тебя беспокоить. Знала, что ты накрутишь себя.

- То есть – забота обо мне?

- И о себе тоже, - она улыбнулась в попытке разрядить их разговор. – Потому что теперь ты просишь меня отказаться от очень выгодного контракта. Таких гонораров у меня еще никогда не было.

- Понял. Ну, удачи! – Логинов захлопнул крышку ноутбука, встал с дивана и быстро вышел из комнаты, не оглядываясь и не говоря ни слова.

Алиса без сил откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза. Никита прав, в ее жизни, в их жизни больше не будет порядка. Ссоры с мужем, бессонница, само присутствие Макарова терзали ее болезненными воспоминаниями. Но больше всего ее беспокоило, что еще он захочет спросить. И сможет ли она солгать, если он задаст вопрос, который раскроет правду, но изменит всё и навсегда.

Алиса в трапециевидном коктейльном платье на высокой кокетке с двумя оборками, синего и зеленого цветов, открывающими ноги гораздо выше коленей, стояла рядом со Скорупой и сдержанно принимала поздравления с удачным завершением их общего проекта – выставочного зала в частной галерее. В нем заказчик и устроил праздничный фуршет в честь «ArchSpace» и своей «обновы». Коллекционер пригласил бомонд и представителей масс-медиа, а Скорупа, на правах главного гостя, которому все позволено, привел Макарова. Показать еще один товар своей компании лицом.

Эскиз будущего торгового центра Алиса успела предоставить в пятницу, как и обещала. Две высотки-свечи в стиле хай-тек, разные по высоте, соединялись между собой мостом, помещенным в закрученные пружиной арки. На крыше высокой башни предполагалось разбить сад, на башне пониже – все пространство занимал ночной клуб.

Лешек назначил встречу, на которую Илья явился точно в срок. Вел себя тихо и

сдержанно. Кшиштоф к концу недели благополучно выздоровел, что позволило Алисе так же помалкивать. Макаров принял эскиз без поправок и практически без пояснений, сказав, что его все устраивает, и он готов к подписанию контракта в целом. После чего, отговорившись следующей встречей, ушел, а Алиса, провожая его взглядом, лишь усмехнулась про себя, заметил бы он, если бы она в качестве эскиза представила ему свою башню, поверженную под ударом моста.

Устав кивать, как китайский болванчик, она предоставила Скорупе самому отдуваться перед восхищающимися и, захватив с подноса бокал шампанского для себя и виски для Ника, отошла к мужу, внимательно разглядывающему портрет The Beatles из журнальных обрезков в деревянной овальной раме тончайшей резьбы.

- Нравится? – спросила она, протягивая ему бокал.

- Нравится, - улыбнулся он, забирая у нее свой виски. – Но где-то уже было.

- Картина или здание?

- Ты же знаешь, я ничего в твоей работе не понимаю. Я о картине.

Собственно, он едва ли мог что-то понимать в ее работе – никогда и не интересовался. При всей его опеке и трепетном к ней отношении, во всяком случае, в первые годы их брака, к ее желанию учиться и работать он относился скорее как к прихоти.

- Ну ты же в состоянии разобраться, что тебе нравится больше – Исаакиевский собор или Собор Иоанна Крестителя, например.

- Допустим, Собор Василия Блаженного.

Алиса кивнула. С того вечера, когда Макаров появился на пороге их дома, все разговоры стали носить странный характер – недосказанности и двусмысленности. Хотя об Илье больше не говорили и о предстоящем проекте Алисы – тоже. В четверг по-деловому обсудили поездку Сони в Испанию, а в пятницу Никита снова вернулся домой среди ночи, наполнив спальню приторным, тяжелым восточным запахом. Сдержавшись, чтобы не посоветовать Нику купить своей «много работы» другие духи, Алиса сделала вид, что спит.

На следующее утро, допивая кофе, она сказала:

«ArchSpace» пригласили на фуршет по случаю открытия нашего с Лешком выставочного зала у Залевского».

«Когда фуршет?» - ровно спросил Ник, не отрываясь от ноутбука. В последние дни он словно бы прятался за ним, ожидая взрыва.

«Завтра».

«Какого цвета галстук мне надеть, чтобы подходил к твоему наряду? Или что там у тебя будет...»

«Ты пойдешь?» – удивилась Алиса.

«Ты против?» – его бровь дернулась, а уголки губ поползли вверх.

«Нет, конечно. Просто ты так давно не ходил со мной на мои... корпоративы».

«... что люди вокруг забыли, что у тебя есть муж?»

«Главное, что Гловач помнит», - буркнула Алиса.

Но в воскресенье собирались дружно. И Никита, то ли в шутку, то ли всерьез, завязал зеленый галстук – вероятно, в тон ее нижней оборке на платье.

Появление Ильи на фуршете стало для Алисы неожиданностью, но зная Лешека, который мог уговорить даже статую Тутанхамона отправиться на Луну, она не удивилась. И наблюдая, как Макаров медленно бродит от официанта к официанту, так же медленно, но верно накачиваясь алкоголем, она в который уж раз подумала о том, что Ник ничего тогда не

сказал брату о путанице, и попыталась представить, как могло бы сложиться, если бы Илья узнал, что она жива, двенадцать лет назад.

Но что могло сложиться, если он сам все разрушил? Это он захотел, чтобы так было – не она. Как бы ни склеивал разбитую чашку – трещину всегда будет видно.

- В следующий раз, - вернул ее к действительности голос мужа, - я отведу тебя в «Метпром» и буду пытаться, нравится ли тебе то, что я делаю, по рукам?

- С пристрастием? – спросила Алиса, не взглянув на него.

- Если тебе этого хочется. Ты же знаешь, что я никогда не делаю того, на что ты не дала бы согласия.

- Никогда? – она повернулась и посмотрела Никите прямо в глаза.

- Никогда, - без запинки ответил он.

Алиса хмыкнула и залпом допила шампанское.

- Принесешь еще? – попросила она мужа.

- Как скажешь.

Логинов забрал у нее бокал, развернулся и неторопливо пошел к столам, где также были расставлены напитки. Алиса осталась одна, но эта передышка оказалась недолгой. К ней мог подойти кто угодно. Залевский с очередными благодарностями. Лешек с каким-нибудь очередным потенциальным клиентом. Гловач, в конце концов, со своими незлыми, но двусмысленными шуточками и подколами. Но подошел Макаров. Именно Макаров – со стаканом вискаря и запахом сигарет.

- Ну, поздравляю, - проговорил он безо всякого приветствия и наклонившись ниже к ней. – Ты молодец!

Его голос сейчас был глубоким и низким, пробирал до самого сердца. И, несмотря на то, что он был явно нетрезв, выглядел крайне притягательно в своем темно-сером костюме и контрастном красном галстуке.

- Нравится? – уточнила Алиса.

- Корабль лучше, но сойдет.

- Дался тебе этот корабль!

Макаров негромко рассмеялся и сделал глоток из стакана. Снова глянул на Алису, и его взгляд сейчас горел – то ли хмелем, то ли веселостью.

- Ну прикинь, - заявил он. – Я в командировке. Презентация была... А потом под утро, слегка перебрал, еду на такси, а посреди города оно... Я думал, глюки, давно в Москве не был. Потом еще трезвым туда гонял на другой день.

- Ты и сейчас, похоже, перебрал, - сказала она, внимательно разглядывая Макарова. И словно видела перед собой другого человека, совсем ей незнакомого. Разве что глаза остались прежними... и все так же темнели, когда он злился. Алиса замечала это даже сквозь стекла очков. Но его костюмы, галстуки, аккуратная стрижка – сбивали с толку. И насмешливый тон, которого она никогда не слышала от него. Он изменился, или она никогда не знала его настоящего? Настоящий он теперь? Или настоящим был, когда выгонял ее из дома?

- Думаешь? – Макаров глянул на свой виски. – Ну разве немного, это ничему не мешает.

- Рада за тебя.

- А я за тебя.

- Мне как раз многое мешает.

- Это потому что ты трезвая.

- Ты же не знаешь, какая я пьяная! – сердито сказала Алиса и посмотрела ему в глаза.

Он своего горящего темного взгляда не отводил. И ее обдавало жаром от того, как он глядел.

- Не знаю, - согласился Илья и подошел еще ближе. И теперь жаром обдавало еще и его дыхание. – А танцевать со мной пойдешь, а?

- Здесь не танцуют, Макаров, - раздался рядом голос Никиты.

- Здесь пьют, - Алиса взяла из его рук бокал шампанского.

- Какая разница? – в тон ей выдал Илья. – Музыка есть, разве не повод?

- Не повод! – отрезал Логинов.

- О, прости! Я не спросил твоего разрешения! Никита Александрович, позвольте пригласить на танец вашу жену!

- Тебе бы проспать лучше.

- Сон тут не поможет. Я и во сне буду думать, каково это – в твоей шкуре жить.

- А с этим я в состоянии разобраться сам, без твоего участия.

- Да ты уже разобрался двенадцать лет назад! Алиса, танцевать идешь?

- Прекратите оба! Вы можете спокойно общаться? – проговорила Алиса.

- Я – могу! – живо ответил Макаров и расхохотался. – Я все могу! Спокойно – могу. Непокорно – могу. Как хочешь могу... разве не видишь?

- Вижу... Не отцепишься? – она бросила быстрый взгляд на рассерженного Никиту, понимая, что любой ее поступок приведет к неминуемому скандалу.

- А ты забыла, да?

- Макаров! – сжимая кулаки, процедил Ник.

Из двух зол Алиса предпочла выбрать меньшее – с ней Ник не станет ругаться на людях, а вот драку на глазах пары десятков зрителей с удовольствием устроят оба.

- Никита! – прошипела она и, ухватив Макарова за руку, потащила его в сторону от брата. Логинов дернулся было за ними, но в какой-то момент замер на месте. Последнее, что она видела – ничем не прикрытую ненависть в его глазах. Еще через мгновение Никита резко развернулся и пошел прочь. Зато Макаров неожиданно притих и позволял вести себя, куда ей вздумается, что было совсем на него не похоже. Если бы не его темные, пышущие гневом глаза, можно было подумать, что, увези она его в аэропорт и погрузи в самолет, он бы и слова ей не сказал. Но это тоже был самообман. Макаров напоминал в эту минуту бомбу замедленного действия. А уж при его извечной склонности к импровизациям – тем более.

Как-то резко рядом нарисовался Лешек. Быстро оценил ситуацию и предложил:

- Могу вызвать Кшиштофа, пока он тут все не разнес.

- Спасибо, я справлюсь, - уверила Алиса.

Скорупа исчез так же резко, как и появился.

- Доволен? – спросила она у Ильи.

- Нет! – мрачно сообщил он, осушил свой стакан и решительно потянулся за следующим, продолжая разглагольствовать: - Ты знаешь, я тут подумал, что уже очень давно довольным себя не чувствовал. У меня с этим с некоторых пор проблемы.

- Тебе скучно существовать со своими проблемами, поэтому доставляешь их другим?

- Разве? По-моему, я уже давным-давно никому ничего не доставляю. У меня вообще тоже потрясающая жизнь. Все точно так, как говорил когда-то отец.

- Родители часто оказываются правы.

- Да нет... иногда ошибаются, - Макаров залпом осушил следующий стакан.

- Не встречала таких, - пробормотала Алиса и спросила: - Может, тебе лучше поехать в гостиницу?

- Давай лучше пройдемся, - широко улыбнулся он. – А то я выпью все, что здесь есть – и в гостинице добавлю.

- Объясни мне, почему вместо того, чтобы с мужем вернуться к дочери, я должна озадачиваться количеством выпитого тобой и прохаживаться в твоей компании?

- Понятия не имею, но ты же озадачиваешься.

- Хам!

- Для тебя это не новость. Пошли? В конце концов, бросить меня посреди улицы ты всегда успеешь.

- И куда тебя вести? – смирилась Алиса с неизбежным.

- Откуда я знаю? Помнишь, мы когда-то ездили на Диво Остров? Сегодня твоя очередь. Ты веди.

- Не помню! Я спрашивала, где ты живешь.

- Черт! Не проканал! – рассмеялся Илья. – Ладно. «Hotel Monopol», знаешь? Возле центра.

- Знаю, это недалеко отсюда.

Алиса направилась в сторону выхода, по дороге кивая на прощанье знакомым и не оглядываясь на Макарова, поспешно топавшего за ней. Оказавшись на улице, кивнула на два креста, словно начерченные карандашом посреди освещенного полной луной неба.

- Видишь шпили?

- Вижу, - услышала она.

- Сначала нам туда, - сообщила Алиса и пошла вдоль улицы в указанном направлении.

И все так же не оглядывалась, тогда как он будто очутился в одном из своих кошмаров. Как часто она приходила к нему? Как часто она мелькала перед глазами и уходила вперед, не глядя на него, не говоря ни слова, тогда как он хотел слышать ее голос, осязать ее, сознавать, что это она. Беда в том, что он так никогда и не знал – она ли. Мучился, силился догнать, но ноги с каждым шагом все труднее было оторвать от земли. Кто единожды в бездну заглянет, тот всегда будет стоять у нее. Алиса была его собственной бездной – даже сейчас.

Макаров коснулся лица ладонью, будто сбрасывая морок, и бросился следом за ней. Теперь догнать сделалось самым важным. Это оказалось не трудно. Потому что происходящее кошмаром не было. Поравнялся с ней. Шли молча. Рядом, не дотрагиваясь друг до друга. Бог знает, сколько времени – уже и шпили миновали, когда он, наконец, отважился заговорить.

- Как скоро ты вернулась в Питер?

- Через месяц, - ее голос прозвучал глухо и напряженно.

- И как скоро ты дала знать Нику?

- Когда узнала, что осталась одна.

- Почему к нему?! – выдохнул Макаров и тут же осекся. – Это ты просила его ничего не говорить мне?

В ночной тишине было слышно, как шуршит листва, колышимаемая легким ветром. Алиса молчала. Откуда ей было знать, что Никита оборвал все связи со своими родственниками? И все же в глубине души понимая причину его поступка, она после долгой паузы сказала:

- Не думаю, что его кто-нибудь расспрашивал обо мне.

- Не расспрашивал! Его никто не расспрашивал! Меня в Германию увезли, меня не было. И два года я торчал там в полной уверенности, что ты умерла! И когда вернулся, я... Я двенадцать лет знал, что ты погибла – из-за меня! В то время как вы жили вместе! Вы уже тогда жили вместе! Вы были мужем и женой!

- Были! – мрачно подтвердила Алиса.

- И вы счастливы?

- Ты не имеешь никакого права задавать мне такие вопросы.

- Почему не имею? Имею! Я имею право знать, зря все было или нет! Моя жизнь зря?

Твоя, твоего ребенка, Логинова – зря?

- Про свою жизнь – спрашивай с себя! – сердито бросила Алиса и ускорила шаг, быстро стуча каблучками по мостовой.

- А что мне делать, если она связана с тобой! Что мне делать? – услышала она его крик за спиной.

Теперь уже бежала, мимо мелькала ограда моста, увешанная многочисленными замками с именами и сердечками. И ей казалось, что ноги едва касаются земли – если бы были крылья, взлетела бы. Просто чтобы не быть здесь, чтобы не слышать. Чтобы не оглядываться больше назад.

Тщетно. Он догнал ее в несколько мгновений. Обхватил руками, развернул к себе, будто бы была куклой. И она, не прося о том, не желая того, оказалась в коконе его тепла, запаха сигарет и виски. И его голоса, которым он бормотал ей на ухо:

- Господи... Алька...

Это случилось прежде, чем на губах своих она почувствовала его губы – горячие, дерзкие, твердые. И странно, непривычно отчаянные – такими она тоже никогда их не помнила.

Изо всех своих сил Алиса рванулась от него, разомкнула поцелуй, попыталась освободиться.

- Меня зовут Алиса! – вскрикнула она и вlepила Макарову звонкую пощечину.

И в ту же секунду он перестал ее держать. Только глядел на нее темным взглядом, от которого никогда уже не скроешься. И это было крепче любого объятия и любых пут.

Алиса развернулась и, не говоря ни слова, ушла от него прочь. В полной уверенности, что завтра с утра позвонит Скорупе и откажется от контракта. Пусть делают, что хотят: Лешек, Макаров и даже Папа Римский! А она купит путевки и уедет в Испанию с Сонькой.

Возвращение

«Каково быть с девушкой, которую я люблю, и которая любит меня! Тебя от себя не воротит?»

Его от себя воротило.

Теперь он знал, каково это. И знал, что ничего с этим не поделать. Хоть всю жизнь на наковальню брось и молотом долбани – ничего не изменишь. Он всегда будет помнить, что это такое – жить с чужой женщиной. Хоть отпуская, хоть не отпуская ее.

Он мог сколько угодно играть в брак.

Он мог сколько угодно излучать уверенность, которой не испытывал.

Он мог сколько угодно мучить Алису видимостью отношений.

Но он всегда будет знать, что они не счастливы. Что у него не получилось.

Проблема была только в одном. Логинов все еще хотел, чтобы Алиса принадлежала ему. Не формально в формуле «Муж+Жена=Семья». По-настоящему. Той своей частью, которую когда-то, совсем ничего не делая, походя, играючи, заполучил Макаров.

Один вечер – и все, акценты расставлены. Жирно так, ярко. Сонькин польский говор – всего лишь оттенок по сравнению с тем, что случилось на этом проклятом фуршете. Из них двоих Алиса выбрала Илью. Даже не думала. Просто схватила за руку и потащила прочь. Берегла. Которого из них она берегла?

Может, себя?

Вернувшись домой в одиночестве, сдирая с шеи галстук, наливая в бокал коньяк, Никита пытался затолкнуть этот вопрос поглубже – чтобы больше не вспоминать, будто его и не стояло. Но это было бесполезно. Она увела прочь Макарова. Она не ушла со своим мужем. Она осталась там с Макаровым. И все это время – она с ним. И все эти годы – она с ним. Той своей частью, на которую претендовал Логинов.

Может быть, потому у него так и не получилось полюбить Соньку. И, возможно, потому чувство вины продолжало душить его не меньше ревности. Они переросли игры. Давно. Но жить так и научились – вне правил игры. Или это только он не научился, тогда как прочие давно уже жили?

Кто вышел из нее раньше?

Было уже за полночь, когда хлопнула входная дверь. Он знал, что это вернулась Алиса. Бросил взгляд на бутылку и ухмыльнулся. Он не был пьян, но выпить хотелось.

Вместо этого Никита медленно встал из-за стола и поплелся в прихожую. Ему отчаянно хотелось видеть ее лицо. Лицо жены, которая вместе с тем была чужой женщиной.

- Cześć! – бросил он, показываясь в коридоре.

- Привет! – негромко отозвалась Алиса.

Она бросила в угол туфли, которые несла в руках. Домой шла пешком и на полпути скинула их с ног, резко почувствовав, как горят ступни. Так же точно горела голова, и прохладный воздух не остужал ее.

- Вечер затянулся? – противно протянул Никита.

- До рассвета еще далеко.

- Ну а что ж ты так? Еще бы погуляла. Сплошная романтика.

Алиса устало посмотрела на него и, ничего не сказав, прошла мимо – в спальню. Логинов дышал ароматом ее духов и еще несколько секунд смотрел в угол, где сиротливо валялись туфли. Много он видел женщин, способных вот так вот прийти домой с обувью в руках? Пожалуй, что нет. Только одну. Она одна такая. Это знал он, и это знал Макаров.

Ник ухмыльнулся и пошел за ней. Снова остановился на пороге, скрестил на груди руки. И проговорил, едва сдерживая ревность:

- Ты с ним была?

- А что? – зло спросила Алиса.

- Да просто интересно, – широко улыбнулся Ник. – То, что сейчас – оно сильно отличается от того, что тогда?

- Отличается!

- Надеюсь, ты не разочарована?

Она чувствовала себя загнанной в клетку. Впрочем, вошла в эту клетку сама и

оставалась в ней добровольно. В любой другой день она бы смогла избежать ссоры, но сегодня все выходило из-под контроля. И, не сдерживаясь, Алиса с вызовом ответила:

- Ничуть!

Этой вспышки он от нее не ожидал, смешавшись под ее взглядом и чувствуя, как от него же и загорается. Стремительно пересек комнату и оказался с ней лицом к лицу. Долго всматривался в ее черные широкие зрачки в обрамлении карих радужек. И снова поражался тому, что на него, даже теперь, спустя столько лет, они никогда не станут глядеть так же, как на Макарова. От этой мысли стало больно, но Ник отмахнулся от этой боли – был слишком зол.

- Рад за вас обоих, - рыкнул он ей в лицо. – Такое воссоединение!

- Рад? – хохотнула Алиса.

- А ты думаешь, я не знаю, что все эти годы на моем месте ты представляла себе его? Что каждый день ты задаешь себе вопрос, что было бы, если бы это он, а не я просыпался в твоей постели? Он, а не я воспитывал твою дочь? Знаю! Знаю, Алиса! И еще знаю, почему ты до сих пор таскаешь на шее его чертово кольцо. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, откуда оно взялось! А сегодня свершилось! Вы обрели друг друга! Только видишь ли, дорогая моя, что-то он не сильно по тебе убивался, когда ты умерла. Свалил за границу, только его и видели! Будто бы не было ничего!

Она молча слушала, только губы ее кривились. А когда он замолчал, сказала:

- Могу тебе сообщить, какой вопрос стану задавать себе теперь. Что было бы, если бы ты сказал ему, что я жива!

- Ему было плевать, ясно? Его не было! Он тебя бросил! Ты и сейчас ему не нужна. Думаешь старые чувства? Хрен! Очередная давалка, которых в его жизни были сотни! Нашел себе приключение в командировке! Это Макаров! Тот же Макаров, от которого ты ехала в Пермь!

- Прекрати! – выдохнула она. – Я всегда была уверена, что ты выше этого. А ты... ты боялся, да? И сейчас боишься!

- Я? Алиса, я женат на тебе двенадцать лет! У нас ребенок! Нам хорошо вместе! Ты полагаешь, что мне есть чего бояться? – он приблизился к ней вплотную, так, что тела их уже соприкасались. – Или мне есть чего бояться?

- Почему ты ему ничего не сказал? – она безотрывно смотрела ему в глаза. – Ни слова за двенадцать лет.

- А зачем мне было ему говорить? Я был в твоей команде – не в его.

Алиса прикрыла глаза. Сумасшедший день. Может быть, всем было бы лучше, если бы она тогда и правда погибла. И не было бы ее команды, не было бы их бесконечной игры.

- Я устала, я хочу спать, - выдохнула она и, повернувшись к Никите спиной, начала раздеваться.

- Почему ты меня не любишь? – раздалось позади нее.

- Не всему можно научиться.

- Алиса... - стоном вырвалось из него.

И в то же мгновение она почувствовала рывок на шее – Логинов дернул цепочку, на которой она носила кольцо с сапфиром.

- Но снять-то ты это можешь? – прорычал он ей на ухо.

- Ты пьян! – она прикрыла ладонью кожу там, где ее резал тонкий металл.

- Не пьянее Макарова, когда ты его уводила. Сними, я сказал!

- Не буду!

- Ты знаешь, это извращение какое-то! Такая себе групповушка – втроем. Давай позвоним ему и пригласим к себе. Как раз и вы продолжите, и я кайфану, а?

- Что ты несешь!

Звук пощечины прозвучал слишком звонко, заглушив все остальные звуки. А потом перелился в его металлический смех. Логинов отпустил цепочку. Но только затем, чтобы обхватить ее саму. Сгрести в охапку, не дать закрыться в то мгновение, когда он навязал ей свой поцелуй – настойчивый, злой, жестокий. Она вырывалась, впервые за долгие годы сопротивляясь ему. Хватала его за руки, пыталась отвернуться и с отчаянием понимала, что все бесполезно.

Логинов повалил ее на кровать. Рванул белье так, что тонкое кружево затрещало, и гулко рыкнул. Расстегнул ширинку приспустил брюки и коленом стал раздвигать Алисины ноги, продолжая вторгаться языком в ее рот и кусать ее губы. Она кусалась в ответ, впивалась ногтями в спину, лишь сильнее распалая его. Логинов схватил ее за запястья, завел их за голову и прижал в простыне. И теперь уже терзал ее шею, на которой остался тонкий красный след от цепочки. Пытаясь и ее распалить, как если бы это хоть что-нибудь изменило. Не менялось.

Он вошел в нее резко, сразу, заставив всхлипнуть, отчего сам почти зарычал. И именно этот рык – собственный рык – резко привел его в чувство.

«Каково быть с девушкой, которую я люблю, и которая любит меня! Тебя от себя не воротит?» - отчетливо раздалось в его голове голосом Макарова.

Ник шумно выдохнул, приподнялся, взглянул в ее лицо, расцвеченное тенями от причудливого бра, горевшего над кроватью. А затем судорожно сжал зубы и скатился набок.

Не сказав ему ни слова, Алиса поднялась и ушла в ванную. Там зашумела вода. Потом все стихло, но она еще долго не возвращалась. А когда ложилась в постель, слышала его неровное хриплое дыхание. Накрылась с головой одеялом и думала только о том, чтобы поскорее уснуть. Чтобы скорее наступило утро, которое развеет этот кошмарный день навсегда.

Тишина раздражала. Алисе казалось, что все вокруг сговорились – двигаются бесшумно и молча. От беззвучного мира, окружившего ее, раскалывалась голова. Вчерашний день она провела в кровати. Окно оставалось зашторенным, не пуская слепящее глаза солнце в комнату.

Она глотала таблетки, не снимающие боль. Пыталась спать, но сон скорее напоминал болезненный бред, когда воспоминания смешиваются с фантазиями, а несбывшиеся мечты становятся реальными, словно все было в действительности.

Сквозь дрему она слышала, как ушел Никита. Дважды заходила Соня. Сидела рядом, иногда касаясь ее руки, будто проверяя теплоту кожи. В обед сунулась Лена, принесла бульон – тот простоял нетронутым до самого вечера. Кто унес чашку из спальни, Алиса не знала. Но когда проснулась среди ночи, на тумбочке ничего не было. Долго слушала дыхание Никиты. Не такое, как накануне. Тихое, ровное. К которому привыкла. От которого не хватало смелости отказаться.

Эгоистка.

Начало светать, когда она снова заснула, беспокойно, но без сновидений. С утра тишина раздражала по-прежнему. Хотелось закричать – до звона в голове, который сможет

поглотить мучительную боль, разъедающую мозг.

Алиса заставила кричать радио. Теперь были звуки, отражающиеся от стен комнаты – Сара Хмель страдала с широко закрытыми глазами.

И в это мгновение ее помешательство нарушил Логинов. Он пришел из реального мира – с мокрыми волосами и уставшими глазами. И тихо сказал:

- Я думаю, для всех будет лучше, если ты откажешься от работы с «ArchSpace», и мы все-таки поедem в отпуск.

Алиса подняла на него взгляд. Красивый мужик. Умный, обеспеченный. Ее любит. Любит, черт возьми! Другие о таком мечтают, как о принце из сказки. Ей чего не хватает? Почему ей все время чего-то не хватает? Польских родственников, карьеры, собственных чувств, о которых давно забыла. Или разучилась чувствовать. И отчаянно хотела научиться снова.

Она помнила, всегда помнила тот день, когда согласилась стать его женой. О его чувствах знала давно. И честнее было бы отрезать все еще в самом начале. Не смогла, смалодушничала, первое время всерьез надеясь, что сможет сохранить друга – единственного друга теперь. Ник приезжал все чаще, зависая во Вроцлавских гостиницах ради одного ее выходного, когда они могли просто погулять. «Тебе полезно гулять», - повторял он и заставлял ее делать шаг за шагом – по направлению к нему. Как ребенку, который не умеет ходить, родитель протягивает руки и ждет этого первого шага.

Логинов так и не дождался. Незадолго до родов он сообщил ей о своем намерении остаться в Польше навсегда и жениться на ней. Получить отца для своего ребенка? Честно? Нет, не честно. Но Никиту она никогда не обманывала. И была бесконечно ему благодарна за эту его странную, болезненную любовь. Привыкала к нему. Иногда ей казалось, что она знает его всю свою жизнь. А на этом ведь можно построить семью? Это ведь уже немало?

Если бы Алиса только представить себе могла, что этим браком свяжет себя по рукам и ногам на всю жизнь! Нет ничего страшнее благодарности вместо любви.

Алиса смотрела на Никиту и все крутила в голове одну и ту же мысль: если бы она не пришла к нему тогда за помощью, сейчас он не просил бы оставить «ArchSpace». Как просто!

- Почему? – голос ее прозвучал глухо и хрипло.

- А ты сама не видишь? Нам нужно что-то делать, Алис.

- Уверен?

- Я давно думал, еще до... Ведь все не так, да?

- А как? – усмехнулась Алиса.

Логинов, опустив глаза, присел возле нее, почти прикасаясь. Протянул ладонь и откинул прядку волос с ее лица. По-хозяйски, имея на это право.

- Тупик какой-то. Ты мне нужна. Когда тебе было восемнадцать лет, я хотел заботиться о тебе и любить тебя. Ничего не изменилось, я хочу того же. А нас ведет куда-то в сторону.

- Ту-пик, - повторила она за Никитой. – Тупик. Мы ведь давно в нем, да?

- Алис, я без тебя не могу. Я действительно без тебя не могу. Я сделаю все, что ты хочешь. Только давай уедем. Отправим Соньку в лагерь и поедem вдвоем.

- Мне кажется, это не выход. Может, нам стоит разъехаться? – бесцветно говорила она, прислушиваясь к тяжелым звукам, льющим из радио. «Chemia», - подумала бессвязно, продолжая говорить: - Поживем отдельно, пока Соня будет в лагере. Подумаем... Я подумаю.

Никита устало потер переносицу, потом глаза. Затем кивнул.

- Это не решит ничего. Мы либо вместе, либо нет. Ради нас с тобой, без других

сопутствующих факторов.

- Ты сам сказал: ты женат на мне двенадцать лет и у нас ребенок. По-моему, это больше походит на то, что мы вместе. И никакие факторы здесь ни при чем.

- Ты мне этого не простишь?

- Ты же уверен, что тебя не за что прощать.

- А ты уверена в том, что все это моя вина. Даже твой загул.

- На работу опоздаешь, - хохотнула Алиса, вышла из спальни и отправилась к Соне, в чьей комнате казалось подозрительно тихо, хотя ей тоже пора было собираться.

Девочка ее и не заметила. Стояла в наушниках над террариумом с улитками, пританцовывала и еле слышно напевала себе под нос что-то по-английски. Судя по всему, шел процесс кормления. Сонька подкладывала своим ахатинам капустные листья с порезанными огурцами. Сумка с тетрадями валялась где-то в стороне, а киндл оказался заброшен и забыт.

Она была уже одета в школу и выглядела вполне себе прилежной ученицей – даже с косой. Только челка неровно подстрижена. Явная самодеятельность. Когда только успела?

Алиса постояла некоторое время на пороге, наблюдая за дочкой. Ярким видением вспомнился Макаров, скармливающий, пока она не видела, семгу Францевичу. С точно таким же деловитым видом, как сейчас Соня. И она особенно теперь была похожа на Илью. Уменьшенная копия, разве что с косой.

Слезы подступили к глазам, и Алиса выскочила в коридор, не зная, где укрыться от прошлого, кружащего вокруг нее. Она сделала глубокий вдох и едва не хлопнула себя по лбу. «ArchSpace», Лешек, контракт... Собраться, выйти из дома и сказать Скорупе, чтобы искал другого архитектора. Не позволяя себе больше метаться в воспоминаниях, она буркнула «пока!» Никите, чуть позже чмокнула в макушку торопливо убегающую Соньку и спустя еще полчаса сама вышла из дома.

Чтобы уже через минуту наткнуться на внушительную тушу Ильи Евгеньевича, скрестившего на груди руки и опирающегося на ствол старого клена, будто стоял здесь уже давно. Очки его на солнце поблескивали так, что не видно было глаз. Носком кроссовка он преспокойно ковырял клумбу.

- Чувствую себя каким-то подпольщиком, - сообщил Макаров, едва она приблизилась.

Алиса молча взглянула на него – глаз ее тоже не было видно за темными стеклами – и свернула на дорожку к гаражу. За спиной тут же раздались торопливые шаги. Илья обогнал ее и замер, не пропуская вперед.

- Я тебя в последний раз прошу, - быстро заговорил он. – Я больше не буду тебя трогать и, если не захочешь, даже не приближусь к тебе.

- И это не могло подождать всего один час?

- В офисе мы бы подписали контракт, и ты уехала бы домой, ничего не слушая.

- Поэтому ты счел за лучшее явиться ко мне домой. Ты думаешь, мне мало воскресного скандала?

Наверное, если бы не очки, то молнии, мелькавшие в его глазах, непременно вырвались бы наружу. Но им обоим повезло – с его близорукостью. Макаров уперто выдвинул вперед свой длинный подбородок и ответил:

- Если бы я хотел скандала, вломился бы еще вчера. Но вместо этого стою и жду, когда ты соизволишь выйти. Дай мне десять минут. Десять – и я свалю из твоей замечательной жизни!

- Десять минут, - сказала Алиса, заметив мелькнувшего в окне своей квартиры домовладельца, и усмехнулась.

В ответ на эту ее усмешку он только и смог что кивнуть. Потому что в прошедшие сутки, если о чем и думал, так только о том, как уговорить Алису поговорить, уверенный в том, что она ни за что не согласится. А теперь впал в ступор, не понимая, как облечь в словесную форму то, что нужно было сказать.

Его взгляд забежал по ее лицу, по одежде, по рукам, в которых она сжимала сумку. А в голове отчаянно бился ее голос в ту минуту, когда она выкрикивала ему свое имя на том проклятом мосту, где он окончательно потерял голову. Нет, не алкоголь... Просто вдруг на мгновение ему показалось, что они те же... И что он имеет право ее целовать.

Макаров вытянулся в струну, став, кажется, еще выше, чем был. И медленно проговорил:

- Я... видишь ли, я не с того начал... в самый первый день не с того... Мне следовало, наверное, радоваться, но как-то не получилось радоваться... Я до сих пор не понимаю, что за подстава, - смешок из груди все-таки вырвался, но он продолжил. – И я не знаю, как к этому всему относиться. Как правильно реагировать... Ты была слишком мне дорога, чтобы сейчас вести себя так, будто ничего не произошло.

- Прости, что оказалась живой.

Макаров вздрогнул, рванулся было к ней, но удержал себя на месте. Только теперь уже на нее не смотрел.

- А я, оказывается, разучился разговаривать, - негромко рассмеялся он. – Черт, Алиса, я столько времени мечтал о том, чтобы все тебе сказать! Чтобы ты поняла, почему... Когда ты мне звонила, я валялся пьяный и ненавидел тебя. Когда протрезвел – себя возненавидел. Какого хрена ты завалилась тогда именно в тот клуб, а? Других не было?

- Прости, что доставила тебе неприятности, - проговорила она равнодушно.

- Да черт подери! Там камеры были установлены прямо напротив вас! Вас мать видела! И я видел все, понимаешь? Я знаю, что вы целовались, а потом ушли вместе. И я знал, в котором часу ты домой явилась! Я поверил! Не тебе – записи! Потому и выгнал, потому и... Сейчас звучит тупо... Наверное, можно было и не говорить. Дня не было, чтобы я не думал о том, что никогда не смогу объяснить... Такое не прощают... Мне Ник потом сказал, что тогда случилось. Так что, как видишь, я не только сволочь, но еще и тупица.

- Прости, что стала причиной твоей заниженной самооценки. Но мы рискуем опоздать в «ArchSpace».

- Десять минут еще не прошли, - выдохнул он.

- И? Что ты хочешь услышать?

- Я виноват перед тобой. Я хотел сделать тебе больно, я хотел тебя наказать, потому что больно было мне, - Макаров резко поднял глаза и посмотрел в ее лицо. Ему снова было двадцать лет, и он снова оправдывался за сыгранную когда-то игру. Таким она видела его однажды – на кухне, где он выкурил целую пепельницу сигарет и обрывал ее телефон. За день до их конца. Илья разлепил губы и снова заговорил: - Алиса, я тогда не знал ничего, я сейчас не знаю, можно ли за такое прощения просить. И, наверное, все это значения для тебя больше уже не имеет. Но если когда-нибудь сможешь... хотя бы понять, почему я сделал то, что сделал...

- Что это изменит?

- Не знаю... Меньшим мудаком я точно не стану... Но я тогда не знал, что потеряю тебя на всю жизнь.

- А как еще это могло быть? На полжизни? На полтора года? Ты выгнал меня. Это бывает только навсегда.

- Этого я тоже не знал, - хмуро ответил Макаров. – Я тогда думал только о том, чтобы ударить тебя сильнее. Меняхватило на неделю, а потом все оказалось поздно. Не исправил.

- Если тебе станет легче – я никогда тебя ни в чем не винила.

- Вряд ли мне когда-нибудь станет легче, - на его губах на мгновение появилась улыбка, не нашедшая отражения в его глазах, серьезных, больных. – Но спасибо... Во всяком случае, теперь я хоть знаю, что у тебя все хорошо. Это больше, чем я мог когда бы то ни было рассчитывать. И я за тебя рад, правда... с этого надо было начинать... За то, что я в воскресенье натворил, прости. Я снова думал о себе, а не о тебе.

- Уверена, я смогу пережить, что ты обо мне не думаешь.

- Алисаа...

Он о ней не думал. Он готов был жизнь отдать за то, чтобы она была счастлива. К мыслям это отношения не имело – только к чувствам. И вместе с тем он умирал от осознания того, что она счастлива с другим. Разве это объяснишь? Разве можно это сказать словами? И сказать так, чтобы она услышала, когда она не хочет слышать?

Макаров сунул руки в карманы и глянул в небо. Солнце светило, а он будто не верил, что оно может светить – к чему? Цвета неба он не видел уже давно – в любую погоду оно было одинаково безликим.

- Тогда, наверное, все, - сказал он, запрещая себе думать об этом. – Спасибо, что выслушала. Обещаю тебе, что впредь не стану навязываться.

- В офис подвезти? – спросила Алиса, глянув на часы.

- Нет, не надо. Доеду на такси. Все равно еще рано.

- Как знаешь, - сказала Алиса и скрылась в гараже.

И первым делом, едва добралась до офиса, заглянула в приемную.

- Пан Скорупа здесь? – спросила она у Агнешки.

Агнешка оторвалась от монитора компьютера, кивнула и проговорила:

- Да, встреча через сорок минут, он уже приехал, пана Гловача ожидает.

- Я зайду?

- Конечно, пани Куликовска. Кофе?

- Нет, - отказалась Алиса и зашла в кабинет.

Лешек стоял у стола, листая страницу за страницей документы и усмехался себе под нос. Когда увидел вошедшую, улыбнулся еще шире и сообщил:

- Хорошо, что зашла. Договор готов окончательно. Их юристы вчера прислали добро. Так что подписываем и работаем.

Алиса прикрыла за собой дверь, прошла к столу и устроилась на одном из стульев. Потом посмотрела на Скорупу и уверенно сказала:

- Вам стоит найти другого архитектора.

Лешек ошалело поднял глаза.

- С ума сошла! Что случилось?

- Я не смогу вести этот проект.

- В воскресенье еще могла!

- Сегодня вторник. Обстоятельства изменились.

- Ты что делаешь, Алиса? Обстоятельства! Через две недели ты должна ехать в Россию! Смотреть место, обсуждать детали! Здесь изначально на тебе завязано. Мы им побоку, им ты

нужна!

- Какая Россия, Лешек! – вспылила она. – Я не хочу ни в какую Россию.

- Обыкновенная, ты там родилась! – не оставался в долгу пан Скорупа. – Вот и съездишь. А работать можешь хоть из Зимбабве! Лишь бы клиент был результатом доволен!

- Он не будет доволен результатом, - хмыкнула Алиса. – Ок, наймите еще кого-нибудь. Пусть съездит в Петербург, посмотрит место, разберется с документацией. Я сделаю проект, гонорар делите на ваше усмотрение.

- Что у тебя за проблема, объясни мне? Это несколько дней, от семьи отдохнешь. И от Филипа, кстати, тоже!

- При чем здесь Филип?

- То есть при чем здесь твоя семья – неважно? – подмигнул Лешек. – Значит, что-то дома. Алиса, ну не режь ты меня. Это же почти отпуск. Красивый город, побудешь одна. Все и устроится.

- Отпуск у меня может быть в Испании. Но, кажется, никого это не волнует.

- Прости, дорогая, но меня волнует этот контракт. Если бы он зависел еще от кого-то, кроме тебя, я бы слова не сказал. Пан Макаров твой со всеми потрохами. Вот и забирай.

- А если я не вернусь? – рассмеялась Алиса. – Останусь... там, где родилась.

- Будешь работать дистанционно!

- Не буду, - она откинулась на спинку и скрестила руки на груди. – Уеду, уйду в декрет и стану банальной домохозяйкой.

- Сначала вы, пани Куликовска, построите нашему клиенту его башни и мосты! Потом делайте, что хотите, - рассмеялся Лешек.

- Тиран!

- Саботажница!

Громыхнув стулом, Алиса резко поднялась и сказала:

- Я подумаю, но не обещаю!

- У тебя на это полчаса. И если ты мне сорвешь контракт перед носом пана Макарова, в асфальт закатаю.

В асфальт он ее, естественно, не закатал. Милостиво отпустил, когда контракт был подписан. Сразу после этого она сбежала. Сбежала от них от всех, от всех этих людей, которые терзали ее уже тем, что были вокруг.

И до поздней ночи бродила по городу, прохаживалась мостами, дышала летним воздухом. И сходила с ума от бесконечной россыпи этих мостов и свежести этого воздуха.

Мосты... Мосты преследовали Алису всю ее недолгую, но наполненную, пусть и не тем, о чем ей мечталось, жизнь.

Раскидывались прочными диафрагмами воспоминаний о прошедшем, прожитом, вычеркнутом, брошенном. Ставшем чужим.

Заставляли брести изо дня в день, от берега к берегу, от вдоха к выдоху, от прошлого к будущему.

Без настоящего. Настоящее ускользало, наполняясь несбывшимся и несбыточным.

По пути она ощущала вибрацию мостового полотна, дразнившую кожу и утомлявшую сердце.

Мостами горделиво хвастался Петербург. И львы, ставшие свидетелями их первого поцелуя, снились ей по ночам. Теперь уже совсем редко. Не Илья, не тепло и настойчивость его губ, а каменные бездушные изваяния, глядящие на них равнодушно...

В магистратуру инженерии мостостроения в Политехнике Ополе звал ее профессор Возный, читавший у них смежный курс. Он увлеченно говорил о ее способностях и интересовался Сонькой после того, как она в очередной раз отказалась, рассказав о семье и дочери. Алиса понимала истинное значение настойчивых уверений профессора подумать, но, черт возьми! почему он разбирался не в реставрации зданий...

И Вроцлав тоже предательски подстерегал ее своими многочисленными мостами. Напоминающими, смещающими реальность, сводящими с ума.

Синий, красный, белый, зеленый... Разноцветье железных ферм.

Как в Петербурге. Или в Петербурге, как во Вроцлаве. Она ненавидела мосты. И шла гулять по ним снова и снова. Доставляя себе долго ноющую боль, как в детстве, когда с упоением отдираешь жесткую, засохшую корку с разбитой коленки.

За окном машины накрапывал дождь. Не сильный, но скучный. И серый, как асфальт. Такими же серыми были дни перед отъездом Алисы из Вроцлава. Лешек оказался прав, поездка в Петербург была теми самыми каникулами друг от друга, о которых она говорила Никите.

Тот по-прежнему не приходил в восторг от ее идеи, но в день их с Соней вылета как заботливый муж собирался на работу не раньше обеда, чтобы отвезти их в аэропорт.

«И обязательно тащить ее с собой?» - спрашивал он за завтраком.

«Посмотрит на родину родителей, - пожала она плечами в ответ. – Красивый город. А у нее все равно каникулы».

Кривая усмешка, исказившая в это мгновение его черты, сулила мало хорошего.

«Родителей! – бросил он. – Воссоединение?»

«Я еду работать».

«Ты едешь к нему. Иначе не забирала бы Соньку».

«Я всего лишь беру ее с собой. Кроме того, Соне скоро в лагерь».

«Ты хоть на минуту можешь себе представить, каково мне сейчас?»

«Могу, - Алиса подняла глаза от тарелки. – Могу, Ник. Но, может, тебе лишь кажется все? Побудешь без нас».

«Будто ты оставляешь мне выбор».

«Выбор есть всегда», - улыбнулась Алиса.

Так же улыбалась она ему, целуя в аэропорту на прощанье. Сонька, в предвкушении путешествия, вертелась под ногами.

«Ахатинов не трогай!» – в тысячный раз велела она отцу, подхватывая сумку.

«Помню, - мрачно отвечал он дочери, - впадут в спячку».

В Пулково их встречали. Водитель сообщил, что ей заказан номер в «Индиго».

- И где это нынче? – спросила Алиса.

- Да «Нева» бывшая.

- Цветовая гамма из названия не ушла, - усмехнулась она.

Сонька с интересом прислушивалась к разговору и вертела головой из стороны в сторону. Изредка задавала вопросы. Алиса задумчиво отвечала, иногда невпопад, чем изрядно смешила дочку. А когда впереди заметила темную громаду отеля, неожиданно попросила отвезти их во Всеволожск.

Они весело гоняли пыль по квартире, когда появилась баба Зоя с графином вишневки и пирогом.

- А я тебя в окно увидела! – сообщила она и потрепала Соньку по голове. – Это ж сколько тебя не было?

- Долго, - усмехнулась Алиса.

Засиделись допоздна. Будильник с утра показался палачом, и Алиса почти завидовала Соньке, которая могла дрыхнуть до обеда. Она же досыпала в такси под шум дождя и бормотание радио.

«Sky Tower» встретил ее внушительным офисным зданием и стройными рядами многочисленных охранников и администраторов, пробравшись сквозь который, она оказалась в приемной господина Макарова. В качестве его личной охраны выступала секретарша, выделяющаяся из всех прочих, встреченных сегодня по пути в святая святых, строгостью костюма, непроницаемостью взгляда и совершенно немодельными пропорциями фигуры.

- Пан Макаров у себя? – спросила Алиса.

- Это зависит от того, кто вы, - невозмутимо ответствовала сторожиха.

- Алиса Куликовская.

- Проект нового ТРЦ?

Алиса кивнула.

- Одну минуту.

Сторожиха сняла трубку телефона и скороговоркой протарахтела:

- Илья Евгеньевич, приехала архитектор Алиса Куликовская, ожидает в приемной... Да... Только что... Хорошо, - она положила трубку, встала со своего кресла и посмотрела на гостью: - Идемте, я вас проведу.

- Путь к Минотавру, - пробормотала Алиса и послушно пошла за секретаршей.

Дверь в «президентский» кабинет распахнулась, и пред нею предстали вскакивающий с места Илья Евгеньевич и молодая женщина, сидевшая на диванчике и резко обернувшаяся к вошедшим всем корпусом. Лицо ее казалось едва ли менее растерянным, чем у «пана Макарова». И вместе с тем – смутно знакомым. Идеальная укладка – волосок к волоску, темно-синий костюм с белоснежной рубашкой, лицо – немного кукольное, красивое. И глаза, глядящие с недоверием.

- Алиса Владимировна, - разорвал тишину глубокий голос Макарова. – Мы ждали вас не раньше полудня. Дорога все-таки. Это... вы знакомы, кажется...

- Знакомы, - отозвалась женщина с диванчика.

- День добрый, - кивнула Алиса всем сразу. – Если я не вовремя, могу прийти к двенадцати.

- Нет, нет, - быстро отрезал Макаров любые пути к отступлению и переключился на секретаршу: – Алёна, сделайте нам кофе. Алиса Владимировна?

- Спасибо, нет, - отказалась Алиса. Кофе плескался у нее вместо крови с самого утра.

- Нина Петровна?

- А я уже уйду, - хмыкнула «Нина Петровна».

- Тогда не надо кофе, - кивнул Макаров секретарше. Та величественно прошествовала из кабинета. – Алиса Владимировна, присаживайтесь.

И снова установилась тишина, которую нарушила Нина.

- Добро пожаловать снова на этот свет, - изобразила она вежливую улыбку.

- Спасибо, Нина Петровна, - улыбнулась Алиса по-настоящему, удобно располагаясь в кресле неожиданно красного цвета.

- Удивили вы, ничего не скажешь, - хмыкнула та и встала с диванчика. – Ладно, оставляю вас, работы невпроворот. Илюш, дальше в телефонном режиме буду держать тебя в курсе событий, как там разрешится с этим кинотеатром. Задолбали!

- Верю. Удачи!

- Ага!

Нина быстро клюнула Макарова в щеку и упорхнула следом за сторожихой.

Милая сценка осталась Алисой незамеченной, в этот момент она рассматривала кабинет, вертя головой точно так же, как накануне Сонька. А Макаров стал рассматривать ее, едва за Ниной закрылась дверь. Легкая улыбка тронула его губы. Он не спеша приблизился к ней. И голос его, зазвучавший снова, стал спокойным и сдержанным.

- Как добралась?

- Обыкновенно, на самолете, - она резко повернулась к нему. – Цветы зачем?

- С возвращением домой, - пожал он плечами.

«Полянка» из всевозможных редких и не очень бутонов и стебельков, укомплектованных в букет, была выбрана в студии цветов, расположенной на первом этаже «Sky Tower», и отправлена Алисе Куликовской во Всеволожск с курьером ранним утром. И для чего понадобилась эта выходка – Макаров ответить себе затруднялся. Просто спать не мог всю ночь с той минуты, как Толик, встречавший госпожу Куликовскую в Пулково, сообщил, что архитекторша проигнорировала забронированный гостиничный номер и погнала его к черту на куличики.

- Ты обещал. И снова сделал наоборот.

- Прости, я не подумал.

- Зато мне придется думать, что говорить дочери, когда она спросит.

Его брови удивленно подпрыгнули над очками:

- Ты с ней, что ли?

- Неужели тебе сообщили о моем местонахождении и утаили наличие ребенка? – усмехнулась Алиса.

- Представь себе. Иначе был бы еще какой-нибудь заяц плюшевый.

- Давай оставим зоопарк и ботанический сад в покое, - проговорила Алиса деловым тоном. – Я приехала работать. И лишь потому, что на этом настаивал Лешек. Чем быстрее я закончу, тем быстрее вернусь домой.

Макарову только и оставалось, что поднять руки вверх. Что, собственно, он и сделал, не только в фигуральном смысле.

- Сдаюсь! – беззаботно рассмеялся он. – Все, что касается земли... Юра... в смысле, мой зам, Юрий Палыч Тё... пригонит тебе любых экспертов, если надо... Работать будешь здесь или на дому? Кабинет предоставим. Обещаю, что в другом конце здания от меня.

- Сначала я посмотрела бы место...

- Как скажешь. Там жилой массив. Грунт подтапливается и плышет. Надо укреплять.

- Мне интересно, как твои башни будут смотреться среди домов.

- Считаешь это глупой затеей?

- Нет. Но посмотреть надо.

- И, я полагаю, это ты тоже хочешь сделать побыстрее?

- С учетом того, что через неделю я должна быть в Польше, затягивать этот процесс определенно нежелательно.

- И ты уложишься за неделю? – приподнял он бровь.

- Вполне, - усмехнулась Алиса. – И можешь не переживать. Твои пожелания будут учтены максимально.

- Все?

- Все. Касающиеся проекта.

- Отлично, - почти по-деловому принял Макаров, вернулся к своему столу и сел в кресло. – Я полагаю, моя физиономия во время этой поездки большого удовольствия тебе не доставит... да и мне надо работать... Юра... Юрий Палыч тебе покажет и расскажет... Он в курсе всего, и к нему можешь обращаться за всем, что понадобится, как ко мне.

- И что тебе мешало отправить его в Польшу? – буркнула Алиса негромко.

- Желание познакомиться с талантливым архитектором, - парировал он, снял трубку и проговорил: - Алёна, пусть Тё ко мне зайдет сейчас, пожалуйста. Спасибо.

Потом снова обратился к Алисе:

- Он на четверть кореец. Крайне исполнительен и чрезмерно трудолюбив. Короче, сработаетесь.

- Ну если ты так уверен...

- Либо я, - ухмыльнулся Макаров.

- Что ты? – переспросила недоуменно Алиса.

- Либо я тебя везу. И работаю тоже я. С тобой. Всю неделю.

- Хочешь откровенно?

- Давай.

- Я была бы тебе крайне признательна, если б ты сказал Скорупе, что предпочитаешь другого архитектора.

Макаров засмеялся, но было в его смехе что-то нервное, рваное. Он откинулся на спинку кресла. Взгляд его под очками опасно блеснул. А голос прозвучал совершенно спокойно:

- Поздно пить боржоми. Потерпи неделю.

- Где твой Юрий Павлович? – хмуро спросила она и отвернулась.

Илья хмыкнул и снова потянулся к телефону. Но в этот самый момент дверь распахнулась, и в кабинет вкатилась внушительная стокилограммовая туша в темно-синем костюме и с длинной рыжей бородой, почти достояющей до груди. Корейской у него была разве что только фамилия

- Вот мой Юрий Павлович! – махнул Макаров рукой. – Это Алиса Владимировна Куликовская, прошу любить и жаловать!

Юра обстановку оценил мгновенно и в секунду оказался возле гостыи.

- Приятно познакомиться, пани Куликовская, - радушно, почти по-барски прогромыхал он мощным басом.

- И мне, - с облегчением выдохнула Алиса.

- Как долетели? – в который раз слышала она за последние сутки – от шофера «Sky Tower», бабы Зои, Логинова по телефону, Лешака по нему же, Макарова, а теперь и его зама.

- Спасибо, хорошо.

- Юрий Палыч, - встрял Илья, - поручаю тебе нашу гостью. Сегодня едете смотреть участок. Дальше... дальше тебе вот она, - он кивнул на Алису, - расскажет.

- Вы хотите ехать прямо сейчас? – поинтересовался Тё.

- Да! – решительно выдала Алиса и поднялась из кресла.

- Тогда прошу вас! – он указал на дверь. И они дружно прошествовали на выход. – Не

прощаюсь! – бросил Юра напоследок. И Макаров остался один.

Несколько мгновений он тупо смотрел прямо перед собой, пытаясь сообразить, что это было. Они препирались? Они препирались с Алисой? Спустя целую дюжину лет, они препирались с Алисой. И это чувство казалось ему каким-то космическим.

Он в очередной раз потянулся за трубкой, услышал сторожихино «да, Илья Евгеньич?» и проговорил:

- Алён, а у нас вода холодная есть, а?

- Есть, - сообщила секретарша. – И лед есть.

- Не, лед не надо. Мне воды просто. Принесете?

Через полминуты перед ним на столе стояли бутылка минералки и стакан.

- Может быть, вызвать Леночку? Сегодня она дежурная официантка.

- Нет, ничего не нужно, спасибо.

Секретарша всепонимающе кивнула и безмолвно покинула кабинет. Макаров проводил ее взглядом. И почувствовал, как губы сами собой подергиваются. Хоть нервы лечи, ей-богу.

Но вместо этого он медленно встал из-за стола. Открыл бутылку – вода действительно была достаточно холодной – наполнил стакан. Отхлебнул немного. Потом досадливо поморщился, думая о какой-то невыносимой ерунде в эту минуту, снял очки, небрежно бросив их на стол, и со стаканом пошел в угол кабинета, к окну. Там резко наклонился и вылил оставшуюся воду себе на голову, залил и себя, и пол. Так же резко разогнулся, тряхнул мокрой головой и пятерней откинул назад челку, с которой на лицо стекали капли.

Page 4

- На самом деле, у тебя масса вариантов, если подумать. Только сперва себе на вопрос ответь, ты рожаеть или нет, - фрамуга поддалась только со второго раза, и Макаров, наконец, пустил в кабинет воздух. Он обернулся и добавил: – Оно тебе сейчас надо?

- А потом может быть поздно, - медленно проговорила Нина, выбирая из салата маслины. Один их вид вызывал у нее сейчас тошноту.

- Откуда такая безнадега, Мышь? – Илья вернулся к столу и уселся на свой стул. – Лучше?

- Да, спасибо, - кивнула она и подняла голову. – Это не безнадега. Это реализм.

- Ок, договорились. Значит, рожаеть. Варианты озвучивать?

- Ну озвучь, - усмехнулась Нина.

Макаров отодвинул тарелку, откинулся на спинку, поднял руку и с самым озорным выражением на лице принялся загибать пальцы:

- Мы можем пойти к гадалке, например. Это мой любимый вариант. Раскинуть карты, погадать на кофейной гуще. Попахивает приключением, чуешь?

- Попахивает суевериями, - Нина подперла ладонью подбородок и с интересом следила за Макаровым.

- А тебе положено быть суеверной. Ладно, отмечаем. Второй вариант. Продержаться до родов, а потом внимательно изучить физиономию отпрыска и претендентов на отцовство. Третий. Тест на отцовство, но это самое скучное. И четвертый. Забить на природу и самой решить, кто больше подходит на роль счастливого папаши. Из двоих, я думаю, выбрать не

очень сложно.

Ей еще повезло, что только из двоих. Это значительно сужало выбор, если воспользоваться советом Ильи. Впрочем, тест на отцовство, хоть и скучно, но надежно. А Нину устраивал любой – оба крепко стояли на ногах и смотрели на ее прихоти сквозь пальцы.

- А если бы я предпочла выбрать третьего? – спросила она Макарова, снова вернувшись к еде. Аппетит становился нешуточным, несмотря на избирательность.

- Неожиданно и очень свежо! – воодушевился Илья. – Про тебя хоть кино снимай.

- Пока еще рано. Вот выйду на пенсию, напишу мемуары... В продюсеры пойдешь?

- Я всегда в деле, ты ж знаешь. Черт, я в форточку покурю или не нагнеть?

- Кури, - пожалала плечами Нина. – Приедут пожарные – сам будешь разбираться.

Макаров усмехнулся, достал из кармана сигареты и зажигалку, поплелся к окну и открыл створку пошире. Закурил и некоторое время смотрел на силуэт городских крыш, выступающих из пугающе лилового неба. Поморщился и отвернулся, махнув рукой и отгоняя дым.

- Значит, с Громовым совсем все? – хмуро спросил он. – Окончательно?

- С ним давно окончательно.

- Что? Больше и не пасет?

- Звонит иногда, - равнодушно ответила Нина. – А давай его женим?

- Тебе нехер делать?

- Во мне проснулся дух сватовства. Венику найдем что-нибудь молодое и активное, - рассмеялась Нина и быстро добавила: - А из тебя сделаем папашу.

Макаров ничего не ответил. Заставил себя промолчать. Пустил дым на улицу. Пересчитал окна в доме напротив. Громов пас Нину столько лет, что пальцев обеих рук не хватит пересчитать. Правда, между делом он успел дважды жениться и развестись. Но есть вещи, которые навсегда. Их дружба с Мышью тоже навсегда. Из того же разряда.

- Давай лучше мне молодое и активное, а из Веника папашу, - в конце концов, выдал он после длительного молчания.

- Макаров, я не ослышалась? – удивленно спросила Нина, упершись взглядом в его спину.

- Ты б подумала, - продолжал посмеиваться Илья. – Вот ему реально потом может быть поздно. Пятый десяток разменял.

- Да отстань ты со своим Веником, - отмахнулась она. – О тебе интереснее. Ты всерьез готов жениться?

- Таааак, - Макаров снова повернулся к ней, в глазах его, сейчас не скрытых линзами очков, плясали веселые огоньки. – Опять мама подслала, да? Мало ей агента у меня дома?

- При чем здесь Валентина Павловна. Ты сам сейчас условие сообщил. Кстати, вот запросто, а?

- Ешь свой салат и не фантазируй, - отмахнулся он.

- Ясно, - улыбка сползла с ее лица. – Твоя недопанна и мертвая жизни тебе не давала. Теперь она еще и воскресла...

- А вот сюда точно не лезь, Мышь, - ответил он, не приближаясь больше, но буравя ее тяжелым взглядом.

Они никогда не вспоминали того, что случилось ночью, когда Нина призналась ему в любви. Совсем никогда. Из Германии она его встречала, может быть, с некоторой надеждой,

но та улетучилась довольно быстро. Потом они просто работали вместе, просто общались, просто сумели вернуть свою дружбу. Но это не значит, что все было забыто. Никто никогда и ничего не забывал. И Альку помнили оба.

- А то что? – с вызовом спросила Нина. – Нарывы надо вскрывать, Илья.

- Теперь мы играем в больничку, и ты у нас хирург?

- Ну кто-то же должен!

- Позволь со своей жизнью мне разбираться самостоятельно. И в том, как сложилось, она не виновата.

- Какое благородство! – язвительно проворчала Нина. – Только если бы не этот твой дурацкий корабль, ты бы так и считал ее мертвой! Ей хватило ума извиниться?

- По всей видимости, всем, включая тебя, было бы лучше, если бы я и дальше считал ее мертвой, - зло рассмеялся Макаров. – Все, Мышь. Впредь я не стану это обсуждать, постарайся запомнить!

- Где ты только ее откопал! – сказала она, уткнувшись в тарелку.

- У Литейного моста, - буркнул Илья.

Домой он возвращался в странном состоянии отупения. Оно наваливалось на него иногда в последнее время после поездки в Польшу. После Алисы. Он то не находил себе места, мечась по городу в поисках хоть чего-то, что займет голову, то впадал в ступор. Как и теперь.

Чувствовал себя пауком в бутылке. Вокруг мир бурлит и переливается, а он даже паутину сплести не может – стекло скользкое. Нужно было что-то делать. Его энергия искала выхода – и не находила. Он был связан словом, ее семьей, своими ошибками и годами, что пролегли между ними. Слишком много связующих деталей, мешавших даже дышать.

Когда-то давно думал, что если бы вернуть все назад, если бы она была жива, то он чувствовал бы себя освободившимся. Хотя бы потому, что имел бы возможность сказать ей то, что мучило его столько лет. Оказалось, заблуждался. Она жива. Но он по-прежнему ничего не может – даже заставить ее слышать.

Если бы это хоть немного походило на нарыв, он бы даже радовался. За дренажем при соответствующем уходе следует полное исцеление. Нет, у него будто ноги или руки не было. Фантомные боли. Инвалидность на всю жизнь.

Дверь открыла Василиса Сергеевна.

- Я трезвый! – рыкнул ей с порога Макаров.

- В это время суток вы редко бываете нетрезвым, Илья Евгеньевич, - отозвалась домработница, закрывая за ним дверь. – Вот если бы вы вернулись под утро...

Илья кивнул и разулся. Сразу направился в гостиную, взял со стола стакан и придвинул графин. И только потом проговорил вошедшей следом женщине:

- Это я к тому, Васенька, что так и можете передать Валентине Павловне. Илья Евгеньевич в полном порядке...

- Я совершенно не понимаю, о чем вы говорите, - с чувством королевского достоинства сказала Василиса. – Ужин подавать?

Илья устало вздохнул, провел ладонью по волосам и мрачно кивнул.

- Нет, я ужинал в офисе, - глухо произнес он. – Извините.

- Есть компот, ваш любимый, - не унималась домработница.

- Терновый?

Василиса кивнула.

- Холодный!

- Умеете вы соблазнять, - мрачно заметил Макаров. – Давайте.

Домработница довольно удалилась на кухню и вернулась через пять минут с подносом, на котором на кружевной салфетке в самом центре стоял кувшин с компотом и высокий стакан с гранями, закрученными по спирали.

- Дальше я сам, - буркнул Илья.

Он все еще стоял посреди гостиной, так и не присев. Когда Василиса оставила его одного, судорожно перевел дыхание, плеснул напитка в стакан, но вместо того, чтобы пить, поплелся в свою комнату, наверх. И каждый шаг по лестнице давался ему так тяжело, как если бы к ногам привязали гири. Он давно не чувствовал себя таким изможденным. Мучился каждую минуту, каждую секунду... и не знал, как излечиться.

Вошел в комнату. На кровати свернулся калачиком сонный Францевич. Его сопение успокаивающе в кои-то веки не действовало. Напротив – оно вызывало волнами накатывавшие воспоминания. Горячие, болезненные, заставляющие горло сжиматься в спазмах. Если бы он не знал, что это такое, наверное, было бы страшно. Тоже своего рода фантомная боль.

Макаров сдернул душивший его галстук и бросил прочь. Еще один предмет сковывавший все вокруг.

Алиса приехала. Спустя двенадцать лет Алиса приехала с того света – просто лифтом поднявшись на его этаж. И она была чужой. Вела себя, как чужая. Даже смотрела на него, как женщина, которой до него дела нет. Они будто разговаривали на разных языках. Раньше ему казалось, что понимали друг друга без слов – теперь просто разучились говорить. Он был пауком в стеклянной бутылке. И как бы он ни кричал, она не могла его слышать.

Чего еще ждать после стольких лет? Друзьями, как с Мышью, они никогда не станут. Черт подери, Алиса никогда не будет нужна ему в качестве друга! Какая дружба между ними после всего?

Макаров медленно подошел к большому комоду возле окна. Старинная дубовая махина, произведенная в Тифлисе, найденная среди рухляди на блошином рынке и собственноручно приведенная в божеский вид, заменяла ему и письменный стол, и сейф, и даже аптечку. Он помнил, как купил его в первый месяц по возвращении из Мюнхена.

Тогда шел дождь. Противный, мерзкий. И это чудо с резной поверхностью, покрытое многими слоями грязи и отвратительно дешевой, лущившейся и вздувающейся белой краски, просто стояло на улице, ничем не защищенное, никому не нужное. Макаров налетел тогда на «антикварщика», как полубезумный, спрашивая, за сколько тот отдаст, и как можно забрать. Отдали за бесценок. Забирал сам.

Комод благополучно перекочевал в особняк отца. Илья возился с ним несколько недель, скребком слой за слоем снимая старую краску, шлифуя дерево, покрывая его пековым лаком, меняя ручки и замки. До тех пор, пока он, в конце концов, не превратился в настоящее произведение искусства. Если бы точно так же, как мебель, в порядок можно было привести собственную душу. Смешно. Тогда ему казалось, что он самого себя создает заново.

Но, как в одном из ящиков комода, с внутренней стороны на стенке было отпечатано слово «Тифлисъ», так на нем самом отпечаталось его прошлое.

И он всегда будет тем же мальчишкой, который едва не сошел с ума от горя, сколько бы слоев отвратительной белой краски на него ни нанесли, сколько бы ни держали под

дождями, сколько бы ни кочевал по свету.

Здесь же, в комод, на самом дне нижнего ящика, под футболками, в которых он ходил по дому, лежал маленький фотоальбом десятилетней давности. Альбом, куда когда-то он в очередном приступе мазохизма вставлял Алькины фото. Это тоже было после Германии. Из того времени, из той квартиры он забрал только Францевича и эти фотографии.

Вернее, Францевича привез в Мюнхен еще отец. И Илья частенько не без удовольствия представлял себе, как сам Евгений Степанович Макаров, крупный бизнесмен, владелец корпорации, озабочен оформлением документов для беспородного кота с порванным ухом. А за фотографиями он сам приезжал. Много позднее.

Квартира в Кузнечном переулке все еще числилась за ним, и избавиться от нее он не позволил. Ему была отвратительна сама мысль о том, что кто-то когда-то вздумает переставить там мебель или покрасить стены, когда-то разрисованные Алькой. И неважно, что с годами те тускнеют. Он и сам тускнел с годами. И понимал, что не всегда может вспомнить ее лицо. Лишь черты в отдельности. И это тоже было его наказанием.

Что ему оставалось от нее, кроме фото и стен, в которых он жить не может?

Фотографии увез с собой, не задержавшись в квартире ни на секунду дольше, чем нужно было, чтобы их найти. Они валялись там, где их и оставил когда-то – на журнальном столике, забитом до отказа выпусками «Роман-газеты», в бумажном пакете, в каком их забирали из печати. Только вспомнить не мог, кто заказывал. Он сам или Алька уже позднее, когда понадобилось менять пленку в фотоаппарате.

После этого Макаров ездил в Кузнечный еще один раз, едва замаячила свадьба с Викторией. Даже на крышу вскарабкался. Только вот неба не видел по-прежнему. Не было у него больше неба. Но запахи он помнил – пыли от мебели, Алькиных духов из флакона – оставалось немного еще на дне. И застоявшегося воздуха.

Иногда он думал, что это все наваждение. Любил ли он ее в действительности так сильно, как ему казалось? Или просто память подводит, возводя прошлое в культ?

А сейчас, листая страницы альбома с ее фотографиями, Макаров в очередной раз задавал себе прежний вопрос. Только теперь у него уже был ответ.

Алька, выглядывавшая из-за облака сладкой ваты. Алькин профиль на фоне Невы. Алька на крыше в Кузнечном, прятавшая нос в большом пушистом шарфе, и ее дурацкая шапка, из-под которой торчали косички.

Если в его жизни что-то и случилось, то это Алька.

Однажды осенним днем на Диво Острове. Когда он впервые почувствовал то, чему названия тогда еще не знал.

Соня

Алиса считала часы до момента, когда сядет, наконец, в самолет. Позади останутся Петербург, «Sky Tower» и Макаров.

В офисе она больше не бывала. Аллилуйя Интернету – всю необходимую информацию она получала от Юрия Павловича и всегда в самые короткие сроки с момента запроса. Однажды, впрочем, ей понадобились оригиналы некоторых документов, но и тут господин Тё оказался понятливым и исполнительным. Они встретились на Дворцовой – Алиса вела Соньку в Эрмитаж, а Юрий Павлович любезно согласился подъехать туда, где будет удобно

пани архитектору.

Алиса ходила по городу, вспоминая пылившееся на антресолях памяти за ненадобностью, показывала Соньке парки и улицы, открывала для себя новые места и с каждым днем все яснее осознавала то, что раньше не позволяла себе признать. Она скучает. Скучает по своей молодости. Скучает по Илье. Скучает по тем нескольким месяцам беззаботного счастья, которого больше никогда у нее не было.

Никогда потом она не мчалась сломя голову после работы или занятий домой. Не таскала в рюкзаке странные вещи, пристраивая их в самых неожиданных местах и порой совершенно не по назначению. Не заводила домашних питомцев, обычных, как у всех нормальных людей.

И рисование для нее стало работой, приносящей хороший стабильный доход, но не доставлявшей того удовольствия, которое наполняло Алису, когда она разрисовывала стену старой квартиры в Кузнечном.

Однажды вечером, рассматривая фотографии в старом серванте, Сонька указала на одну из них пальцем и спросила:

- А это где?

Алиса подняла голову от ноутбука. Она с коконом сладкой ваты в руке.

Застывший кадр из прошлой жизни, оборвавшийся почти не начавшись.

- Парк аттракционов на Крестовском. Диво Остров. Хочешь?

- Агааа, - протянула радостно дочка.

И на следующий день Сонька радостно позировала у каждой сказочной фигуры, показывала коричневый от шоколадной глазури эскимо язык и задумчиво выбирала аттракционы.

- Как ты могла отсюда уехать? – выдала она вдруг, глядя на мать совершенно серьезными, даже взрослыми глазами. Она часто так делала, когда Алиса этого ожидала меньше всего на свете.

- Меня всегда тянуло в новые места.

- Тогда мы как-то мало путешествуем, - рассмеялась девочка, наблюдая, как мальчишка лет трех впереди них выпустил в небо воздушный шар, а потом ударился в плач, что тот улетел.

- А ты хочешь, чтобы мы разъезжали каждый месяц?

- Папе это не понравится! На колесо обозрения со мной пойдешь?

Алиса посмотрела в сторону медленно ползущих по кругу кабин.

- Пойду, - сказала она и неуверенно добавила: - Там как на небе.

- Да прям! Как на небе – это если в самолете или на парашоте!

- Ты права. Но пока ограничимся колесом. Идем?

- Да!

Сонька схватила мать за руку и потащила к кассе. Она очень быстро адаптировалась. И казалась старше и умнее, чем можно было рассчитывать в ее возрасте. Польский акцент был милым, забавным. Как и вечно падающая на глаза светлая челка. Ладони маленькие, меньше материнских. И очень горячие. Девчонка, но с непередаваемым характером, граничившим временами с наглостью. Наверное, поэтому она никогда так и не стала близка с Никитой. Все в ней было слишком узнаваемо.

Устроившись в кабинке, Сонька крутила головой по сторонам и просила: «Сфотографируешь меня на самом верху?»

А Алиса фотографировала, ловя себя на мысли, что здесь, на Диво Острове, на этом чертовом колесе обозрения сходство дочери с Ильей стало несоразмерным, словно на высоком лбу под светлой челкой, в серых глазах, изменяющих цвет от настроения хозяйки, отражалось родовое клеймо Макаровых.

- Как же красиво! – взвизгнула Сонька, когда они, и правда, оказались на вершине. – А давай и я тебя щелкну?

- Ты же знаешь, я не люблю фотографироваться, - улыбнулась Алиса, протягивая ей фотоаппарат.

- Но если не будет фотографий, то это как будто тебя здесь и не было!

- Тогда сделай так, как будто я здесь была.

Сонька взяла из ее рук камеру и принялась крутить зум.

- Улыбнись! – скомандовала она, а потом несколько раз щелкнула. Чуть сдвинулась, перемещаясь на другой ракурс, и добавила: - Давай будто ты вдаль смотришь!

Алиса послушно позировала, дважды зная о бесполезности споров. И чувствовала, как спираль ее собственной жизни становится кругом, сжимающимся вокруг нее, лишаящим свободы действий.

- Скачи осторожно, - запоздало сказала она дочери, когда та в очередной раз кинула себя в противоположную сторону.

- Я не боюсь высоты! – отмахнулась Сонька, облизнув губы и продолжая возиться с камерой, пока колесо начало опускаться.

- Кто бы сомневался, - проворчала Алиса и посмотрела вниз.

- Еще мороженого хочу, - снимая с шеи фотоаппарат и упаковывая его в сумку, важно сообщил ребенок, съевший до этого две порции.

- А придется есть нормальную еду, - сказала Алиса.

- Тогда сначала шейкер, - запротестовала Сонька.

- Уверена, что ростом вышла?

- Вообще-то, это меня папа называет дылдой нашего двора! Я тебя скоро догоню!

- И перегонишь... Беги, - разрешила Алиса и кивнула на лавочку. – Я тебя здесь ждать буду.

- Я только разочек! – крикнула девочка, уже убегающая. И до нее только донесся звонкий Сонин голосок с мягким польским произношением.

Алиса проводила ее взглядом и присела на скамейку. Рядом сидело семейство из бабушки, мамы и пацаненка лет шести. Обе его коленки были расцвечены густым слоем зелени, а под левым глазом красовался свежий фингал. Сам же он внимательно рассматривал ссаженный совсем недавно локоть.

Судя по всему, процесс выдачи ЦУ длился уже давно, мальчишка вздыхал и беззвучно жевал губами. Бабушка издавала возмущенные звуки, сопровождающиеся отдельными словами: «сколько же...» и «когда же...».

Наконец она умудрилась выдать осмысленную фразу:

- Вот отдадим тебя, а себе возьмем послушного мальчишка!

- Кому отдадите? – заинтересовался мальчишка.

- Ему! – сказала бабушка.

Алиса, увлеченная происходящим, проследила за ее пальцем и удивленно охнула. Прямо по указанному курсу наблюдался Илья Евгеньевич собственной персоной. И, судя по выражению его лица, было не удивительно, что им решили пугать ребенка. Его брови

сомкнулись на переносице, а мрачный взгляд из-под очков был устремлен на нее. Плотные сжатые губы чуть скривились, когда он понял, что обнаружен. Их глаза встретились. Но в его – испуга не было. Досада была. Будто в том, за чем его застукали, он не видел ничего неправильного, но сознавал, что прекратить придется. И ему это совсем не нравилось.

Вместо того чтобы стусеваться или сделать вид, что ничего не произошло, кивнув Алисе, как старой знакомой, и направившись куда-нибудь в другую сторону, Макаров, сунув руки в карманы джинсов, двинулся напрямик к ней. И, дойдя до ее скамейки, своим глубоким и густым, как тягучий пьянящий ликер, голосом произнес:

- Вечером дождь обещали, а ты без зонта.
- Ты тоже! – равнодушно ответила Алиса.
- Я не простужаюсь.
- А у меня есть дождевик. Кстати, ты что здесь делаешь?
- Не видно, что ли?
- Навязываешься, - констатировала Алиса.

Семейство по соседству шустро ретировалось. Макаров сдержанно усмехнулся и уселся на скамейку. Вид его, впрочем, несмотря на усмешку, был далек от спокойного.

- Ну... В Эрмитаже с детства не был, а в Океанариуме – вообще впервые. Так что спасибо, было увлекательно.

- Мог бы и соврать.
- Мне же не двадцать лет, чтобы врать.
- Если уж ты научился не врать, то не мешало бы научиться и выполнять обещания, - ворчливо сказала Алиса.

- Я пытаюсь, - не менее ворчливо сообщил он. – Когда-то я обещал сводить тебя сюда весной. Прости, о том, что у меня, оказывается, есть такая возможность, я узнал в прошлом месяце. Немного не успел. И если бы не случайность, ты бы даже не знала, что я здесь. Шифровался же столько времени.

- Хреновый из тебя Джеймс Бонд!
- Какой есть, - пожал Макаров плечами. – Можешь добавить в копилку моих прегрешений.
- Это не мои заботы.

Илья поднял глаза в небо. То заволокло серой дымкой – почти беспросветно. Или это только он не видел просвета? Становилось душно, как в парилке. И он очень многое отдал бы за то, чтобы глотнуть прохладного воздуха и хоть ненадолго увидеть бескрайнюю синеву.

- Девчонка у тебя прикольная, - наконец, произнес он. – Акулят кормила, думал, не уйдет от них.

- Ей дай волю – она всех кормить станет.

Макаров улыбнулся, посмотрел на Алису и проговорил:

- Дети добрее взрослых.

Пока Алиса размышляла, стоит ли отвечать, заметила Соню, вприпрыжку несущуюся по дорожке, и помахала ей рукой. Макаров глянул в том же направлении. Он ни минуты не лгал – девочка ему правда нравилась. Длинная, как ивовая лоза, ладная, с замысловатой косой, пущенной по голове. Это за ней он наблюдал последние три дня едва ли не больше, чем за ее матерью. Маленький диковинный человечек. Справедливости ради, не такой уже маленький. И на третий день наблюдений – почти не диковинный. Забавный и трогательный. Но дети всегда казались ему существами инопланетными.

А это племянница. Племянница, которую произвела на свет женщина, которая могла быть его женой. Осознание этого пришло не первый раз, но резануло по нервам – как первый.

Соня подбежала к ним ближе и замерла, глядя на незнакомца возле матери. Макаров тоже невольно выровнялся на скамье и посмотрел прямо на нее.

- Obiecałeś powiedzieć[1]! – вдруг выпалила девочка.

- Говори, пожалуйста, по-русски. Это некрасиво, - сказала Алиса и повернулась к Илье.
– Соня у нас крайне любознательна, а твоя персона вызывает у нее живейший интерес.

- Макаров, - улыбнулся он, толком не зная, как правильно представляться, - Илья Макаров.

- Соня, - сообщил ребенок, явно ступившись от слов матери, но тут же взял себя в руки и важно добавил: - Некрасиво, зато никого не обидит, чем если все поймут, что я спрашиваю.

- Резонно, - согласился Илья.

- Только еще одного ее защитника мне и не хватало! Как «Шейкер»? – спросила Алиса у Сони.

- Тошнит! – весело сообщила она. – Но есть все равно хочу.

- Тогда пошли есть, - Алиса поднялась с лавочки.

Макаров тоже вскочил, чувствуя себя несколько не в своей тарелке, но уходить, судя по всему, намерен не был. Да черт его раздери, если он сейчас уйдет! Тот факт, что Алиса то ли постеснялась, то ли не посчитала нужным сказать дочери, что они типа... родственники, его завел... и, кажется, включил Макарова-образца-двенадцатилетней-давности, хотя он совсем не хотел его включать. Этот хам временами мешал ему жить.

- Уютное семейное заведение на берегу озера или культовое место на Крестовском? – приподняв одну бровь над очками, спросил он.

- Обойдемся уютным, - сказала Алиса.

- Вот даже не сомневался, - пробормотал Илья.

В ресторанчике действительно было на редкость уютно. В эту пасмурную погоду, под легкий лаунж – особенно. Они устроились в беседке у воды и смотрели, как по ее поверхности от ветра идет рябь. Сонька нагло стащила со стола булку и бросала ее утятам, примостившимся с их края пирса, и поглядывая то на мать, то на незнакомца, иногда ловя его взгляды на себе.

Макаров и рад бы не смотреть – да не получалось. Как-то о Логинове не думалось. Нравилось наблюдать за их маленькой женской семьей, в которой мать казалась почти незнакомкой, а дочь – созданием плоть от плоти той женщины, которую он когда-то знал. И это было странно. В уравнении что-то не складывалось. Может быть, в силу того, что как раз где-то в этом уравнении и должен быть Ник.

Но об этом действительно не думалось.

Между собой они почти не говорили. Но Алиса постоянно переговаривалась с Соней, и Макаров периодически встречал, понимая, что именно встречается. И что его мнения никто не спрашивает. И что Алисе это может даже не нравиться. И что он не умеет разговаривать с детьми. Потому говорил, как взрослый. Может быть, и не прогадал. Потому что Сонины глаза стали еще внимательнее и любопытнее.

- А в Музей иллюзий вы ходили? – между делом, поинтересовался Макаров, прекрасно понимая, что не ходили.

- Нет, - ответила Алиса. – Нельзя успеть всё за неделю.

- Юра... Тё как-то хвастался, что с малыми ходил. Говорит, понравилось.

- Мы завтра на Россию в миниатюре еще хотели. А вечером у нас торжественные сборы.

- В зоомагазин! – раздалось от окна. Сонька, жующая булку, повернулась к ним. – Ты обещала.

- И в зоомагазин успеем, - кивнула Алиса. – Не ешь всухомятку!

Девочка послушно отправила в рот ложку супа и демонстративно улыбнулась. Иногда она соображала, когда лучше промолчать. Зато Макаров этим ценным качеством похвастаться не мог. Потому несколько более весело, чем ему было в действительности, выдал:

- У нас в «White House» огромный зоомагазин есть. Хотите, завтра махнем.

- С каких пор зоомагазины в Петербурге стали редкостью? – лениво спросила Алиса.

- «White House» - это мой первый проект, - деловито сообщил Макаров, откинувшись на спинку стула. – Совсем не интересно?

- Не очень. Я, видишь ли, эгоистка. Интересуюсь только своим собственным.

- Творческим людям это свойственно, - пожал плечами Илья.

- Я не творческая, мне интересно, - вдруг подала голос Сонька, заставив уже Макарова впасть в ступор.

- До сих пор тебя архитектура не интересовала, - усмехнулась Алиса.

- Меня интересуют магазины. И кинотеатры. И аттракционы. Потом запрете меня в вашу тюрьму в Испании до конца лета и все!

Проигнорировав заявление дочери, Алиса заставила ее жевать, а не болтать. Она почувствовала явное облегчение, когда обед был окончен, и сдержанно попрощалась с Макаровым, отклонив его предложение отвезти их.

Но дома ее ждал сюрприз: Сонька учинила ей настоящий допрос, разве что не с пристрастием.

Видимо, и до этого она помалкивала через силу. И в ресторане, и в дороге. А оказавшись в стенах старой двушки во Всеволожске, девочка, едва только переодевшись и умывшись, явилась к матери в гостиную, где та присела поработать, и, уперев руки в боки, отчеканила:

- И кто у нас Илья?

- Что значит – у нас? – удивленно переспросила Алиса.

- Ну, у тебя, - прыти в интонации не особенно поубавилось, хотя звучало, как шаг к отступлению. Вместо этого Сонька уселась на диване возле мамы и проговорила: - Я его запомнила. Он домой приходил.

- И не у меня. Илья всего лишь двоюродный брат твоего отца.

Сонька на мгновение замерла, состыковывая, по всей видимости, полученную информацию со своими впечатлениями. А потом уточнила:

- Дядя мой, что ли?

- Дядя...

- И чего было сразу не сказать? И он не сказал! – удивилась она.

- Они давно не общались. Не уверена, что будут в дальнейшем, - на ходу импровизировала Алиса.

- Поругались? – продолжала пытку дочка.

- Родственников не выбирают, в отличие от друзей. И потому у них могут быть разные взгляды на многое.

- Агаааа... - Сонька закусил губу и задумалась. Думала, видимо, основательно, поскольку молчание установилось надолго. А потом тема была переведена на что-то другое и, в конце концов, Алисе все-таки удалось поработать.

Но расслабляться оказалось рано. Потому что уже после ужина, отправляясь в комнату, которую определила как свою, девочка подлетела вдруг к матери и очень серьезно спросила:

- А вы с дядей Ильей тоже поругались, да?

- Нет, Соня, я с ним не ругалась.

- Понятно... Он, вроде, нормальный, да? В смысле... как человек?

- Нормальный, - согласилась Алиса. - И давай на этом остановимся.

Сонька только кивнула – на всякий случай. Поцеловала мать на ночь и упорхнула к себе. Только вот остановиться не получилось.

[1] Ты обещала рассказать.

Утро следующего дня началось уютно и по-домашнему. Алиса в пижаме вдохновенно работала, Сонька бродила по просторам интернета, в кухне пахло кофе и горячими бутербродами.

Но наслаждаться идиллией им пришлось недолго. В дверь позвонили. Алиса вздохнула и сказала:

- Наверняка баба Зоя явилась. Сонь, открой, пожалуйста...

Соня, несколько притихнувшая после увлекательной прогулки и последующего разговора накануне, подняла глаза от планшета и тяжело вздохнула, будто бы ее не дверь отворить попросили, а, как минимум, по воду сходить. На рассвете. На другой конец села. Но когда мать работала, приходилось считаться. Этими правилами руководствовались все домашние, включая Лену. Сонька недовольно слезла с дивана и поплелась в прихожую. Щелкнула замком и выглянула в проем. Рот ее медленно открылся буквой О. И в следующую секунду она уже кричала в комнату:

- Мам, это дядя Илья приехал!

«Дядя Илья» изумленно глянул на девочку, губы его расплылись в удивленной улыбке. И он негромко проговорил:

- Доброе утро!

- Доброе, - поздоровалась Алиса, выходя в коридор и запахивая халат. – Каким ветром?

- Юго-восточным, - ответил он, вваливаясь в квартиру. – Погода хорошая, вы дома сидите.

- Мама работает, - пискнула Сонька, но глаза ее уже загорелись.

- Именно! Некогда.

- На меня же работает, - глаза его беззаботно сверкнули.

Он выглядел иначе, чем накануне. Как-то легче, проще. Не так «тяжеловесно». Мягкие потрепанные джинсы, тенниска ярко-красного цвета с белым воротником, мокасины. Взъерошенные волосы и отросшая за эти дни щетина, сейчас превращающаяся в настоящую бороду, странным образом не добавлявшая ему лет.

Если бы кто-то из двух женщин знал, как ему дается сейчас эта легкость, может быть, и пожалели бы. Воспоминания о квартире во Всеволожске у Макарова сохранились не самые радужные. От последнего визита – и вовсе передергивало, но он пытался запихнуть все это подальше. Наверное, даже успешно. Во всяком случае, Алиса оставалась столь же невозмутимой, как в первую секунду, когда вышла в коридор – не заметила.

- Зоомагазин. «White House», - напомнил он с улыбкой.

- Мог позвонить! – сердито сказала Алиса.

- Да? – искренно удивился Макаров.

- Вероятно, ты – нет, - вздохнула Алиса.

- Поехали? – осторожно, но с абсолютно наглым и нераскаявшимся взглядом светло-серых сейчас глаз спросил он.

- Ты же обещала! – вдруг взвизгнула следом за ним Сонька и точно так же посмотрела на мать. Две светлые головы были обращены к ней.

- Во-первых, я ничего не обещала, - сказала Алиса, внимательно глядя на дочь и избегая смотреть на Макарова. – А во-вторых, ты еще не позавтракала.

- Могу сварить кофе, - донеслось от Ильи. – Пока ты соберешься.

- Спасибо, не надо. Кофе я варю с шести утра.

- Ну или чай. И компот. Даже молочный коктейль могу.

Детские глаза загорелись еще ярче. Сонька поморгала и весело спросила:

- Мам, я поем быстро и поехали, а?

- Можно подумать, я сильно тебе нужна!

- Больше всех нужна! – веско констатировала дочь.

- Иди ешь! – усмехнулась Алиса и посмотрела на Макарова: - Дай мне полчаса.

- Не вопрос! Где кухня – помню! – отозвался Илья, разулся и прошел мимо нее, не дожидаясь приглашения. Сонька быстро глянула на маму и метнулась следом за «дядей». Только коса подлетела кверху, и ее кончик задел Алисину руку.

И следующие полчаса она слышала лишь веселую болтовню с кухни, Сонькин голос и «жующую» дикцию, крик Макарова: «Блин! Все-таки сбежал!». И дочкин возмущенный ответ: «Ругаться нельзя!»

Еще через время они уже над чем-то смеялись в два голоса. И от этого хоть с ума сойди. Илья, похоже, играл теперь в семью. В чужую семью. Алиса вошла в кухню, прервав очередной уровень прохождения квеста без сохранения жизни.

- Поехали, - с выражением принятия неизбежного на лице сказала она.

Ни Макаров, ни Сонька ждать себя не заставили. Уже через пару минут вполне себе дружно спускались по лестнице, и Илья рассказывал о том, что такое этот его «Sky Tower» и с чем его едят. И почему каждый торговый центр этой сети имел название, в котором звучал цвет. Сейчас они ехали в «белый». А в Питере был еще «красный». Тот, который собирались строить они с мамой, будет «зеленым». Соне все это явно нравилось. Нравилось и Илье, потому что впервые за долгое время Алиса видела его таким увлеченным.

Внизу, в клумбах, наблюдательную позицию заняла баба Зоя. Завидев спускающуюся с крыльца тройцу, она нарочито радостно проскрипела:

- Доброе утро, девчат!

- Доброе, баб Зоя, - ответила Алиса. – Как вы? Мы вас вчера не видели.

- Да давление подскочило – не зашла, - старушка в секунду зыркнула на Макарова и снова вернулась к Алисиному лицу. – Сегодня уже хорошооо. Витальку жду вечером. Тут пошуршу – пойду пирог печь.

- Полежали бы лучше. Виталька наверняка с тортом явится, - рассмеялась Алиса. – Привет ему передавайте.

- Лучше вот сами заходите и приветствуйтесь, сколько влезет! Он, кстати, про тебя спрашивал. Грит, чего там малая? Со своей козой же развелся наконец-то, представляешь?

- Какой молодец! – раздался весьма красноречивый голос Макарова.

Алиса бросила сердитый взгляд на Илью и сказала соседке:

- Может, вечером и загляну.

- Мы будем рады, - не менее сердито глядя на Макарова, елеинно-сладким голосом, совсем не сочетавшимся с ее взглядом, проговорила баба Зоя. – И Сонюшку с собой бери. Пусть познакомится!

Алиса кивнула и попрощалась. А Макаров уже открывал дверцу своего транспортного средства – снежно-белого BMW X6. Погрузив туда семейство и вцепившись в руль, прежде чем завести машину, он решительно заявил:

- Оказывается, ничего не меняется!

- Ты всерьез так думаешь? – спросила Алиса.

Что ответить, он не нашелся.

Ехали долго. На дорогах бесконечно образовывались пробки, которые не желали рассасываться. Будто какие-то глыбы, не пускавшие, сдерживающие всякий порыв. Сонька постоянно крутилась на заднем сидении и переговаривалась то с мамой, то с Ильей. Бубнила про лагерь. Ее пшеканию Макаров по-дурацки умилялся. Девчонка и правда была забавной... необычной, что ли. Себя он почти не помнил в этом возрасте. А у Тё пацаны помладше. Так что сравнивать не с кем.

Из магнитолы со всем присущим им позитивом надрывались Queen. А Илья поминутно поглядывал в зеркало заднего вида – на Алису. И понимал, отчаянно понимал, что перегибает, вместе с тем, как утопающий в спасательный круг, вцепившись в нее в эту минуту. Так, что руки и пальцы сводило от напряжения. Он знал, что времени почти не осталось. Что еще пару дней – и она уедет домой. А он со всем тем, что чувствует, останется здесь один. Терять, в сущности, нечего. Раз уж и так давно идет против правил – и против ее желаний.

Здание «White House» показалось впереди белоснежной громадой. У него до сих пор вздрагивало что-то в душе, когда он видел его. Первое достижение. Первое, что он сделал настоящего. Без трепана – своими руками. Он снова взглянул на Алису и быстро проговорил:

- Наверное, этот проект мы не на трезвую голову задумывали. Пузатый такой.

Строение издалека, если прищурить левый глаз и стоять против солнца, и правда, напоминало мужика с пивным брюшком.

- Не говори глупостей, - слабо возмутилась Алиса. – Так можно многое списать на неадекватное состояние.

- Да я шучу... Эту штуку я реально люблю, - пробормотал Макаров, резко стушевавшись. В голове полыхнул Алькин взгляд в ту самую секунду, как он произнес свое роковое «собирай вещи и вали». Сейчас Алисины глаза смотрели спокойно, отстраненно и холодно, будто бы все давно перемололось и значения больше не имело.

- А кинотеатр там есть? – звонким детским голоском разодрала в ключья установившееся молчание Соня.

- Есть, - быстро ответил Илья, выруливая на парковку. – Под самой крышей.

- Соня, тебе дома кинотеатров мало? – поинтересовалась Алиса. – Ты в зоомагазин собралась.

- Я помню! – Сонька показала ей язык. – Но это не значит, что мне не хочется.

- Сначала в твой зоомагазин, потом разберемся, - вдруг скомандовал Макаров. – Я знаю короткую дорогу!

С парковки, которая занимала огромную площадь на уровне второго этажа торгового центра и, собственно, была «пузом», внутрь здания вело целых несколько дверей. Макаров, зайдя в ближайшую, открыл их взглядом один из лучших видов на интерьер главного холла, такого колодца с огромным фонтаном внутри, который поднимался между сквозными этажами, и казалось, что вода льет отовсюду, при этом никого не задевая. Сонька только взвизгнула.

Второй раз ее восхищенный визг раздался, когда они поднялись на третий уровень, где и располагался интересующий ее магазин. Макаров не соврал. Он действительно был внушительным. И многообразие чирикающих, мяукающих, фыркающих, лающих и шипящих в нем питомцев тоже впечатляло.

- Здесь даже еноты есть, - подмигнул девочке Илья.

На что услышал ее вдохновенное:

- Ага! – в следующую минуту она понеслась к огромным террариумам, успев лишь бросить: - Я к ахатинам!

Макаров только брови приподнял, глядя ей вслед.

- Ахатины – это... - медленно полюбопытствовал он.

- Брюхоногие моллюски, - ответила Алиса, направляясь за Соней.

- В смысле?

- В смысле – улитки!

- Черт, - обескураженно проговорил Илья, наблюдая за восторженным видом девочки у террариума с... действительно с улитками. – Я и слов-то таких не знаю.

- Наверное, я бы тоже не знала, если бы не Сонька.

- Ей Логинов не мог нормального щенка купить? Ну или там... кролика? – проворчал он с дурацкой улыбкой.

- Никита здесь ни при чем. А Сонька у нас особа переборчивая, - улыбнулась Алиса, глядя как означенная «переборчивая особа» захватила ближайшего продавца и забрасывает его вопросами.

Это ее «у нас» больно царапнуло, но Макаров продолжал улыбаться. Продолжал он улыбаться, когда Соня определилась с выбором. И когда в руки брала гигантского моллюска, он улыбался, бросив негромко:

- Фу, мерзость!

Но его голос был заглушен звонким замечанием девочки:

- Все, у нашего семейства будет третий! И не вздумай их кормить, пока меня не будет!

- Не буду, не буду... Никто не будет, обещаю.

- Тадеуш Ахатинский! – провозгласила Сонька.

Вот тут-то Макаров не выдержал и заржал. Девочка на мгновение залипла на нем, удивленно хлопая длинными ресницами. Потом глянула на мать. И серьезного выражения на ее лице как не бывало. Она смеялась так же громко и звонко, на весь магазин.

- Ему идет, - сообщила Алиса, рассматривая желеобразные рожки, которые медленно двигались из стороны в сторону. – Ну и где здесь касса?

Продавец предложил им идти за ним. И уже через пять минут Сонька была счастливой обладательницей третьей улитки. Пока Алиса рылась в сумочке, Макаров расплатился картой, а на ее обвиняющий взгляд ответил невозмутимым: «Могу я сделать племяннице подарок, в конце концов?»

Впрочем, это была не единственная покупка. Еще через полчаса Соня каким-то чудесным, не иначе волшебным, образом приволокла их в магазин одежды, выбранный из десятков магазинов вокруг с весомым замечанием: «О! Тут должны быть классные джинсы!»

И именно там она перемерила половину гардероба. Аргумент был железобетонный: «Я же не могу ехать в Испанию в старом!»

Макаров мужественно сидел на банкетке, поглядывая на Алису. Но оживлялся тогда, когда Сонька в очередной раз выбиралась из примерочной.

- Она же вчера говорила, что не хочет в Испанию, - уточнил он на всякий случай у ее матери на сорок третьей минуте пребывания в магазине.

- Она мечтала об Испании с зимы. Но вчера разыгрывала образ трагический, - сказала Алиса и обратилась к дочери: – Тебя с твоим количеством багажа в самолет не пустят. Останешься здесь навсегда.

- Ну... тут есть, где жить, и красиво. Сойдет! – заключила девочка и в очередной раз скрылась в примерочной.

- А нам что делать прикажешь?

- Вы взрослые, разберетесь! – раздалось из-за шторы.

- А как же тореадоры? – подал голос Макаров.

- Никогда не одобряла убийства животных ради забавы!

- Господи, - снова смеялся Макаров. Кажется, он за год не смеялся столько, сколько в этот день. Посмотрел на Алису и спросил: – Сколько ей лет, что она никогда не одобряла?

- Если судить по ее неодобрениям – постарше нас с тобой будет, - ворчала Алиса.

- Потрясающе, - хмыкнул он.

Джинсы были куплены. И если бы только джинсы!

Нагруженные пакетами, они выбрались в холл торгового центра, когда появилась новая проблема. Проблема была высказана Соней в ответ на Макаровское: «Так что? В кино?» и прозвучала следующим образом:

- Я бы сейчас съела огромный гамбургер!

- Очень огромный? – попыталась конкретизировать Алиса, оглядываясь по сторонам в поисках кафе.

- Такой огромный, что тебе бы не понравилось!

- Есть французский ресторан, суши-бар и пиццерия, - вставил Илья. – Макдональдса... нет.

- Фигово! – отозвалась Сонька.

- Переживешь. Пошли пиццу есть.

Макаров повел их на второй уровень, с улыбкой поглядывая на обеих. «White House» был единственным ТРЦ сети «Sky Tower», который он мог пройти с закрытыми глазами, несмотря на его внушительные площади и многообразие вывесок и витрин. Им он по-настоящему гордился, что бы ни болтал вслух. И, наверное, Макаров-старший тоже научился доверять ему и гордиться им в тот день, когда впервые увидел эту сияющую под солнцем белоснежную махину. «White House» – как старый комод в его комнате – был попыткой собрать себя по кускам. Иногда ему начинало казаться, что удалось. Им он жил полтора года.

Прежде Илья иногда удивлялся: как это люди вокруг могут бегать, тогда как он заставлял себя делать каждый шаг? Потом привык. Привычка все сглаживает. Это было нормальным состоянием.

А теперь, спустя столько лет, ловил себя на мысли, что не осталось ни привычки, ни состояния, ничего. Есть четыре пакета в его руках, и есть Алиса и Соня, шагающие рядом с ним. И они идут жрать чертову пиццу в чертовой пиццерии, потому что у него здесь нет Макдональдса!

В кафе было шумно, но странно уютно. Красный цвет диванов и штор, смешные кораблики с алыми парусами на скатертях, канарейка в клетке у окна и негромкая музыка – что-то очень старое и очень итальянское. Ему казалось, что все это, каждая секунда этого – нереальна. И Макаров не знал, не понимал, радоваться ли этой нереальности или пытаться все приземлить, хоть на минуту сделать материальным, настоящим, обыкновенным.

И как он решился вломиться к ним в квартиру только этим утром – сам сейчас не представлял. Чувствовал лишь, что никогда не пожалеет об этом. Потому что другой возможности быть и оставить в памяти, вероятно, уже не случится.

Пока делали заказ, он избегал смотреть на Алису. Слушал очередную порцию Сониных историй из жизни Ахатинских, рассматривал улитку, сидевшую в контейнере, лоя при этом удивленные взгляды людей за соседними столиками. И фигел от мысли, какая это трагедия, когда одна из улиток дохнет по невыясненной причине. Спрашивать, насколько было бы легче, если бы причина выяснилась, он не рискнул.

А когда принесли десерт, Сонька радостно хлопнула в ладоши и буркнула матери:

- Я сейчас приду!

После чего вскочила и ломанулась, по всей видимости, в уборную.

И только тогда Макаров выдохнул. Поднял глаза от Тадеуша Ахатинского. И оказалось, что смотрит прямо в лицо Алисе. Губы ее были сердито сжаты, от чего на щеках отчетливо стали заметны ямочки, те же, которые появлялись и когда она улыбалась. Глаза не менее сердито изучали Илью.

- Не надоело? – спросила Алиса.

- Что именно?

- Твои показательные выступления.

- Я ничего не показываю.

- А как называется то, что ты делаешь? – с нескрываемой издевкой в голосе поинтересовалась Алиса.

- Прогулкой это называется, - ответил он, понимая, что растерянность сменяется раздраженностью.

- А тебя кто-то просил? – взвилась она злым шепотом. – Я с дочерью прекрасно могу гулять сама. Ты лишний в нашей семье. Неужели ты этого не понимаешь? Не лезь к нам!

- Ну прости, что я мешаю твоей жизни и твоей семье! Тебе куда проще приходилось, когда даже намек на мое существование не было! С предателями так и поступают, да? Уезжают из страны и молчат годами. Живи и мучайся, Макаров, если еще можешь мучиться! Так вот могу! Убедилась?

- Просто оставь нас в покое.

- Прямо сейчас?

- Прямо сейчас.

Макаров ухмыльнулся и, не отрывая от Алисы взгляда, сунул руку в карман джинсов, доставая бумажник. Бросил на стол банкноту, вскочил со стула и негромко сказал:

- Если так уж противно, то эскиз можешь отправить по электронной почте. И даже не мне, а Юре. Счастливо!

И с этими словами вылетел из пиццерии.

Уставившись в книгу, Алиса делала вид, что читает. В соседнем кресле сидела Сонька, негромко подпевая тому, что играло у нее в наушниках. Еще пара часов, и они наконец-то будут дома. С Алисиными растрепанными впечатлениями и контрабандой в Сонькином рюкзаке. Тадеуш Ахатинский, впрочем, старался не издавать лишних звуков, как и положено нелегалам.

Свой отчет с эскизом – результат недельного пребывания в России – она отправила и Юрию Павловичу, и Макарову. Пусть сами разбираются, кто с ним будет работать дальше. Алиса лишь надеялась, что в ближайшее время, пока будет готовить рабочий проект, личного общения ей удастся избежать, а после, когда дойдет до строительства, уговорит Лешака, чтобы проект принял какой-нибудь инженер.

Два дня, которые Макаров провел с ней и с Соней, стали настоящей пыткой. Она не понимала, что с ней происходит. Илья раздражал своим присутствием, заинтересованностью Сони, тем, что она сама бесконечно зависала над проектом и потом сидела с ним до самого рассвета, чтобы успеть сделать все в срок и не задерживаться в Петербурге ни одного лишнего дня.

И в то же время приходило осознание, что она словно видела свою давнюю мечту наяву. Параллельная реальность, в которой Илья не притаскивал домой девицу в норке, и Сонька носила фамилию своего отца.

Это она чувствовала как-то странно, непривычно. Названия этому чувству Алиса не знала. Хотелось кричать. Самой себе она напоминала сейчас бокал на тонкой ножке, стоящий на самом-самом краю стола. Чуть сдвинь – упадет и рассыплется в осколки.

Объявление о прибытии в аэропорт Николая Коперника стало подарком, которому она радовалась, как Сонька радовалась своим Тадеушу. Ребенок, между тем, к концу перелета разморенный и счастливый, вынул из уха наушник и сказал:

- Дома!

- Соскучилась? – спросила Алиса.

- Неее... Понравилось. Мы с тобой вдвоем никогда никуда не ездили.

- Теперь сама в Испанию поедешь.

- Потому что я взрослая и самостоятельная, - рассмеялась Соня.

- Да уж, - вслед за ней смеялась Алиса. – Твой Тадеуш – явное тому доказательство.

- Он классный! – пожала плечами девочка и притянула рюкзак, поднимаясь с кресла. –

Сегодня будет знакомство с семьей!

- Представляю себе!

Они были уже в здании аэропорта, когда Алиса принялась оглядываться по сторонам в поисках Ника – он обещал их встретить. В эту неделю Логинов звонил им, как ни в чем не бывало. Интересовался, как дела, как здоровье, куда ходили, даже работой – сколько сделала, успеет ли закончить вовремя. Говорил, что ждет обратно. Будто бы все оставалось по-прежнему, а отвратительная сцена после презентации галереи существовала только в ее воображении. И Алиса понимала, почему он так ведет себя – так проще. Продолжать цепляться за нормальность проще, чем отпустить.

Логинов в костюме – явно с работы – стоял возле кадки с деревцем и тоже вглядывался в толпу. Когда увидел жену и дочь, поднял руку, махнул им и тут же ломанулся вперед. Выхватил у Алисы чемодан и быстро осмотрел обеих.

- Привет! – сказал он с американской улыбкой, застывшей на лице.

- Привет, - дежурно чмокнула его в щеку Алиса.

- Привет, мелочь, - глянул он на Соньку, но тут же вернулся к жене. – Как долетели?

- Хорошо. Люблю летать.

- Я помню. Впечатления как?

Это он спрашивал уже у дочери. Для того, чтобы не спросить главного – как она была там с Макаровым?

- Круто! – важно сообщила девочка. – Город большой, Тадеуша купили, Эрмитаж тоже... стоит.

- Тадеуш у нас кто?

- Ахатинский.

- Ясно. Ладно, пошли?

- Дома все нормально? – спросила Алиса, шагая рядом с мужем к выходу.

- Разумеется. Скучал, - ответил он и подмигнул Соне: – А вы?

- А мы налаживали связи с твоими родственниками! – объявила она.

Логинов удивленно глянул на дочь. А та в подтверждение своих слов кивнула. Алиса молчала, оттягивая рассказ о встречах с Макаровым. И взгляд ее мужа снова метнулся к Соне.

- Это с какими-такими родственниками? – спросил он, как ни в чем не бывало. – У меня в Питере никого не осталось.

- Ну вот с тем, который не остался, - сверкнула ямочками Соня, и ее светло-серые глаза засмеялись.

- Ааа... с этим, - усмехнулся Ник. – Ну ясно. Наладили?

Кажется, вопрос был адресован Алисе. Логинов, между тем, принялся запихивать в багажник чемодан и Сонькин рюкзак.

- Просто встретились, - сказала Алиса. – Соня познакомилась с дядей, что такого?

- С дядей! – хохотнул Логинов. – Не, ничего, все нормально.

- Рада, что ты понимаешь.

- Тадеуш в рюкзаке! – взвизгнула Сонька и ломанулась к багажнику.

- Ничего с ним не случится! – рявкнул Ник. – Сядь в машину!

Алиса достала из багажника рюкзак и сунула его дочери. Сама устроилась в кресле, пристегнулась и приготовилась к обороне. Она видела, что Никита едва сдерживается, чтобы не закатить ей скандал. Но стоило отдать ему должное. Он действительно держался, хотя едва ли не скрежетал зубами. Соня притихла на заднем сидении. До нее, кажется, начало, наконец, доходить, что папа далеко не в восторге от «дяди Ильи». Обнадеживающей была та мысль, что ей уже завтра улетать в Испанию. Но ее внимательный серебристый взгляд наблюдал за родителями – пристально и безотрывно. В свои одиннадцать лет Соня успела уразуметь элементарную вещь, которая ей совсем не нравилась. Отец ее не любит. Отец ее терпит.

- Как ахатины? – отважилась спросить она.

- Капусту с утра жрали, - ответил Логинов.

- Я же просила... - поникла Соня.

- Я тоже иногда прошу, - отозвался он и глянул на Алису.

- Ребенок при чем? – с упреком бросила она.

- Да у тебя все ни при чем, - отрезал он. – Мне иногда кажется, что тебе просто нравится выглядеть жертвой.

- Не все... - Алиса внимательно смотрела в окно. – Давай дома поговорим.

Логинов бросил взгляд в зеркало заднего вида – на округлившиеся от удивления и испуга Сонькины глаза, и вдруг подумал, что он видел уже когда-то точно такие глаза. Давно. В детстве. От этого стало тошно, будто бы он вор. А вором себя Никита не считал никогда. Не позволял себе так считать, потому что это значило бы, что все, что у него есть – оно чужое, присвоенное. Но разве можно жить присвоенную жизнь?

Дома они не поговорили. Едва закатив в квартиру чемодан, Логинов мрачно посмотрел на Алису и буркнул:

- Мне надо вернуться в офис. Работы много. Так что буду поздно, не ждите к ужину.

- Не перетрудишься! – посоветовала ему в тон Алиса.

- Ты же тоже пашешь в поте лица, - зло рявкнул Ник и наклонился, чтобы ее поцеловать.

Она отвернулась. Впервые за годы их жизни она в открытую отказалась поддерживать видимость нормальных отношений.

- Соня, что ты стоишь? – проворчала Алиса, не сдержавшись. – Иди собираться!

Девочка зыркнула глазами, схватила с пола рюкзак и помчалась в свою комнату. Логинов еще некоторое время смотрел ей вслед, пока не услышал, как сумка глухо стукнула, видимо, о кровать, а потом снова обернулся к жене.

- Знаешь, - проговорил он, будто бы упивался собственным бессилием. – Мне бы хотелось, чтобы следующий наш ребенок был похож на меня, а не на «дядю Илью».

А потом резко развернулся и вышел в дверь.

И даже не догадывался, что однажды у их следующего ребенка имелся шанс быть похожим если не на Никиту, то уж никак не на Илью.

Это случилось несколько лет назад. Тогда Алиса узнала, что у Ника появилась другая женщина.

Ударило больно. Это была не ревность, но странное чувство непонимания: как можно говорить о любви и делать прямо противоположное по всем человеческим законам.

Илья говорил о любви – и выгнал ее без сожалений.

Никита утверждал, что любит – и завел любовницу.

Алиса молчала, не желая закатывать сцен и требовать уважения.

Если это называется любовью, она не хочет такой любви.

Спустя несколько месяцев странно подвешенного состояния и постоянных подозрений у нее случился проект в Щирке. Две недели без семьи. Она скучала, скучала по Соне и по Никите.

И убеждала себя, что это не так, что она не может скучать по мужу. Нельзя скучать по человеку, которого не любишь, и который тебе изменяет, словно бросает вызов и одновременно бережет. Он приходил поздно, рубашки с засохшими пятнами спермы сам кидал в корзину для грязного белья, но наполнял спальню чужим запахом, от которого у Алисы нередко начинала болеть голова.

В попытке отвлечься в один из свободных дней она пошла в художественную галерею, где проходила выставка Томаша Коперы. Его картины всегда привлекали ее – фантазия, проявляющаяся в трещинах. Оголенность нервов и магма скрываемых эмоций. То, что было сейчас так близко Алисе и хлестало по обостренным чувствам наотмашь.

Его звали Петер. Все началось с образных разговоров о символизме, а закончилось в постели в маленькой комнатенке под крышей старого дома качественным и разнообразным сексом. Он оказался истинным современным художником – ко всему относился легко, не задавал лишних вопросов и не позволил ей спать до самого утра. На рассвете они оставили друг другу рисунки на теле – на короткую память...

Алиса никогда не вспоминала о нем, но и не жалела о ночи, так не похожей на всю ее жизнь.

Сегодняшний день в калейдоскопе не разразившейся ссоры и взаимных обид принес с собой забытое воспоминание. Петер нарисовал на ней звезду, взлетающую с живота и рассыпающуюся тысячами осколков на груди.

Она тогда со смехом спросила:

«Почему звезда?»

«Каждая женщина хочет быть чьей-то звездой, но мужчины разбивают их на куски и разбирают на сувениры».

«Ты еще и философ?»

«Ну ты же повелась. К каждому есть свой подход».

К каждому есть свой подход...

Логинов сдержал слово. «Работал» допоздна. За это время чемодан на завтра был уложен, Тадеуш введен в семью Ахатинских и, по заверению Сони, принят крайне радушно, ужин был с аппетитом съеден, просмотрена сказка на сон грядущий.

И получен короткий звонок.

- Ваш муж моется у меня в душе, - сообщили Алисе звонким со скрипящими нотками голосом.

Он никогда не задумывался над тем, что такое точка невозврата и как можно ее пройти и не заметить. Он просто жил день за днем, пытаясь разобраться, как жить. Это было задачей более сложной, чем деление жизни на вехи.

Сколько их было, этих вех? Никита не знал.

Знал, что просто ему никогда ничего не давалось. В самом главном – никогда и ничего. Будто бы выгрызал.

Смешно, что таких, как он, считают хозяевами жизни. Он и одной минутой распорядиться не может.

Под еле теплыми струями воды в чужой квартире он вспоминал. С чего все это началось? Как все это началось? Должно ли было все это начинаться? Имело ли право на продолжение?

Он видел себя, не достигнувшем в своем возрасте четверти века. И видел Илью, улыбчивого мальчишку, друга, самого главного друга. И у них тоже были вехи.

Детство и дружба.

Дружба и игра.

Игра и жизнь.

Жизнь.

Их собственная точка невозврата оказалась пройденной как-то совершенно незаметно. Он и не понял, где та минута, после которой все было кончено. Понять бы, где, когда...

День, когда Илья поставил новое условие в их игре? День, когда Ник влюбился в игрушку? Или день, когда Макаров эту самую игрушку отнял обратно, нарушив все правила и условия? Были еще варианты.

После той теперь почти забытой аварии она пришла сама. К нему – сама. К первому и единственному. Больше ни к кому. Давало ли это право? Или и было точкой невозврата к себе самому?

Дита пила вино, примостившись возле него на диване. И заглядывала преданными глазами в его глаза, будто бы искала в них дом. И не находила.

Он сам искал дом и не находил.

Это мог быть обычный хороший вечер возле жены, которую он любил. А получился вечер точки невозврата. Еще одна веха пройдена. Логинов усмехался про себя и молчал, когда Дита что-то спрашивала. Секс был пресный, отработка программы. А в голове колотилось единственное: как жить дальше?

Домой он приехал уже за полночь. Открыл дверь своим ключом. И замер, обнаружив, что в их комнате все еще горит свет. Знал, что надо идти туда. Но боялся. Боялся делать эти последние шаги. И вместо этого, разувшись и резко развернувшись в другую сторону,

отправился на кухню. Набрал воды из крана. Жадно выпил. И только потом пошел к Алисе.

Она взглянула на него, продолжая аккуратно складывать чемодан. Тот самый, с которым только сегодня приехала. Наполняла его заново, рядом примостился портфель с ноутбуком. Некоторое время Никита наблюдал за ее действиями молча, с порога. Потом прошел в комнату. Сел на кровать и сбросил в сторону джинсы, сложенные на Алисиной половине. Она тут же уложила их в чемодан. Откинув голову на подушку, он вперился взглядом в потолок и как мог спокойно произнес:

- И не скажешь ничего?

- Что ты хочешь услышать? – не прекращая неторопливо двигаться между шкафом, комодом и чемоданом, спросила Алиса.

- А я не знаю, что я хочу услышать, - ответил он. – Что-то нормальное, обыкновенное. Вроде «Спокойной ночи, любимый».

- Спокойной ночи, дорогой!

- Нет. Повтори: спокойной ночи, любимый!

- Нет, Никита.

- Да почему, твою мать! – взорвался он. – Это так трудно? Я что, чумной?

- Не трудно, - пожала Алиса плечами. – Но я не хочу врать.

- Внезапно. Значит, решила? Уходишь?

- А тебе самому не надоел этот фарс?

- Прикинь, нет! Потому что с моей стороны фарса никакого! Я тебя люблю! С самого начала любил!

- Но я тебя не люблю. И ты это знаешь, - спокойно сказала Алиса.

- Понимаю! – его голос прозвучал тонко и противно. Протяжно так, почти жалобно. – Значит, спустя столько лет Макаров все-таки победил, да?

- Нет. К нему это не имеет никакого отношения.

- Разве? – он подхватился с кровати и приблизился к ней. – Ты жила со мной все это время. Я обеспечивал тебе возможность делать все, что ты хотела. Тебя все устраивало. Но стоило появиться ему, и наша жизнь пошла прахом! Не имеет отношения, говоришь? Врешь, дорогая!

- Наша жизнь пошла прахом намного раньше, - усмехнулась Алиса. – И мы оба постарались.

- Да, я старался! Ты можешь себе представить, что это такое – бояться хоть в чем-то быть хуже него, а? Каждый день видеть тебя и знать, что ты нас сравниваешь?

- Я никогда вас не сравнивала, - голос ее прозвучал устало.

- А что ты делала столько лет?! – выкрикнул он. – Уж лучше бы изменяла по-настоящему, чем так!

- Как ты?

Его темные брови взметнулись вверх, но лишь на мгновение. Зато по лицу начала расплзаться злая улыбка, холодная и отстраненная. Она будто бы видела уже когда-то такое выражение. Но не у него.

- Да хотя бы, как я. Хочешь знать, сколько у меня было баб за это время, а?

- Нет.

- А я хочу, чтобы ты знала! Пока у тебя был один мифический Макаров, я сменил двух любовниц. Первую подцепил в клубе. По пьяни. А вместе два года были, прикинь. Разошлись, потому что ей захотелось за меня замуж. А сейчас я благополучно трахаю

собственную секретаршу. Но тебе стоит одно слово сказать, и вся эта хрень прекратится! Тебе всегда стоило только одно слово сказать. Чего тебе это стоит?

- Между прочим, твоя секретарша тоже хочет за тебя замуж, - сообщила Алиса и дернула молнию на чемодане. На ее руку тут же легла его ладонь, не давая сделать и движения, а он зашептал ей на ухо:

- Да неужели ты не видишь, что мне больно, а?

- Вижу. И чтобы тебе стало легче – завтра уеду.

- Я никуда тебя не пушу!

- Прикуешь к батарее? – хохотнула Алиса.

- Если это поможет.

Улыбка с ее губ стерлась. Несколько мгновений она изучала его лицо. И только потом ошалело спросила:

- Ты с ума сошел? Как ты себе это представляешь?

- Ну, можно и не идти на такие кардинальные меры. Просто останься здесь со мной и все.

- Я больше не могу оставаться с тобой. Это нечестно по отношению к нам обоим.

Логинов неожиданно схватил ее за локоть и привлек к себе. Его глаза, источавшие жар, смотрели на нее жадно, будто бы насытиться не могли. А потом задвигались губы, и то, что он говорил, медленно расплывалось по комнате, залепляя каждую щель и каждый угол.

- Говори за себя, не за меня. Я для тебя делал все. Если бы ты сказала мне расшибиться о стену, я бы и это сделал. Лишь бы ты была счастлива. Но ты никогда ведь не была счастлива со мной, да? У тебя есть Сонька. Меня нет. Я приложение к твоей успешной жизни. Только вспомни, а? Вспомни! Это ты ко мне пришла тогда! И вот это было действительно нечестно. Какое право ты имела прийти, зная с самого начала, что я люблю тебя, но не желая ничего давать взамен?

Алиса ответила почти сразу, почти равнодушно, почти холодно – не отводя от него взгляда и не отодвигаясь:

- Я всегда буду помнить о том, что ты сделал для меня и для Сони. И я платила по всем счетам, я отдала тебе все, что могла. А большего – не могу. Никогда не смогу. Ты это знаешь. Это мазохизм, Никита. Зачем я тебе?

- Да потому что ты уйдешь к нему! – заорал Никита. – Он опять выиграет! Он всегда выигрывает! Нихера не делает, но всегда выигрывает! Меня наизнанку выпотрошило, а ты ему себя? Да мне проще шею тебе переломить!

- Вы достали меня со своими играми! – закричала она в ответ. – Выиграет, не выиграет! Я хочу выиграть, наконец. Я! Имею право!

- За мой счет? Меня в жернова?

- Выживешь! – зло сказала Алиса. – Это не больно. Потом даже привыкаешь!

- А ты вечная жертва! Вокруг все должны, да?

- Я освобождаю тебя от долгов. Что тебя опять не устраивает?

- Я тебя люблю!

- А я никого не люблю. И мне это нравится!

- Алиса!

- Что?!

Логинов вздрогнул и выпустил ее из рук. Гнев, из которого сейчас был сплетен каждый

его нерв, образовывал дикое полотно, обвивающее тело. Ногой отбросил Алисин чемодан, выдохнул:

- Сука! Сдохнешь тут, поняла!

И бросился к выходу. Вслед ему раздавался ее веселый смех. Этот смех звенел в ушах, доводя до исступления. Логинов долбанул по двери, хлопнул ею и повернул ключ в замке. У хозяина дома был бзик. Понаставил замков во всех комнатах. Придурок.

- Тут будешь! – снова заорал Никита и приник к двери, чувствуя абсолютное бессилие. Едва ноги не подкосились. Только дрожь и слабость, как после физической нагрузки. А она там, за дверью, все еще смеялась. В то время, как он был способен лишь колотить по стенам и орать от боли. Будто бы с него сняли кожу, а теперь отделяли мясо от костей.

Он резко развернулся и напоролся взглядом на Соньку. Глаза огромные. Смотрит испуганно, дико. Раз в жизни видел такие глаза. Когда Макаров говорил об Алисиной смерти. Больше не довелось.

Девочка стоит. Молчит. Глядит на него в упор. Подбородок подрагивает. Но не спрашивает, не бросается к нему, не просит.

Все, о чем он может думать в эту минуту, это о том, что она – не его. Но не это страшно. Страшнее осознание, что никогда и ничего не было его. Отец и мать, которых он любит больше собственных, – отец и мать Макарова. И он желает себе этих отца и мать. Друзья, с которыми он провел юность, – друзья Макарова. И он хочет себе этих друзей. Женщина... женщина, которую он держит в своем доме, – женщина Макарова. И он не знает, как ему жить без этой женщины.

Жизнь, которую он ведет, – жизнь, отобранная у Макарова.

У Макарова, у Алисы, у этой девочки, глядящей на него так, что сердце замирает.

Девочки – с чужими глазами, но такими знакомыми. Родными.

Логинов хрипло выдохнул. Долбанулся затылком о дверь. Снова развернулся к замку и повернул ключ, открывая.

В игре

Кабинет пропах сигаретным дымом. Каждый закоулок, каждая щель, каждый сантиметр поверхности мебели и стен – все впитывало в себя запах крепких сигарет, которые вот уже вторые сутки смолил здесь Макаров. Дома он не ночевал. Спал тут же, на диване. Отговаривался тем, что работы много. И действительно – кто ищет, тот найдет. Стол был завален документами, до которых еще месяц назад руки не доходили. Отделы стояли на ушах.

И самый кошмар – ни минуты это не позволяло забыться.

Он представлял собой странное зрелище. Взъерошенный, заросший, в мятой рубашке, в которой, видимо, и провел эту ночь, в джинсах. Очки тоже валялись где-то среди завалов, но Макаров их даже не пытался найти. Он вытряхивал пепел и сигареты из пепельницы в урну и хрипловатым, как с простуды, голосом спрашивал Нину, сидевшую напротив и принюхивавшуюся к аромату из чашки, принесенной минутой ранее Алёной:

- А тебе разве можно кофе?

Собственно, кофе Нина и попросила – и для себя, и для него.

- Ты мне не врач и не муж, - отмахнулась она.

- Я тебе друг. Иногда это даже важнее.

- Ты серьезно? Тогда замечу тебе, что офис – не самое подходящее место жительства.

- Да не могу я дома! – взвился Макаров, но тут же погас. Собственное возмущение заставило почувствовать в висках пульсирующую боль. – Можешь не беспокоиться. Еще день, может – два. Свалю в отпуск.

- Какой еще отпуск? – глаза Нины стали круглыми от удивления.

- Обыкновенный. Как у нормальных людей.

- Вот именно сейчас...

- А что тебя именно сейчас не устраивает? Я десять лет тут пашу безвылазно.

- И что же ты собираешься делать во время своего неожиданного отпуска?

- Отдыхать от работы.

- Во Вроцлаве? – съязвила Нина.

- Ну, допустим. Красивый город, кстати.

- И кстати допускаешь провести отпуск с ней? Она мучила тебя двенадцать лет, продолжает сейчас! Сколько можно?

Макаров поморщился, сделал плоток кофе и посмотрел в окно. Стало тихо. Где-то в приемной раздавались шаги, и сейчас их стало слышно особенно четко. Илья вдруг представил себе свою жизнь, как частокол пройденных дат и событий. И черт его знает, как бы оно все сложилось, не будь Алисы. И черт его знает, как бы он жил, если бы не любил ее. Четкое осознание, что вот сейчас, именно сейчас, в эту минуту он любит ее, не было неожиданностью. Оно было закономерно. Макаров ненавидел собственный фатализм, но факт остается фактом – он ее любит. Всю жизнь любил.

Илья снова обернулся к Нине и мрачно подумал, что вот с этой женщиной у него вполне могла бы быть счастливая семья, дети, какое-то будущее. А оба как неприкаянные.

- Справедливости ради, - заметил он, в конце концов, - она меня не мучила. Она просто жила. Так что не перекладывай на нее всего.

- Она могла хотя бы сообщить. Или пригласить на свадьбу, - зло выпалила Нина. – И ты бы жил, как все нормальные люди, а не цеплялся за прошлое.

- Она ничем не была мне обязана. И все решения я всегда принимал сам.

- Оглядываясь на нее! Одна твоя квартира в Кузнечном чего стоит. Жить – не живешь, ремонт не делаешь. Музейный экспонат!

- Добрый день, - раздалось от двери резко и громко.

Макаров вскинулся, взгляд его метнулся ко входу в кабинет. Проглотил резко подскочивший к горлу ком. Кадык задвигался. Илья выпрямился в кресле.

Так же выпрямилась и Нина.

- Вы же уехали! – не сдержалась она.

- И приехала снова. Здесь рядом, три часа лёту, - Алиса прошла к столу, по-хозяйски отодвинула один из стульев, села и спросила у Нины: – Кофе можно?

На пороге нарисовалась возмущенная Алёна и застыла с самым воинственным видом.

- Я предупреждала, что у вас Нина Петровна, - проговорила сторожиха.

- Хорошо, Алёна, - ответил Макаров, обнаружив, что голосом владеет нормально. – Сварите еще кофе для Алисы Владимировны.

- Сильно помешала? – поинтересовалась Алиса теперь уже у Ильи.

- Нет, - усмехнулся он, пристально глядя на нее, и, не оборачивая головы, добавил: – Мышь, договорим потом.

Нина негромко хмыкнула и поднялась.

- Хорошо, Илюш, - сказала она, прежде чем выйти. – Потом...

«Потом» в их случае означало, скорее всего, «никогда». И оба понимали это. Да, он действительно собирался ехать во Вроцлав – к Алисе. Добиваться, просить, разговаривать, пытаться достучаться и быть услышанным. Да, Мышь действительно хотела за него замуж. Давно. С самой юности. И все мужчины, проходившие сквозь нее, были лишь тенью Ильи Макарова.

Уголки ее губ чуть приподнялись. И она оставила кабинет, прикрыв дверь и за собой, и за Алёной.

- Ну, добро пожаловать... опять.

- Соскучился? – спросила Алиса, откинувшись на спинку стула и глядя в сторону Макарова, но мимо него.

- Ты, судя по всему, точно соскучилась. С самолета в офис. Приехала контракт перед носом рвать?

- Не дожدهшься! Сделаю я тебе твои башни, - она усмехнулась и посмотрела ему прямо в глаза. – Я играть приехала.

Его бровь приподнялась, но это было единственным, что выдавало его недоумение. Он перегнулся через стол так, что его лицо оказалось прямо напротив ее, и руки уперлись в столешницу.

- В шашки? – мягко спросил он.

- Ну тебя же всегда другая игра забавляла!

В его лице вспыхнуло понимание. Явное, открытое, болезненное. И тут же исчезло, едва он усилием воли его скрыл.

- Не так уже и всегда, - ответил Илья.

- Нюансы меня не интересуют, - рассмеялась Алиса.

- Тогда что тебя интересует? – замороженный движением ее губ, спросил он.

- Игра!

- С кем?

- С тобой.

- Со мной у тебя может быть работа, секс или семья. Выбирай, что больше нравится.

- Я выбрала. Игру. Боишься?

- Чего?

- Что я выиграю. Ты же не проигрываешь, да?

- Никогда.

- Значит, боишься.

- Я не боюсь! – Макаров вскочил из-за стола, обошел его и оказался возле Алисы. Аромат ее духов, прорывавшийся сквозь толщу сигаретного запаха, как будто проникал под кожу, смешивался с лимфой и кровью и становился частью его самого. – Я уже очень давно ничего не боюсь, Алиса. Так что играть со мной рискованно. Ты не растаранишь.

- Откуда тебе знать? – она подняла голову и вязким взглядом посмотрела на Илью. Взглядом, разрешающим всё.

- Я тебя знаю.

- Ты меня не знаешь, - медленно покачала она головой.

- Ты правда так думаешь?

- Я вообще об этом не думаю, - Алиса снова смеялась. Смех бился внутри нее, вырываясь наружу рваными грудными звуками. – Мне в сущности все равно.

Этот смех, едва ли смех – крик о помощи, отдававшийся в нем, стал последней границей, разделявшей их. И ее оказалось легко снести. Макаров наклонился, властно схватил ее за плечи и вынудил подняться. Провел ладонью по спине, будто бы пытался заставить расслабиться, но понимал, что она близка к истерике. И ничего не поможет. Если тонуть, то только вместе.

Быстро нашел ее губы, провел по ним своими, и его горячее дыхание с привкусом кофе и сигарет опалило ее прохладную кожу.

- И давно тебе все равно? – тяжело проговорил он.

- Всегда, - ответила Алиса, не раздумывая, и впилась в его губы поцелуем – жарким и незнакомым.

У них все было из холода в жару. Давно. Всегда. Всего лишь вход в новый цикл. Но эта цикличность однажды могла убить обоих. Макаров прижал ее к себе – жестко, почти жестоко, ощущая ладонями ее ребра под тонким шелком. И зная почти наверняка, что ей может быть больно. Рука его поднялась выше, нашла грудь, сжала крепко, пока язык проникал в ее рот все глубже. Она захотела игры! Игры с ним! После всего ей захотелось игры, ставки в которой будут так высоки, что едва ли она сама выдержит. Как и этот поцелуй теперь – выдержит ли она.

Он тесно прижался пахом к ее бедру и свободной рукой обхватил талию, будто бы сдерживая, не давая вырваться, даже если она захочет. Потом медленно отвел в сторону голову и с пьяными глазами человека, не спавшего несколько суток, но теперь будто попавшего в состояние полусна-полубреда сказал:

- Всегда есть риск заиграться.

- Ты еще можешь отказаться, - заговорила Алиса негромко, с акцентом, растягивая слова, обволакивая глуховатыми звуками. И прижималась к нему всем телом, упираясь руками в столешницу. – Но это будет значить, что ты проиграл.

Он подхватил ее под бедра и посадил на стол. Приблизился вплотную. Нырнул ладонью под короткую юбку, открывающую колени, пробежал пальцами по внутренней стороне бедра, по холодной шелковистой коже, добрался до ткани белья и накрыл ее рукой, ощущая, как там, под тканью, горячо. Из холодного в горячее. Снова.

- Я выиграю, Алиса, - рассмеялся он, но глаза его опасно блестели. – В этой игре точно. И его пальцы сдвинули резинку и коснулись клитора.

Она вздрогнула и отдалилась. По-прежнему не касалась его руками. Смотрела неотрывно и глубоко дышала, принимая его пальцы. Двинулась навстречу, подчиняя ритму своих движений. Замерла и откинула голову.

- В рефери будет только Алёна, или Нину Петровну тоже пригласим? – наполнила она звуком своего голоса кабинет. От этого звука деться было некуда. Макаров быстро отстранился. Уголки губ его упрямо опустились, подбородок выдвинулся вперед – тоже упрямо. Взъерошенный, уставший, упертый – он был и похож, и не похож на себя двенадцатью годами моложе. Резко развернулся и направился к двери, повернул замок. Снова посмотрел на Алису.

- Вести счет будем сами. Я тебе доверяю.

- Я тебе не доверяю!

- Тогда считай сама.

- Так и сделаю!

Алиса легко соскочила со стола, оправила блузку и, как ни в чем не бывало,

направилась к двери из кабинета, чтобы уже на середине комнаты столкнуться с ним, двинувшимся навстречу. В следующее мгновение она была уже обхвачена его крупными руками, ощущая шероховатость ладоней, волоски на предплечье, открытом закатанными до локтя рукавами рубашки, подхвачена куда-то вверх, а через мгновение опущена на диван. Пальцы его быстро пробежали по ее одежде, расстегивая пуговицы. И снова его жесткие губы оказались на ее теле. Всей кожей она ощущала его щетину – странно колючую и мягкую одновременно. Он быстро сдвинул в сторону кружево бюстгалтера, коснулся груди языком, очертил им ее абрис, достигнув вершины соска, и только потом поднял глаза к ее лицу.

- Что я получу взамен?

- А что ты хочешь?

- Тебя. Хотя бы пока длится игра.

- Здесь? На этом диване? Как девку? Которых не считают? – смеялась она. – Сколько ты доплачиваешь своей Алене, чтобы она не обращала внимания на звуки? Или она берет натурой?

- Оклад и премиальные, - в тон ей смеялся Макаров. – И не только здесь. Везде, где я захочу, ясно?

Ее смех резко оборвался. Мгновение она смотрела ему в глаза. В ее взгляде разрушалось все человеческое, что она сохраняла в себе долгие дни собственного существования. Столкнув его с себя, Алиса вскочила, сорвала рубашку, юбку, белье.

- Бери!

Больше он не говорил и не думал. Дальнейшее было похоже на чертовы горки, на которых они катались годы назад на Диво Острове. Алиса снова оказалась под ним, он подминал ее под себя, не желая пропустить ни миллиметра ее тела. Живого, теплого тела, которого он желал и которое желало его. Она была влажной и горячей, отзывалась на его прикосновения, судорожно сжимаясь у его рук.

На пол летела его одежда. И раскаленный, несмотря на кондиционер, до предела воздух касался теперь уже его кожи.

Он изучал ее заново. Поспешно, отчаянно, будто бы могло не хватить времени, хотя знал, что времени у него сколько угодно. И все же терпения не оставалось.

Когда-то давно, в Мюнхене, когда он знал, что она мертва, на других женщин долго не мог смотреть. У него не было секса больше года. Тошнило от одной мысли быть с кем-то, тошнило от омерзения к себе. Просто тошнило, грудь разрывало от тошноты. А потом слетел с катушек. Набухался, снял проститутку. Случилось или не случилось – утром уже не помнил. Но ощущение гадливости осталось навсегда. Оно было одним из символов возвращающейся жизни.

Чушь!

Он возвращался к жизни теперь. В эту минуту.

Был злым, запутавшимся, уставшим, но живым!

Потому что жила и она. Под его пальцами, в оболочке этой уставшей истерившей женщины жила она, его Алька!

Это ее губы он терзал злыми поцелуями, это ее грудь сжимали почти до боли его руки, это ее тело принимало его. Раз за разом, когда он вколачивался в нее в диком ритме, а потом почти полностью выходил. Это она кричала, отзываясь на каждое его движение, царапая ногтями кожу дивана, кусая его губы. И это она позволяла пользоваться собой, как игрушкой.

Которой будет все равно, поставят ее за стекло или сломают, чтобы посмотреть, что у нее внутри.

Потом он окончательно потерял над собой контроль. Задержался на ней, в ней, чувствуя, как сводит все тело. Слышал собственный голос, присоединившийся к ее крикам. И понимал, что единственное, чего хочет, – чувствовать ее экстаз тоже.

Когда единственными звуками стало лишь хриплое дыхание их обоих, Алиса высвободилась из его рук, встала с дивана и небрежно оделась, оставив не заправленной рубашку.

- Будем считать контракт заключенным? – спросила она, складывая бюстгальтер в сумку.

Макаров устало смотрел на нее и не чувствовал в себе сил на ответный выпад. Вспышка закончилась – он не приблизился к ней ни на шаг. Потому просто кивнул и сказал:

- Я в игре. Начинай.

- Я позвоню!

Алиса громко щелкнула замком в двери и демонстративно продефилировала мимо ошалевшей Алёны, старательно напуская на себя безразличный вид. Лифт ей посчастливилось разделить с Юрием Павловичем, который безуспешно пытался отвести взгляд от ее низко расстегнутых на груди пуговиц и односложно отвечал на дежурные расспросы. Столкнувшись на самом выходе с Ниной, Алиса даже не удивилась. Только с улыбкой приветственно махнула ей рукой и выпорхнула на воздух.

Влажный и тяжелый, как все прошлые сутки.

Тяжелый и липкий, как весь ее дикий замысел, который она собралась разыграть перед Макаровым. С его непосредственным участием.

Она ни минуты не сомневалась, что он не откажется. Он не мог отказаться. Слишком заманчив шанс отыграть время вспять, создать иллюзию исправленных ошибок. Он сам показал ей свое слабое место. Алиса. Его слабое место – Алиса.

Этим она и собиралась воспользоваться. И удобно устроившись на заднем сиденье такси, корректировала первоначальный план собственной игры.

Лишить его всего, что он отнял у нее. Небо, мама, дом... Он сам, когда она так отчаянно нуждалась в нем. Она отчетливо помнила, как удивлялась, что все еще дышит без него.

Его она заставит задыхаться. Потому что это он, он, он во всем виноват! Он один, больше никто! Даже в том, что она чувствует себя безумной.

Оставалось лишь выбрать, с чего начать...

Впрочем, она выбрала. Скорее, чем думала сама.

После полуночи в кабинете Ильи Макарова завибрировал и пискнул смской телефон. Он устало поднял голову со стола, на котором до этого она весьма неуютно устроилась, и придвинул его к себе поближе. Нет, не спал. Спать, оказывается, сил тоже не было. Провел по экрану, разблокировав телефон. Номер неизвестный. Ткнул по сообщению. «Продай квартиру в кузнечном».

По лицу его расплзлась улыбка. Глупенькая. Слышала разговор с Мышью.

Сделать оказалось проще, чем он думал. Чисто физически – проще. На то, чтобы решиться, понадобилось два дня. За это время он не звонил и не писал по номеру, с которого пришло смс. Но в контактах сохранил. Неприкаянно бродил от стены к стене, курил, пил кофе. И все меньше походил на себя самого. Сторожиha смотрела на него взглядом ничего не

понимающего человека. Нина его кабинета избегала. И все чаще приезжала на работу к обеду – мучилась токсикозом, но храбро врала про какие-то утренние встречи.

На исходе второго дня отзвонился отец:

- Немцы наши! – радостно сообщил он. – Я только из Гамбурга!

- Отлично, - отозвался Илья хриплым от бессонных ночей и количества курева голосом.

- А сам меня за Польшу ругал.

- Так ты масштабы сделки не сравнивай!

- Ну спасибо! Когда будешь итоги за год подбивать, поговорим о масштабах еще!

И в эту секунду решение, зреющее в нем, воплотилось в нечто реальное и почти осязаемое. Завершив разговор с отцом, вызвал к себе Юрку. Тот вошел в кабинет и первым делом направился открывать окно.

- С ума сошел? – выдохнул он. – Задохнешься здесь! Бухаешь, что ли?

- Не... Нормально все.

- А какого черта, а?

- Не кипятись, - миролюбиво отмахнулся Макаров. – Сейчас домой поеду. Спать.

- Идиот! Что у тебя происходит-то, а?

- Да ничего не происходит! Я тебя вообще не за тем вызвал!

- А зачем?

План был изложен. Спешно, но обстоятельно. В ответ Тё покрутил пальцем у виска и резюмировал:

- Чокнутый! Значит, это правда?

- Что?

- Да то! Вся администрация болтает, что ты спишь с архитекторшей. Ее вопли далеко за пределами приемной слышали. Я с ней в лифте ехал, Макаров. У нее разве что конча по ногам не текла!

- Ее данные из договора по проекту возьмешь, там все есть, - отрезал Илья. – Пусть юридический отдел поработает немного, а то хорошо им в последнее время, вольготно!

Юридический отдел поработал. Тё – тоже.

На третий день по получении задания от Алисы, Макаров, наконец, привел себя в порядок, впервые выспался, нормально позавтракал и под нарочито оживленную болтовню Васеньки, которая своего работодателя совсем потеряла, выбрался уже из собственного дома. Часы показывали 9:15 утра. Дождя не было, но погода казалась на редкость противной.

Папку с документами бросил на заднее сидение автомобиля. Устроился за рулем и завел двигатель.

Анализировать он уже не пытался. Анализу то, что происходило, не поддавалось. Ему казалось, что он попал в собственный кошмар, но что реального было в его жизни последний месяц с того момента, как он переступил порог «ArchSpace»?

Собственная готовность делать то, что скажет Алиса, пугала. Он давно забыл, что такое играть. Или не хотел того помнить. Она заставила. Да и были ли у нее варианты?

Все, что он помнил, – это злой и упрямый взгляд. Затравленный. Хоть убей – а пристрелить загнанную лошадь он бы не смог. Он бы выхаживал до последнего, пока надежды не потерял бы. Можно ли исцелить игрой? Тем, что однажды их погубило? Черт его знает. Но пока это ей нужно – пусть делает, что хочет. Да, за его счет. В конце концов, это справедливо.

Дать ей время. Дать ей чертово время и самого себя.

И пусть делает, что хочет. Потому что для него это не игра. Для него это – жизнь.

Дорога во Всеволожск получилась короткой. С утра в будний день пробки растянулись только в направлении Питера. С неба стал противно капать отвратительно серый дождь. И тон ему задавал сонный женский голос из радио, распевавший что-то про городские огни. Слова он едва ли был способен теперь разбирать.

Во дворе ее дома просидел, наверное, еще минут сорок.

Потом забрал папку с заднего сидения, вышел из машины, вошел в подъезд и взлетел по лестнице на ее этаж.

Самым сложным было позвонить в дверь. Но на это он решился довольно быстро.

- Кто там? – раздалось приглушенно из квартиры.

- Макаров.

Алиса открыла, с минуту молча рассматривала его.

- Проходи, - наконец, сказала она.

Макаров уперся в ее красивое бледное лицо, лишенное косметики, в обрамлении пушистых прядей теплого медового-каштанового цвета. Короткое трикотажное платьице со смешной розовой овечкой на животе. Это из другой жизни. Из той, где нет места играм.

Илья чувствовал отчаянную боль в грудной клетке – ему казалось, что видит ее, восемнадцатилетнюю. И не может отважиться прикоснуться.

Он вошел в квартиру. Разулся, осмотрелся. Потом спросил:

- Ты как?

Обычный нормальный вопрос. Непонятно, нафига заданный.

- А ты?

- Бодр и свеж, - не стал препираться он. – Привез тебе кое-что.

Алиса с интересом посмотрела на него.

- Что именно?

- Пройдем в комнату, - попросил он, но дожидаться разрешения не стал. Влетел туда быстро и тут же пожалел об этом. Вот это был уже ощутимый удар под ребра. Впрочем, подобных ударов ему еще предстояло... Кресло, на котором качалась Любовь Михайловна, стояло в том же самом углу. Словно бы он снова ее увидел в темной одежде, в черной косынке, с лицом, как у покойницы. С башкой у него явно не все в порядке, причем давно.

Старенький сервант. С фотографиями. Сейчас там появилось несколько новых – с Соней. Обычный сервант. Макаров предпочел смотреть на него, а не на Алису. Просто чтобы не думать о том, что сейчас он расстается с частью своего прошлого. Слишком важной частью.

Протянул ей папку и четко выговорил:

- Документы на квартиру и доверенность на твое имя для продажи.

Она взяла бумаги.

- И не станешь оспаривать сделку?

- Делай с ней, что хочешь, - отмахнулся он. – По любой цене. Засчитано?

- Твой ход, - кивнула Алиса.

- Так сразу?

- Какой смысл тянуть?

- Даже если это будет что-то коварное? – легко улыбнулся он. – Мы с Логиновым

иногда неделями придумывали.

- Ну если тебе нужна неделя... - она быстро пожала плечами. – То приходи через неделю.

Его взгляд сделался тяжелым. Уперся в ее. И губы искривила усмешка.

- Мне нужна не неделя, а ты. Покукарекаешь с балкона?

- Да хоть поблею!

- Тогда собирайся. Балкон выбираю я.

Собралась быстро. Когда вышла к Илье – домашнего как не бывало. Одета была в платье, подходящее для делового обеда. Неброский макияж подчеркивал ее возраст, который благополучно исключал юность, но не безрассудство поступков.

- Поехали!

Он снова внимательно ее осмотрел и, кажется, остался удовлетворен увиденным.

Спустились вниз. Открыл ей переднюю дверцу машины, приглашая сесть. Сам устроился рядом. Жуткое ощущение дежа вю накатывало с новой силой. Он снова похищал ее с ночной смены к себе домой. Воздух сделался плотным, хоть ножом режь. И, наверное, оттого спирало дыхание. Мелкие капли продолжали сыпаться по стеклу, и он включил дворники.

Обернулся к Алисе и негромко спросил:

- Ты завтракала или заедем куда-нибудь?

- Я завтракала.

Больше они ничего не говорили. Ехали молча. Радио не включал – гнетущая тишина, прерываемая ревом двигателя, выбивала его из прошлого. Позволяла не чувствовать себя сумасшедшим. Впрочем, что это было, если не сумасшествие?

Когда доехали до Питера, дождь почти перестал. Но тяжелые, словно бы осязаемые тучи нависли над их головами, так и норовя грохнуться на землю. Прямо на них. Когда стало ясно, что они едут в Кузнечный переулок, Макаров покосился на Алису.

Ее лицо было спокойным. Таким же, как и она сама. Цель их поездки закономерна – Илья умел играть и делать удачные промежуточные ходы. Но для нее они не могли стать неожиданностью. Алиса была готова исполнить любое его условие, чтобы перейти к своему следующему. Только это было важным – ее следующее условие. И Макаров даже не подозревал, что этой поездкой сам вытянул жребий из вариантов в списке.

Точно так же, как помог ей сесть, он помог ей и выйти. Открыл дверцу, придержал за руку. А потом выпустил и скрылся в парадной, зная, что она идет за ним. Почти взбежал на верхний этаж старого дома без лифта. Понимая, что за спиной следует она. И не давал себе времени думать ни минуты. Потому что это было больно – входить сюда и быть здесь. Дважды пробовал и чуть ли на стены не лез.

Рассчитывать, что прийти сюда с ней окажется менее больно, не приходилось. Воплотившийся кошмар.

Открыл дверь ключом. Распахнул ее и пропустил Алису внутрь со словами:

- Здесь убирают раз в месяц, так что не разувайся.

- Зачем? – спросила она, проходя мимо него.

- В музеях тоже убирают, - съязвил он.

Алиса хмыкнула и, не оглядываясь, направилась к балкону.

- Быть хозяином музея – это престижно, да? – спросила она, открывая дверь.

- Разумеется, вся моя жизнь определяется масштабами понтов.

Он медленно пошел за ней, на ходу прикрывая ванную комнату и стараясь не смотреть ни на стены, на которых все еще тускло маячил нарисованный город, ни на кресло, где по-прежнему брошен был Алькин плед, ни на шкаф, из приоткрытой дверцы которого торчал ее же старый свитер, в котором она часто выскакивала встречать его, если не была на работе.

Теперь уже воздух казался не густым. Он изменился. Он стал затхлым, хотя затхлости в комнате не было. Так пахнут ветхости, то, в чем нет жизни. Да она и прекратилась здесь давно. «В мире вообще мало что внушает доверие, кроме полотенцесушителя в старой квартире», - пришло ему в голову, и в ответ на эту мысль расплылся в дурацкой улыбке. Он придержал балконную дверь, нависнув над Алисой, и быстро коснулся губами ее щеки.

- Универ я, кстати, так и не закончил.

Она бросила на него быстрый удивленный взгляд и тут же отвернулась.

СМИ легко играют словами, которые каждый волен понимать как понимается.

Несколько лет назад на популярном портале ей попала публикация с юбилейной вечеринки МакГрупп-холдинга, половина которой была посвящена Макарову-младшему с его биографией и обширным фотоотчетом с праздника.

Он с отцом. Он с матерью. Он с людьми, которых Алиса не знала. Он с девушкой – высокой, длинноногой, с пышной шевелюрой светлых волос и счастливыми глазами человека, выигравшего приз. Снова он с ней. И снова. И снова.

«Все чаще говорят о скорой свадьбе Ильи Макарова...»

Почему нет?

«Продолжает дело отца...»

Как же по-другому.

«С 2005 по 2007 годы жил в Германии...»

Вот так и сразу!

«Учился в Санкт-Петербургском университете...»

Учился... и не закончил...

- Надо было учиться, а не в игры играть, - пожала Алиса плечами, отбросив в сторону сумку и скидывая босоножки с явным намерением перебраться через перила балкона.

- Куда тебя несет? – рявкнул он.

- На крышу, - голосом, каким приходится объяснять элементарные вещи, сказала Алиса.

Шустро оказалась за балконом и направилась к лестнице. Ему ничего не оставалось, как последовать туда за ней. И наблюдать, как ее маленькие белые ступни с голубыми прожилками быстро поднимаются по перекладинам вверх. Лестница после дождя была немного скользкой. Скользкой была и крыша.

- Отсюда кукарекать будешь? – спросил Илья, поравнявшись с ней.

- Могу и отсюда. Тебе как больше надо?

Ему никак не было надо. Все, что он хотел, это встряхнуть, прижать к себе, заставить вернуться к жизни. Там, во Вроцлаве, она будто спала. Бог его знает, сколько спала. А теперь проснулась и в реальном мире ненавидит его. Но это настоящее живое чувство – его принять проще, чем равнодушие.

- Давай отсюда, - кивнул он, пройдясь немного по крыше и оглядываясь по сторонам. На четыре этажа выше к небу.

Алиса проводила его взглядом, тоже посмотрела вокруг, узнавая и не узнавая пейзаж. Улыбнулась ему в спину, подошла к краю и громко, насколько могла, крикнула:

- Ку-ка-ре-кууу!

- Царствуй, лежа на боку! – захохотал Макаров. – Еще!

- Да щас!

- Жалко, что ли?

- Нет, но условия есть условия, - она резко обернулась, чтобы вернуться обратно, и неожиданно поскользнулась. Взмахнула руками, удерживая равновесие, и рассмеялась. Движение это ее, как птичий взмах крыльев, и смех, похожий на крик, заставили его дернуться и кинуться к ней. Ухватить за талию и крепко прижать к себе. Две секунды – а в глазах такая темная бездна, что заглядывать страшно.

- Алиса! – сдавленно выдохнул он.

- Чего ты? – все еще посмеиваясь, спросила она.

Он будто ощупывал ее взглядом. Напряженно, дерзко, испуганно. Лицо заливала бледность, из-за которой темно-серые глаза казались почти черными.

- Ты еще поскочи здесь! Скользко! – крикнул Илья ей в лицо.

- Да ладно, - она высвободилась из его рук и пошла к лестнице. – Заводи детей и воспитывай их. Меня не нужно.

- Однажды я тебя уже терял, - услышала она за спиной.

Алиса остановилась и обернулась. Взгляд ее был злым.

- Ты не знаешь, что такое терять, - жестко сказала она. – Ты меня никогда не терял. Ты от меня избавился. Так избавь теперь меня от своего затянувшегося чувства вины.

- Я приехал к тебе! – закричал он. – Я пытался тебя вернуть!

Она не слышала его или делала вид, что не слышит, спускаясь по лестнице. Ответом ему стал лишь негромкий скрип балконной двери. Крыша опустела. Только дождь снова стал бить по ней, делая еще более скользкой – один неверный шаг и все. И по его лицу они били тоже – теплые, душные. Илья снял очки, быстро покрывшиеся каплями. Вытер рукой лоб и откинул назад волосы. Сунул руку в карман, вынул платок, протер линзы. И только после этого спустился вниз, в квартиру. Лицо его не выражало больше ничего. Никаких чувств. Все чувства в нем теперь были надежно скрыты.

- Давай здесь, - негромко и холодно сказал он Алисе, снова оказавшись в гостиной.

Она застегивала пряжку на обуви, сидя в кресле. Подняв голову, спросила:

- Ты о чем?

Илья помолчал. Приблизился снова к ней, опустился у ее ног и взял в руки ее лодыжку в босоножке. Быстро снял его и прикоснулся губами к пальцам. Скользнул чуть выше по ступне – к щиколотке. Продолжая ртом выводить на ней узор. Нога была влажной, пахнула дождем и металлом. А он поднимался еще выше, по голени к коленке, лаская ладонью икру. До тех пор, пока снова не поднял к ней свой серый взгляд и прошептал:

- Об этом.

- Ааа, - понимающе протянула она. – Ну давай. Только найдем опору понадежнее, чем кресло-качалка. Если ты покалечишься, мне этого не простят.

И снова он не ответил. Его губы продолжили свое путешествие по ее ноге, пока не достигли внутренней части бедра. Притянул ее ближе к лицу, чтобы было удобнее. Втянул носом ее аромат. Сдвинул край кружева и прижался губами, пропуская язык меж складочек половых губ. Такого он раньше с ней не делал. Такого он ни с кем никогда не делал.

Алиса сильно вцепилась пальцами в кресло – костяшки побелели. Побелело и лицо, словно вся кровь отхлынула к животу, который свело болезненным спазмом. Одно его прикосновение лишило ее возможности дышать и думать. И единственное ее желание

сосредоточилось на кончике его языка. Тот проталкивался все глубже. Скользил снизу вверх, достигая клитора, и возвращался обратно. Илья схватил ее ладонь свободной рукой и прижал к своим волосам, будто бы желал, чтобы она направляла его. Теревил, втягивал в себя ее нежную кожу, впитывал ее соки и снова принимался скользить снизу вверх и обратно, пока пальцы уже были внутри нее, будто бы в продолжение движениям рта. И снова, как в тот день, когда отымел ее на диване собственного кабинета, слышал собственный голос, стоном вырывающийся из грудной клетки.

В ответ его стонам раздавались глухие и протяжные женские вскрики. Она отдавалась ему, не сопротивляясь, сосредоточившись на синхронном подрагивании бедер и ожидая продолжения. Что такое огоньки, пляшущие перед глазами, он знал хорошо. И свист этот в ушах был ему знаком. Только сейчас это впервые означало экстаз, близкий к потере сознания. Хотя значения это не имело. Ничего на свете значения не имело, кроме судорог ее наслаждения. Как он хотел ее оргазма! Как он желал, чтобы она потеряла контроль над собственным телом, как он накануне! Он узнавал ее вкус, ее кожу наощупь, родинку на бедре, которую, оказывается, успел забыть давно. И, кажется, заново познавал эту женщину, как не знал ее раньше. Пусть только на время игры, пусть не по-настоящему. Пусть. Когда от него ничего не останется, этих минут она уже не отнимет. Он еще крепче присосался к клитору, теревил его быстрее, жестче, а рука пробежала по животу вверх, к груди и крепко сжала ее сквозь ткань платья.

Алиса застонала, оттолкнула его от себя и сползла на пол. Судорожно расстегивала его пояс, пуговицы, отстранялась от его преследующих губ, которые сейчас отвлекали. Она освобождала его возбужденный член, обжигающий ладони. И когда мир вокруг завертелся, пробежалась по нему кончиками пальцев и откинулась на паркет.

- Я хочу тебя, - прошептала она, глядя ему в лицо.

Его пьяный взгляд вспыхнул в последний раз, и от этой вспышки будто опалило ее. Задрал платье ей на живот, приспустил джинсы и собственные трусы до бедер. Рванулся вперед, к ней. И, наконец, заполнил ее всю собой, напряженно выдыхая. Он пахнул ею. Его влажные губы имели ее вкус. Его пальцы, влажные от нее, хватали ее запястья и заводили их за голову, прижимая к полу. Он жадно целовал ее шею, ключицы, впиваясь в бледную кожу с голубыми жилками. А вокруг мелькало прошлое – их прошлое на двоих. Фрагментами, как когда он раньше вспоминал ее лицо. Край дивана, где они лепили друг из друга любовников. Старенький пледик, съехавший вместе с ними на пол. Банка от краски, почему-то так и не убранная Васькой. Его старый музыкальный центр. Несколько ее книжек на тумбочке у дивана. Му-зей...

Он задвигался в ней рвано, резко – и не понимал, сколько времени прошло, так отчаянно бил набат в голове. Такой же набат бил и в ее висках. Она приподнимала бедра ему навстречу, обхватывала его ногами, вздрагивала всем телом. В своей последней, самой сильной судороге изогнулась под ним и зашлась полустоном-полухрипом, выдыхая собственный экстаз и сокращая мышцы, чтобы удержать в себе мужчину, владевшего ее удовольствием. Он еще несколько раз сильно, почти болезненно натянул ее на себя, пока не закатил глаза и не уткнулся лицом ей в грудь, продолжая теперь уже слабые движения и успокаиваясь. Так и замер. Только дыхание было слышно теперь. И как у его лица, под одеждой внутри нее колотится сердце.

Прикрыв глаза, Алиса почти не двигалась, лишь водила неторопливо пальцами там, где находила его кожу, слегка царапая ногтями. Он медленно приходил в себя. Возвращалась

способность думать. Первая же мысль была глупой и нелепой. Забыть про игру, запереться с ней в этой квартире еще на несколько суток. И никуда не выпускать, пока она не вернется к нему – вся, без остатка. Вторая мысль была реалистичней – сколько еще она сможет удерживать на себе его тушу. Он быстро скатился с нее на паркет. И произнес в наступившей тишине:

- Твоя очередь.

Алиса набрала полную грудь воздуха и отвернулась. Наткнулась взглядом на блеклую картину, так и не законченную ею. Долго рассматривала не ожившие дома и мосты.

- Надо было нарисовать кошек по трафарету, - хохотнула она и поднялась. Снова села в кресло и начала обуваться.

- Документы у тебя. Рисуй, что хочешь.

- Я давно не рисую, - она встала, посмотрела на него с высоты своего небольшого роста.

Больше не улыбалась. Она отбирала небо. – Ты уйдешь из компании.

Макаров резко сел и ошалевшими глазами впился в ее лицо.

- Что это значит?

- Что ты уйдешь из своего «Sky Tower».

Сглотнул. Мотнул головой, будто не верил. И знал, понимал, чего она добивается.

- Ты серьезно? – все-таки спросил он. – Как, по-твоему, я должен это сделать? Отдать свою долю? Подать в отставку? Вообще прикрыть? Чего ты хочешь?

- Не прикидывайся дураком! – рассердилась Алиса.

- Ясно! – рассмеялся Макаров. – И сделать я это должен так, чтобы не иметь возможности вернуться, да?

- Лучше, чтобы у тебя не было желания, - проворчала она.

- Да ладно! Не мелочись, Куликовская, - продолжал смеяться он. – Давай я тебя лучше домой подброшу. Или еще куда-нибудь пойдём? Лично я жрать хочу. И от кофе бы не отказался.

- Найдешь себе другую компанию. Я вызову такси.

Илья засмеялся еще громче. Вскочил с пола, застегнул джинсы. Нашел очки, валявшиеся под креслом. Пятерней прошелся по волосам, отчего менее взъерошенным и помятым не стал. Снова глянул на Алису.

- Ну ладно! – легко сказал он. – Ключ на вешалке в прихожей. Ну... ты помнишь, раньше там цепляли. Пока!

И с этими словами вышел из комнаты. Следом стукнула входная дверь. И только удаляющиеся шаги зазвучали на лестнице.

Сторожиха сбивалась с ног. День не задался еще с утра. Причем явно не этого. За последние две недели вообще не было ни одного спокойного утра. Ее привычно уравновешенный и вполне себе добродушный начальник слетел с катушек. Сошел с ума. Или, как принято говорить у простых людей, рёхнулся. Правда, это еще не повод не исполнять его указания.

Собственно, в происходящее было посвящено не так уж много людей, и Алёне лестен был тот факт, что она входила в их число. Вопросов не задавала. Набирала требуемые документы, соединяла Илью Евгеньевича с теми людьми, с которыми он просил связаться. И рассылала приглашения на собрание акционеров. Было еще одно важное и ответственное задание. Бизнес-ланч. Именно этим она и была занята. После завершения первой части Мерлезонского балета ожидала явления работников ресторана напротив и прислушивалась к происходившему за дверью. А там, судя по всему, жарило. Вторая часть Мерлезонского балета должна была пройти легче под чутким командованием господина Тё.

В холле показалась Тонечка. Она победно вела за собой двух официантов.

- Рановато еще, наверное, - мрачно сказала Алёна.

Впрочем, просчиталась. В ту же минуту дверь в конференц-зал распахнулась, и из нее, сдирая на ходу галстук, вылетел Макаров – почерневший и усталый.

- Илья Евгеньевич, - негромко позвала его сторожиха, - сейчас еду уже несут. Вот ребята подошли.

- Да? – он блуждающим взглядом окинул холл, пока не наткнулся на собственную

секретаршу. – Ну... пусть накрывают... вот тебе мой последний президентский указ.

Он никогда не обращался к ней на ты, и это казалось бы диким, если бы в эту минуту Алёна не понимала, что произошло в действительности. Она быстро кивнула и принялась давать официантам инструкции. Макаров же только хмыкнул, но, пока его никто не догнал, а в погоне он не сомневался, бросился в пока еще собственный кабинет, не желая больше слышать шума из конференц-зала. Знал, что это только начало. И знал, что впереди – самое сложное.

Кабинет встретил его тихим ходом часов на стене. И замаячившей бутылкой вискаря, недопитого накануне. Илья подлетел к столу, взял эту бутылку и плеснул в бокал. Потом резко отодвинул его в сторону. Уперся кулаками в столешницу и хрипло выдохнул. Это оказалось больнее, чем надеялся. Ломало не по-детски.

Насчет погони Макаров не ошибся. Хлопнула дверь, и в кабинет влетела Нина.

- Что это сейчас такое было? – зло крикнула она.

- Ты же все слышала.

- Слышала. И ничерта не понимаю!

- Хорошо, - Илья медленно повернулся к ней, поднял пятерню, проговорил: - Растолкую для самых непонятливых, - и принялся загибать пальцы. – Во-первых, на прошлой неделе мои тридцать процентов акций перешли Громову. За хорошие, кстати, бабки. Можно сказать, я поднажился за их счет. Во-вторых, теперь семья Макаровых не владеет контрольным пакетом в «Sky Tower», а соответственно, наше дочернее предприятие отправилось в свободное плавание, МакГрупп-холдинг прежнего влияния здесь иметь не будет, но, я думаю, ты это переживешь. В-третьих, я подал в отставку – не ждать же, пока меня вышвырнут отсюда? А в-четвертых, Мышь, ты там не видела случайно, Гриневич уже папу набирал, когда я вышел, или еще от шока не оправился?

- Набирал, не беспокойся, - шумела Нина. – И правильно сделал. Ты совсем ополоумел? Тебе к психиатру надо!

- С чего вдруг? Допустим, мне все надоело! Решил сменить род деятельности!

- А как же твой новый проект?

- Юрка продолжит. И вряд ли новый президент откажется от него. Выгодно!

- Дорого!

- Все посчитано, и деньги на это выделены. Громов обещал как акционер поддержать тоже. Ты же знаешь, он деятельный.

- Да уж! – донеслось от двери. – Громов деятельный!

Илья оглянулся за спину. Прислонившись к лутке и скрестив на груди руки, стоял Веник.

- Слыхала? – обратился Илья к Нине.

Но Нина накинулась на Громова.

- А ты как мог?! Илья неадекватен, он помешался на своей полячке! А ты пользуешься!

- Она тебе еще под диваном не мерещится? – заржал Илья. – Или под стулом? Или, может, она прокралась в шкаф и там сидит и нашептывает мне, чем еще тебя удивить?

- Ты десять лет пахал, как вол. Сделал компанию с нуля. И тебе это нравилось. И уходить ты не собирался. Но стоило ей появиться... Хорош отпуск! Еще скажи, что ты не жалеешь.

- Жизнь покажет, жалею я или нет, - пожал плечами Макаров.

- Обрати акции не отдам, - предупредил Громов. – Даже за тройную цену.

- Врешь ты все, Макаров! – крикнула Нина, посмотрела на обоих мужчин и выпалила: - Да пошли вы оба!

И вылетела из кабинета, громко хлопнув дверью.

- Мощно! – провозгласил Веник.

- Гормоны, - буркнул Илья и уныло посмотрел на виски. Понимал, что нельзя, что за руль, что еще с отцом говорить... Но проще претворять план в действие, чем разгребать последствия.

На все про все понадобилось почти две недели. Громов уже давно намекал ему, что вложился бы в «Sky Tower», если бы кто-то из акционеров вздумал продать свою долю. И просил шепнуть, когда такое случится. Макаров и шепнул.

Все проходило под грифом особой секретности. В известность поставили только Юрку – и то лишь в конце. Когда по факту Макаров подписал все документы о продаже своей доли. Смешно. Выполнить условия игры по одной-единственной глупости отца. Уйти навсегда из предприятия, которое было для него всем, лишь потому, что пару лет назад Макаров-старший с барского плеча совершил сделку века – тридцать процентов из шестидесяти, которыми владел МакГрупп-холдинг, продал собственному сыну за феерически смешные деньги. И компания в холдинге. И у Ильи появилось что-то свое, только его. Тогда это казалось справедливым. Решения принимались сообща, учитывая интересы семейного бизнеса. И по сути предприятие действительно оставалось в семье.

Теперь все это казалось даже забавным. Если бы не это единственное обстоятельство, у него всегда были бы пути к отступлению – при таком-то папе. Но это также означало и неминуемый гранд-скандал с отцом. Возможно, что окончательный и бесповоротный.

Макаров зло оскалился и все-таки отпил из стакана.

- Как ты с ней работал вообще? – вырвал его из собственных мыслей Громов.

- Вот именно, что я с ней работал, а не спал, - бросил Макаров и тут же глянул на Веника: - Мышь не трогай, ясно? Уйдет в декрет, и ты долго ее еще не увидишь.

- Значит, то, о чем Ваню трепался, правда?

- Типа да. Но я тебе ничего не говорил. А то концерт будет еще хуже, - Илья сдернул со стула пиджак, но не надел его, а взялся за петельку и закинул за плечо. – Короче, обживаться пока не предлагаю... но о твоих амбициях ленивый не знает. Иди на вторую часть, Юрка будет речь толкать!

С этими словами Макаров широко улыбнулся и вышел из президентского кабинета.

Чем дальше, тем сильнее это напоминало горячку. В ней проживал последние дни, едва ли питая надежду остыть хоть ненадолго. Сколько времени он так выдержит – не знал. Говорят, что рано или поздно люди ломаются, но вот беда – он не мог знать своего нынешнего предела, потому что достиг его в тот день, когда узнал об Алькиной смерти. Дальнейшее существование напоминало ему путешествие по чужой планете в скафандре. Ничто и никогда больше не трогало его хоть в половину так же, как в ту пору, когда у него была Алька.

И он все еще не верил в то, что ее нет. Он отчаянно надеялся, что где-то внутри женщины, которая затеяла с ним игру, все еще жила маленькая девочка, которая любит его, и которую любит он. Пусть наказывает, пусть делает все, что вздумается. Знал, что сейчас он для нее – вроде боксерской груши, в которую она выколачивает собственные боль, злость и обиду.

Он рисковал. Как он рисковал! Либо издерет грушу в клочья, либо придет в себя.

Остановится. И услышит его, наконец! Все что угодно только за то, чтобы быть услышанным!

Сам не заметил, как очутился у Литейного моста. Бросил машину. Поплелся по Воскресенской набережной. И все гадал, как так вышло, что жизнь, оказывается, циклична. В его большом Цикле неизменно присутствовала игра. Станным мостом от точки к точке по восходящей. Этих мостов не разводил никто, чтобы не было соблазна остаться на одной стороне, не перейти на другую.

И он переходил, раз за разом. Потому что все ждал, вдруг на другом берегу будет Алька. Даже тогда, когда знал, что ее нет на земле.

Странно. Теперь она есть. А он все еще без нее. Может, чаша до дна не испита?

В кармане периодически вибрировал мобильный, который он не снял с беззвучного режима после ухода с собрания акционеров. Знал, что это отец. Понимал, что нельзя не отвечать. Но трубку не брал. Потом и вовсе вырубил.

Прощался. Мысленно прощался с собой, создающим замки в небе, которые по иронии судьбы оказывались дурацкими торгово-развлекательными центрами. Как до этого прощался с квартирой, которая все еще хранила его любовь.

В офис МакГрупп отправился уже в самом конце рабочего дня. Когда стрелки часов постепенно приближались к шести вечера. Знал, что отец там. Понимал, что все на ушах. Но вариантов не было. Тянуть ни к чему.

Влетел в кабинет Макарова-старшего, не глядя на испуганную секретаршу. И, усевшись на диван, буркнул:

- Давай, начинай!

- А ты меня не пугай своим мрачным видом, не пугай! – рявкнул Евгений Степанович. – Ты хоть понимаешь, как это называется?

- Приблизительно, - кивнул Илья.

- А я знаю точно. Это предательство!

- Ну да... Как-то так.

- И это все, что ты можешь мне сказать? Без объяснений и... Хотя насрать мне на твои объяснения. Объяснять надо было, когда тебе это в голову пришло. Правильно говорят: двадцать лет – ума нет, и не будет. Что уж теперь-то!

- Ну, допустим! – отозвался Илья. – Во всяком случае, можешь не волноваться. Об интересах компании я все же подумал. Средства за мою долю в «Sky Tower» в ближайшее время поступят на счет МакГрупп. В созданных условиях, я думаю, это единственное, что я мог сделать.

- Спасибо, сынок. Позаботился о папке. Нож в спину сунул и леденец протянул, - отец едва заметно дернулся, прижав левую руку локтем к боку, и продолжил сдержаннее: - Знаешь, Илья. Я хорошо помню, как однажды ты уже совершал безумные поступки. Тогда я думал – моя ошибка, пережал. Но если ты так и не научился отделять мух от котлет – я бессилен. В конце концов, каждый жрет там, где ему нравится: один в ресторане, другой на помойке... Будь любезен – уйди! Ольгу Андреевну попроси зайти.

Илья медленно кивнул, чувствуя нарастающее беспокойство. Но не посчитал возможным что-то спрашивать. Извиняться тоже не стал – не представлял как. Знал, что бесполезно. И знал, что это теперь уже точно конец. За все в жизни однажды приходится платить. Вот сейчас его время.

Он молча встал и вышел из кабинета. Через минуту в дверях показалась Ольга

Андреевна со стаканом воды и каплями.

- Догадалась, - благодарно кивнул Макаров-старший и выпил лекарство. – Домой поеду. Зови Саныча.

Саныч тоже явился предельно быстро. Будто бы сейчас весь персонал стоял на стрёме. Впрочем, едва ли могло быть иначе. Слухи распространяются молниеносно. И то, что в обед знал один только Евгений Степанович, к вечеру смаковалось даже уборщиками. Не каждый день царевич Проша кидаёт своего отца.

Дорога домой времени много не заняла. И все это время Макаров-старший всматривался в то, как по стеклу автомобиля текут струйки воды – к вечеру неожиданно начался ливень. Он все еще помнил те жуткие, наполненные ужасом дни, когда они перевезли Илью в Мюнхен, где у Макаровых была квартира. Столько лет прошло. Евгению Степановичу всегда казалось, что, если в чем-то и виноват перед сыном, то давно искупил. Многие ли решатся так круто изменить свою жизнь оттого, что чадо башкой повернулось?

Уехать за границу. Жить между странами. Чувствовать самоустраненность от дела всей своей жизни. Тогда так было нужно. И он пошел на это, не задумываясь о последствиях.

В сущности, организация нового распорядка в ведении дел прошла почти безболезненно. И постепенно жизнь вошла в свою колею, вернув Макарову-старшему все, чем жертвовал, сторицей.

И главным было взаимопонимание с сыном. Взаимопонимание, в конце концов, а даже не то, что тот взялся за ум и взялся за работу в холдинге. И еще доверие.

Сегодня оказалось, что и взаимопонимание, и доверие были только в его, Евгения Степановича, голове. А в действительности Илья – все тот же избалованный мальчишка, не способный думать о последствиях. И не желающий ни с кем считаться.

Он вошел в дом, сунул Бруновне в руки пиджак и, едва ворочая губами от усталости, спросил:

- Валентина Павловна дома?

- Дома, - отозвалась сама Валентина Павловна, появляясь в холле, и подошла к мужу. – Плохо выглядишь. Все так серьезно?

- Не каждый день выясняешь, что твой собственный сын – кусок дерьма, - мрачно сказал Макаров и зыркнул на Бруновну. Та за годы службы у Макаровых давно успела усвоить, когда лучше ретироваться. И потому через мгновение исчезла с глаз долой.

- Объясни толком, что случилось, – попросила жена, уводя его в гостиную.

Он на ходу расстегивал пуговицы рубашки и тяжело выдыхал. Боль в левом боку накатывала с новой силой, но внимания не обращал. Силился отодвинуть ее на задворки сознания.

- Ну про собрание акционеров «Sky Tower» ты, наверное, не слышала, - говорил он. – Сегодня было. От нас Гриневич ездил. Звонил в обед. Илья... продал свои акции Вениамину Громову и ушел с поста президента.

Макарова тяжело опустилась в кресло. Успешной бизнес-леди из нее никогда бы не вышло, но дурой не была. И понимала, что произошло что-то непоправимое. Для всех.

- Как? Почему? Зачем? – забормотала она.

- А я знаю почему и зачем? – заорал Евгений Степанович. – Он не объяснил! Он вообще ничего не говорил! Не оправдывался! Тупо признал, что предательство и все! Кусок говна – и есть кусок говна! За десять лет не поменялся!

- Жень, он сын наш, - прозвучало жалобно. – Лучше такой, чем никакого.

- Да?! Ты, правда, так считаешь? Нож в моей спине, который не партнер и не друг вогнал, а собственный ребенок, наверное, лучше смотрится?

- Ты сильный, ты справишься, - вздохнула Валентина Павловна. – Может, у него проблемы какие... Давай я позвоню, а?

- Не вздумай даже! – вскинулся Макаров-старший. – Хватит ему сопли подтирать! Он ни с тобой, ни со мной не посчитался! И, поверь, я еще очень нескоро вообще смогу его видеть, не то что простить!

- Тогда Василисе.

Евгений Степанович некоторое время молчал, глядя пристально на жену. И понимал, что никогда-никогда не забыть ему ее лица в тот день, когда она привезла сына в их особняк, едва только вынутого из петли. За это он тоже чувствовал вину.

- Ладно, делай, что считаешь нужным. Но я в этом участвовать не желаю! – махнул он рукой.

Валентина Павловна кивнула и поднялась из кресла.

- Лекарства пил?

- Да Оля какой-то дряни накапала...

Он не появлялся двенадцать дней. Не звонил и не приезжал. Алиса не знала, что это значит, если вообще что-то значит.

Он вышел из игры. Выполняет задание. Тянет время. Ушел в загул. Каждый день она придумывала себе новое объяснение его молчания. И его отсутствия.

Оказывается, можно было привыкнуть к тому, что его нет двенадцать лет. Работать, заниматься семьей, устраивать жизнь. И мучиться ожиданием каждый из двенадцати дней, выпивая тонны кофе и меряя шагами комнаты.

Оказывается, можно удивляться, как быстро пролетали дни командировки мужа, и тому, что он снова дома. И скучать каждое мгновение, которое Илья сейчас проводит не с ней. Пусть она и не позволяла себе в этом признаться.

Оказывается, можно легко сорвать с себя кольцо, которое глупо и наивно носила, не снимая ни на минуту, и спрятать его с глаз долой, чтобы никогда не видеть. И не найти в себе смелости взять документы на квартиру в Кузнечном и выставить ее на продажу. Потому что это его – живого, а не его, застывшего в ее памяти.

Отвлекала от сумасшествия только Сонька. Звонила, рассказывала о себе, лопотала на испанском. Она становилась для Алисы глотком свежего воздуха, после которого снова можно было нырять в беспросветную глубину, куда она себя загнала, сорвавшись в Петербург.

И здесь торчала третью неделю, порой днями не выходя на улицу. Воздухом она дышала на балконе, когда выбиралась курить. Таким был и этот день. Прислушиваясь к редким каплям дождя, Алиса медленно выпускала сигаретный дым и, склонив голову на бок, рассматривала, как он рассеивается в сером влажном пространстве.

Из этого влажного пространства, странного переливчато-серого, дождливого цвета выплыл снежно-белый BMW. Припарковался возле ее дома. Дверь распахнулась. И, словно бы во сне или в бреду, из машины вышел Илья. Почему-то именно в этот, двенадцатый день. Поднял глаза к ее окнам – точно знал, где они. Помнил? А наткнулся на ее фигурку на балконе.

Это было сильнее всего.

Одиночество. Почти зримое. Между ними.

Макаров привалился к дверце машины, не в силах отвести взгляда от этого единственного на земле балкона. И в это самое время Алиса посмотрела вниз. Увидела его, медленно отвернулась и исчезла.

Короткие секунды между парадной и ее этажом. Несколько лестничных пролетов. Ее открытая нараспашку дверь. Макаров глубоко вдохнул и вошел внутрь, в темноту прихожей. Щелкнул замком. Включил свет. Разулся.

А потом оказался в гостиной. Стоял и молчал, глядя на нее.

- Ну? – нарушила она его молчание.

Илья включился. Протянул ей папку с документами, которую сжимал в руках. Вторую уже папку, подводившую черту в его жизни.

- Моя головокружительная карьера в фирме собственного отца сегодня окончена, - сообщил он, - здесь договор о продаже акций, находившихся у меня собственности. И копия моего заявления об уходе с поста президента. Акционеры проголосовали за отставку. Доля МакГрупп в «Sky Tower» сегодня тридцать процентов. Вряд ли какому-то сумасшедшему придет в голову мне еще что-нибудь доверить. Так что все. С этим покончено.

- Идет. Что дальше? – это ей удалось произнести без малейшей запинки и глядя прямо ему в глаза, в то время, как внутри что-то оборвалось.

Илья сглотнул, подошел к тумбочке и положил папку на стол. Резко обернулся к Алисе.

- Сваришь мне кофе.

- Сейчас?

- Утром. После ночи в моем доме.

- Запросто!

- Ну, я рад, что тебе просто, - улыбнулся он устало. – Собирайся, времени много. Васька уже ужин приготовила.

- Я ужинала.

Алиса начала шуршать в чемодане, пока не выудила из него футболку и мастерку.

- Не знаешь, от чего отказываешься. Васька хорошо готовит, - сообщил Илья, следя за ее движениями.

- Тебе больше достанется, - ответила Алиса, вышла в соседнюю комнату и скоро вернулась одетой. – Только, пожалуйста, не надо заставлять меня в следующий раз есть ее стряпню в качестве условия игры.

Он сидел, устроившись на диване, и рассматривал сервант. Тот манил его фотографиями – Алькиными, ее семьи и ее дочери. Будто бы жизнь показывал, которой у него не было.

- А чем тебе не нравятся мои условия? – спросил он, не отвлекаясь от серванта.

- Разве я что-то сказала об антипатиях? Я лишь попросила.

- В ходе игры или просто?

- Есть либо игра, либо ничего. Идем?

- Я скучал по тебе.

Ничего не ответив, Алиса прошла мимо него в прихожую.

Ехали быстро. Рассекая это холодное лето ревом двигателя и голосом Флоренс Уэлч. Знал, что слишком гонит, но так ему казалось, что он обгоняет собственные мысли и собственные сомнения, которые мучили его тяжестью, пытаюсь пригвоздить к месту. Даже

если там, впереди, ничего не будет, и все, что он делает, окажется зря... права сомневаться Макаров себе не давал.

Он давно не прыгал с парашютом, а летал разве что на пассажирских самолетах. Родись на полвека раньше – был бы летчиком или космонавтом. Время подвигов прошло. Теперь и то, что у него имелось, потерял одним росчерком. Никогда не был адреналинщиком и сейчас понимал – нет, не оно. И не попытка сбежать от прошлого. И не одиночество. Бросок к будущему – возможно. Закрывать бы глаза да проснуться, когда все это закончится, когда будет знать: пан или пропал.

Коттедж в Мариинской усадьбе находился в часе пути от Всеволожска. Доехали от силы минут за сорок. Машину припарковал у дома, в сумеречном дождливом свете казавшемся лиловым. Терраса. Плетеные качели с пледом, брошенным небрежно. Туевые аллеи. Воздух. Здесь можно было хоть немного дышать. Илья вышел из авто и выпустил из него Алису, подавая ей ладонь.

- Приехали, - сообщил он.

- Красиво устроился, - она вышла, не приняв его руки, и огляделась.

Макаров сжал ладонь в кулак и спрятал ее в кармане пиджака. Та горела – в отсутствии касания.

- В прошлом году уехал из города. Можно было что-то еще поискать, но тут Юрка по соседству. Он сюда притащил.

- Здесь, правда, симпатично. И тихо, наверное.

- Негромко. Лебеди на озере есть... Да и на работу недалеко ездить...

Произнес – и понял, что все. Работа закончилась. Не беда, придумает что-то потом. Когда сможет думать о чем-то, кроме того, как выдержать до конца, не сорвавшись в пропасть.

- На прошлый Новый год мы собирались с друзьями у меня, - снова заговорил он. – Здесь и зимой красиво. Юркины пацаны чуть не снесли дом к чертям – своего же уже мало.

- На то и дети...

- Ну да... Пойдем?

- Веди.

Макаров улыбнулся, в пару прыжков взлетел на террасу, махнул рукой вперед и сказал:

- По фасаду я в следующем году хочу виноград пустить. У деда когда-то прямо на второй этаж, на балкон рос. А если не пойдет, заменю на плющ. Чтобы зеленее.

- С комарами веселее, это верно, - Алиса шагала за ним. Без энтузиазма, но не отставая.

- Злая вы, Алиса Владимировна, - рассмеялся он, открывая дверь и пропуская ее в дом.

Она снова пропустила его слова мимо ушей. А оказавшись в доме, прошла в ближайшую комнату. В той, к счастью, обнаружился диван, на котором она и расположилась, бросив на пол сумку. Макаров показался следом. Явно забавлялся. Скрестил руки на груди и поинтересовался:

- Чем займемся, любимая? Есть паззлы, несколько гигов Годара и хорошее сухое вино в баре.

- А бильярд?

- Любишь бильярд?

- Тебе не все равно?

- Мне интересно, - пожал он плечами и сел на диван рядом с ней. – Думаю над перспективой обустроить бильярдную. Тё не любитель.

- Не вижу связи между собой и твоей будущей бильярдной.

- Да вокруг вообще все лишено связей. Кроме единственного – мы с тобой всегда умудряемся влипнуть.

Алиса посмотрела на него. Макаров по обыкновению оседлал своего любимого конька: болтать ни о чем он всегда был мастер. Когда-то ей это нравилось. Когда-то она слушала его болтовню, как откровения, впитывая в себя все его слова. Когда-то она спросила, что будет, если его дурацкая неизбежность закончится.

Неизбежность того, что он хочет подвозить ее на работу и с работы. Неизбежность того, что он хочет быть с ней.

Это случилось в один из самых последних их дней. Может, потому и впечаталось в память так отчетливо. Макаров тогда удивился. Лицо его сделалось серьезным, хотя за минуту до этого он ржал с какого-то фильма, который крутили по телеку. И сказал, будто уличал ее в глупости: «Что это за неизбежность такая, если она заканчивается? Так не бывает, Алька. Если есть, то до самого конца».

«Многое заканчивается».

«Это – нет», - твердо ответил он.

«Ты обещаешь?»

«Обещаю, пессимистка моя».

Сам же Макаров оказался убежденным реалистом. Слишком много невыполненных обещаний.

Алиса усмехнулась и спокойно ответила, отвернувшись к окну:

- Угу, однажды тебе не повезло, но ты вовремя одумался.

Макаров вздрогнул и повернулся к ней. Выражение его глаз сделалось каким-то звериным, незнакомым. Наверное, если бы не очки, было бы еще страшнее. Он наклонился к ней, и губы его задвигались:

- Неужели ты не понимаешь, что все это не так должно было закончиться? Сбой системы какой-то. Мы должны были прожить длинную и счастливую жизнь вместе! А не... вот это все!

- Успокойся! Мы ничего с тобой друг другу не должны.

- Разумеется! Сейчас мы закончим очередную партию, а потом ты спокойно вернешься к Логинову после всего! Думаешь, я в это поверю?

- Почему нет?

- Потому что это не ты была бы!

- Ты не знаешь, какая я, - равнодушно пожала плечами Алиса.

- Знаю! Сердцевина не меняется. Остальное узнал бы потом, постепенно, если бы ты позволила.

- У тебя раньше было другое мнение о моей сердцевине.

- Алиса!

- Сейчас ты скажешь, что я не права?

- Сейчас я скажу, что пора спать! С правотой разбирайся сама. У меня был дурацкий день, чтобы сейчас еще и по этому поводу спорить.

- Спать так спать, - она легко подскочила с дивана. – Где?

- У меня в комнате, на моей кровати, со мной.

На втором этаже свет был выключен. Васька, наверное, давно уже спала. Да и не в ее правилах было оставлять включенным электричество в комнатах. Макаров взбежал по

ступенькам, зная их на пересчет – ровно восемнадцать, четырнадцатая едва слышно поскрипывает. Алиса шла за ним. Комната была вторая по коридору. Он открыл дверь, зажег бра на стене и обернулся.

- Если хочешь, душ напротив, - с улыбкой проинформировал Илья.

- Халат есть? Или рубашка?

Макаров подошел к комоду, выдвинул средний ящик и достал оттуда старую байковую рубашку – темно-синюю, в крупную клетку, любимую. Протянул Алисе и проговорил:

- Оказывается, я мечтал посмотреть, как ты будешь в ней выглядеть.

Ему оставалось ждать недолго. Очень скоро она вернулась, с мокрыми взлохмаченными волосами и в его рубашке, шлепая босыми ногами по полу. Остановилась посреди комнаты, раскинула в стороны руки и повертелась.

- Ну, смотри.

И он смотрел. Смотрел на нее. Смотрел на то, как влажные пряди подпрыгивают от ее движений. Смотрел, как переступают ступни с одной на другую, и сгибаются белые коленки. На маленькие ладони смотрел, те, что одним прикосновением умели будить в нем и страсть, и нежность. Где она, эта нежность между ними?

Илья встал из кресла у окна, в котором сидел до того. Подошел и взял за локоть, заставляя стать так, что она оказалась прижатой спиной к его груди. Вдохнул запах шампуня от ее волос – она пахла его шампунем. Поцеловал висок и прошептал на ухо:

- Тебе идет.

- Мне не идет твоя одежда, но другой нет.

- Можешь спать вообще без одежды.

Алиса немного отодвинулась от него, расстегнула пуговицы и сбросила рубашку на пол.

Ее голые руки, тонкие, изящные, с отблеском света на коже были созданы для того, чтобы целовать их. Илья снова привлек ее к себе за талию, видя только полукружие шеи и плеча, изумительный изгиб, от которого не оторваться бы, и приник к нему губами, поглаживая живот, перемещаясь на ягодички, скользя ладонями выше по спине, пока не достиг лопаток.

И вздрогнул. Резко отстранился, развернул Алису к свету и тихо спросил:

- Что это?

- Шрам!

Шрам. С левой стороны, повыше сердца. Небольшой, не больше указательного пальца, узкий и вытянутый, но уродливый, осязаемый под руками. Рельефный, давно зарубцевавшийся, чуть более светлый, чем здоровая кожа. Будто бы в этом месте ей подрезали крыло. Или через него ускользнула ее любовь к нему? Макаров сглотнул и тихо спросил:

- Больно было?

- Не помню.

- Это тогда?

- После аварии.

Он кивнул. Коснулся пальцами рубца и медленно его очертил. Потом легко подхватил Алису на руки и отнес в постель. Уложил на подушки. Накрыл одеялом. Разделся и выключил свет. Еще через пару секунд кровать прогнулась под его тяжестью, и он устроился рядом, придвинувшись к ней – снова вплотную.

- Спокойной ночи, - раздалось в тишине, прежде чем она почувствовала поцелуй на

своей щеке.

Но покоя не настало. И сон не шел. Алиса прислушивалась к звукам, раздающимся в доме, к шорохам, которые были слышны сквозь открытое окно. Потом она слышала лишь дыхание Ильи, и казалось, что все другое ей лишь мерещится. Она не знала, сколько прошло времени, может быть, даже засыпала ненадолго. Пока не раздался явственный скрип открываемой двери, пустившей по стене кривой, отразившийся от стекла лунный луч, и что-то неожиданно протопталось через ее ноги.

- Ой! – испуганно взвизгнула Алиса и села.

Следом подорвался Макаров, будто бы тоже не спал совсем.

- А ну брысь! – выкрикнул он, но в изножье на него не обратили внимания, а деловито устроились ровно между ним и Алисой. Илья обернулся к ней и прошептал: – Это Францевич, он всегда со мной спит.

- Какой, к черту, Францевич?! – возмущенно зашипела она.

- Кот наш... – растерялся он. – Помнишь, я его в честь Христиановского назвал? С каждым годом на него все больше похож. Такой же жирный и наглый.

Алиса вздрогнула, натянула на себя одеяло, прикрывая грудь, и негромко сказала:

- Странно...

- В Мюнхене обрюхатил соседскую вислоушку, хрен знает, как к ним попал. Мне потом чуть счет не выставили.

- Ты таскал его в Мюнхен?

- Ну... так получилось... Не оставлять же было...

- Логично... - Алиса снова улеглась и повернулась к Илье спиной. – Прости, что разбудила.

- Ничего. Спи.

Макаров лег боком, так, что она снова оказалась прижата к его груди. И едва ощутимо поцеловал ее затылок.

- Спи, - снова шепнул он.

И она засыпала, чтобы снова проснуться. В ногах переваливался с места на место Францевич, от рук Ильи было жарко. И все же, проваливаясь снова в дрему, она уже не различала где явь, а где сон. Только дыхание слышала возле своего уха. Оно было приятным. На нем сосредотачивалась, не понимая, спит или нет. Изменчивое дыхание, похожее на дуновение ветра. Ветер был теплым и мягким. Он подхватывал ее и уносил в небо, которого она так давно не видела. Только что-то бесконечно тревожило – где-то на земле, куда Алиса возвращаться не хотела. Кажется, то был голос. Он пробирал до дрожи, мучил ее, заставлял снова испытывать тяжесть, какая есть только в настоящем мире, далеком от снов и от неба.

«Спишь? – шептал голос возле ее уха. – Не слышишь, Алька? Ну, спи... я знаю, что не слышишь... я бы все на свете отдал, чтобы услышала...»

Потом еще долго казалось, что голос продолжает шептать, но слова разобрать было уже невозможно. На рассвете ей удалось заснуть крепко – больше не слышались звуки, перестал ворочаться Францевич. Она успокоилась. Видела сны – разноцветные, переливающиеся, как мыльные пузыри у уличных аниматоров.

В комнате было светло, когда она проснулась. Сквозь тонкие шторы легко проникало неяркое солнце. Алиса не сразу поняла, где она. Чужие стены, чужой запах. И морда Францевича на подушке. Она и вернула ее к действительности.

Прислушалась. Илья определенно спал. Она выскользнула из-под одеяла, подобрала

рубашку и, почти просочившись сквозь оставленную ночью котом щель, быстро спустилась вниз. Пока осматривалась в коридоре, в ногах очутился громко урчащий Францевич.

- Сейчас кухню найдем, там наверняка твоей еды валом, - сказала ему Алиса и открыла дверь, показавшуюся ей наиболее подходящей.

Она угадала. Огромное, напичканное техникой кухонное царство, в центре которого суежилась женщина неопределенного возраста и невысокого роста в кружевном переднике кофейного цвета.

- Доброе утро! – поздоровалась Алиса, входя. Вторым голосом мяукнул Францевич.

Женщина быстро обернулась, окинула вошедших взглядом и позволила себе вежливо улыбнуться.

- Доброе утро, - проговорила она, открыла холодильник и вынула оттуда банку кошачьих консервов. Открыла, высыпала в миску кота. Тот громким и внятным «миааааууу!» выразил свою признательность, и на кухне стало раздаваться задорное чавканье. Домработница разогнулась и не менее громко и внятно, чем Францевич, представилась:

- Василиса Сергеевна.

- Алиса, - получила она мгновенный ответ, и обладательница имени протопала к плите. – Подскажите, пожалуйста, где у вас кофе.

- В шкафчике над плитой. Джезва там же. Завтракать будете? Илья Евгеньевич обычно встает в восемь, я вот не рассчитала, что кто-то раньше поднимется. Но есть пирог, вчерашний, правда.

- Нет, спасибо, завтракать я не буду, - Алиса достала банку и джезву и принялась варить чертов кофе на максимально большом огне, чувствуя себя жуликом. Но чем скорее она его сварит, тем скорее уедет из этого дома. – А мед?

Через мгновение перед ней на столе стоял горшочек.

- Илья Евгеньевич ужасный сластена, - по-прежнему с улыбкой выдала ценную информацию Василиса Сергеевна.

- Я в курсе, - сообщила Алиса. Нашла на полке чашку побольше, положила туда три ложки меда, подумала, добавила еще одну, залила все это кипящим кофе и, водрузив на поднос, выплыла из кухни, сказав с порога: - Do widzenia!

Макаров все еще спал. Но уже не крепко. Солнечный луч, задержавшийся на его голове, золотивший светлые волосы, покоя ему явно не давал, норовя переползти на глаза. Илья во сне морщился и лежал, закинув руку на лоб. Алиса пристроила поднос на тумбочке у кровати и ретировалась в ванную, очень скоро вернувшись переодетой в свои футболку и юбку. Луч сделал свое дело, и теперь Макаров лежал на спине с видом невыспавшегося мученика, приоткрыв один глаз, и внимательно смотрел на нее.

- Я думал, что ты уже уехала, - скрипящим голосом протянул он.

- Уезжаю. Твой кофе, - она кивнула в сторону тумбочки.

Он резко сел. Глянул на чашку и криво усмехнулся.

- Твоя очередь.

- Я... - запнулась Алиса.

Еще вчера она была готова сообщить ему свое следующее задание, как только выполнит то, что загадал он. Она собиралась разыграть злую шутку с его родителями. Ту самую, что стоила жизни ее маме. То, чего она никогда не смогла простить судьбе и годы спустя, пусть и не признавалась в том самой себе. Теперь время правды. Время обнажать то, что было

скрыто за порядочностью и правильностью столько лет. Толку от этой ее правильности, если она ни минуты не сделала никого счастливее!

Макаровым должны были сообщить о несчастном случае с Ильей. Таком, который унес его жизнь. Им бы обязательно перезвонили спустя некоторое время, сказали бы, что произошла путаница. Но хоть час, хоть четверть часа – они должны были бы думать, что потеряли его. Жили бы в том аду, в котором умирала ее мама.

Алиса продумывала все возможные варианты, чтобы учесть каждую мелочь. Ударить должно было больно. И для нее ничего больше не имело бы значения. После такого – только ставить точку.

Но сейчас, когда оставалось лишь озвучить придуманный план, она растерялась. Не могла. Не умела. Видела его глаза густого серого цвета и не понимала, как можно произнести вслух то, что нужно.

- Мне надо подумать, - сказала, наконец, Алиса и выскочила из комнаты.

Идти туда, где ты

В особенных случаях Валентина Павловна водила сама. Может быть, чтобы отвлечься. Может быть, чтобы наоборот – сосредоточиться. Сейчас был именно такой случай. Ей нужно поговорить с Ильей. Ей обязательно нужно поговорить с Ильей.

Предварительно выяснив у Василисы, что он дома и никуда не собирается, теперь госпожа Макарова ехала в коттеджный поселок, мысленно прокручивая будущий разговор с сыном.

Началось со звонка все той же Василисы. Валентина Павловна, как и собиралась, позвонила ей в день, когда Илья ушел из собственной компании, и попросила сообщать обо всем, что ей покажется странным. Собственно, тогда же она и получила первую часть странностей. Василиса печальным голосом сообщила, что Илья Евгеньевич перестал ночевать дома.

«У женщины?» – мелькнула мысль в голове Макаровой, которую фактически и подтвердила домработница сына на следующий же день.

«Валентина Павловна, - торопливо и удивленно одновременно говорила в трубку Василиса Сергеевна на другое утро, - он девушку в дом привез! Я за ней только дверь закрыла».

В дом Илья женщин возил крайне редко. Последней была Вика – и то, несколько лет назад. Травой поросло. Потому удивление домработницы вполне объяснимо.

«Кто она? Как выглядит?» – взволнованно спросила Макарова.

«Ну, как... Хорошенькая, невысокая, темненькая. По-польски разговаривает, представляете!»

«По-польски? Он ее из Польши, что ль, привез?.. А зовут как, знаешь?»

«Ну, она и по-русски тоже, даже почти без акцента... Алисой представилась».

«Кк... как?!» – заикаясь, переспросила Валентина Павловна.

«Алисой! – повторила Василиса жизнерадостно. – Она ему кофе в постель...»

«Глупость какая!»

Нет, не кофе. А то, что на мгновение пришло ей в голову.

«Ну, он ее вчера поздно привез, а ушла она рано. Такси, вроде, вызывала», - продолжала выдавать информацию домработница.

Ничего не понимая, Валентина Павловна попросилась с ней с тем, чтобы сразу же позвонить Нине, в надежде, что та сможет ей объяснить происходящее. Нина объяснила. Сбивающимся голосом и явно не желая ничего рассказывать. Будто бы школьницу попросили сдать соседа по парте, в которого она безнадежно влюблена, и знает, что он нашкодил. Но правды Валентина Павловна все же добилась.

Алиса. Алиса Куликовская. Архитектор из Польши, автор нового проекта для «Sky Tower». Приехала в Россию для работы с Ильей Макаровым после двенадцати лет, проведенных во Вроцлаве. Куликовская Алиса. Да, жива. Она жива. И никто не знал. Она выжила в той аварии.

А Макарова словно сама попала в аварию. Разве такое возможно? Как такое возможно? Чтобы спустя столько лет. Чтобы снова в ту же воду.

Разрозненные факты не желали складываться в общую картину. Валентина Павловна отказывалась верить. И когда просила мужа узнать о восставшей из мертвых Куликовской всё, что можно, была в истерике, подобной той, которая случилась с ней лишь однажды.

Тогда они уже много месяцев жили в Мюнхене. И, кажется, она впервые за долгое время поверила в то, что самое страшное позади. Илья с отцом куда-то вышли, и она отпустила себя. Металась по квартире и издавала жуткие звуки раненого зверя, пока не выкричала из себя все, что копилось в ней с того мгновения, как она переступила порог старой квартиры в Кузнечном в конце февраля того памятного 2005 года.

Макарова многое могла простить мертвой. Но Алиса оказалась живой. Алиса оказалась снова рядом с ее сыном.

«Узнай, откуда она взялась! – кричала она Евгению Степановичу. – Слышишь? Узнай, что она от него хочет! Она всегда чего-то хочет».

«Я не знаю, чего она хочет», - таков был однозначный ответ на ее вопрос спустя еще день, когда муж выполнил просьбу. Он был бледнее обычного – и двигался, и говорил, будто речь не о нем, не об их семье. Словно бы он и сам не верит в происходящее и рассказывает не о посторонних людях, не об их сыне и не о той женщине, которая сломала всем им жизнь.

«Ты представляешь, и этот сморчок туда же, - потирая виски, бормотал он, - они оба с ума сошли. Они оба на нее повелись! Они оба сдурели от этой бабы! Кто повелся? Так Никита наш. Логинов Никита. Как это может быть, Вальш? И что никто не знал...»

Вышла замуж. Закончила университет. Работает с солидными компаниями. С Никитой дочь. Софья, день рождения – 3 ноября 2005 года. Уже почти взрослая.

«Акции он Громову продал, представляешь? Не ей, она ни при чем. Разве что спит с обоими и нашего облапошила... Но бред же, Валь! Я не знаю, чего она хочет! Я впервые в жизни не знаю, чего хочет человек, с которым приходится иметь дело».

«А я уверена, что она при чем! Еще как при чем! Она появилась – и Илья снова слетел с катушек», - зло выкрикнула Валентина Павловна и следующим утром ехала к сыну с твердым намерением поговорить, выяснить и раскрыть ему глаза.

- Где он? – спросила она у Василисы, открывшей ей дверь.

- В кабинете, Валентина Павловна, - растерянно ответила Василиса, растеряв слова приветствия.

Туда и влетела Макарова, жалобно выдохнув:

- Илья! Ну почему снова она?!

Макаров поднял глаза от экрана ноутбука, за которым проводил последние сутки, систематизируя в папках информацию по «Sky Tower» и скидывая актуальное на флешку,

чтобы передать ее Юре Тё – через Мышь. То, что мать близка к истерике видно было невооруженным взглядом. Он быстро кивнул на диван и коротко спросил:

- Чаю твоего любимого заварить?

- Не надо, Илья, пожалуйста. После всего – не надо отговариваться от меня чаем.

Несколько мгновений он рассматривал лицо Валентины Павловны, потом тяжело вздохнул, признавая тот факт, что она – знает. А еще он двенадцать лет признавал вину перед ней за то, что она была человеком, который вынимал его из петли. Наверное, потому и пытался все это время делать так, чтобы это оказалось не зря. Не получилось. Не вышло.

Макаров встал из-за стола, обошел его, присел на столешницу напротив матери и тихо сказал:

- Я ее люблю.

Она отпрянула от него и присела на диван. Сделала глубокий вдох.

- Я знаю. Знаю! Но она этим пользуется. Неужели ты этого не понимаешь?!

- Все люди пользуются друг другом. Поверь, здесь не так, как кажется.

- Кажется? Да можно и без «кажется». Ты ведь знаешь, чья она жена?

- Знаю.

- И то, что дочь у них – знаешь.

- Мама, я был у них дома во Вроцлаве. Вряд ли ты можешь открыть мне что-то новое.

- Могу! Она гуляла от тебя уже тогда! С ним, с Никитой.

Улыбка тронула его губы. Невзрачная, усталая. Он снял очки, кинул их на стол и медленно сказал:

- Мотив знакомый, песня старая. Смени пластинку. Она не гуляла.

- И именно поэтому она вышла замуж за отца своего ребенка. Ты знаешь, когда родилась их дочь? Последний дурак, не разбирающийся в биологии, способен будет посчитать! – выдала Валентина Павловна свой аргумент, мучивший ее всю ночь.

- Я понятия не имею, когда родилась Сонька! Меня в известность не поставили, уж прости. Более того, Логинов сообщил, что мое участие в жизни племянницы крайне нежелательно.

- Я тебя поставлю в известность. Может быть, ты сможешь, наконец, мыслить здраво. Эта девочка родилась третьего ноября! Третьего! Ты понимаешь?!

Его взгляд быстро метнулся к материнскому лицу. В груди заворочалось что-то малоприятное. Гаденькое, противное.

- Какого года? – тупо спросил он враз пересохшими губами.

- А как ты думаешь? Пока мы возвращали тебя к жизни в Мюнхене, они счастливо ждали пополнения в своей семье!

Илья сглотнул, чувствуя, как ком прокатывается вниз по горлу и застревает где-то под кадыком. «Гадеуш Ахатинский!» - провозгласила в его голове Соня. И он медленно закрыл глаза, понимая, что земля из-под ног уходит. Никогда в жизни еще он не чувствовал себя настолько беспомощным. Из черноты перед глазами чертовым образом всплывали даты и дни. Как страницы в газетах. Бесконечные заголовки. Черно-белые, цветные, яркие, бросающиеся в глаза.

Третье ноября.

Третье ноября, когда он пытался жить в Мюнхене.

- Она забеременела в феврале, - проговорил он с усилием, понимая, что это сейчас он сам посчитал – и не заметил, как и когда считал.

- Вот именно, – устало, совсем серо подтвердила мать.

- Она забеременела, когда мы жили с ней, мама.

- Ты, наконец, понял?

Он встал, отвернулся от нее, придвигая к себе графин с водой. Наполнил два стакана. Из одного отпил сам. Вторым поднес Валентине Павловне и проговорил, пытаясь заглушить собственное сердце, гулко ухающее в груди:

- Я, наконец, понял.

- Илюшенька, - пробормотала мать. Стакан не взяла, смотрела ему в лицо. – Оставь ее, пусть живет, как знает. Без тебя. О ней есть кому позаботиться.

Он издал короткий смешок, отставил стакан и неожиданно грозно выдал:

- Ты, вроде, умная женщина, мама. Могла бы хоть немного подумать. Все, мне пора.

Он развернулся к столу, захлопнул крышку ноутбука и подхватил ключи от машины, висевшие на вертушке.

- Илья! – все, что успела крикнуть ему вслед Валентина Павловна.

Но было поздно. Все на свете поздно. Илья не оглядывался. Потому что тоже чувствовал себя идиотом, который мог бы хоть немного подумать.

По трассе гнал, как сумасшедший, словно собственный гнев толкал его в спину.

Она была беременна!

Убегая в ту проклятую февральскую ночь под молчаливыми фонарями, она была беременна!

Из города уезжала, когда была беременна!

И в аварию попала, когда была беременна!

И в Польше оказалась, когда была беременна.

А он все это время пытался снова жить, тогда как жизнь казалась ему оконченной. Из той бездны, в которую он заглянул, не было сил выбраться. И что там выбраться? Взгляд отвести сложно!

Оказывается, она могла бы вытащить его, если бы захотела. Она могла бы дать ему шанс. Вернуть в жизнь. Подарить надежду.

Но ничего этого не сделала.

Она находилась в чужой стране, и все это время у нее была Соня! У него же ничего не осталось. И он не мог не думать: а теперь, сегодня, не меньше ли, чем тогда?

Это страшно – осознавать ненависть женщины, без которой задыхаешься. Еще страшнее – сознавать, что она не дала тебе быть отцом собственной дочери. Ненависть может дать искру любви. Но есть вещи, которые не забываются, потому что они навсегда.

Соня, называющая его «дядей Ильей», это навсегда.

Макаров вздрогнул, и, кажется, рванул еще быстрее по влажному после дождя асфальту, параллельно потянувшись к радио, будто бы оно могло заглушить мысли в его голове – бушующие, мучительные, страшные.

Глядя ей в лицо, он хотел спросить, как это – жить, зная, что на свете есть другой человек, с которым связана навсегда? И ничего с этой связью уже не поделаешь. Она есть. Смотрит огромными глазами и называет улитку дурацким именем Тадеуш.

Чем Тадеуш лучше Францевича?

- Да ничем! – рыкнул Макаров себе под нос.

Как бы ни пыталась вымарать, выкорчевать, как бы ни рубила нити между ними – есть эта девочка, которую она не может не любить, и которую она не позволила любить ему.

И это хуже игры.

Потому что вся их игра – это ее боль, которую она выплескивала на него.

Но Соня – это уже ее предательство.

Для них обоих.

Где эта чертова линия, которую они переступили? В каком месте она начиналась?

Илья любил Альку. Алька любила Илью. Илья обидел ее. Алька ему отомстила. Как просто. Проще не бывает.

В себя он пришел от визга колес, едва соображая, что машину повело.

Этот единственный звук вырвал его из дикого водоворота боли и гнева. Макаров отчаянно, до боли в побелевших пальцах, вцепился в руль, пытаясь совладать с автомобилем, который никогда его не подводил. И понимал, что подвел себя сам.

Он самого себя подвел.

И Альку.

И Соньку.

И куда как проще врезаться в какой-нибудь столб у дороги – вон их сколько.

Потом, позднее, он стоял на обочине и слушал в наступившей тишине, как дождь стучит по металлу и стеклам. И грудь спирало от желания орать, что есть мочи. Выть. Ехать к ней, встряхнуть хорошенько и привязать к себе – навсегда. Чтобы не вырвалась. До тех пор, пока она не расхочет вырываться.

Потому что любил ее. Потому что никого и никогда больше не любил. И вряд ли когда полюбит.

Как бы она пришла? Как бы приехала? «Привет, дорогой, у нас будет ребенок!»

После всего, что он с ней сделал?

До Всеволожска Макаров доехал еще через полчаса. Добрался до дома. Припарковался во дворе, под старыми вязами. Торопливо вышел и вдруг понял, что не поднимется. Зачем ему подниматься? Снова причинять ей боль? Ей ведь больно. Ей бесконечно больно, иначе не была бы так сильно.

Уставившись на ее окна, он достал из кармана пачку сигарет. И долго крутил ее в руках, понимая, что от капель дождя та промокнет. И почему-то казалось, что ему снова двадцать один год, и он приехал на заправку, где у Альки ночная смена, чтобы побыть с нею в эту ночь. И что у них впереди вся жизнь.

Он видел, как в ее окне колыхнулась штора.

Алиса теперь часто подходила к окну. И могла подолгу смотреть во двор, зная наизусть каждую мелочь – в нем, кажется, и не изменилось ничего, пока ее не было. И сейчас она замерла у окна, видела подъехавший к подъезду BMW, видела Макарова. Он стоял под дождем, вглядываясь в ее окна – кажется, целую вечности, потом сел обратно в машину, но не уехал. Не уезжал. Не хотел уезжать.

Алиса тоже не двигалась с места, пока не почувствовала сильнейшую усталость. И желание плакать от безысходности тупика, в который сама себя загнала. Впервые за столько лет ей хотелось снова плакать.

Она потушила свет и легла на диване, свернувшись под пледом, как устраивалась в детстве у ног матери. В пустой темноте вместо слез в ней рождалось понимание, каким будет ее последний ход в их затянувшейся на долгие годы игре, в которой она давно проиграла.

- Хорошо, Валентина Павловна, я приду. До встречи, - печально сказала Нина и отключилась.

Конечно же, идти не хотелось. Ничего эта встреча не даст. Да и все прочие встречи... Они доставляли ей лишь дополнительные проблемы и головную боль.

Веник, который неожиданно решил, что хочет принимать в жизни «Sky Tower» самое непосредственное участие, что означало его бурную деятельность внутри компании, а не сбор урожая в виде получения дивидендов. Теперь он с завидной регулярностью встречался с Ниной, чем доводил ее до бешенства. Оказывается, старые хвосты, как и старые долги, имеют свойство иногда вырастать заново едва ли не в бóльших размерах.

У обоих ее любовников, как только она сообщила о своей новости, резко проснулись отцовские чувства, к ее огромному удивлению. Должны были бы броситься врассыпную, а ничего подобного. Они настаивали на встречах, а один додумался устроить дежурство у дома. Нина была вынуждена охладить их пыл и сообщила каждому, что отцом ее ребенка является другой. Оказывается, когда рубишь ты, а не тебя, мир выглядит иначе, будто бы переворачивается вверх ногами.

Но самым неожиданным оказалось осознание того, что Макаров, выйти замуж за которого было самой прекрасной мечтой в течение многих лет, ничуть ей не нужен. Собственно, она даже не заметила, когда ее влюбленность стала привычкой. И теперь не знала, что бы делала с таким счастьем, выпавшим на ее долю, - целый Макаров со своей одержимостью. Оказывается, усталость от любви – самая сильная форма усталости.

Она поняла это в то мгновение, когда они в последний раз говорили по телефону. Ей он скидывал свои короткие сообщения и наработки по прежним проектам. Тё с ним не общался. Не признавал и не прощал предательств. И его принципиальность накаляла даже Нину.

Илья сказал тогда одну простую фразу: «Я подумал, что буду все же по вам, оболтусам, скучать». А она в это мгновение поняла, что по нему не скучала. И не скучает. И не станет. Теперь уже точно.

Валентина Павловна ожидала ее в ресторанчике напротив офиса «Sky Tower». Сидела за чашкой кофе, как всегда сдержанная и элегантная. Разве что серьги, вдетые в ее уши, совсем не сочетались с кольцом на руке.

- Здравствуй, милая, - проговорила Макарова, вежливо ей улыбаясь.

- Добрый день, Валентина Павловна, - ответила Нина, присаживаясь на стул.

- Как всегда, выглядишь чудесно! Даже еще лучше, чем в прошлый раз.

В прошлый раз они виделись полгода назад. Макаров устроил общую встречу Нового года на новоявленной «вилле». Куда она не взяла ни одного из своих мужиков, зная, что будут его родители.

- Спасибо, вы тоже. Как всегда.

- Да где там! – сокрушенно произнесла Валентина Павловна и подняла на нее уставшие, лихорадочно поблескивавшие глаза. – Не помню, когда спала спокойно в последний раз.

Возможно, не видя этого взгляда, можно было бы усомниться в сказанном. Но, хорошо ее зная, Нина понимала, что Макарова не имеет привычки напускать на себя.

- Она у него ночевала, – без обиняков сообщила Валентина Павловна. – Один раз точно... Ты знала?

- Откуда я могу о таком знать?

- Я понимаю... он не делится с тобой, но... Нина, господи, как так может быть? Вы

двенадцать лет ходили вокруг да около, а она снова с ним! Сколько времени прошло с Польши? Месяц? А у него еще сильнее, чем тогда! О чем он думает? Ты о чем думаешь?

- О себе, Валентина Павловна. О себе и собственной жизни. Что можно поделать, если я для негомышь обыкновенная?

- Ты столько лет возле него! Да я бы на твоём месте в лепешку расшиблась, но была бы рядом, приручила бы! А вы оба кочевали по чужим постелям! Я надеялась на тебя, Нина!

Валентина Павловна, взяла салфетку и стала вытирать ею руки, постепенно разрывая ту в клочья.

- А я не стала расшибаться в лепешку, - негромко возмутилась Нина. – Предпочитаю пожить. Лучше в чужих постелях, чем никак!

Макарова замерла и едва слышно всхлипнула. Лихорадочный взгляд ее глаз потух.

- Прости, - выдавила она из себя. – Я не хотела... Я дышать боюсь, он же ничего слышать не хочет...

- Можно подумать, он хоть когда-то хотел слышать...

- Знаешь, что он сказал? – перегнувшись через стол, зашептала Валентина Павловна. – Он сказал, что любит ее. Он всю жизнь любит ее, понимаешь? Как такое может быть? После того, что она с ним сделала? Ведь эта дрянь... никогда ничего просто так не делает. Сначала Илья, потом Никита, теперь снова Илья... Ты же помнишь... Господи, ну почему она не отстанет от нас, а?

- Может, потому что вы слишком сильно этого хотите? То, чего хочешь сильнее всего, никогда не сбывается. Не замечали?

- А ты безжалостная, Нин... Все, чего я хочу, это чтобы мой сын был счастлив! А он разучился с той минуты, как увидел ее!

- Простите, Валентина Павловна. Но наш с вами разговор бесполезен. Вы и сами это прекрасно знаете. Илья в любом случае будет делать только то, что пожелает сам. Ни вы, ни, тем более, я никак на него не повлияем.

- А на нее? На нее можно как-то повлиять? Если бы она только уехала, чтобы ее не было!

Нина удивленно посмотрела на Макарову и спросила:

- Вы думаете, ее отъезд решит вашу проблему?

- Я не знаю, что может решить нашу проблему! – отчаянно воскликнула Валентина Павловна, и на них обернулась парочка за соседним столиком. – Я не знаю, чего она хочет! Я не понимаю, как жить! На пороховой бочке?

- Вот у нее и узнайте, чего она хочет.

Двенадцать лет назад Макарова уже говорила с Алисой Куликовской. Тогда сделать это было несоизмеримо проще. Когда перед тобой неоперившийся воробушек, который не знает, как себя вести, все проще. А сейчас, спустя столько времени... «По-польски разговаривает, представляете?»

Макарова потрянула головой, отчего ее идеально уложенные волосы чуть подпрыгнули.

- Какая она сейчас? – медленно произнесла Валентина Павловна. – К чему мне готовиться?

Нина помолчала. И сама хотела бы понять, какая она – Алиса Куликовская. Что было в ней такого, что два здоровых мужика становились возле нее непроходимыми тупицами. Но справедливости ради, Нина не знала ее совсем. Раньше сблизиться с ней не позволила ревность, сейчас – обида на Макарова, что выбрал другую. Выбрал навсегда.

- Обыкновенная, - наконец, сказала Нина.

- Видимо, не очень обыкновенная, - грустно усмехнулась Валентина Павловна, потянувшись за сумочкой, - ты обедать будешь? Мне, наверное, ехать пора, прости...

- Поезжайте, конечно, Валентина Павловна. До свидания.

- До свидания, Нин.

Оставив на столике деньги за кофе, Макарова поднялась и твердой уверенной походкой направилась к выходу. Выглядела спокойной. Хотя и на сотую долю не испытывала тех уверенности и спокойствия, что излучала. Но в этом была вся она.

Адрес Алисы Куликовской узнал для нее муж. Вопреки собственным угрозам забыть о существовании сына, он не мог оставаться в стороне. И ему тоже было больно. Это он когда-то тащил через границу дурацкого кота с драным ухом. И это он теперь отчаянно метался между акционерами «Sky Tower», желая хоть как-то смягчить урон и вернуть влияние. Потому что то было дело его сына. Потому что его сын жил этим десять лет.

Они не знали, чем объяснить его поступки, но теперь понимали оба – раскается. Обязательно раскается. А значит, захочет вернуться, даже если так никогда и не попросит.

«Но разговаривать с ней будешь сама», - сурово поджимая губы, говорил он, отдавая ей всеволожский адрес и номер телефона.

«Я тебя и не прошу», - отвечала Валентина Павловна, не имея представления, что хочет сказать. И что хотела бы услышать.

Но иногда приходится возвращаться к прошлому, иначе настоящее причиняет слишком сильные потрясения.

В этот раз она просто вызвала такси. Нервы сдавали, за руль садиться не рисковала. Потому что не знала, как ей потом ехать обратно.

Когда звонила в дверь, чувствовала ухающее в горле сердце. И в ужасе думала, что все в этой жизни обречено повторяться.

- А я все гадала, появитесь вы или нет, - вместо приветствия сказала Алиса, когда, открыв дверь, увидела на пороге Валентину Павловну.

Та встrepенулась. Взгляд ее заметался по Алисиному лицу, прическе, фигуре. Потом остановился. Остановилась, замерла и она, будто боялась дышать. И не выдержала, позволила своей боли и своей ненависти захватить себя целиком.

- И к чему склонялась? – с усмешкой на губах и странным вызовом, совсем ей несвойственным, спросила она.

- Не определилась, - пожала плечами Алиса и отошла в сторону. – Проходите, Валентина Павловна.

- Какая честь, - хмыкнула Макарова, а, оказавшись в квартире, уточнила: - У вас разуваться?

- Тапочек нет.

- Какое упущение!

Все-таки скинув туфли и продемонстрировав идеальный педикюр, Валентина Павловна прошлепала в гостиную. Не присела, оглянулась по сторонам. Будто бы ожидала увидеть где-то здесь собственного сына. Но в квартире было тихо и пусто.

- Зачем вы вернулись? – глянув на Алису, выпалила она.

- Работать. У меня заказ от «Sky Tower» на проект ТРЦ, - пояснила Алиса.

- Вы могли отказаться! Почему вы не отказались?

- Отказ от этого заказа означал неполучение многих других в будущем. Меня это не

устраивало.

- То есть не интерес к Илье, а интерес материальный? – приподняла бровь Макарова.

- Зачем вы пришли? – ответила Алиса вопросом на вопрос.

- Посмотреть на тебя пришла! – выпалила Валентина Павловна. – С воскрешением чудесным поздравить!

- Спасибо. Может, присядете? Кофе могу сделать.

- Какой еще кофе! Твой муж в курсе, что ты с Ильей спишь?

Алиса усмехнулась, устроилась сама на диване, негромко сказала:

- Позвольте хотя бы с собственным мужем разобраться без вас.

- Да разбирайся, с кем хочешь! – окончательно взорвалась Валентина Павловна и подлетела к ней, склонившись над диваном. – Не трогай Илью, слышишь! Чего тебе в жизни не хватает? Есть же все! Семья, дочь, работа! А у него – нет. У него совсем ничего нет, кроме тебя. Всю жизнь только ты! Я тогда еще ему говорила, а он не слушал!

- А вы никогда не думали, что было бы, если бы вы ни ему, ни мне ничего не говорили? – Алиса устало посмотрела на Макарову.

Думала ли она? Думала ли? Двенадцать лет думала. Сильнее всего тогда, когда Илья выбросил из жизни Вику. Потому что понимала, зачем он это сделал. Может быть, единственная, кто понимал. Это было всеобщее помешательство – жизнь Ильи Макарова, которую он изображал для других. Он казался счастливым и спокойным, меняя женщин одну за другой. Но никогда и никого к себе не подпускал.

Чувство вины – сказано слишком громко. Но промолчи она тогда, просто промолчи... может быть, давно бы перебесился. И тогда все пошло бы иначе.

- Тебе этого не понять, - наконец, скрипящим голосом проговорила Валентина Павловна. – Ты изменяла ему тогда. Ты сбежала при первом удобном случае. Ты жила. А дерьмо, оставшееся за тобой, мы по сей день гребем. Что ты вцепилась в него? Что он тебе сделал, что ты мучишь его?

- Это он вам сказал, что я сбежала? – Алиса отлепилась от дивана и приблизила свое лицо к лицу матери Ильи.

- Нет. Он сказал, что ты умерла. Но только ты почему-то живая, при муже и ребенку. Значит, сбежала, воспользовалась случаем. Зачем? Чтобы теперь вернуться?

- Я думала, он знает, что я жива. Я была уверена – он не хочет, чтобы я возвращалась, - тихо говорила Алиса и смотрела мимо Валентины Павловны. – А сейчас... сейчас все вышло случайно. Но так вышло.

- Вышло?! – ее глаза страшно вспыхнули. – Вышло?! Ты слышишь себя, девочка? Мне все равно, что у тебя вышло! Мне все равно, что тогда происходило! Мне не все равно, что из-за тебя я чуть сына не потеряла!

Алиса перевела взгляд на нее, открыла рот, но спросить не решилась. Спрашивать и не надо было. Макарову несло. Она схватила ее за плечи, встряхивала и кричала, глядя ей в лицо:

- У тебя у самой дочь! И не дай бог тебе, слышишь? Не дай бог когда-нибудь тебе вынимать собственного ребенка из петли! Я в последнюю минуту успела, ты понимаешь? Он там... в ванной... на бельевой веревке! Ему минуты оставались. И если бы я не приехала, если бы я случайно не приехала проверить, что с ним, потому что он на звонки не отвечал несколько дней! Тебе никогда не понять! И я не хочу, чтобы ты понимала, потому что это страшно!

Алиса молчала. На такое нечего говорить. Она молчала и позволяла трусить себя, чувствуя, что так же сильно встряхивается от рук Валентины Павловны сердце.

- А сейчас ты явилась снова мучить его! Что ты от него хочешь? Ты и так забрала все! Что тебе еще нужно! – разрыдалась, в конце концов, Макарова и медленно села на диван, выпуская Алису из рук. Ее рот некрасиво кривился, она прижимала к нему ладонь, но та не могла удержать лающих, всхлипывающих звуков, которое издавало горло. – Он тебя любит, - забормотала она, сбиваясь, - привязала к себе... чем ты его привязала? Что ты такое ему дала, что он ни на кого не смотрит больше?..

- Если я уеду – вам станет легче?

Валентина Павловна вздрогнула. И взгляд ее чуть разъяснился.

- Уедешь? Правда уедешь? – она глухо выдохнула – так, что было похоже на стон. - Мы его тогда в Мюнхен увезли, чтобы он забыл тебя... а он не забыл. Оказывается, никогда не забывал... Если ты ничего не можешь дать ему, то хоть от боли избавь. Он тебе не нужен, сама же понимаешь.

- Не нужен... - тупо повторила за ней Алиса. Макаров прав. Двенадцать лет прошло – ничего не меняется. – А вам нужно, чтобы я уехала. Ладно!

- Обещаешь?

- Да.

У Макаровой в горле разом пересохло. Она смотрела на Алису и не верила. Ненавидела ее и не верила. Когда-то эта девочка кричала ей, что будет с Ильей столько, сколько ему будет нужно. И исчезла из его жизни таким страшным способом. Теперь она уходит без борьбы. Почему? Как?

- Спасибо, - севшим голосом проговорила Валентина Павловна и стала оглядываться по комнате в поисках чего-то, за что могла бы зацепиться, чтобы не разрыдаться еще сильнее. Потому что не хотела чувствовать ничего человеческого к этой женщине. Кресло. Старые тюлевые занавески. Допотопный телевизор. Ковер с дурацкими зелеными ромбиками – безвкусная геометрия. Сервант с десятком фотографий. Она снова глянула на Алису и попросила: – Можешь принести мне воды, пожалуйста...

Алиса быстро поднялась и скрылась в коридоре. А Валентина Павловна устало закрыла глаза. На одно мгновение. Собираясь с мыслями. Вывернулась наизнанку, рискуя всем на свете. А что получила в ответ? Откуда это царапающее чувство, что все уже было? Что однажды она уже все испортила! Ведь никогда не чувствовала вины!

Макарова вскочила с дивана, слыша, как на кухне Алиса звенит стаканами и набирает воду. И снова стала озираться вокруг. Не выдержала. Подошла к серванту. Обычный советский сервант с фотографиями. Как у бабушки. История семьи Куликовской. Тоже обычная история. От черно-белого до цветного. И две совсем новые, свежие, цифра. Девочка лет десяти-одиннадцати. Коса светло-русая, челка, закрывающая лоб, глазищи огромные, знакомые, до сумасшествия знакомые. И длинный вытянутый подбородок, делающий ее мордашку немного забавной и ужасно упрямой. К горлу подкатила тошнота, и Валентина Павловна медленно протянула руку к серванту, но так и не дотронулась до него.

- Возьмите, - услышала она рядом.

Алиса протягивала ей стакан.

- Это твоя дочь?

- Это Соня, - кивнула та.

- Соня? – удивилась Валентина Павловна. Будто бы ребенок с этих фотографий не мог

носить обычного нормального имени.

- Она сейчас в Испании, - зачем-то сказала Алиса.

- На море?

- Вообще-то испанский подтягивает, но и море тоже.

Макарова сглотнула, забрала, наконец, стакан из рук Алисы и быстро осушила его. Илья легко осваивал языки, но всегда ленился. Впрочем, английский и немецкий выучил – и то хорошо. Едва удержавшись от того, чтобы это озвучить, она подумала, что начинает сходить с ума.

- Я... домой поеду, - с усилием произнесла Макарова, - прости, что я здесь...

- Вам такси вызвать?

- Нет, не нужно... я сама... Я пройду.

Алиса закрыла за ней дверь и вернулась в комнату. Подошла к фотографиям – ее всегда удивляла мамина привычка устраивать галерею, и сама же ей поддалась, теперь здесь были уже и Сонины фото.

Алиса вспомнила те несколько недель, когда узнала, что беременна. Первой мыслью было найти Илью. Он должен знать, ведь это и его ребенок тоже. Он имеет право, и если он захочет... Только с чего ему захочет? Ему не нужна она сама, так с чего вдруг ему должен понадобится ее ребенок?

Они ему не нужны. Он прекрасно проживет без них.

И пусть живет!

Она уедет – все успокоится. Она успокоится

Чувствуя, как сильно ее знобит и колотит, обхватывала себя руками. Не помогало. Нужно было выпить что-то... Успокаивающее. Обезболивающее. Обездушивающее.

Алиса медленно побрела на кухню. Порылась в ящике над рабочим столом, где мама держала лекарства. В нос ударил сильный запах – вспомнила, что, кроме нашатыря, давно и ничего там нет. И тот лучше бы выбросить. Схватила за голову, ощущая, как спутываются все ее реальности – спутываются или сходятся здесь, в этой точке?

И не выдержала. Взяла телефон и набрала Илью.

- Приезжай завтра, задание есть.

Сном удалось забыться только под утро. Под боком мурчал Францевич, и этот звук – реальный, нормальный, привычный – многократно отдавался в нем самом, заполняя собой действительность. Нужно что-то решать. Нужно что-то делать. Это не он, это кто-то другой сейчас рефлексировать. Макаров так не умеет. Макаров, очертя голову, бросается в самую гущу и побеждает.

Только на сей раз он не нуждался в победах. Он уже очень давно в них не нуждался. Он отчаянно желал отыскать собственную жизнь на развалинах. Ту, в которой у него будет его женщина, его дочь, его дом. Все остальное оказывалось неважным.

Нужно пройти этот странный путь, чтобы однажды прийти к себе.

Беда лишь в том, что он не представляет, как сказать... как вообще можно сказать обо всем, чем он переполнен сейчас, так, чтобы Алисе это тоже стало нужным. Может быть, он ошибается. Может быть, она изменилась так сильно, что надежда для него потеряна. Может быть, сердцевину, ту самую, что еще помнит, он сам когда-то и вынул. А чем теперь заполнена пустота, не знал.

В сон проваливался тяжело, словно падал в яму. Просыпаясь несколько раз подряд. И

каждый раз хватался за телефон, чтобы посмотреть, сколько прошло времени.

Самый продолжительный провал был последним. Проспал около часа. Проснулся в половине седьмого. Встал и поплелся на кухню. Васьки не наблюдалось, видимо, еще не поднялась. Сварил себе кофе. Простой, черный, без сахара и изысков.

Накормил кота сыром, от которого тот дурел и орал на всю округу. Сам свой кофе выглушил быстро, даже не пытаюсь ждать, когда он остынет.

И к девяти парковал машину у Алисиного дома. Предчувствий не имелось никаких. Понимание было – сейчас случится что-то похуже, чем в прошлый раз. Иначе все теряет смысл. С тем и звонил в ее дверь. Снова. Стучите – откроют. Чушь собачья! Если не хотят – никогда не откроют.

Дверь отозвалась на звонок быстро – скрипнула и отворилась. Алиса, в джинсах и рубашке, совсем не домашних, выглядела так, словно знала, когда он приедет. Покрасневшие глаза выдавали скорее бессонную ночь, чем слезы.

- Проходи, - как обычно, сказала она негромко, и голос ее прозвучал устало и глухо.

В углу прихожей стоял громоздкий чемодан. Рядом на стуле валялась небольшая сумка. Забавно, что подобные предметы иногда оказываются приговором.

- Доброе утро, - проговорил Илья, отводя взгляд от угла и возвращаясь к Алисе. – Я не слишком рано?

- Нормально.

Она не смотрела на него. Постояла мгновение на месте и отошла к стулу, взяла сумку и перекинула ее длинный ремень через плечо. От этого ее «нормально» внутри все сжималось.

- Сегодня душно, - зачем-то сказал он, имея единственным желанием – немедленно отобрать эту чертову сумку, бросить на пол, а Алису утащить в комнату и никуда не отпускать.

- Отвези меня в аэропорт.

- Что?

- Отвези меня в аэропорт. Это задание.

- И всё? – глаза его темнели. Болью? Гневом? Разочарованием?

- Всё!

Макаров сглотнул, будто сопротивлялся затягиваемой на шее петле. Это она и делала. Затягивала.

- Ты хочешь, чтобы я тебя отпустил?

- Ну пусть будет так, - она пристально посмотрела на Илью, впечатывая в память его лицо. Пусть ее воспоминания наполнятся, как мамин сервант, его образами – таким, каким он был теперь.

- Мне кажется, ты жульничаешь, Алис.

- Почему ты так решил?

- Лишаешь меня хода.

- У тебя еще есть немного времени, - усмехнулась она.

- Сколько?

- Несколько часов. Для твоей ерунды – более чем достаточно.

Илья криво усмехнулся. Снова глянул на чемоданы. Его ерунда требовала целой вечности. Которой не было.

- То есть можно авансом? – медленно спросил он.

- Да хоть наложенным платежом! – не сдержавшись, выкрикнула она.

- Поцелуй меня.

Алиса рассмеялась и подошла близко к нему. Прижала губы к самому его уху и медленно говорила:

- Я не должна была приезжать, я знаю. Мертвые обязаны оставаться в прошлом. И не мешать жить живым.

Потом оплела его шею руками, быстро скользнула губами по щеке и поцеловала. Нежно и привычно, как если бы целовала его всегда с самого первого поцелуя на виду у каменных львов. Илья притянул ее теснее к себе, обхватил руками тонкое тело, и ладони его скользнули под ее рубашку, касаясь кожи спины. Низко склонился к ней и ощущал, как запотевают очки. И каждое мгновение обрывалась душа в этом их поцелуе. Как он может отпустить ее? Как она может позволить себя отпустить? Они же вдвоем остались – друг у друга. И если бы можно было в поцелуе рассказать о собственной жизни, то он говорил. Лишь бы она только слышала!

Алиса отвернулась от его губ. Несколько мгновений не двигалась, не желая разрывать его объятия. Но обещания надо выполнять.

- Я оставлю тебе ключи от квартиры, - сказала она, отстраняясь. – Все твои бумаги в комнате, на столе.

- Зачем они мне теперь?

- Не знаю, Илья.

- Мы с тобой запутались, верно?

- Отвези меня, пожалуйста, в аэропорт, - упрямо настаивала Алиса.

- Как скажешь, родная, - мягко улыбнулся он и взял ее чемодан.

Пока ехали – не разговаривали. О чем? Лишь урчал мотор да шуршали шины – машины Илья и пронесшихся мимо. Алиса смотрела в окно, ничего не замечая. Она знала, что Илья везет ее в аэропорт, и она должна улететь. Представляла, как сядет в самолет и будет заставлять себя не думать о том, что происходило с ней в Питере. Лучше думать о Соньке – загоревшей и довольной. Дочь – единственное, что есть у нее постоянного и своего. Все остальное – чужое.

Чужой муж, чужая жизнь, чужие поступки.

Без слов вошли в здание аэропорта. Илья катил чемодан, Алиса уверенно шагала рядом. Дошагала до кресел, на которых то тут, то там сидели ожидающие.

- Спасибо, - повернулась она к Илье. – Самолет еще не скоро.

- Я подожду, - ровно ответил он.

- Это долго.

- До регистрации ты от меня не избавишься, Алиса, - отчеканил Макаров.

Она пожала плечами, что-то буркнула неразборчивое себе под нос и уселась, снова надолго замолчав. Илья подкатил к ним чемодан и устроился по соседству. Вытянул руку к ней раскрытой ладонью, будто бы ожидал. Это его ожидание Алиса чувствовала внутри, там, где всегда болело, когда думала о нем. Она отвернулась и стала читать всевозможные вывески. Только чтобы не думать и не чувствовать. И совсем ничего не понимала. Слова проплывали мимо.

Время замерло и не желало смещаться. Оба ждали спасительного отупения, которое никак не наступало. Точно, как и слова, мимо проплывали люди. Они бесконечно что-то говорили, они постоянно что-то говорили, не умолкая ни на минуту. Наверное, это их трагедия – его и ее – жить среди них, видеть их, не нуждаться в них.

Потом ладонь Макарова сжалась в кулак. Медленно переползла на ее колено и снова разжалась. Лицо его больше уже ничего не выражало. И головы к Алисе не поворачивал – но даже этого было не нужно. Напряжение между ними и без того было осязаемо. Между ними никогда в жизни, ни одной ее минуты не было пустоты, сколько бы километров ни разделяло их.

Так они сидели долго. Не выдержав этого напряжения, Алиса вскочила, скинув его руку, и спешно ушла бродить по терминалу. Медленно пила кофе, неторопливо разглядывала витрины, внимательно читала всю информацию, которой делился с пассажирами аэропорт. Потом устала и от своего бесцельного брожения.

- Уезжай, пожалуйста, - попросила она Илью, вернувшись.

Некоторое время он молчал, глядя на нее. Будто бы и, правда, пытался отлепить себя от кресла и исчезнуть. Потом беспомощно проговорил:

- Я не могу.

Она снова села рядом, и снова потянулись бесконечные минуты ожидания. Они приносили с собой злость, желание кричать, успокоение до тех пор, пока снова не появлялась злость. Замкнутый круг, из которого Алиса не видела выхода. Все, на что у нее хватало сил – ждать. Ждать, ждать, ждать, ждать.... Отмечая движение минутной стрелки. Ждать, когда эта пытка закончится.

И тысячу лет она ничему так не радовалась, как объявленной, наконец, регистрации.

Алиса резко поднялась, схватилась за ручку чемодана и посмотрела на Илью.

- Я... я пойду. Мой рейс.

Он вскинулся, будто теперь только осознал, что это конец. Впрочем, так оно и было. Каждую секунду он верил, что она передумает. Не судьба. Встал с кресла, коснулся ее ладони, которой она придерживала свой багаж. Та была мягкой, теплой, чуть дрогнувшей от его прикосновения.

- Можно я иногда буду приезжать к тебе и Соне? – почти не понимая, что несет, проговорил Макаров.

Взгляд ее стал испуганным. Хватила ртом воздух, как когда-то очень давно, в квартире с размытым городом на стене.

- Если хочешь, - хрипло выдохнула она и дернула чемодан.

- Алисаа... - почти простонал Илья и, словно испугавшись того, как дрожит голос, убрал от нее ладонь.

Она ушла. Сосредоточенно топала вперед и глупо прислушивалась, как мягко постукивают колеса ее чемодана. Этот звук заставлял ее идти до конца. До стойки регистрации. Показывать документы, кивать улыбающейся барышне, снова ждать.

Но только она с ужасом осознавала, что ждет вовсе не посадки. Она ждет... все еще ждет слов Ильи. Тех, что он так ей и не сказал. Или сказал, но она не слушала. Она давно перестала его слышать. Отгораживалась от его слов и объяснений. Потому и он перестал говорить. Обо всем, что было важным для него и для них. В своем молчании он позволял ей играть с ним самым жестоким образом, терпел боль, которую она ему причиняла. В то время как она изматывала не только его – но и себя. Будто бы саму себя наказывая. Он молчал, что все понял про Соню. Молчал, о настоящем. Прошрое, только прошрое жило между ними. Прошрое, рождавшее обиду и злость.

Раньше она никогда не хотела мстить. Мечь убивает в человеке человеческое. Делает границы дозволенного размытыми. Не оставляет места любви – только ненависти. Но разве

она, носившая на шее его кольцо двенадцать лет, могла ненавидеть? Ненавидеть человека, который поделился с ней небом? Который и теперь делился им с нею! То, что делал он в ответ на ее удары, это... любовь? Зная, что она пойдет на все, что ни попросит, он хотел только, чтобы она была рядом. А она оставила его там одного из ненависти?

И ее вдруг отпустило. Она резко, всем телом вздрогнула и словно проснулась. Вокруг нее появились люди. Они говорили, смеялись, звонили по телефону, прощаясь.

Илья тоже с ней попрощался. Отпустил ее. Теперь навсегда. Потому что она так хотела. Но разве она этого хотела?!

Она никогда не хотела быть без него. Даже тогда, когда жила с мужем. Да, привычка, да, благодарность, да, осознание неизбежного, но не желание. Илья всегда был с нею. В мыслях, снах, мечтах. Пусть редко, но рядом.

А сейчас он ближе, чем когда бы то ни было. Стоит лишь вернуться! Вернуться к нему, вернуться навсегда, вернуться, чтобы остаться.

Пол был ужасно скользким, даже резиновая подошва обуви не спасала. Она торопилась, поскользнулась, снова обретала равновесие, которого ей так не хватало последние двенадцать лет.

Двери, рамки, где-то там обязательно должно быть такси. Коттеджный поселок на юге Петербурга, где царствует Васька, которая несомненно сообщит Валентине Павловне о ее возвращении. Потому что она вернется, обязательно вернется, в дом, где должна была быть всегда. Она сама когда-то обещала – обещала быть с ним столько, сколько захочет он. И, как он когда-то, не смогла сдержать своего обещания. Сначала – не знала. Потом – не хотела знать. А потом пообещала его матери то, чего выполнять не хотела. Они запутались в собственных обещаниях, забывая о себе.

Все вокруг мелькало и кружилось. В извечном движении этого мира. Только теперь, совсем неожиданно, впервые за это время, она стала частью этого мира и снова могла дышать. Втягивать носом воздух и испытывать наслаждение только оттого, что это стало так легко.

Все на свете стало легко.

Внезапно – даже для самой себя – она резко затормозила, словно что-то удержало ее на месте. И только через мгновение поняла, что именно.

Илья Макаров все еще находился в здании аэропорта. Ровно в том же кресле, где она его оставила. Сидел, уперев локти в колени и обхватив голову. Смотрел вниз, в пол. Руки его были напряжены. И едва ли он замечал в эту минуту хоть что-то вокруг себя.

Алиса медленно подошла к нему и села рядом. И теперь видела, как по его скуле ходил желвак. Несколько бесконечных минут она рассматривала эту скулу, дужку очков, уходившую за ухо, и пальцы, скрывавшие лицо. Заметила редкие седые нити в его светлых волосах. Совсем неприметные в своем цвете, они сливались с другими, словно бы прятались. Может быть, он и сам внимания не обращал никогда. Она увидела. И, чувствуя подступающие – наконец подступающие! – к глазам слезы, целую вечность спустя нерешительно протянула ему руку.

Илья вздрогнул, будто вернулся из собственного небытия. Разогнулся и повернул к ней голову. Мокрые дорожки на ее щеках заставили затаить дыхание.

- Алиса... - прошептал он.

- Я – Алька.

В ответ на ее всхлип его темный взгляд ярко вспыхнул. И, накрепко сплетая их пальцы,

будто бы до судорог цепляясь за жизнь, он отчаянно притянул ее к себе.

Несколько месяцев спустя, Санкт-Петербург

Из всех времен года он любил осень. Наверное, из-за запаха и количества света, поселившегося в листьях. Солнце, которое теперь пряталось в тучах, успело отпечататься в них. Но можно ли выдержать столько солнца и не сорваться в бесшабашный, озорной полет по воздуху, покуда дождями не прильет к земле, что значит верную гибель?

Над подобными категориями он не размышлял. Просто наслаждался этой осенью. Поправка. Северной осенью. Когда один ливень только закончился, а следующий еще не начался. В интервалах город казался ему жужжащим ульем, оживающим на мгновение, прежде чем снова уснуть.

Илья взирал на длинные ряды машин впереди себя, и ему казалось, что вся жизнь – это поспать, пожрать и постоять в пробке на Литейном мосту. Особенно неприятно, когда торопишься. Радио орало голосом неунывающего старика Оззи Осборна, что в какой-то мере сглаживало ожидание. Желтый листок прилип к капоту, а Макаров все думал, когда же его, наконец, сдует. Не сдувало.

Сунулся в карман за сигаретами, понимая, что простоят здесь еще неизвестно сколько времени – он так делал чаще со скуки. Но вот скучать его ареал обитания в последнее время не позволял. Соскучиться можно было разве только по ареалу, но не в нем. Потянулся к бардачку, чтобы достать зажигалку, как вдруг машины впереди тронулись. И Макаров газанул вперед, надеясь проехать хоть с десятков метров. Ему повезло чуть больше – медленно, но они все-таки двигались.

Его цепкий взгляд выхватил ее моментально. В толпе людей на остановке. Кажется, снова начинало накрапывать, зонты стали раскрываться подобно ярким цветам. Девушка была без зонта, но в ярко-зеленом дождевике. В этом необъятном конусе и фигуры не различить. Только вот росточек маленький совсем. Кто-то в детстве мало каши ел. Илья усмехнулся и стал подниматься взглядом от ног в темно-коричневых ботинках без каблуков, видных из-под дождевика, по всему этому пятну лета среди осени, пока не остановился на лице. Почти без следов косметики, взгляд спокойный, золотистый – как весь этот чудесный октябрь. Самый счастливый октябрь в его странной жизни. Она, кажется, всматривалась в поток автомобилей на дороге, будто бы что-то искала. И Макаров снова усмехался. Может быть, очки пора носить не только ему?

Воспользовавшись тем, что машины снова встали, потому что какой-то перец с остановки нахально вклинился в ряд, Макаров резко сманеврировал и вырулил на то место, где до этого стоял перец – прямо перед носом у девушки в ярком дождевике.

Его трюк не остался незамеченным – визг шин сразу привлек внимание, как и девчонка в другом ярком дождевике на остановке – ядовито-лимонном, сейчас испачканном грязью.

- А поаккуратнее нельзя! – крикнула она с легким польским акцентом, заглянув в окошко автомобиля.

- Это ты стоишь возле лужи, я на пешеходную часть не заезжал!

- Тут везде лужи, а крыльев у меня нет!

- Ну, прости, - стусевался Макаров и выскочил из салона под дождь. – Давно мокнете? – участливо спросил он Альку.

- Мы не мокнем, мы в дождевиках.

- Как там «Аврора»?

- Стоит себе. Что железяке делается? – усмехнулась Алиса, быстро стаскивая с Сони полиэтилен и впихивая ее в машину.

- Понравилось? – уточнил Илья.

- Не очень, - ответила девочка и скрылась в салоне.

С ней было немного сложно и неловко. Причем, кажется, не только ему, но и ей самой. Нужно привыкнуть. К хорошему, говорят, привыкаешь быстро.

Илья быстро поцеловал Альку, пока Соня не видела – целоваться при дочери тоже было странно неудобно. Смущалась и Алиса.

- Домой? – спросил он.

- Домой!

Она села возле него, Соня оказалась на заднем сидении. Дождь продолжал лупить по машине, а листок все лежал на капоте. Макаров загадал, что если тот не слетит до самого выезда из города, то утром будет ясно. И они отправятся гулять уже втроем. При всем свойственном ему фатализме он вынужден был признать, что жизнь иногда преподносит совершенно неожиданные сюрпризы. Из радио доносился негромкий голос Гребенщикова. «Мы шли далеко, шли за прекрасными тайнами, шли потому, что иначе нельзя».

И Макаров точно знал, что иначе нельзя. Он глядел на Соню в зеркало заднего вида и понимал, что этот путь ему еще предстоит пройти. Но понимал и то, что отныне идти они будут вместе.

Конец.